

ИСТОРИЯ
ВОЗСОЕДИНЕНИЯ РУСИ

I

Kulish, Panteleimon Stepanovich
II

П. А. КУЛИШЪ

ИСТОРИЯ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ОТЪ НАЧАЛА КОЛОНИЗАЦІИ ОПУСТОШЕННОЙ ТАТАРСКИМЪ ПОГРОМОМЪ КІЕВО-ГАЛИЦКОЙ РУСИ
ДО НАЧАЛА СТОЛѢТНЕЙ КОЗАЦКО-ШЛЯХЕТСКОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

9

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1874

Digitized by Google

DK
508.62
K96
V.1

0900068-230

БЛАГОРОДНОЙ ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА
МИЛЮТИНА

ПОСВЯЩАЕТЪ

КУЛШЕЪ

Но вѣла міра избра Бгъ, да премѣдрыхъ посрамитъ: и немощнаа міра
избра Бгъ, да посрамитъ крѣпкахъ: И худорѣннаа міра и оуничженнаа избра
Бгъ, и не свѣла, да свѣла оупразднитъ.

Но Богъ избралъ безумное міра, дабы посрамить мудрыхъ, и немощ-
ное міра избралъ Богъ, дабы посрамить сильное; И незнатное и уничи-
женное и ничего незначущее избралъ Богъ, дабы разрушить значущее.

Первое посланіе къ Коринѳянамъ, гл. I, ст. 27, 28.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ.

Представляемая, какъ говорится, на судъ публики книга, въ глазахъ автора, есть только набросокъ того, какъ, по его мнѣнію, должна быть написана исторія его родины. Еще недавно онъ былъ далекъ отъ мысли—издавать ее въ настоящемъ видѣ; но, зная, какъ часто наши планы остаются безъ выполненія, рѣшился, вмѣсто достиженія идеала, носимаго въ умѣ, высказать нѣсколько мыслей, на которыхъ, какъ ему кажется, можетъ быть утверждена фабула исторіи южнорусскаго міра, то есть все, что составляетъ внѣшнюю, показную, такъ сказать, анекдотическую часть ея. Если авторъ потерялъ отъ этой рѣшимости что-нибудь изъ удовольствія, какое доставляетъ ему работа, совершающаяся безъ свидѣтелей, то, съ другой стороны, умственное общеніе съ читателями доставитъ ему помощь, безъ которой, можетъ быть, онъ никогда не довелъ бы предпринятаго труда до его окончательной формы.

Да не подумаетъ кто-либо, что это „Предупрежденіе“ имѣетъ цѣлью—защитить книгу отъ строгости специалистовъ. Не только строгая, но и враждебная критика полезна для историка. Вредить историку могутъ однѣ неумѣренныя похвалы со стороны людей, которые развиты меньше самого автора и, въ простотѣ невѣдѣнія своего, восхищаются тѣмъ, что соответственно развитой читатель молча въ немъ осуждаетъ. Ничего нѣтъ опаснѣе для самосовершенствованія историка, какъ попасть на вкусъ большинства и наслаждаться единодушнымъ его удивле-

нiемъ работѣ, которую могутъ оцѣнить по достоинству только немногіе. Съ того момента, въ который праведникъ увѣруетъ въ свою святость, онъ перестаетъ приближаться къ идеалу святости, поставленному передъ нами Евангелiемъ. Съ того момента, въ который историкъ предпочтетъ громкое одобренiе многихъ строгому суду меньшинства, онъ останавливается въ своемъ самосовершенствованiи.

Что касается до предлагаемой книги, то автору, болѣе нежели кому-либо другому, видны неполнота ея объема, эскизность нѣкоторыхъ частей и недостатокъ соразмѣрности между ними. Но въ наукѣ исторiи цѣнятся не столько dokonченность всего труда, сколько проникновенiе въ дѣйствительное положенiе вещей хотя въ нѣкоторыхъ моментахъ изображаемаго времени. Если авторъ „Исторiи Возсоединенiя Руси“ проложилъ хоть какой-нибудь путь къ точному уразумѣнiю, *какъ* было, и *почему* такъ, а не иначе, было то, что его предшественники понимали сбивчиво, — онъ уже не напрасно трудился. Намѣченный, хотя бы и не проложенный, имъ путь къ уразумѣнiю былого заглухнуть не можетъ. Пойдутъ въ томъ же направленiи люди болѣе способные, болѣе свѣдущіе, болѣе энергическіе въ дѣлѣ духовной свободы, алканіе которой выражается умственными работами вообще и историческими трудами въ особенности. Пока тяготѣетъ надъ нами непониманiе нашего прошеднаго, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, до тѣхъ поръ мы не можемъ дѣйствовать свободно (а это значитъ — съ полнымъ самосознанiемъ) въ настоящемъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, лишены будущаго, такъ какъ оно вырабатывается настоящимъ. Пока не выяснится для насъ пройденный уже нами путь, до тѣхъ поръ мы — рабы, лишены самосознанiя (въ чомъ собственно и состоитъ рабство); до тѣхъ поръ мы не вѣдаемъ, что и какъ намъ дѣлать; слѣдовательно, будущность свою оставляемъ устраивать кому-то другому. И вотъ въ этихъ-то

видахъ авторъ предлагаемой книги приносить въ общій складъ свою скромную долю труда, возложеннаго на нашъ вѣкъ и на наше общество. Не жажда „суетной славы“, а жажда духовной свободы заставила его появить свою работу раньше возможной для него доконченности. Можетъ быть, она послужитъ хоть къ тому, что нѣкоторые дѣла, сданныя, по разсмотрѣніи историками, въ архивъ, еще разъ потребуются изъ архива къ пересмотру.

Необходимо сказать слова два и о заглавіи книги. *Возсоединеніе Руси* совершалось, по частямъ, въ короткіе моменты; но то были только результаты предшествовавшей жизни народа, итоги, подведенные къ прежней его дѣятельности. Нельзя приписывать, на примѣръ, дѣяній 1654 года тѣмъ только лицамъ, которыя совершили ихъ. Они, эти лица, были вынуждены совершить ихъ, вынуждены и нравственно, и вещественно; а тѣ сложныя силы, которыя заставили ихъ поступить извѣстнымъ образомъ, развивались въ теченіе долгаго времени и находились въ зависимости отъ множества обстоятельствъ, по видимому, не состоящихъ ни въ какой связи съ актомъ возсоединенія. Поэтому эпоха Богдана Хмельницкаго не достаточна сама по себѣ для того, чтобъ объяснить сліяніе русскаго міра во едино, и о „важномъ значеніи“ Хмельничины напрасно мы будемъ говорить, пока не уяснимъ себѣ этого по преимуществу козацкаго эпизода русской исторіи изученіемъ общаго хода дѣлъ во времена предшествовавшія. Вотъ почему, желая изобразить возсоединеніе Руси, авторъ долженъ былъ представить все, чтò готовило издавна этотъ великій актъ, съ такою полнотою, какая только для него возможна по его научнымъ средствамъ; вотъ почему „Исторія Возсоединенія Руси“ у него—виѣсть съ тѣмъ и исторія края, отъ начала его отдѣльнаго существованія.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ	1
ВВЕДЕНІЕ: Развѣтіе сельскаго хозяйства въ старой Польшѣ. — Стѣсненіе рабочаго класса. — Колонизація пустынныхъ мѣстностей. — Движеніе колонизаціи къ рѣкамъ Днѣпру, Богу, Днѣстру. — Плодородіе новозаселенныхъ земель. — Крупные землевладѣльцы.	15
ГЛАВА I. Появленіе козачества. — Мирныя отношенія славянскихъ кочевниковъ къ монгольскимъ. — Перемѣна въ политической жизни татаръ. — Русскія поселенія отодвинулись передъ ними. — Козаки прикрываютъ колонизацію сторожевыми линіями. — Козаки прикрываютъ рыбный и звѣрный промыслы вооруженными походами на днѣпровскій Низъ. — Козаки въ мѣщанскомъ быту. — Козаки подвигаются своими займищами внизъ по Днѣпру и пытаются основаться за Порогами	31
ГЛАВА II. Основаніе козацкой колоніи за Порогами. — Правительство старается подчинить ее областному управленію. — Окозаченная пограничная шляхта. — Вмѣшательство ея въ молдавскій дѣла. — Общія черты воинственной жизни у русской шляхты и у козаковъ. — Совмѣстныя предпріятія охранителей колонизаціи.	63
ГЛАВА III. Необычайный татарскій набѣгъ и опустошеніе новозаселенныхъ земель. — Ропотъ на козаковъ между поляками. — Вопросъ о войнѣ съ турками и объ уничтоженіи козаковъ. — Отдѣленіе отъ нихъ козаковъ реестровыхъ. — Составные элементы козачества. — Новый походъ въ Молдавію.	84
ГЛАВА IV. Воинственная, или русская часть польскаго общества, какъ защита колонизаціи. — Связи русскихъ пановъ-землевладѣльцевъ съ запорожцами. — Пребываніе владѣльца Злочова за Порогами. — Голодное скитанье по пустынямъ.	

- ГЛАВА V. Экономическій бытъ запорожской колоніи.—Пограничные старосты дѣйствуютъ заодно съ козаками.— Мѣры центральной власти къ подавленію козаковъ.— Экономическая несостоятельность этихъ мѣръ.— Старапія пановъ-колонизаторовъ сдѣлать изъ русскихъ провинцій новую Польшу.— Препятствія въ политическомъ и социальномъ положеніи страны. 130
- ГЛАВА VI. Козацкій самосудъ и распространеніе козацкаго присуду на низшіе слои общества.— Остатки княжескихъ дружинъ въ Украинѣ — конные и путные бояре. — Наплывъ въ Украину польской неосѣдой шляхты и ея роль. — Представители знатныхъ русскихъ фамилій въ составѣ первобытнаго козачества. — Переходъ добровольной ассоціаціи труда въ невольную.— Низовое козачество заслоняетъ королевскія и панскія имѣнія отъ татарскихъ набѣговъ. . . 162
- ГЛАВА VII. Старинные разжигатели международной вражды.— Экономическая реакція шляхты латинскому духовенству. — Легкомысліе шляхты въ дѣлѣ реформаціи. — Невѣжество русскаго духовенства и недоступность его для папы. — Упадокъ русской церкви отъ невѣщества всѣхъ слоевъ общества. — Несостоятельность русскихъ пановъ въ роли патроновъ церкви. — Панскія слова, принимаемая за дѣла.— Одинаковая неспособность польской и русской шляхты къ дѣятельному благочестію 186
- ГЛАВА VIII. Основанія религіозности въ украинскомъ народѣ.— Монастырское проповѣданіе христіанства. — Юридическая замѣна народа одними высшими классами его. — Мѣщанство по отношенію къ церкви. — Магдебургское право и церковныя братства. — Мѣщане берутъ на себя попеченіе о церкви. — Противъ нихъ дѣйствуютъ, посредствомъ шляхты, іезуиты.— Мѣщане ищутъ представителей братствъ между панами.— Испорченная панами іерархія ищетъ въ униі освобожденія отъ инспекціи со стороны церковныхъ братствъ 216
- ГЛАВА IX. Съѣзды православныхъ іерарховъ въ Брестѣ Литовскомъ и соглашеніе устроить церковную унию. — Іезуитская инструкція кіевскому митрополиту. — Пассивная натура русскихъ пановъ и расчетъ на нее іезуитской партіи.— Объявленіе церковной униі и пустой взрывъ негодованія со стороны пановъ. — Характеристика русскаго магната въ лицѣ богатѣйшаго изъ нихъ.— Неоправдавшіяся надежды сочинителей униі. 251

- ГЛАВА X. Заслуга польской конституціи передъ просвѣщеніемъ Руси. — Аскетическое начало въ поддержаніи падающей церкви. — Защита церковнославянскаго языка. — Монашество, какъ связь между народомъ и церковію. — Изображеніе панскаго элемента передъ народомъ, съ монастырской точки зрѣнія. — Нравственная поддержка мѣщанства, въ качествѣ церковныхъ братчиковъ. — Защита монашества отъ осмѣяній и хулы. — Значеніе Аѳонской горы въ исторіи русской церкви. — Обличеніе унитскихъ іерарховъ. — Оправданіе распоряженій цареградскаго патріарха. — Сопоставленіе наизма съ православіемъ. . . . 283
- Приложенія. Записанныя отъ народныхъ кобзарей думы, изображающія страданія христіанскихъ плѣнниковъ у мусульманъ, бѣгство ихъ изъ турецкой неволи, единоборство козака съ татаринномъ, козацкіе походы на Черное море 321

ОПЕЧАТКИ.

Авторъ просить: на стр.	2,	въ строкѣ	17,	читать: мира,	а не <i>мира</i> .
„	3	„	20	„	это, а не <i>его</i> .
„	37	„	4	„	входы, а не <i>уходы</i> .
„	53	„	49	„	<i>Rada</i> , а не <i>Tada</i> .
„	58	„	7	„	1568, а не 1508.
„	81	„	23	„	двѣ, а не <i>всѣ</i> .
„	94	„	3	„	держали, а не <i>содержали</i> .
„	112	„	10	„	повѣтъ, а не <i>уздѣ</i> .
„	119	„	20	„	<i>Trasciey</i> , а не <i>Franciey</i> .
„	143	„	24	„	<i>des</i> , а не <i>von</i> .
„	172	„	13	„	панами, а не <i>попами</i> .
„	173	„	15	„	въ своей, а не <i>къ своей</i> .
„	175	„	19	„	<i>O viros</i> , а не <i>O vivos</i> .
„	176	„	6	„	пользовались, а не <i>восполь-</i> <i>зовались</i> .
„	177	„	27	„	<i>sartius</i> , а не <i>sartinus</i> .
„	230	„	34	„	<i>Xięstwie</i> , а не <i>Xięty</i> .
„	231	„	28	„	поставленіи, а не <i>постанов-</i> <i>леніи</i> .
„	290	„	31	„	Археографическою, а не <i>Археологическою</i> .

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Есть нѣчто оправдательное въ торжествѣ даже и грубой силы надъ безсиліемъ ея противниковъ, если это торжество идетъ прогрессивно и не измѣняетъ своему характеру въ теченіе дѣлаго ряда столѣтій. Зрѣлище природы, въ самыхъ грандіозныхъ и въ самыхъ малыхъ ея размѣрахъ, успокаиваетъ наше чувство, возмущающееся противъ этой мысли, которая на каждомъ шагѣ сказывается намъ въ живыхъ примѣрахъ. Такое оправдывающееся свою послѣдовательностію торжество представляетъ Русь относительно Польши. Первая имѣетъ въ своей исторіи много антипатичнаго для ума, питаемаго новыми человѣчными идеями; вторая, напротивъ, въ исторической жизни своей, часто плѣняетъ умъ нашъ своими дѣяніями. Обращеніе русскихъ людей въ католичество, а тѣмъ самымъ и въ польскую національность, едва ли слѣдуетъ объяснять одними матеріальными выгодами, родственными и другими связями, принужденіемъ и соблазнами, которые весьма искусно устраивали для нихъ ревнители папизма. Перечитывая историческіе памятники польскаго былого, русскій чело-вѣкъ нашего времени, — по крайней мѣрѣ такой, какъ пишущій эти строки, — не разъ пожалѣлъ, почему ему не было дано родиться полявомъ въ такой-то періодъ времени, чтобы вмѣстѣ съ поляками насладиться тогдашней, плѣнительной издаль, жизнью. Само собою разумѣется, что одной минуты самоуглубленія достаточно для разсѣянія этой иллюзіи. Но не такъ легко та же иллю-

зія разсѣвдалась во времена оны. Польша увлекла вслѣдъ за собою цвѣтъ русской молодежи, увлекла въ свою національность лучшіе, если не всѣ, таланты русскіе и, при ихъ свѣжемъ содѣйствіи, прославила имя польское въ войнѣ, во внѣшней и внутренней политикѣ, наконецъ и въ самой литературѣ. Остались на древнемъ русскомъ займищѣ — или закоренѣлые въ отеческихъ преданіяхъ, такъ сказать, фанатики-старовѣры, или люди, неспособные увлекаться лучшимъ посреди своего худшаго, или, наконецъ, мало размышляющая масса народа, исправлявшаго низшую службу житейскую. Что въ этой массѣ не было мѣста высокимъ общественнымъ добродѣтелямъ, въ томъ согласится каждый, кто изучилъ въ Украинѣ хоть одно село, наполненное такъ называемыми панками, полупанками и мужиками. Что тутъ порывы къ захвату и насилію регулировались однимъ отпоромъ, это ясно для каждаго, кто занимался скотоводствомъ: ибо низшія существа приводятъ насъ своею жизнью къ уразумѣнію высшихъ гораздо больше, нежели наоборотъ. Просвѣтительное слово любви и міра, обходящее, вотъ уже скоро два тысячелѣтія, моря и земли, понималось туго, превратно и, при отсутствіи культуры, не оказывало того дѣйствія на жизнь, какое оказываетъ оно такъ очевидно, на примѣръ, въ культурно развитомъ семействѣ, когда исходитъ изъ разумныхъ устъ отца и матери. Коротко сказать: картина жизни была немного развѣ отраднѣе той, какую представляетъ міръ зоологическій. Но этотъ безотрадный составъ южнорусскаго общества заключалъ въ своей, такъ сказать, сути то самое относительно будущаго, что заключаетъ въ себѣ жолудь по отношенію къ великанскому дубу, исключающему менѣе сильныя древесныя породы и дающему подъ широкою сѣнью своею пріютъ лишь низкорослымъ. Какъ ни мало либеральнаго въ этомъ возрѣніи, но, смиряясь передъ силою вещей въ мірозданіи, невольно соглашаешься съ мнѣніемъ англійскаго экономиста: что вообще о людяхъ слѣдуетъ судить по тому, въ чомъ они успѣли, а не

по тому, въ чомъ они потерпѣли неудачу. Судъ a posteriori—безпощадный судъ, и эту безпощадность приходится историку при-
мѣнять къ падшей Польшѣ, какъ бы ни льнули къ ней его гу-
манная симпатіи. Для насъ, русскихъ людей, тѣмъ затруднитель-
нѣе строгое осужденіе польскаго прошедшаго, что политическая
система польская поглотила такъ много нашихъ предковъ, и при-
томъ такихъ, которыми всего болѣе могли бы мы гордиться. Точно
какъ-бы торжествуя надъ паденіемъ нашихъ напастниковъ (а это
запрещалъ человѣческой душѣ уже и Гомеръ), мы постоянно
отдаемъ предпочтеніе тому, что дѣлали русскіе, передъ тѣмъ, что
дѣлали поляки. Но это на судъ исторіи дѣлается не по иному
чувству, какъ по сознанію праведности жизненнаго начала. Срав-
нительно съ началомъ не столь жизненнымъ, — конечно въ
области духа, а не матеріи; въ области идеи, а не формы. Наста-
нетъ время и для суда надъ судящими; они въ свою очередь
уступятъ мѣсто болѣе жизненному элементу въ развитіи чело-
вѣчества, и ошибки въ ихъ убѣжденіяхъ обнаружатся тогда
передъ всѣми; но для нашихъ современниковъ мы обязаны выска-
зывать наше нынѣшнее мнѣніе о быломъ польско-русскомъ
прямодушно, даже и подъ опасеніемъ, что его примутъ за грубость
торжествующей силы.

Въ тѣ времена, съ которыхъ начинаются историческія поль-
скія и русскія преданія, коренные жители Польши и Руси называ-
лись различными именами, по различнымъ родамъ, общинамъ
или племенамъ, къ которымъ принадлежали, но по языку всѣ они
были славяне. Языкъ древнихъ славянъ не имѣлъ рѣзкихъ об-
ластныхъ отличій: эти отличія выработались впоследствии. Вѣро-
ванія у славянъ были одинаковы, доисторическія преданія — во

многомъ сходны; бытовые и судные обычаи, установившіеся въ незапамятную старину, распространены еще и въ настоящее время по Славянщинѣ всюду, а все это вмѣстѣ заставляетъ предполагать, что раздѣленное на различные племена населеніе великой польско-русской равнины говорило, вѣровало и управлялось — или одинаково, или съ небольшими мѣстными особенностями.

Когда князья *русь* или, какъ ихъ иначе называютъ, варяго-русы, были призваны новгородцами и ихъ сосѣдями для поддержанія обычнаго у нихъ порядка ¹⁾, Русью, или русскою землею, сперва назывались только тѣ области, которыя ввѣрили имъ у себя верховный судъ и защиту отъ другихъ полувочевыхъ племенъ. Когда же эти князья взяли подъ свою власть поднѣпровскія и другія славянскія области, когда и въ этихъ областяхъ установили они тотъ же порядокъ, который поддержали на сѣверѣ, тогда вся земля, подвластная князьямъ, называвшимся русью, сохраняя свои областныя имена, называлась русскою землею, и смыслъ этого названія былъ не столько тотъ, что русь княжила и владѣла ею, сколько тотъ, что русь охраняла въ этой землѣ установившіеся обычаи и порядокъ ²⁾. Когда же наконецъ Владимиръ Кіевскій присоединилъ къ своимъ владѣніямъ отъ Польши такъ называемые червенскіе города, то есть южныя земли до Карпатъ и до рѣки Сана, а къ западу потѣснилъ ляховъ за рѣку Бугъ, — Русью стали называться и тѣ области, которыя прежде находились подъ властью ляховъ. Еслибы князь Владимиръ овладѣлъ

¹⁾ Мы выражаемся объ этомъ фактѣ такъ, какъ говорятъ: „солнце восходитъ; солнце заходитъ“, хотя каждому извѣстно, что это дѣлаетъ не солнце, а земля. Были ли призваны варяги-русь дѣйствительно, и откуда они пришли, это, послѣ ученыхъ споровъ о варягахъ, сдѣлалось для насъ еще болѣе темнымъ вопросомъ, нежели въ доброе карамзинское время.

²⁾ Такъ Новгородъ съ его владѣніями, послѣ перехода изъ него князей на югъ въ землю Кіевскую, оставаясь вполнѣ свободнымъ въ выборѣ себѣ то одного, то другого русскаго князя, назывался тѣмъ не менѣ русскою землею, подобно областямъ, находившимся въ несравненно большей зависимости отъ кіевскаго великаго князя и князей удѣльныхъ.

всѣмъ прострацствомъ до Вислы или даже до Одера, — все это была бы Русь, въ смыслѣ подчиненности князьямъ, которымъ присвоено было это имя при появленіи ихъ среди сѣверной Славящины.

Первобытныя названія славянскихъ племенъ, подъ властію русскихъ князей, переставали означать полную отдѣльность одного племени отъ другого и начали употребляться только въ смыслѣ отличія ихъ мѣстности, обычая и нарѣчія. Сохраняя свое областное самоуправленіе, эти племена въ то же время признавали надъ собою верховный судъ русскаго князя, платили ему дань на содержаніе военной дружины и помогали ему въ войнѣ собственными ополченіями. Сколько бы славянскихъ племенъ ни вошло такимъ образомъ въ кругъ княжеской власти, или, какъ говорилось на Украинѣ послѣ, подъ его присудъ, — всѣ они, не переставая называться прежними именами, напримѣръ: бужанами, мазовшанами, кувялянами, назывались бы русью или русскимъ народомъ, такъ точно, какъ, на примѣръ, это произошло съ жителями правой стороны рѣки Сана, которые до Владимира, такъ же какъ и славяне, жившіе за Саномъ, были извѣстны подъ именемъ бѣлыхъ хорватовъ, а со временъ Владимира начали называться русью.

Но въ названіи Русь выразилась не одна та мысль, что такіе-то области такъ или иначе принадлежали, въ такой или иной степени повиновались князьямъ русскаго рода. До прихода этихъ князей въ Кіевъ, подиѣпровскія области платили дань волжскимъ Коварамъ; до похода князя Владимира на ляховъ (въ 981 году), такъ называемые червенскіе города съ Черемышлемъ были подвластны ляхамъ; имъ же принадлежали и люблинскія земли до временъ галицкаго князя Данила. Но эти земли не усвоили себѣ названія Коварин или Ляхин, напротивъ, сохранили за собою русское имя и послѣ того, какъ ляхи, при королѣ Казимирѣ IV, опять захватили ихъ подъ свою власть.

Совсѣмъ иное явленіе представляетъ имя польское. Нынѣшніе польскіе историки не могутъ даже указать, какия именно земли и съ котораго времени назывались Польшею, а старинные польскіе лѣтописцы смутно вспоминаютъ о полянахъ, жившихъ за Вислою, и называютъ ихъ то поляками, то ляхами. Русскіе люди искони знали только *ляховъ*; о полякахъ же въ старину не было и рѣчи. Даже въ подвластныхъ польскимъ королямъ областяхъ, на примѣръ въ землѣ Люблинской, завислянскихъ жителей называли туземцы не иначе, какъ ляхами, а русскія лѣтописи XIII столѣтія, говоря о походахъ князей на ляховъ, подъ именемъ *мядской* земли разумѣли только области по ту сторону Вислы. Имена: *Польша*, *Польскій край*, *Польскій народъ*, введены въ употребленіе государственными людьми позднѣйшаго времени и распространены ими по обѣимъ сторонамъ Вислы искусственно. Эти имена были любимы панами и шляхтою, но простой народъ не дорожилъ ими, а во многихъ польскихъ областяхъ и не употреблялъ ихъ — до тѣхъ поръ, пока шляхта не уразумѣла наконецъ, что для нея невыгодно и опасно присвоивать одной себѣ имя польскаго народа. Тогда-то начала она всячески внушать простолюдинамъ, что они такіе же поляки, какъ и помѣщики, что слава древнихъ поляковъ есть и ихъ слава, что прежній порядокъ вещей въ Польшѣ долженъ быть и для нихъ дорогъ, и тому подобное. Но поздно спохватились привилегированные представители польскаго имени. Даже въ наше время простой народъ, не только по сю, но и по ту сторону Вислы, не всюду принялъ польское имя, и называетъ поляками только шляхту да мѣщанъ, а себя отличаетъ отъ нихъ областными названіями, говоря: „Мы — мазуры; мы — куявяне; мы — краковяки“, и пр.

Это обстоятельство сдѣлается совершенно понятнымъ, когда мы вспомнимъ, какъ строилось Польское государство. Строилось оно ~~по~~ ^{по} ~~воле~~ ^{воле} народа и въ противоположность народнымъ обычаямъ, — вовсе не такъ, какъ Русское. Въ то время, когда князья

русь поддержали на сѣверѣ по Днѣпру и до самихъ Карпатъ порядокъ жизни, установившійся обычаемъ, — за Вислою уже рѣзко выдѣлилось изъ народа высшее сословіе, отрознилось отъ него обычаями, позаимствованными отъ нѣмцевъ, выпросило себѣ у королей привилегіи и, живя въ замкахъ, обижало тѣхъ, которые продолжали жить селами, постаринному. Изъ этого-то гордаго сословія размножилась впоследствии шляхта, которая только себя считала *народомъ* (*naród szlachecki*), почему и имя *Польскаго* народа присвоила исключительно своему сословію. Но, пока до этого дошло, притѣсненные и обѣднѣвшіе жители сель не одинъ разъ возставали противъ жителей замковъ, захватывали ихъ имущества, женились насильно на ихъ женахъ и пытались уничтожить ихъ привилегіи (совершенно, какъ дѣлали впоследствии козаки); словомъ — народъ, обиженный привилегированными владѣльцами замковъ, стремился возсоздать тотъ естественный порядокъ вещей, который русскіе князья оставляли нетронутымъ въ подвластныхъ имъ областяхъ. Но паны дѣйствовали заодно съ латинскимъ духовенствомъ, которое, въ началѣ польской исторіи, состояло изъ однихъ пришлыхъ нѣмцевъ, и потому всячески помогало панамъ, своимъ питомцамъ, одолѣть поселянъ. По смерти короля Болеслава Храбраго, досада народа на владѣльцевъ замковъ, на бискуповъ и ксензовъ дошла до того, что народъ, возставши противъ пановъ, истребилъ всѣхъ бискуповъ и ксензовъ, и возвратился къ прежней славянской вѣрѣ, уничтоженной латинцами. Только съ помощію заграничныхъ нѣмцевъ и новыхъ присланныхъ ими въ Польшу бискуповъ и ксензовъ, владѣльцы замковъ успѣли взять верхъ надъ поселянами и принудили ихъ въ латинскому церковному обряду.

Такимъ образомъ исторія земель, составившихъ впоследствии Польшу, по древнимъ письменнымъ свидѣтельствамъ, не заподозрѣннымъ и польскими учеными нашего времени, начинается упорною борьбою притѣсненныхъ классовъ населенія съ тѣми

классами, которые утвердили за повислянскою Славянщиною имя Польши, и побѣдою надъ ними этихъ послѣднихъ, съ помощію латинскаго, пришлаго изъ нѣмецкихъ земель, духовенства. Нельзя не замѣтить, что занятіе княземъ Владимиромъ червенскихъ городовъ и княземъ Даниломъ земли Люблинской согласовалось вполне съ духомъ возстанія, который искони одушевлялъ обиженныхъ сильными людьми массы во владѣніяхъ деспотическихъ и гордыхъ представителей польскаго имени. Эти массы естественно должны были дорожить возстановленіемъ гражданской равноправности, нарушенной исконнымъ полноправствомъ пановъ, и стремиться къ тому обычному самоуправленію, которому въ русскихъ областяхъ былъ большой просторъ даже и при случайномъ самовластіи нѣкоторыхъ русскихъ князей, то есть при злоупотребленіи вѣренною имъ властью. На этомъ основаніи можно полагать, что имена: *Русь, Русская земля, Русскій народъ*, первоначально принимались одинаково на всей равнинѣ, которая впоследствии является въ исторіи въ видѣ двухъ государствъ, Польскаго и Русскаго, и гдѣ только хотъ временно господствовало вѣчевое, уравнивающее всѣ классы право, общее русскимъ областямъ, тамъ на вѣки народъ остался въ собственномъ мнѣніи русскимъ, какое бы правительство ни повелѣвало имъ. Это право не было установлено пришельцами: оно получило свое начало отъ исконнаго славянскаго понятія о равноправности и развивалось по мѣрѣ развитія или видоизмѣненія русской гражданственности. Вѣчевое право въ началѣ было свойственно всѣмъ обитателямъ береговъ Вислы, которые, по древнѣйшимъ преданіямъ о славянахъ, ничѣмъ не отличались отъ обитателей береговъ Днѣпра; только на берегахъ Днѣпра и во всей древней Руси оно было общимъ для всѣхъ сословій, а въ областяхъ, составившихъ Польшу, паны присвоили самоуправленіе исключительно своему сословію. Съ одной стороны, они постоянно старались освободить свое сословіе отъ власти короля, а съ другой—подавляли народное самоуправле-

не, которое, по старой памяти о сельских громадах, сходах, конях и вѣчахъ, все еще проявлялось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Не мудрено, что каждая область, отторгаемая древними русскими князьями отъ Польши, навсегда усвоивала своимъ жителямъ имя русскихъ. Слово *русскій*, въ періодъ созиданія политическаго тѣла Польши, въ понятіи сельскихъ общинъ, значило, можно сказать, то же, что *славянскій*, не подвластный отъмеченнымъ, латинизованнымъ именамъ, своеобразный, народоправный.

Но любовь занятыхъ русскими князьями областей къ имени русскому, засвидѣтельствованная прочностію этого имени подъ иноземнымъ владычествомъ, крѣпла еще отъ одного важнаго обстоятельства, — именно отъ того, что въ областяхъ, составившихъ Польшу, прежде римско-католическаго ученія, или латинства, было проповѣдано греческое вѣроученіе, или такъ называемый славянскій обрядъ. Свѣдѣнія объ этомъ событіи можно найти въ сочиненіи безпристрастнаго польскаго ученаго, Александра Мацѣвскаго, подъ заглавіемъ: „Pamiętniki o Dziejach, Piśmiennictwie i Prawodawstwie Słowian“, изъ котораго извлеченіе, подъ заглавіемъ: „Исторія первобытной Христіанской Церкви у Славянъ“, издано порусски Евецкимъ, въ 1840 году, въ Варшавѣ. Кто бы захотѣлъ еще ближе узнать, при какихъ обстоятельствахъ распространялось греческое вѣроученіе вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ по берегамъ Вислы, и какъ латинство искони было враждебно обряду славянскому, тому укажемъ на монографію г. Лавровскаго, подъ заглавіемъ: „Кириллъ и Мееодій“, написанную по древнимъ источникамъ и изданную въ Харьковѣ, въ 1863 году. Но, кромѣ историческихъ воспоминаній о проповѣданіи греческаго вѣроученія послѣдователями Кирилла и Мееодія, остались въ Польшѣ и видимые знаки того, что славянскій обрядъ существовалъ здѣсь раньше латинскаго, и что христіанство пришло въ Польшу сперва въ видѣ славянскаго грековосточнаго обряда, а потомъ уже — въ видѣ латинства. Еще въ 1491 году печатались

въ Краковѣ русско-славянскія книги, а около Опатова за Вислою жили люди, исповѣдывавшіе грековосточную вѣру. Въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Москвѣ, хранится рукописное Евангеліе XV столѣтія, съ современною надписью казимирскаго мѣщанина Ивана Шапника Леонтьевича, пожертвовавшаго это Евангеліе въ церковь Св. Духа (нынѣ костель Св. Духа) „въ Казимѣржѣ на Вислѣ“. Въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія, на стѣнахъ костеловъ Краковской епархіи были видны образа греческой живописи съ славянскими надписями надъ каждымъ образомъ. Въ то время между латинцами и грекоруссами шелъ книжный споръ о древности обрядовъ той и другой церкви, и защитники „древняго русскаго благочестія“, между прочимъ, указывали латинцамъ на эти остатки первобытной вѣры въ Польшѣ. Въ рукописномъ сочиненіи Захаріи Копыстенскаго, 1620 года (автографъ), подъ заглавіемъ: „Оборона Вѣры Церкви Восточной и Патріарховъ“, хранящемся въ варшавской бібліотекѣ графовъ Красинскихъ, на стр. 381 читаемъ: „Въ діоцезіи епископства Краковскаго по нѣкоторымъ костеламъ найдутся малеванья грецкимъ обычаемъ и кшталтомъ, зъ написами славенскимъ языкомъ надъ каждымъ образомъ“. Возраженія на эти указанія (сколько намъ извѣстна современная книгѣ Копыстенскаго религіозная полемика) нигдѣ не сдѣлано, а только исчезла на костелахъ улыбка въ томъ, что латинство въ Польшѣ, такъ же, какъ и въ Литвѣ, утвердилось путемъ захвата. Наконецъ, и въ наше еще время, въ ризницѣ Ченстховскаго монастыря находится образъ благословляющаго спасителя, писанный византійскимъ стилемъ, съ надписью евангельскихъ словъ пославянски.

Когда мы вспомнимъ, что, по смерти Болеслава Храбраго, простонародье избило навязанныхъ ему аристократіею бискуповъ и ксензовъ, и когда сообразимъ, что никогда не было подобнаго факта въ исторіи распространенія славянскаго обряда, то сдѣлается понятнымъ, какимъ чудомъ русскіе князья, отнимая у ля-

ховъ берега Сана и земли, близкія къ Вислѣ, на вѣки утверждали между туземцами русское имя. При народоправной системѣ ихъ господства и при славянскомъ характерѣ русскаго богослуженія, завоеваніе было тутъ нѣкотораго рода освобожденіемъ, или возвращеніемъ народа къ тому порядку вещей, который былъ нарушаемъ олатиненными панами, и который у древнихъ русскихъ князей оставался основою создаемой ими гражданственности. Кіевскому Владимиру представлялась полная возможность превратить всю Польшу въ Русь, какъ превратилъ онъ въ Русь Червенскую землю, населенную бѣлыми хорватами. Для этого стоило ему только поддержать угнетенныхъ противъ угнетателей; а въ Польшѣ народъ никогда не переставалъ чувствовать, что онъ обиженъ во всѣхъ своихъ правахъ панами, и всегда былъ готовъ воставать противъ шляхты. Порядокъ, устроенный шляхтою въ Польшѣ, тѣмъ только и держался, что народъ былъ убогъ и прижатъ, а шляхта всегда была вооружена и держала на жалованьи нѣмецкія роты. Этотъ порядокъ былъ дотогу непроченъ, что, когда бывало шляхетское войско начнетъ послѣ похода требовать жалованье и, не получивъ его, грабить королевскія, духовныя и панскія имѣнія, — государственные люди терали голову и предсказывали на сеймахъ разрушеніе Польши. Но особенно сильно поколебался созданный панами строй жизни въ половинѣ XVIII столѣтія, когда Украина Польскаго государства, поднялась противъ шляхты, подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Отъ днѣпровскихъ Перетовъ до Вислы все простонародье востало противъ господствующаго сословія и начало дѣйствовать заодно съ козаками Хмельницкаго. Тогдашній сенаторъ Станиславъ Радзивиль, въ своемъ дневникѣ, рассказываетъ, что и въ самой Варшавѣ чернь (NB. уже вполне католическая) готовилась подняться противъ шляхты козацки, и говоритъ, что еслибы хоть одинъ козацкій полкъ появился въ то время на берегахъ Вислы, то всѣ вельможные паны побѣжали бы изъ Варшавы опретью. Муд-

режо ли же было Владимиру въ X-мъ вѣкѣ расширить географическіе предѣлы русскаго имени въ привислянскихъ областяхъ, которыя, по языку и обычаямъ жителей, были еще очень близки съ областями днѣпровскими? Что въ этихъ областяхъ панская власть во времена Кіевскаго Владимира держалась весьма ненадежно, — видно изъ избіенія бискушовъ и ксеназовъ, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ по смерти Владимира. Польскіе писатели даютъ этому событію такой видъ, что это былъ бунтъ язычниковъ противъ христіанства. Но мы знаемъ, во первыхъ, что у старыхъ польскихъ лѣтописцевъ язычниками назывались всѣ не-латинцы, а во вторыхъ, что прежде латинства здѣсь былъ распространенъ славянскій обрядъ. Поэтому война противъ пановъ могла быть предпринята народомъ не за одни притѣсненія въ судныхъ правахъ и въ имуществѣ, но и за вѣру, которая въ однѣхъ мѣстностяхъ была введена здѣсь проповѣдниками славянскаго обряда, въ другихъ же оставалась еще въ первобытномъ своемъ видѣ, — въ томъ видѣ, въ какомъ Кіевскій Владимиръ наполь славянское язычество на берегахъ Днѣпра.

Какъ бы то ни было, но шляхетская Польша должна была, во все время своего существованія, поддерживать себя тѣми же способами, какими она первоначально устроилась. Въ ея исторіи, отъ начала до конца, идетъ борьба панства съ началомъ *равноправности*, которой домогались отъ пановъ — сперва весь низшій слой польскаго гражданскаго общества, потомъ мелкая польская шляхта, а наконецъ украинскіе козаки, — не говоря уже о томъ, что, по современному пониманію жизни, стоитъ гораздо ниже, — о ея посягательствахъ на русскую народность путемъ превращенія Руси въ Польшу посредствомъ униі и католичества. Чѣмъ начала шляхетская Польша свое существованіе, тѣмъ и кончила: до послѣдняго времени не подѣлилась вельможная шляхта правомъ поземельной собственности, равноправностію на судѣ и личною свободою съ тѣми, которые въ началѣ были одинаковыми

съ нею гражданами, и до сихъ поръ готова утверждать, что всѣ востанія козаковъ были простымъ разбоемъ. Но сила вещей, вразумляющая такъ или иначе всѣхъ деспотовъ и историческихъ нахаловъ, привела къ тому, что права всего народа уравнины наконецъ въ раскроенной на трое Польшѣ, на перекоръ закоренѣлой шляхетчинѣ, какое бы значеніе ни придавали историки столѣтней борьбѣ козачества съ польско-русскою шляхтою. Начатое, невѣдомо намъ, по какимъ видамъ, русскимъ княземъ Владимиромъ докончено русскимъ императоромъ Александромъ, въ видахъ ясной для каждаго идеи экономическаго, а слѣдовательно и нравственнаго, преуспѣянія страны.

ВВЕДЕНІЕ.

Развитіе сельскаго хозяйства въ старой Польшѣ.— Стѣсненіе рабочаго класса. — Колонизація пустынныхъ мѣстностей. — Движеніе колонизаціи къ Днѣпру, Бугу, Днѣстру.— Плодородіе новозаселенныхъ земель.— Крупные землевладѣльцы.

Когда юго-западная Русь вошла въ составъ польско-литовской политической системы, она представляла безпорядочное собраніе пустошей, оставшихся послѣ татарскаго погрома ея защитниковъ и послѣ татарскаго господства надъ остатками ея населенія. Задача дѣйствительнаго владѣнія и пользованія малолюдными, или вовсе безлюдными, землями, естественно, была и задачей сплошнаго заселенія этихъ земель. Но общаго плана колонизаціи окраинъ государства Польша тогда еще не имѣла. Онъ образовался въ шляхетской средѣ мало-помалу, подъ вліяніемъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ домовъ и ихъ приверженцевъ.

Уступивъ крестноносцамъ Поморье, Польша заперла-было себѣ выходъ водянымъ путемъ въ западную Европу. Только во второй половинѣ XV вѣка удалось ей наконецъ подчинить себѣ крестноносцевъ и открыть свободный доступъ водою въ Балтійское море. Съ этого собственно времени начинается то движеніе въ экономическомъ ея развитіи, которое дало полякамъ возможность владѣть пустынными окраинами государства въ качествѣ хозяевъ, а не такъ, какъ владѣли ими татары и ихъ баскаки. Промышленная дѣятельность всей равнины Вислы быстро оживилась.

Панскія имѣнія, пользовавшіяся привилегіями, стали приносить неслыханные до тѣхъ поръ доходы. Громадныя состоянія выросли въ короткое время; малыя хозяйства превращались въ обширныя, а накопленіе богатствъ способствовало распространенію въ панскомъ обществѣ образованности. Это общество, въ силу своихъ наслѣдственныхъ понятій, смотрѣло на городскую торговлю съ пренебреженіемъ, и только изъ земли считало для себя неунизительнымъ извлекать доходы. Превосходство богатства, образованности, политическихъ правъ — все было обращено на увеличеніе производительности панскихъ имѣній. Съ ущербомъ для промышленности городской, стало въ Польшѣ процвѣтать сельское хозяйство. Изъ отдаленныхъ странъ Европы — Франціи, Фландріи, Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Германіи — въ Данцигскій и другіе порты приходило по пяти тысячъ кораблей за хлѣбомъ, деревомъ для постройки судовъ, поташемъ, льномъ, пенькою, шерстью, шкурами, воскомъ. Десятки тысячъ воловъ и многочисленныя табуны лошадей отправлялись ежегодно въ Германію, Богемію, Моравію. Одного хлѣба отпускалось за границу каждый годъ на 9 милліоновъ талеровъ. И все это производилось большими хозяйствами, которыя еще въ XV вѣкѣ начали быстро выростать на счетъ малыхъ.

На изготовленіе такой массы продуктовъ требовалось множество рукъ, а между тѣмъ число свободныхъ работниковъ, заинтересованныхъ выгодами сельской жизни, не соотвѣтствовало страсти къ земледѣлію, овладѣвшей богатыми и просвѣщенными панами. Поэтому въ законодательныхъ шляхетскихъ собраніяхъ изыскивались мѣры, стѣснявшія рабочій классъ общества въ пользу землевладѣльцевъ. Мало-помалу чиншевая система хозяйства уступила мѣсто системѣ панщины, и положеніе земледѣльческаго населенія вообще ухудшилось до такой степени, что уже въ половинѣ XVI вѣка польскіе писатели начали предостерегать общество о грозившей ему отсюда опасности. Съ одной стороны, лег-

ность приобрѣтенія малыхъ земельныхъ богатствъ помѣщиками, съ другою, все большее и большее дробленіе наследственныхъ земель въ рукахъ мелкопомѣстной шляхты — увеличивали классъ привилегированныхъ, но необразованныхъ людей, именно такъ-называемую заоновую шляхту, которая, вмѣсто того, чтобы составлять на сѣверахъ противовѣсъ магнатамъ, дѣлалась бессознательнымъ оружіемъ ихъ частной и общей политики. Что касается до простолюдиновъ, то они еще въ концѣ XIV вѣка начали по закону терять право свободного перехода съ мѣста на мѣсто; потомъ имъ запрещено во время жнивъ отправляться за границу, а наконецъ, не позволялось ходить на заработки даже въ польскіе города. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было обѣднѣніе крестьянъ и повсемѣстное бѣгство ихъ изъ панскихъ имѣній. Колонизаторы пустынныхъ мѣстностей пользовались такимъ положеніемъ вещей и переманивали въ себѣ рабочій классъ обѣщаніемъ льготъ, а отъ строгости закона защищались политическимъ своимъ значеніемъ и надворными дружинами. Такимъ образомъ общественный строй Польскаго государства подчинился силѣ сравнительно немногихъ лицъ, и начался порядокъ вещей, основанный на такъ-называемомъ въ польской исторіи можновладствѣ (вельможествѣ).

Всѣ эти явленія общественной польской жизни повторялись, въ своей послѣдовательности, на польской Руси, которая окаймляла боренную Польшу съ юго-востока. По мѣрѣ того, какъ воинственная часть польскаго общества успѣвала въ преслѣдованіи татаръ, потомковъ первоначальныхъ опустошителей Руси и Польши, она открывала просторъ для польской цивилизаціи, со всѣми ея достоинствами и недостатками. На пространствѣ отъ Карпатъ до рѣки Нарева прибывали новоустроенные повѣты и воеводства. Вскорѣ по основаніи въ Галиціи Русскаго воеводства въ 1462 году появилось воеводство Белзское, въ восточной части того же края. Тогда же населеніе русскаго берега Вислы у Сандомира увеличилось до такой степени, что надобно было,

около 1471 года, заложить тамъ новое воеводство, Люблинское. Спустя немного времени, въ землѣ исчезнувшихъ ятвяговъ появилось воеводство Подляское. Въ 1563 году, „по причинѣ сгущенія рыцарской людности“ въ землѣ Галицкой, признано было нужнымъ установить въ Галичѣ другой сеймикъ для Русскаго воеводства, а черезъ четыре года, по той же самой причинѣ, южная оконечность Волыни получила отдѣльное устройство, подъ названіемъ воеводства Брацлавскаго.

Страхъ татарскихъ набѣговъ сгущалъ хутора и села сперва у такихъ мѣстъ, которыя представляли больше защиты и убѣжища во время внезапной опасности. По этой причинѣ прежде всего дѣлались людными окрестности укрѣпленныхъ городовъ, каковы были: Баръ, Брацлавъ, Винница, Кіевъ. Но потомъ всего больше начала привлекать къ себѣ богатая травами черноземная мѣстность, лежавшая широкою пустынею ниже Канева и Бѣлой-Церкви, отъ Сулы и Днѣпра до Буга и далеко еще за Бугъ,— мѣстность, которую успѣли отстоять противъ половцевъ древніе русичи, и которую теперь потомкамъ ихъ приходилось отстаивать противъ татаръ. Сюда слѣзили изъ глубины внутреннихъ областей предприимчивые люди искать новаго счастья. Знатные паны выпрашивали себѣ здѣсь у короля обширныя украинскія староства; мелкая шляхта добивалась должностей второстепеннаго, „не-городового“, старосты, управляющаго, подъ именемъ дозорцы, королевскимъ имѣніемъ, безъ права суда и расправы; простолюдиновъ манила льгота отъ всякихъ платежей и повинностей, которую основатели новыхъ „осадъ“ давали поселенцамъ на много лѣтъ впередъ. Плодородіе земли украинской вознаграждало труды каждаго. Молва прославила эту землю, какъ обѣтованную, а современные польскіе публицисты печатали, для распространенія между сеймующими панами, брошюры о томъ, какъ слѣдовало бы распорядиться этимъ краемъ, для извлеченія изъ него наибольшихъ выгодъ. Одни совѣтовали завести на лѣвой сторонѣ

Дѣйствительно рыцарскую школу, для которой образцомъ предполагалось избрать нѣмецкихъ крестоносцевъ; другіе находили удобнымъ раздѣлить всю порожнюю землю на Украинѣ между убогою шляхтою, и пророчили, что этимъ способомъ здѣсь образуется новая Рѣчь-Посполитая, такъ какъ порожней земли считалось тогда въ Украинѣ больше, нежели вся Великая и Малая Польша, взятыя вмѣстѣ. „Дивное дѣло“, толковали паны на сеймахъ, „что лузитанцы и голландцы овладѣли антиподами и Новымъ Свѣтомъ, а мы до сихъ поръ не въ состояніи совершенно заселить такого близкаго и плодоноснаго края, который такъ легко намъ занять! Мы знаемъ этотъ край меньше, нежели голландцы Индію“ ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, не только польскимъ государственнымъ людямъ, но и московскимъ думнымъ дьякамъ не было тогда извѣстно, гдѣ оканчивается земля одного государства, и гдѣ начинается — другого. Поляки сознавались, что украинскія пустыни „еще не присоединены къ ихъ государству опредѣленными границами и не составляютъ ничьей собственности“; а царь Феодоръ, въ 1592 году, называлъ „своимъ путивльскимъ рубежемъ“ берега рѣки Сулы, гдѣ князь Вишневецкій заложилъ тогда, на старомъ пепелищѣ, городъ Лубны, уничтоженный нѣкогда татарскимъ нашествіемъ. Когда мысль о заселеніи украинскихъ „пустынь“ начала занимать умы знатныхъ пановъ, никто не умѣлъ опредѣлить границъ, до которыхъ эти пустыни простирались, и даже самое положеніе жалованныхъ панамъ земель обозначалось въ актахъ весьма неясно. Въ 1590 году, князю Александру Вишневецкому, черкасскому старостѣ, пожалована „пустыня рѣки Сулы за Черкасами“. Въ слѣдующемъ году, князь Николай Рокитинскій получилъ во владѣніе „пустыню урочища надъ рѣками

¹⁾ Весьма рѣдкая брошюра: „O powuch Osadach i Slobodach ukrainnych Zdanie i Rozsadek“, безъ означенія года и имени автора. По печати и правописанію, относится къ концу XVI вѣка.

Сквирою, Раставицею, Упавою, Ольшанною и Каменицею“. Сеймовымъ постановленіемъ 1609 года, Валентію-Александру Калиновскому отдана „извѣстная пустыня Умань, во всемъ объемѣ своихъ урочищъ“.

Мысль, положенная въ основаніе такихъ, можно сказать, фантастическихъ пожалованій, выражена въ сеймовомъ постановленіи 1590 года, которое, отъ имени короля, гласитъ слѣдующее: „Государственныя сословія обратили наше вниманіе на то обстоятельство, что ни государство, ни частныя лица не извлекаютъ никакихъ доходовъ изъ обильныхъ лежащихъ впустѣ нашихъ владѣній на украинскомъ пограничьи за Бѣлою-Церквою. Дабы тамошнія земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы, на основаніи предоставленнаго намъ всѣми сословіями права, будемъ раздавать эти пустыни, по нашему усмотрѣнію, въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія за ихъ заслуги передъ нами и Рѣчью-Посполитою“.

Легко вообразить, какъ послѣ этого заслуженные и незаслуженные люди притянулись добиваться въ Украинѣ—или пожизненныхъ владѣній въ королевскихъ имѣніяхъ, или урочищъ для заложенія наслѣдственныхъ волостей, или арендъ въ новыхъ староствахъ.

Заводея новыя и новыя осады, паны нуждались въ рабочемъ народѣ, и привлекали его къ себѣ разными заманчивыми средствами. На ярмаркахъ, въ корчмахъ и въ другихъ многолюдныхъ сборищахъ, панскіе агенты объявляли, что въ такомъ-то мѣстѣ основана еллада, и что, кто захочетъ въ ней поселиться, тотъ на столько-то лѣтъ будетъ свободенъ отъ всякихъ податей и повинностей въ пользу землевладѣльца. Соперничая одинъ съ другимъ въ предоставленіи новымъ поселенцамъ льготъ, паны доводили льготное время до двадцати, иногда до тридцати лѣтъ. Чтобы судить, до какой степени такая льгота была заманчива, надобно вспомнить, что въ глубинѣ королевства только въ XIII вѣ-

къ, послѣ татарскаго нашествія, зазывались поселенцы съ обѣщаніемъ 30-лѣтней воли, да и то въ лѣсахъ; на заросляхъ общалось только 12 лѣтъ воли, а на поляхъ 8. По истеченіи льготнаго срока, поселяне обязывались платить извѣстныя подати и отбывать нѣкоторыя повинности; но о панщинѣ на Украинѣ не было рѣчи. Кромя того, заочивали народъ къ заселенію новыхъ мѣстъ надеждою избѣжать ответственности за проступки, сдѣланные въ другихъ мѣстахъ; а нѣкоторые прямо обѣщали защищать своихъ поселянъ отъ преслѣдованія закона, каковы бы ни были ихъ преступленія. Не только люди темныя, но и такіе, какъ Янъ Замойскій, не считали для себя унижительнымъ прибѣгать къ этому способу для заселенія своихъ украинскихъ владѣній. Въ одномъ изъ современныхъ списковъ „эксорбитаций“, сдѣланныхъ Яномъ Замойскимъ“, 36-ою эксорбитациею помѣщено то, что онъ, зазывая къ себѣ на слободы народъ по мѣстечкамъ, „населялъ свои имѣнія бѣглецами и гультаями съ неслыханными вольностями. Даже такимъ негодяямъ, которые убивали отца, мать, родного брата или пана, давалъ онъ у себя безопасное пристанище, лишь бы сдѣлать свои села многолюдными, не позволяя никому преслѣдовать этихъ преступниковъ законами“¹⁾.

Здѣсь надо вспомнить, что сельское хозяйство въ Польшѣ, къ концу XVI вѣка, окончательно перешло изъ мелкопомѣстнаго въ великопомѣстное, что система чиншевого дохода съ имѣній окончательно замѣнилась тамъ панщиною, и что, вслѣдствіе принужденій къ работѣ со стороны владѣльцевъ и ихъ прикащи-

¹⁾ Въ этомъ и другихъ мѣстахъ авторъ заимствовалъ свѣдѣнія о колонизаціи польской Руси изъ неоконченнаго сочиненія покойнаго Шайнохи: „Dwa Lata Dziejów naszymi“, которое грѣшитъ игнорированіемъ русскаго элемента въ экономическомъ и социальномъ движеніи на древней русской территоріи въ XVI и XVII вѣкѣ, но къ статистическимъ и топографическимъ даннымъ относится съ надлежащимъ вниманіемъ.

ковъ, усилились, болѣе нежели когда-либо, побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ. Что касается до Литвы, то Герберштейнъ говоритъ, что тамъ народъ, со временъ Витовта, находился въ полномъ распоряженіи панскихъ урядниковъ и доведенъ до крайней бѣдности; а Михалонъ Литвинъ, въ сочиненіи, писанномъ для Сигизмунда-Августа, сравниваетъ порабощеніе литовскихъ простолюдиновъ съ татарскою неволею, и упрекаетъ пановъ литовскихъ въ томъ, что они своихъ людей мучать, уродуютъ и убиваютъ безъ суда. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали движенію народонаселенія отъ береговъ Вислы и Нѣмана въ юговосточныя пустыни, которыя, подъ конецъ XVI вѣка, сдѣлались болѣе или менѣе безопасными, благодаря воинственности пограничныхъ жителей.

Такимъ образомъ колонизаторы пространствъ, лежащихъ между Сулой, Днѣпромъ и Днѣстромъ, не имѣли недостатка въ поселеніяхъ. Слухи о плодородіи украинской почвы привлекали сюда хозяевъ, которые умѣли извлекать большіе доходы даже изъ песчаныхъ равнинъ недавно заселеннаго Подляся. Здѣсь они находили неисчерпаемый источникъ обогащенія. То, что писано современниками объ этой землѣ, „текущей молокомъ и медомъ“, не должно быть принимаемо нами въ буквальный смыслъ: славянинъ XVI и XVII вѣка, да еще притомъ и польскій шляхтичъ, не способенъ былъ восхищаться въ мѣру; но самый восторгъ, съ которымъ передавались изъ устъ въ уста слухи о плодородіи Украины, показываетъ, что эта страна была плодородна въ поражающей степени. Тогдашній экономистъ, если можно такъ выразиться о писателѣ первой половины XVII вѣка, Опалинскій, говоритъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянною сохою, давало урожай баснословный. Другой писатель въ томъ же родѣ, Ржончинскій, приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копѣ. Травы были такъ высоки, что огромные волны скрывались въ нихъ почти по самыя

рога; а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался густою растительностью. По свидѣтельству того же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благоприятствуютъ въ Украинѣ пчеловодству, что пчолы водятся не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но по берегамъ рѣкъ и даже просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчолъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ, и что образовавшіяся случайно въ землѣ ямы часто бывають наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, допавшись до него, еколѣвають отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго Каменца Ржончинскій зналъ пасічника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ нихъ 40 было сохранено, а остальные побиты, ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасікъ въ Червоной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собиралъ ежегодно по тысячѣ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ за одинъ разъ 10 тысячъ воловъ въ видѣ десятины со стада; а когда семилѣтній сборъ поволощины замѣненъ былъ ежегоднымъ, ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній.

Польскіе паны, вида богатства своихъ украинскихъ собратій въ короткое время удвоенными, утроенными, удесятеренными, принялись работать надъ колонизаціею пустынь съ какой-то лихорадочной поспѣшностію. Чѣмъ больше было опасности со стороны татарскихъ набѣговъ, тѣмъ большею настойчивостію отличались и сами колонизаторы, и привлеченные ими поселяне. Съ своей стороны татары, направляемые турками, противодействовали заселенію степныхъ мѣстъ, черезъ которыя они привыкли проходить внутрь края безъ всякой задержки. Набѣги ихъ сдѣлались чаще и опустошительнѣе. За каждымъ разомъ уводили они въ неволю тысячи новыхъ поселенцевъ. Но на мѣсто исчезнувшихъ

жителей, на пепелищахъ ихъ осадъ, являлись новые выходы изъ внутреннихъ областей, и этакъ одно и то же село возобновлялось по нѣскольку разъ. Движеніе изнутри государства къ украинскимъ пустынямъ было такъ велико, что, по словамъ одного изъ современныхъ наблюдателей, „многолюдныя нѣкогда земли, мѣстечка и села срединныхъ областей совсѣмъ дѣлались пусты, а необитаемыя прежде пространства украинныя наполнялись жителями, къ неисчислимому вреду ихъ прежнихъ помѣщиковъ“.

Начало XVII-го вѣка было временемъ, когда экономическое богатство внутреннихъ польскихъ провинцій, достигнувъ размѣровъ, никогда уже не повторившихся, начало клониться къ упадку¹⁾. Объединеніе крестьянъ уменьшило производительность городской промышленности, а упадокъ городовъ отразился на внутренней торговлѣ. Богатые люди получали необходимыя для нихъ издѣлія отъ иноземныхъ купцовъ, которыхъ множество сновало по всей Польшѣ, а мѣстные произведенія отправлялись за границу въ сыромъ видѣ. Ремесленные цѣхи, которыхъ прежде насчитывалось до двадцати и болѣе во многихъ городахъ, исчезали съ каждымъ годомъ; городскія улицы пустѣли, каменные зданія чаще и чаще превращались въ развалины; городскіе ремесленники, такъ же какъ и сельскіе хлѣборобы, оставляли старую Польшу и стремились на ея окраины. Приливъ жителей въ новыхъ поселеніяхъ, не смотря на татарскіе набѣги, былъ такъ ощутителенъ, что вокругъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ ежегодно прибывало по семи новыхъ селъ; а одинъ землемѣръ, именно инженеръ Бонланъ, могъ въ короткое время заложить въ имѣніяхъ короннаго гетмана Конецпольскаго 50 большихъ

¹⁾ Во времена Кромера, изъ Польши вывозилось за границу до 100.000 лаштовъ хлѣба; въ послѣдующія времена, до конца XVIII столѣтія, никогда не вывозилось больше 50.000 лаштовъ. Поляки ближайшаго къ нашему времени приписывали этотъ упадокъ, главнымъ образомъ, ограниченію монархической власти въ пользу шляхты.

слободъ, изъ которыхъ, во время его 17-лѣтняго пребыванія въ польской службѣ, образовалось до 1.000 селъ. Читатель благоволитъ скинуть нѣсколько процентовъ съ показанія француза, любившаго эффектъ; но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ согласиться, что населеніе Украины росло съ быстротой почти невѣроятною. „Лишь только увидѣли богатѣйшіе магнаты“, говоритъ современный гѣтописецъ, русинъ Пясецкій, (а онъ отличался правдолюбіемъ), „что Украина будетъ защищена, — немедленно вывели туда безчисленныя колоніи и устроили въ удобнѣйшихъ мѣстахъ укрѣпленія. Прежде за Кіевомъ, Баромъ и Брацлавомъ лежали пустыни, въ которыхъ водились одни дикіе звѣри; въ короткое время онѣ наполнились многочисленными селами и городами“.

Но въ эти города и села, подъ приманкою льготныхъ лѣтъ и прославленной украинской вольности, вносился тотъ же духъ вельможества, который въ глубинѣ государства, подъ конецъ XVI-го вѣка, соединилъ почти всѣ свободныя солтыства въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а мелкія шляхетскія имѣнія обременилъ разорительными повинностями. Напрасно на сеймахъ появлялись брошюры о раздѣленіи украинскихъ пустынь на малыя хозяйства. Государственный порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ, Рѣчи-Посполитой привелъ къ тому, что здѣсь, вмѣсто дробныхъ участковъ, образовались такъ-называемыя волости, то есть огромныя панскія имѣнія, заключавшія въ себѣ по нѣскольку „ключей“, или по нѣскольку десятковъ селъ и мѣстечекъ. И такихъ волостей у каждаго украинскаго магната было по нѣскольку. Кромѣ того, многіе изъ нихъ владѣли тремя, четырьмя, пятью и болѣе староствами, съ которыхъ, подъ разными предлогами, платили въ королевскую казну весьма немного, а часто и совсѣмъ ничего не платили. Таковъ именно былъ, въ числѣ прочихъ, князь Константинъ Острожскій, который, владѣя четырьмя обширными староствами, на сеймѣ 1575 года выпрашивалъ денегъ на починку

кіевскаго замка, къ соблазну пановъ, сравнительно небогатыхъ ¹⁾. Кромѣ старостинскихъ городовъ и сель, кромѣ другихъ имѣній князей Острожскихъ, въ одномъ майоратѣ, принадлежавшемъ этому дому, считалось 80 городовъ и мѣстечекъ, и 2.760 сель. По смерти князя Януша Острожскаго въ 1620 году, оказалось у него въ наличности 600.000 червонцевъ, 400.000 битыхъ талеровъ, на 29 милліоновъ золотыхъ разной монеты и 30 бочекъ ломаннаго серебра; сверхъ того, 50 цуговъ, 700 верховыхъ лошадей, 4.000 кобылицъ, безчисленное множество рогатаго скота и овецъ. Такъ какъ Янушъ Острожскій умеръ бездѣтнымъ, то его майоратъ наслѣдовалъ князь Владиславъ Доминикъ Заславскій, и безъ того чрезвычайно богатый. Теперь его владѣнія обнимали такія громадныя пространства, что впоследствии половина народа, сражавшагося подъ знаменами Богдана Хмельницкаго, считалась его подданными. Наслѣдники пресѣкшагося тогда же рода князей Збаражскихъ, князя Вишневецкіе, владѣли на одной лѣвой сторонѣ Днѣпра десятками городовъ и мѣстечекъ съ тысячею сель, а принадлежавшія имъ съ правой стороны имѣнія тянулись широкою полосою отъ Днѣпра черезъ воеводства Кіевское, Волинское, Русское и Сендомирское ²⁾. На побережьяхъ ниж-

¹⁾ Въ 1597 году король Сигизмундъ III требовалъ отъ него со всѣхъ его земель подымнаго, котораго онъ не платилъ со времени присоединенія Волинскаго воеводства къ коронѣ и котораго накопилось за нимъ 4.000 копъ литовскихъ грошей (Рукоп. Императорской Публ. Библиот., отдѣлъ польскій, № 223, fol. IV).

²⁾ По инвентарю, сохранившемуся между рукописями послѣдняго изъ Вишневецкихъ (ум. 1743 г.), Михаила-Сервація Вишневецкаго, въ Черноостровской библиотекѣ, Геремія Вишневецкій владѣлъ слѣдующими городами и селами въ Украинѣ:

Лубны, въ нихъ хозяевъ 2.646, мельничныхъ колесъ 40; Хороль — 1.297 — 8; Горошань — 107 — 11; Лукомль — 524; Оржица — 91; Буромль — 158 — 6; Еремиевка — 327; Жовниць — 312 — 9; Чигиринь-Дуброва — 137 — 6; Пыратинь — 1.749 — 38; Бѣлошапки — 374 — 3; Держикрай — 318; Золотоноша — 273 — 13; Песчана — 250 — 8; Домонтовъ — 243 — 5; Прилука — 366 — 36; Полтава — 812 — 11; Монастырище — 939 — 12; Галка — 824 — 6; Журавка — 474 — 16; Городня — 312 — 12; Гмировка — 135 — 2; Ичня — 1.494 — 3; Ивана — 336 — 3; Голінка — 304 — 2; Красне — 995 — 4; Липове — 381 — 9; Крапивна — 184; Самборъ — 198; Глинскъ — 1.264 — 16; Варва —

няго Дністра живописнішими и плодороднішими пространствами, какія гдѣ-либо принадлежали Польщѣ, владѣли почти исключительно Потоцкіе и Конецпольскіе. Эти послѣдніе захва-

2,037 — 21; Переволочня — 426 — 10; Сокиринці — 128 — 12; Срібне — 1.830 — 11; Церньюхи — 944 — 9; Снятинка — 436 — 14; Воронки — 145 — 1; Мнова — 285 — 3; Куринка — 346 — 24; Лохвиця — 3.325 — 35; Піски — 349 — 6; Сенча — 1.403 — 31; Комышно и Ручинці — 1.194 — 9; Гмутьчъ — 446 — 8; Серкіевка и Робишівка — 214; Царівъ-Бродъ — 104 — 2; Липова-Долина — 150 — 2; Райгородъ — 137; Опанасовка — 17; Талалаївка — 60; Ромны — 6.000; Мошни — 1.400; Корбутовъ — 600; Кулигороцище — 80. Всего хозяевъ 39.610, мельничныхъ колесъ 423. Каждый изъ этихъ хозяевъ, для увольненія отъ панщины, давалъ по 5 талеровъ; мельники платили отъ колеса по 2 черв. Кромѣ того пану принадлежалъ доходъ съ шинковъ и выдѣлены были ему фольварки.

Искаженныя въ рукописи или въ печати названія городовъ и селъ восстановлены мною по картѣ, но сомнительныя оставлены безъ переимѣн.

Въ той же рукописи Михаила - Сервація Вишневецкаго означены слѣдующія ключи Вишневецкихъ въ послѣднее ихъ время.

1) *Старый Вишневецъ и 16 селъ.*

Квачівка, Окнины - Великі, Окнины - Малі, Горынка, Кушлинъ, Подгайчики, Янківці, Кодзаївка, Вербиця, Маніівъ, Котюжинці, Хведькове. Чайчинці, Гришкове, Кривчики, Раковецъ.

2) *Новый Вишневецъ и 23 села.*

Лозы, Бодаки, Коханівка, Гнідова, Вербовиці, Шепелівка, Лопушна, Пахина, Коннячівка, Голубиці, Білка, Битечка, Раковецъ, Раковецъ - другой, Мишківці, Поляны, Кунаківці, Бутынь, Млиновці, Багаты, Дзвінячъ, Залісье.

3) *Черный - Островъ.*

Гружовиця, Мартынівка, Війтовці, Педосы, Захарівці, Остапки.

4) *Чехівці и 30 селъ.*

Соболівка, Гнилиця, Мялова, Кослючки - Малі, Гнилиця - Вища, Голотки, Кошляки - Великі, Москатівка, Ваджулів, Білозірка - Вища, Білозірка - Нижча, Янківці, Шибенна, Щаснівка, Пальчинці, Почалинці, Иваньківці, Гавратинъ, Гельченці, Медешівка, Колісець, Гавриловка, Свиinna, Собківці, Якимовці, Смойлівка, Ловківці, Купиль, Голатки - підъ-Купелемъ, Махівці або Чорнява.

5) *Даниловщина и 12 селъ.*

Спирівка, Передимирка, Бурсаківці, Нанадівка, Гнилорудка, Бадка, Заглотці, Кушовці - Великі, Сінявці, Жуковці, Ондриївка, Борщівка.

6) *Комарно и 22 села.*

Хлопы, Германъ, Бучки, Татаринівъ, Андріанівъ, Лувчині - Церковні, Лувчині - Дольні, Свиноша, Чумівці, Порічи, Буні, Зарковичи, Якимчині, Клицко, Колодуги, Брежець, Подвысоке, Новосілка, Саско, Ромны, Поверховъ, Литовка.

тили въ свои руки столько староствъ и вотчинныхъ имѣній, что, путешествуя изъ своего родного гнѣзда, Конецполя, въ воеводствѣ Сѣрадзскомъ, въ недавно основанное Нове-Конецполе, на степяхъ прибугской Убранны, они могли, отъ конца до конца

7) *Новый Дольскъ и 18 сель.*

Любешивъ, Уриничі, Берчиці, Червище, Ляхвиці, Пнѣвка, Вулька-Любешивська, Залізница, Деревовъ, Горки, Быховъ, Одржинъ, Вулька-Одржинська, Лубяшъ, Старый-Дольскъ, Шлепанъ, Хоцішъ, Боляндичі.

8) *Каромигъ и 4 села.*

Писочна, Хведорн, Косляковичі, Цинцовичі.

Названія однихъ *ключей*, безъ означенія сель.

9) *Дубровица*, 10) *Столинъ*, 11) *Хомскъ*, 12) *Ополье*, 13) *Телеханъ*, 14) *Межирічъ*, 15) *Вильковишки*, 16) *Бранигъ*.

Владѣнія Вишневецкихъ въ Литвѣ, по той же рукописи:

17) *Демьва и 7 сель.*

Радзивоншки, Войшиаровъ, Ользевъ, Пальчевъ, Папъена, Ворошиловъ, Ищольна.

18) *Можейковъ-Великій и 5 сель.*

Дзизушки, Лебѣдка, Манінішки, Шумѣнілшки, Гайковщина.

Въ правобережной Убраннѣ:

19) *Володарка и 18 сель.*

Березна, Косівка, Будешло, Гайворонівка, Петрашівка, Сквирка, Салерівка, Токарівка.

20) *Гданигъ и 8 сель.*

Юрківці, Дзяринці, Биличъ, Крубштівка, Бондарі, Цітковці, Лоівці, Носівці.

21) *Борщівка и 12 сель.*

Курлянци, Бабенки, Каленна, Варисівка, Голохвасты, Свирна, Сахнівка, Ставичка, Лавенки, Шорнилинці, Капустинці, Мармолівка.

22) *Торчица* }
23) *Дзюнківъ* } при этихъ *ключаяхъ* села не означены.

24) *Антонігъ и 13 сель.*

Терешки, Білівка, Семенівка, Гудченки, Лавришки, Лучники, Выробиівка, Начачівка, Щербинівка, Донаівка, Шабіівка, Семишівка, Токарівка.

25) *Монастырице* }
26) *Таланча*, } села не означены.

государства, каждый ночлежь проводить под собственнымъ кровомъ. На однихъ „татарскихъ шляхахъ“ принадлежало имъ, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, 170 городовъ и 740 сель. Владѣнія Потоцкихъ также были очень обширны. Кроме Нѣжинскаго староства на восточной сторонѣ Днѣпра, кроме Кременчуга, Потока и другихъ урочищъ, заселенныхъ въ ихъ пользу по Днѣпру, все Поднѣстріе такъ густо было занято ихъ владѣніями, что надднѣстрянскую шляхту называли въ Польшѣ „хлѣбоѣдами Потоцкихъ“. Вдоль всего Подолья широкаго расселились Калиновскіе, которымъ достались также многія имѣнія вокругъ Чернигова и Новгорода-Сѣверскаго, послѣ того, какъ Сѣверскій край былъ примежованъ отъ Московскаго царства къ Польшѣ. Не менѣе обширныя владѣнія принадлежали также въ разныхъ мѣстахъ Кіевскаго и Волынскаго воеводства древнему роду князей Рожинскихъ, а по пресѣченіи этого рода, перешли къ Замоискимъ, Любомирскимъ и Даниловичамъ. Такимъ образомъ кіевская, волынская, брацлавская и подольская Украина, а равно и Заднѣстріе, да и называлась у поляковъ лѣвая сторона Днѣпра, мало-помалу очутились въ рукахъ у нѣсколькихъ магнатовъ, которые имѣли тамъ собственныя крѣпости, артиллерію, войско, и которые, по отношенію къ своимъ „подданнымъ“, то есть жителямъ вотчинныхъ владѣній, пользовались *польскимъ* или *княжескимъ* правомъ, а по отношенію къ населенію владѣній помѣстныхъ, то есть королевщинъ или староствъ, назывались „королевскими руками“ (*brachia regalia*). Нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ князья Острожскіе, происходили отъ варяго-русскихъ и литовско-русскихъ князей. Короли жаловали имъ не только населенныя крестьянами земли, какъ панамъ, но и право надъ боярами, мѣщанами и мужиками, какъ государямъ. „Дали есмо“, пишетъ Сигизмундъ I въ грамотѣ князю Константину Ивановичу Острожскому, „и вѣчно даровали и записали замокъ Стѣпанъ съ мѣстомъ и зъ ихъ бояры, и зъ слугами пут-

ными, и зъ мещаны, и зъ данники, людьми тяглыми, зъ селы боярскими, во всимъ правомъ и панствомъ и властью, ничего на насъ и на наши наслѣдники не оставляючи“.

Не иначе и разумѣли себя владѣльцы громадныхъ королевщинъ и вотчинъ украинскихъ, какъ государями, уже по одному тому, что многіе изъ нихъ были богаче короля. Они не подписывались въ письменныхъ сношеніяхъ съ королемъ *подданными*, какъ прочая шляхта, а только „вѣрными совѣтниками“. Они соперничали съ королями въ постройкѣ замковъ и городовъ, которымъ давали такія вольности, что старые королевскіе города, какъ на примѣръ Луцкъ, по словамъ самихъ королей, „пустѣли“. Они заключали отдѣльные договоры съ крымскимъ ханомъ и совершенно отдѣльные мирные трактаты съ запорожскими козаками. Они были до того самостоятельны, что заграничные льстецы величали польскихъ государей *королями королей*, что было похоже на иронію, а украинскій народъ и польская шляхта, съ досадою, прозвали магнатовъ *королятами*.

Въ старой Польшѣ вельможество, превращая государство въ независимыя панскія владѣнія, не встрѣчало препятствій ни въ массѣ мелкопомѣстной шляхты, ни въ мѣщанахъ, ни — всего меньше — въ хлопахъ. Колонизація русскихъ пустынь во имя магнатовъ и ихъ кліентовъ совершалась, до нѣкотораго времени, также невозбранно. Но, когда новая Польша, устроенная на русской территоріи и населенная почти исключительно народомъ русскимъ, превзошла размѣрами, обиліемъ произведеній земли и количествомъ жителей метрополию польскаго, или, что все равно, панскаго права, — это право, кодифицированное сеймовыми постановленіями, пришло здѣсь въ столкновеніе съ пренебреженнымъ правомъ народной массы, и борьба между ними повлекла за собой рядъ событій, которыя мало-помалу, не только уничтожили всѣ плоды дѣятельности пановъ-колонизаторовъ, но и самую колыбель вельможества лишили прежней уютности. by Google

ГЛАВА I.

Появленіе козачества.— Мирныя отношенія славянскихъ кочевниковъ къ монгольскимъ.— Перемѣна въ политической жизни татаръ.— Русскія поселенія отодвинулись передъ ними.— Козаки прикрываютъ колонизацію сторожевыми линіями.— Козаки прикрываютъ рыбный и звѣринный промыслы вооруженными походами на днѣпровскій Низъ.— Козаки въ мѣщанскомъ быту.— Козаки подвигаются своими займищами внизъ по Днѣпру и пытаются основаться за Порогами.

Ратоборцами непризнаваемого панами права народной массы явились люди, которые въ началѣ были необходимыми орудіями для успѣховъ колонизаціи украинскихъ пустынь, а потомъ очутились внѣ закона и стали въ упоръ всѣмъ стремленіямъ шляхты,—именно украинскіе козаки.

Это всѣмъ знакомое имя понимается многими такъ различно, что необходимо прослѣдить появленіе его въ историческихъ источникахъ, прежде чѣмъ приступимъ къ повѣствованію о напрасныхъ усиліяхъ пановъ-колонизаторовъ образовать изъ Южной Руси новую Польшу.

Слово *козакъ* значило сперва то же самое, что вольный добычникъ, пожалуй, даже — грабитель и разбойникъ, вообще же на сѣверѣ и югѣ Московскаго царства, въ Польшѣ и Татаріи, оно означало человека бездомнаго и безземельнаго.

Когда южныя области варяжскихъ князей, послѣ татарскаго нашествія, залегли пустынями, въ виду этихъ пустынь распо-

жился кочевой монгольской миръ. Степи, отдѣлявшія поселенія славянскія отъ поселеній монгольскихъ, сперва не принадлежали никому. Татары смотрѣли на нихъ, какъ на естественную охрану своихъ кочевьевъ отъ покушеній со стороны данниковъ. Для русскаго міра онѣ долго были какъ-бы моремъ, въ которое выходитъ никто не отваживался. Но, когда съ одной и съ другой стороны явилась потребность выдвинуться за предѣлы постоянныхъ займищъ, у татаръ и у русскихъ образовались товарищества предприимчивыхъ людей, которые находили возможность держаться въ безлюдной степи, вдали отъ отеческихъ куреней своихъ. Такія товарищества имѣли видъ отдѣльной орды, которая въ спокойное время терялась между населеніемъ, послушнымъ общему управленію края, а во время войны или вольнаго похода на рыбные и звѣриные промыслы, устраивала избирательное начальство и дѣйствовала такъ или иначе въ интересахъ своей корпорации. Эти полувоенныя, полупромышленныя сборища извѣстны издавна у татаръ подъ именемъ козаковъ; у русскихъ же и поляковъ козачество, по письменнымъ извѣстіямъ, появилось одновременно, въ разныхъ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ не раньше конца XV-го вѣка.

Польскіе лѣтописцы знали четыре татарскія орды, изъ которыхъ у каждой былъ свой ханъ, именно: заволжскую, астраханскую, казанскую и перекопскую. Къ этимъ четыремъ ордамъ иногда причисляютъ они и пятую. — козацкую. Орда козацкая не признавала надъ собой власти никакого хана и, кочуя въ разныхъ мѣстахъ, считалась во всей Татарщинѣ самымъ отважнымъ народомъ. Со времени московскаго великаго князя Іоанна III-го, въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются азовскіе татарскіе козаны, какъ злые разбойники. Они выдѣлялись изъ ослабѣвшей въ это время Золотой-Орды, какъ самостоятельный народецъ, самый подвижной и самый смѣлый между татарами. Раскинувшись по степи между Крымомъ и московскою Украиной, азовскіе козаны

или разбоемъ, иногда нападали небольшими купами на пограничные города, но въ особенноти были вредны для сношеній между Крымомъ и Московскимъ государствомъ. „Поле не чисто отъ азовскихъ бозаковъ“, доносили послы князю московскому, поджидая въ Украинѣ безопаснаго проѣзда въ Крымъ, какъ у моря погоды. Василій Іоанновичъ домогался отъ султана, чтобъ онъ запретилъ азовскимъ и бѣлгородскимъ козакамъ помогать Литвѣ противъ русскихъ; но подобныя домогательства были напрасны уже по одному тому, что эти козаки никогда не жили на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда русскій посолье Коробовъ требовалъ, чтобы ему дали провожатыхъ изъ Азова, ему отвѣчали, что въ Азовѣ нѣтъ азовскихъ козаковъ.

До послѣдняго времени существованія Крымскаго Ханства, козаками у татаръ назывался особый отдѣлъ войска, состоявшій изъ улановъ, князей и козаковъ. У московскихъ великихъ и удѣльныхъ князей также были служивые татары-козаки, которыхъ они употребляли для степныхъ дѣлъ, то какъ провожатыхъ, то какъ наѣздниковъ. Въ Перекопѣ, Бѣлгородѣ на Днѣстрѣ и вообще въ тамошнемъ Чорноморьѣ издавна были извѣстны воины, называвшіеся козаками. Въ 1492 году Менгли-Гирей писалъ къ великому князю московскому Іоанну III-му, что войско его, возвращаясь изъ-подъ Кіева съ добычею, встрѣтилось на степи съ „ордынскими козаками“ и было ими ограблено. Король Сигизмундъ I-й, въ 1510 году, предостерегалъ пограничныхъ своихъ пановъ окружнымъ листомъ о татарскомъ набѣгѣ, прибавляя, что опасность еще не велика, потому что идутъ одни перекопскіе козаки да немного бѣлгородцевъ. Въ 1516 году крымскій ханъ Магометъ-Гирей оправдывался передъ Сигизмундомъ въ набѣгѣ бѣлгородскихъ козаковъ тѣмъ, что они не слушаются его приказаній, и выбрали себѣ предводителемъ враждебнаго ему царевича Алыка. По документу 1560 года, бѣлгородскіе козаки, безъ вѣдома мѣстнаго санджака, на-

надали на украинскіе зámки тѣмъ же обычаемъ, какимъ украинскіе козаки хаживали на пограничныя зámки турецко-татарскіе. По соглашенію съ крымскимъ ханомъ, король Сигизмундъ-Августъ зазывалъ этихъ козаковъ къ себѣ на службу одновременно съ козаками русскими, проживавшими въ низовьяхъ Днѣпра, и посылалъ имъ сукно, что дѣлалось и для козаковъ днѣпровскихъ; а въ 1561 году, увѣдомляя черкаскаго старосту, что 24 бѣлгородскіе козака желаютъ поступить къ нему въ службу, онъ приложилъ при своей грамотѣ ихъ имена. Эти имена всѣ до одного — татарскія.

Въ русскихъ лѣтописяхъ прежде всего являются извѣстія о козакахъ рязанскихъ, такъ какъ юго-восточная рязанская Украина болѣе другихъ странъ подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. На границахъ литовскихъ, въ княженіе Василя, упоминаются козаки смоленскіе. Король Сигизмундъ не разъ жаловался великому князю, что они нападали на литовскія владѣнія. Потомъ появились козаки путивльскіе и наконецъ — донскіе. Послѣдніе, въ Сѣверной Руси, соотвѣтствовали, по своему удаленію отъ населенныхъ мѣстъ, южно-русскимъ козакамъ, низовымъ или запорожскимъ.

Въ первыя, до-историческія времена южно-русскаго козачества, пастушеская жизнь въ „дивныхъ поляхъ“ была, какъ видно, развита у татаръ сильнѣе, нежели у русскихъ. Днѣпровскіе козаки позаимствовались отъ своихъ сосѣдей нѣсколькими терминами и навсегда усвоили ихъ своему быту. У татаръ, такъ же какъ и у днѣпровскихъ козаковъ, *чабанъ* значило пастухъ овецъ. Расторопнѣйшій изъ пастуховъ дѣлался у татаръ начальникомъ *чабановъ* своднаго стада и назывался *одаманъ*. Это — козацкое *отаманъ*. Сводное же стадо составляли десять соединенныхъ стадъ, въ каждомъ по тысячѣ овецъ, и называлось такое стадо *кочмъ*. Отсюда, очевидно, произошло козацкое слово *кочмъ*, означавшее

становище, сборное мѣсто, лагерь ¹⁾). Наконецъ, самая манера носить чубы, прозванные „оселѣдцами“, позаимствована козаками отъ татаръ (если не вспоминать о чубѣ Святославопомъ), у которыхъ воинственная молодежь, царьки и мурзы, не брили головы, какъ прочіе, а оставляли на макушкѣ чубы и закручивали ихъ вокругъ уха.

Въ политической жизни крымскихъ татаръ былъ періодъ мирныхъ промысловъ, способствовавшій сближенію ихъ съ сосѣдями. Періодъ этотъ предшествовалъ паденію Цареграда и распространенію турецкаго владычества вокругъ Чорнаго моря. Истощивъ свои силы во внутреннихъ раздорахъ, татары обратились въ то состояніе, изъ котораго вывели ихъ предводители, вдохновенные мыслью объ опустошеніи всего не-монгольскаго. Пастушество сдѣлалось для татаръ идеаломъ счастливой жизни. Въ гонимомъ бурями усобицъ населеніи татарскомъ явилась потребность отдыха, который оно и нашло въ богатыхъ растительностію степныхъ мѣстностяхъ по-надъ Азовскимъ и Чорнымъ морями и по берегамъ нижняго Днѣпра, Буга, Днѣстра. Если когда-либо, то преимущественно въ этотъ періодъ времени могло произойти сближеніе славянскихъ кочевниковъ съ монгольскими, когда и со стороны крымскаго хана, и со стороны молдавскаго господара дѣла съ Литовско-Русскимъ княжествомъ и Польскимъ королевствомъ были приведены въ спокойное состояніе.

У крымскихъ татаръ сохранилось преданіе, что литовскій выходець, по имени Гирей, воспиталъ одного изъ потомковъ Чингиза тайно отъ враждовавшихъ между собою царьковъ, и что, когда этотъ питомецъ литвина Гирей (можетъ быть, литовскаго русина ²⁾) былъ избранъ татарами на ханство, — онъ, въ благо-

¹⁾ Хартахай, *Историч. Судьбы Крымскихъ Татаръ*.

²⁾ *Гиря* въ украинскомъ языкѣ значитъ стриженная голова. *Гирей* будетъ значить гирявый. Слѣдовало бы говорить *гирій*; однакожъ мы имѣемъ двойную форму въ подобномъ словѣ: *мурій* и *мурей*, человекъ маврскаго происхожденія, или *мурый*, смуглый.

дарность къ Гирею, соединилъ свое имя съ его именемъ и завѣщалъ своимъ потомкамъ дѣлать то же самое. Этимъ способомъ началась династія хановъ Гиреевъ. Первый изъ нихъ, Девлетъ-Гирей, названный впоследствии, за путешествіе въ Мекку, Хаджи ¹⁾ Девлетъ-Гиреемъ, старался пріучить татаръ къ осѣдлой жизни, къ мирнымъ занятіямъ, ремесламъ и торговлѣ. Его царствованіе, продолжавшееся 29 лѣтъ, было временемъ дружескихъ отношеній къ Россіи и мирнаго союза съ Польшею. Дѣйствуя на смягченіе татарскихъ нравовъ посредствомъ распространенія въ Крыму магометанства на мѣсто язычества, онъ въ то же время отличался вѣротерпимостію ко всѣмъ исповѣданіямъ, доходившею до величайшей кротости, и дѣлалъ вспомошествованія даже христіанскимъ монастырямъ. При такомъ настроеніи хана, сношенія между ордою монгольской съ одной—и ордою славянской съ другой стороны ограничивались торговыми сдѣлками: злопамятство русскихъ къ татарамъ было усыплено; они, можетъ быть, и дрались по немногу, но не воевали.

Со вступленіемъ на ханство Менгли-Гирей, одного изъ восьми его сыновей, дѣла въ Крыму приняли противоположный ходъ. Этотъ ханъ возбуждалъ въ татарахъ дикій, воинственный духъ и безпрестанно водилъ ихъ въ русскія области за добычею. Поэтому завязтыя ссоры между татарами и русскими козаками могли начаться только въ концѣ XV вѣка.

Въ 1453 году турки завоевали Цареградъ. Черезъ 22 года Менгли-Гирей помогъ имъ овладѣть генуэзскимъ городомъ Кафою и уничтожить въ Крыму генуэзскую колонію. Рѣзня, произведенная татарами въ Кафѣ, и мусульманскій фанатизмъ, привитый турками татарамъ, вмѣстѣ съ повсемѣстными слухами о страданіяхъ христіанъ подъ игомъ невѣрныхъ, наступавшихъ на Европу съ востока, должны были поселить въ южно-русскихъ козакахъ враждебное чувство къ сосѣдямъ; а набѣги татаръ на кievскую,

¹⁾ *Хаджи* значитъ богомолецъ.

брацлавскую и подольскую Украину, начавшіеся съ воцареніемъ Менгли-Гирея, возбудили въ нихъ жажду мести къ невѣрнымъ. Если къ этому примѣшались еще сосѣдскія ссоры за пастбища, за стада, за звѣринные гоны и рыбные уходы, то въ днѣпровскихъ и днѣстровскихъ пустыняхъ должна была начаться постоянная борьба между выходцами изъ европейскихъ и выходцами изъ азіятскихъ поселеній.

Съ водвореніемъ турокъ въ Греческой имперіи, понадобились имъ толпы невольниковъ и невольницъ для служенія ихъ азіятской роскоши и нѣгѣ. Убогіе татары, находя поставку плѣнниковъ богатымъ туркамъ весьма выгодною, обратили набѣги въ постоянный промыселъ, и вывозили въ Крымъ изъ Черновой Руси, Польши и литовской Украины сотни и тысячи захваченныхъ врасплохъ людей. Съ каждымъ годомъ этотъ промыселъ принималъ болѣе широкіе размѣры, такъ что, по сказанію Михалона Литвина, относящемуся къ половинѣ XVI вѣка, корабли, приходившіе въ Крымъ изъ-за моря съ оружіемъ, одеждами и лошадьми, отплывали обратно, нагруженные невольниками. Это обстоятельство измѣнило, не только отношенія между монгольскимъ и славянскимъ міромъ, но и самыя границы между ними.

До подчиненія султану Крымскаго Юрта, граница между владѣніями литовскими и землями, принадлежавшими перекопскимъ, очаковскимъ и бѣлгородскимъ татарамъ, а далѣе — молдавскому господарю, шла такимъ образомъ. Начиналась Литва отъ рѣчки Морахвы, впадающей въ Днѣстръ. Отсюда шла граница среднюю Днѣстра мимо Тягини (Бендеръ) къ устью Днѣстра и къ морю. Далѣе шла она днѣпровскимъ Лиманомъ мимо Очакова, который стоялъ на литовской землѣ, и только въ 1492 году былъ отстроенъ крымцами на старомъ городищѣ¹⁾; потомъ входила

¹⁾ Тогда же и „городище“ Тягинь, въ послѣдствіи цѣль набѣдовъ козацкихъ, было „оправлено“ Менгли-Гиреемъ, не смотря на протестъ Александра Казимировича, который называлъ Тягинь своею „отчиною.“

въ устьѣ Днѣстра и шла ложемъ рѣки до острова Тавани. У Тавани были перевозки, съ которыхъ половина дохода принадлежала литовскому великому князю, а другая — крымскому хану. Начиная отъ Тавани, Днѣпръ принадлежалъ уже весь Литвѣ; граница поворачивала къ юго-востоку до Овечей-Воды, потомъ шла вверхъ по теченію этой рѣки и по верховьямъ рѣкъ Самары и Оргея до Донца, а отъ Донца по Тихую-Сосну, гдѣ литовскія владѣнія прикасались къ московскимъ. На эти границы послѣдній кievскій князь Симеонъ Олельговичъ посылалъ своего черкаскаго намѣстника Свиридова, и тотъ, разъѣзжая по всему рубежу, обозначалъ предѣлы земли литовской отъ земли татарской, Бѣлгородчины и владѣній волошскихъ.

Въ устьѣ Днѣстра, повыше моря, по направленію къ городу Тягинѣ, на лѣвомъ берегу, находился встарину литовско-русскій портъ Кочубей (нынѣ Одесса), откуда доставлялся хлѣбъ въ незавоеванную еще турками Грецію. Длугошъ, современникъ Владислава Ягайла, подъ 1415 годомъ, говоритъ, что въ этомъ году прибыли царградскіе послы къ Ягайлу съ просьбою о вспоможеніи хлѣбомъ ихъ столицѣ, тѣснимою турками, и что Ягайло назначилъ имъ въ Кочубей мѣсто, куда для нихъ будетъ сплавленъ хлѣбъ. Невдалекѣ отъ Бѣлгорода и Очакова лежали земли русскихъ пановъ: Бучацкихъ, Язловецкихъ и Сінявскихъ. Сохранились акты граничныхъ споровъ между панами Язловецкими и королемъ Владиславомъ III о правѣ собственности на какія-то морскія насыпи. Еще король Сигизмундъ I договаривался съ султаномъ Солиманомъ, чтобы жители Бѣлгорода, лежащаго на противоположномъ берегу Днѣстра, платили въ его казну ежегодную дань за пользованіе пастбищами восточнаго берега. Но уже и въ то время обладаніе черноморскимъ берегомъ сдѣлалось для литовско-польскаго правительства темнымъ преданіемъ, такъ что оно за справкою о бывшихъ границахъ со стороны татаръ обратилось къ кievскимъ, каневскимъ и черкас-

скимъ старожиламъ; а спустя немного времени, королевскій ревизоръ пограничныхъ замковъ, Михалонъ Литвинъ, въ своемъ докладѣ королю Сигизмунду-Августу, смѣшалъ таванскіе перевозки на Днѣпрѣ съ древними развалинами на рѣкѣ Бугѣ, которыя были прозваны Витовтовою Банею, и въ которыхъ будтобы жили откупщики великаго княжества Литовскаго, взимавшіе съ купцовъ пошлину. Но послѣ паденія Цареграда быстро отхлынуло промышленное населеніе русское къ сѣверо-западу. Торговля русскимъ хлѣбомъ уступила мѣсто торговлѣ русскими плѣнниками. Плодородное междурѣчье нижняго Днѣпра, Буга, Днѣстра превратилось въ табуемую дикую пустыню, что во времена Стефана Баторія войско Самуила Зборовскаго, скитаясь вдоль Буга и Ингула, умирало съ голоду, а въ концѣ XVI вѣка козацкій гетманъ Наливайко писалъ къ Сигизмунду III, будтобы въ этой пустынѣ отъ сотворенія міра никто никогда не жилъ.

Утвердись въ Царьградѣ, турки подчинили Крымское Ханство верховной власти своего султана, который владѣлъ Кафюю, главнымъ рынкомъ тогдашняго Крыма, и содержалъ въ Козловѣ (Евпаторіи) гарнизонъ турецкій. По договору 1478 года, заключенному между султаномъ и ханомъ Менгли-Гиреемъ, султанъ, какъ верховный государь Крымскаго Юрта, могъ вести хана съ его народомъ на войну, давая ему содержаніе; самъ же ханъ не имѣлъ права начинать войну и заключать миръ. Направляя оруду то въ одну, то въ другую сторону, султаны скоро отбѣсдили отъ Чорнаго моря прежнихъ поселенцевъ и сдѣлали бѣлгородскія и очаковскія побережья путемъ сообщенія между Крымомъ и задунайскою Турціею. Вслѣдъ затѣмъ, подчинивъ своему господству Молдавію и Валахію, они распространили свои владѣнія до Днѣстра. Сынъ Казимира Ягеллона, Альбрехтъ, сражался съ ними уже въ собственныхъ предѣлахъ; внукъ Казимира, Людовикъ Венгерскій, палъ въ битвѣ съ турками подъ Мучемъ; а внука Казимира, Изабелла Запольская, венгерская

королева, въ 1541 году, отдала султану Солиману своего малолѣтняго сына въ опеку съ половиною Венгріи. ¹⁾ Вслѣдъ за осадю Вѣны, войска Солимана готовы были проложить себѣ путь къ завоеванію остальной Европы. Ужаснувшись турецкаго могущества, польское правительство согласилось на всѣ статьи мирнаго договора съ Турціей и, обѣщавъ платить ежегодную дань татарамъ, отказалось отъ устьевъ Днѣстра и Днѣпра.

Татарскіе набѣги во времена Менгли-Гирея были такъ опустошительны, что въ началѣ XVI вѣка Украина Польскаго государства обозначалась пограничными крѣпостями Бускомъ и Галичемъ, а Баръ, Хмельникъ и Винница считались опасными форпостами, въ которыхъ могли держаться только отважнѣйшіе воины. Даже въ концѣ XVI вѣка польскій географъ Сарницкій писалъ, что замокъ Баръ построенъ при самомъ входѣ въ Татарію ²⁾; а турки и въ 1617 году не переставали утверждать, будтобы замки: Бершадъ, Корсунъ, Бѣлая-Церковь, Каневъ, Черкасы и Чигиринъ, стоятъ на землѣ, принадлежащей султану. Впослѣдствіи сторожевая линія выдвинулась въ степи до Брацлава, который, съ одной стороны, посылалъ свои разбѣды къ Подольскому Каменцу, а съ другой — къ Бѣлой-Церкви. Бѣлоцерковскіе разбѣды встрѣчались къ западу съ брацлавскими, а къ востоку съ кievскими. ³⁾ По эту черту, до конца XVI вѣка, простиралась Украина, то есть пограничная область Польско-Литовскаго госу-

¹⁾ Послѣ разбггя войска „римскаго короля“ Фердинанда, Изабелла принесла сына въ пленкахъ въ шатеръ султана. Мать и сынъ были отосланы въ замокъ Липу.

²⁾ Bar, arx munitissima... in ipso aditu Scythiae excitata.

³⁾ Какъ обширна была область подобныхъ разбѣдъ и каковы были географическія свѣдѣнія о южнорусскихъ земляхъ въ то время, можно видѣть изъ разсказа Папроцкаго, который, какъ видно, имѣлъ подъ рукою дневныя записки русскаго пана Юрія Язловецкаго, совершившаго разбѣдъ, для преслѣдованія татаръ, изъ Подолія на Кіевъ и т. д., въ 1571 году.

„На моемъ вѣку (говоритъ Папроцкій, Herby Rycerssua Polskiego, Krakow, 1584) былъ Юрій Язловецкій воеводою русскимъ и гетманомъ короннымъ. Ни

дарства; по эту черту обрабатывались тогда поля и виднѣлись между нихъ села и хутора, съ пасіками, охраняемые стороже-

однѣмъ гетманъ не водилъ такъ много людей и такъ далеко противъ непріятелей. А было это въ 1571 году. Свѣдавъ о множествѣ татаръ, которне шли изъ Московщины съ великою добычею, боялся онъ, чтобы они не причинили вреда и отечеству, и пошелъ противъ нихъ съ людьми до самаго Кіева. Двинулся онъ съ мѣста мая 16. Сперва прибылъ въ Межибожь 22 числа, а въ Хмельникъ 28-го. Тамъ польская граница оканчивалась въ трехъ миляхъ,—не то чтобы владѣніе королевства Польскаго, а только Короны,—у Дубровы Слободищевской и въ одной милѣ отъ Хмельника. На пути въ Бѣлю-Церковь вотъ какія урочища: Кожухова Дуброва, Слободище мѣстечко, Хворостенка, Вчорашне, Вива рѣка, Рогозно, Подъ-Дорогами-Гай, гдѣ засѣдаютъ татары, подстерегая сольниковъ (чумаковъ съ солью) со всѣхъ сторонъ, и наши также, кто кого опередить; Камяница рѣка, Растваница рѣка, гдѣ убитъ Струсь, славный мужъ. Въ Бѣлю-Церковь пришли 3-го іюня и шли туда слѣдующими урочищами: прежде всего Перепетовы-Курганы, Михалкова Дуброва, Колицянка, Стугна, Борщевка, Віта, Городище, Кіевъ. А отъ Хмельника до Кіева подольскихъ милъ 47. Этотъ городъ Кіевъ имѣетъ возлѣ себя рѣки Днѣпръ, Пселъ, Орининъ, Триполь, Тясминъ, Росаву, Припеть, Мшну, Рось. Выѣхали изъ Кіева 18 іюня; пошли въ поля на Ингулецъ и на Великій Ингуль; съ поджидаемъ шли слѣдующими урочищами: прежде всего Настаска, Стугна, Ганкова, Ольшаница, Красная-Рѣчка, Каляльникъ, Ресава, и у ней шляхъ татарскій, впадаетъ въ Рось, Острикъ, Бурганъ, гдѣ сторожить кіевская стража, Явлодова-Долина, Красный-Рігъ, Ваераки, Болынина, Медвежь-Головы, Рголі пагозу, (Пороги-на-Роси?), Городище, Корсунъ, Ольшанка, Ольшаница, Шахаровъ-Бурганъ, Громошибне, Регепothe Лебединске, Шляхъ-Татарскій-Великій, три Ташляки, Лебединъ, въ которомъ оставили обозъ, и переебравшись пошли въ поля. Шли слѣдующими урочищами: на Ясминъ, Голый-Борокъ, Лѣсъ Нерубаекъ, Тясминъ-Верхній, Козенки, Чорный-Лѣсъ отъ Лебедова, Ингульцы, tzy Łazpie (Три-Бани); Ингуль всталъ у Болтовскаго-Лѣсу; черезъ байраки 2 мили; Бочки отъ него 2 мили. Оттуда повернули къ Черкасамъ, переправились черезъ Тясминъ, Чигиринъ, 16 милъ. Тамъ же новый замокъ, который зовутъ Рытій-Городокъ. Черкасы основалъ какой-то Остафій. Забившись такъ далеко съ великимъ урономъ рыцарства, дали уйти непріятелю за folgą szpiegow. Вернулись, ничего не сдѣлавши, въ Каневъ, 7 милъ. Шли такимъ путемъ: Мшна, черезъ которую переправились впасть, Чортова-Могила, Шкаратуль, Остаповы-Колодязи, Радимановъ-Переяславъ, Городище, Treboszny (Три Башни?). Пришли въ Каневъ 11 іюля; до Бѣлой-Церкви 12 милъ; отъ Bez baieraków 7 дней пути до Семи-Байраковъ. Оттуда 7 дней ходьбы пути до Пещанаго-Броду, а оттуда недалеко до Буковихъ-Байраковъ. Осматривали остроги важнѣйшіе на рѣкѣ Днѣпрѣ, Базавлукъ, въ 35 миляхъ отъ Черкасъ; Бѣлозерскій, 47 милъ отъ Черкасъ; Хортица, 40 милъ. Пришли въ Пиковъ, городъ Филона Кметы Чорнобыльскаго, воеводи смоленскаго и пр., іюля 14. Оттуда въ Хмельникъ, въ Винницу того же мѣсяца 20, въ Баръ 24. Потомъ каждый отправился домой.“

выми могилами. На могилахъ стояли замковыя команды, готовые подать условный знакъ, что татарскіе загоны близко. Мѣстами, на нихъ висѣли такъ-называемыя королевскіе *дзвоны*; мѣстами зажигались бочки, облитыя смолою. Далѣе, тянулись къ Перекопу, на нѣсколько дней пути, необозримыя степи, или такъ называемыя дикія поля, по которымъ бродили нигѣмъ не тревожимыя стада сернѣ, оленей, сугаковъ, дивихъ лошадей, буйволовъ. Словомъ—къ востоку отъ русскихъ подвижныхъ поселеній лежало тогда море степей, на которомъ лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды былой человѣческой жизни.

Черезъ это степное море переправлялись татары въ Украину, которая не всегда могла защищаться отъ нихъ своими укрѣпленными мѣстами. Въ 1482 году ханъ Менгли-Гирей сжегъ и заповолилъ весь Кіевъ, разграбилъ и Печерскій монастырь. Той же участи должны были ожидать и послѣдніе замки на Днѣпрѣ, Каневъ и Черкассы. Только неуспяная бдительность сторожевыхъ постовъ спасала ихъ отъ внезапнаго набѣга, а мужество русскихъ пограничныхъ дружинъ заставляло татаръ пробираться на добычу украдкою.

При такомъ положеніи края, днѣпровскій Низъ, богатый рыбами и звѣрами, былъ доступенъ однимъ промышленникамъ-воинамъ, которыхъ мы и встрѣчаемъ въ современныхъ актахъ подъ именемъ козаковъ. Предпріимчивые люди съ верхняго Днѣпра и „съ другихъ сторонъ“ хаживали въ тѣ времена водою на Низъ къ Черкасамъ и далѣе. Со всего, что тамъ добывали, они были обязаны давать кіевскому воеводѣ десятую часть; а когда сверху или снизу привозили въ Кіевъ просольную вялую или свѣжую рыбу, то отъ бочки соленой рыбы воеводскій урядникъ, называвшійся осмникомъ, бралъ на городъ (то есть на воеводскій замокъ) по шести грошей, а со свѣжей—десятую часть. Эти промышленники называются въ актѣ 1499 года козаками и различаются отъ купцовъ, которые, приѣзжая въ Кіевъ, становились,

такъ же какъ и козаки, на подворьяхъ у мѣщанъ. Приѣзжій въ Кіевъ народъ предавался, вмѣстѣ съ мѣщанами, буйному разврату. Привычка „дѣлать непочестныя речи съ бѣлыми головами“ (женщинами) вкоренилась тогда въ Кіевѣ до такой степени, что пеня за это составляла одну изъ главныхъ статей дохода митрополита и воеводы. Но пеня за непочестныя речи съ такъ-называемыхъ гостей, которыми въ тѣ времена были турки, татары и армяне, превышала взысканіе съ христіанъ въ 12 разъ.

Что козакъ былъ прежде всего отважный воинъ-добычникъ, это видно изъ появленія козаковъ славянскихъ въ противудѣйствіе разбоямъ козаковъ монгольскихъ. Что онъ былъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такимъ же степнымъ чабаномъ, какъ и татаринъ, объ этомъ можно заключить изъ приведенныхъ выше ючевыхъ терминовъ, усвоенныхъ козацкому быту. Что, наконецъ, козаки, подобно древнимъ варяго-руссамъ, занимались торговлею въ перемежку съ войною, доказываютъ ихъ промышленные походы на Низъ, недоступные во времена Менгли-Гирея ни для кого, кромѣ людей военныхъ.

Въ польскихъ лѣтописяхъ извѣстіе о козакахъ-воинахъ встрѣчается впервые подъ 1508 годомъ. Децій, оканчивающій свои свѣданія 1516 годомъ, упоминаетъ о „славномъ русскомъ воинѣ Полюсѣ“, который, въ одно время съ княземъ Острожскимъ, побилъ татарскіе загоны, опустошавшіе литовскую Русь. Більскій называетъ этого Полюса „русакомъ, славнымъ козакомъ“, а Стрыйковскій — „русскимъ славнымъ козакомъ и рыцаремъ“. Въ позднѣйшихъ польскихъ лѣтописяхъ сохранилось преданіе, которое показываетъ, что старосты сторожевыхъ королевскихъ замковъ дѣлали набѣги въ татарскіе улусы такъ точно, какъ татары — въ украинскіе города и села. У тогдашнихъ пограничниковъ это называлось *ходить въ козаки*.

„Въ 1516 году“, рассказываетъ Гваньинъ, „Менгли-Гирей, воспользовавшись войною короля Сигизмунда съ московскимъ ца-

ремъ, сдѣлать набѣгъ на украинскія земли, хотя получалъ подарки отъ обоихъ государей. Видя тогда, что татары ругаются надъ ними, наши не хотѣли больше вѣрить ихъ клятвѣ и начали содержать больше служилыхъ людей на пограничѣ. Нѣсколько сотъ воиновъ, подъ предводительствомъ хмельницкаго старосты, Предислава Лянцворонскаго, пошли въ козаки подъ Бѣлгородъ, заняли турецкія и татарскія стада и погнали домой; а когда татары и турки, догнавшіе ихъ у Овидіева озера, дали имъ битву, наши ихъ побѣдили и съ добычею возвратились къ своимъ. „Съ того-то времени“, продолжаетъ лѣтописецъ, „начались у насъ козаки, которые потомъ, что далѣе, то все больше успѣвая въ военномъ ремеслѣ, отплачивали татарамъ тѣмъ самымъ, что наши терпѣли отъ татар“.

Выраженіе *ходить въ козаки* показываетъ, что козачество существовало сперва независимо отъ пограничной стражи, которою предводительствовали старосты. Они только приспособили свои средства къ обычаямъ козацкимъ, усвоили эти обычаи своей дружинѣ. Тѣмъ не менѣе походы ихъ на татаръ способствовали развитію козачества, какъ силы, противодѣйствовавшей азіатскому хищничеству. Упомянутый Гваньиномъ Предиславъ Лянцворонскій происходилъ отъ древняго литовскаго рода Збигнѣвовъ. Нѣсколько братьевъ его занимали важныя должности въ государствѣ. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, изучая военное искусство, къ которому было направлено все тогдашнее образованіе; былъ въ Палестинѣ и, въ заключеніе пройденной имъ школы, приобрѣлъ опытность въ отраженіи татарскихъ набѣговъ подъ руководствомъ знаменитаго короннаго гетмана Константина Ивановича Острожскаго. Такова была личность, вокругъ которой собирались козаки и пограничные старосты для совмѣстнаго отраженія азіатскихъ наѣздниковъ.

Польскіе лѣтописцы вспоминаютъ о нѣсколькихъ удачныхъ походахъ Лянцворонскаго на козацкій манеръ, и съ его име-

немъ постоянно соединяють другое громкое въ то время имя Остапа Дашковича, старосты черкаскаго и каневскаго. Дашковичъ у лѣтописцевъ прослылъ простолюдиномъ, возвышеннымъ, за воинскія способности, до званія королевскаго старосты; но это опровергается родственными его связями съ панскими домами. Сестра Дашковича, Милохна, была замужемъ сперва за Борисомъ Типкевичемъ, а потомъ за кievскимъ воеводою Немиричемъ. Сверхъ того, извѣстно, что у него были наслѣдственныя по отцу и матери села на рѣчкѣ Раставицѣ, подъ кievскимъ замкомъ и возлѣ Путивля. Въ 1503 году Дашковичъ вступилъ въ службу къ московскому царю, и, когда польскій король требовалъ его выдачи, царь отвѣчалъ, что Дашковичъ у короля былъ „мѣтной“ (знатный) человекъ, что онъ бывалъ отъ короля во многихъ мѣстахъ на Украинѣ воеводою и, по старому обычаю, перешолъ на службу отъ одного государя къ другому. Служба Дашковича у московскаго царя продолжалась лѣтъ пять, но въ чемъ именно она состояла, не извѣстно. По ходатайству князя Острожскаго, король опять принялъ его къ себѣ и ввѣрилъ ему два украинскіе замка, Каневъ и Черкасы. Впослѣдствіи онъ получилъ въ пожизненное владѣніе еще три замка внутри литовской Украины, именно: Кричевъ, Чечерскъ и Пропойскъ.

Каневъ и Черкасы были тогда крайними сборными пунктами для днѣпровскихъ козаковъ. Татары, идучи на добычу, держались отъ нихъ какъ можно подальше. Когда ханъ шолъ на Москву въ помощь польскому королю, онъ просилъ короля удерживать черкасскихъ и каневскихъ козаковъ отъ нападенія на его войско. Иногда онъ жаловался королю, что черкасскіе и каневскіе козаки ходятъ подъ его улусы вмѣстѣ съ козаками путивльскими, что они становятся подъ татарскими улусами на Днѣпрѣ, (1527 годъ), нападаютъ на татаръ, а кромѣ того, обо всемъ, что здѣсь узнають, сообщаютъ въ Москву; что въ Черкасахъ королевскій староста держитъ на вѣстяхъ путивльскихъ коза-

ковъ, и что, лишь только татары двинутся въ походъ, въ Москвѣ ужъ объ этомъ знаютъ. Очевидно, что такой пограничный староста, какъ Дашковичъ, могъ дѣйствовать почти такъ же самостоятельно, какъ удѣльный князь. Каждый изъ троиухъ сосѣднихъ государей одинаково нуждался въ его усердіи; для каждаго онъ могъ быть одинаково опасенъ. Въ разгарѣ войнъ съ московскимъ царемъ, Дашковичъ оставляетъ короля и служитъ его непріятелю; но лишь только вздумалъ вернуться въ родной край, король вѣряетъ ему два важные пограничныя замка. Однажды, сражаясь на Днѣпрѣ съ татарами, Дашковичъ былъ захваченъ ими въ плѣнъ, но и тутъ его щадили, какъ знаменитаго воина. Воспользовавшись междуусобною войною въ Ордѣ, онъ ускользнулъ изъ плѣна и возвратился въ Черкасы невредимъ. Дружескія связи его съ Лянцоронскимъ, а также съ винницкимъ и брацлавскимъ старостами, давали ему возможность предпринимать удачныя походы въ самую глубь татарщины. Въ 1531 году Лянцоронскій умеръ. Дашковичъ одинъ выдерживалъ напоръ татарской силы на пограничья. У короля между тѣмъ шли переговоры съ ханомъ о вѣчномъ мирѣ. Король, чрезъ своего посла Оникія Горносталя, предлагалъ платить хану 7.500 червонцевъ и на столько же присылать сугна за всякій годъ, въ который татары оставятъ его владѣнія въ повоѣ. Ханъ постоянно увѣрялъ короля въ своей дружбѣ, а татары между тѣмъ вторгались въ польскія владѣнія. Видя все это, Дашковичъ продолжалъ свое дѣло постарому. Козаки его промышляли рыболовомъ и звѣриною ловлею по Днѣпру до самихъ Пороговъ, или — что все равно — воевали съ татарами въ ихъ займищахъ. Когда татары шли на Московское царство, козаки отрѣзывали у нихъ отъ главнаго войска слабыя отряды; когда татары возвращались въ свои улусы, добыча попадала въ козацкія руки. Жалобы хана не имѣли никакихъ послѣдствій. Наконецъ ханъ объявилъ королю, что, не смотря на ихъ дружескія отношенія, пойдетъ на

Черкасы и Каневъ войною. Дѣйствительно, въ 1532 году, Саибъ-Гирей осадилъ Черкасы. По сказанію Бильскаго, въ татарскомъ войскѣ было 1.500 янычаръ и 50 пушекъ. Но Дашковичъ тринадцать дней отражалъ приступы съ такимъ успѣхомъ, что наконецъ ханъ былъ вынужденъ примириться. Подружась за трапезою съ Дашковичемъ, Саибъ-Гирей отправилъ къ королю на Пётровскій сеймъ посольство. Вмѣстѣ съ ханскими послами отправился и Дашковичъ въ Пётровъ. У него созрѣлъ планъ защиты Украины посредствомъ устройства на Днѣпрѣ постоянной стражи въ 2.000 человекъ, которая бы, разъѣзжая на човнахъ-чайкахъ, не давала татарамъ переправляться на правую сторону. Сверхъ того, по его проекту, надобно было содержать конный отрядъ въ нѣсколько сотенъ, для снабженія защитниковъ Днѣпра пищею.

На сеймѣ приняли Дашковича съ большими похвалами и осыпали подарками. Планъ его всѣмъ понравился. Были предложенія о постройкѣ на днѣпровскихъ островахъ крѣпостей и объ основаніи за Порогами рыцарской школы; но тѣмъ дѣло и кончилось. Дашковичъ послѣ того еще воевалъ противъ татаръ, потомъ вмѣстѣ съ татарами опустошалъ Московскую землю въ отищеніе за Литву; въ 1535 году онъ умеръ, бездѣтнымъ, какъ и Лянцкоронскій, — можетъ быть, даже и неженатымъ. Его родовыя села и движимое имущество, характеризующее козацкій бытъ: деньги, золото, серебро, драгоценныя вещи, одежды, лошади со сбруей и оружіемъ, рогатый скотъ, овцы, свиньи и пасіки въ Черкасахъ и Каневѣ, достались въ наслѣдство его сестрѣ и племянницѣ.

Проектъ Остапа Дашковича объ устройствѣ на Днѣпрѣ постоянной стражи показываетъ, что опыты въ этомъ родѣ были уже дѣлаемы. Не доставало только помощи со стороны правительства, безъ которой непрочно были за Порогами займища черкасскихъ и каневскихъ козаковъ. Изъ актовъ того времени

мы знаемъ, что ближайшіе къ Черкасамъ бобровые гоны, рыболовныя озера и другіе „входы“ принадлежали искони кievскому Пустынскому монастырю Св. Николы. Остапъ Дашковичъ, по вступленіи на староство, спрашивалъ черкасскихъ старожилонъ, бояръ, мѣщанъ и козаковъ, по какія именно урочища предоставлено Никольскому монастырю исключительно пользоваться правомъ звѣриной и рыбной ловли, и, по своей обязанности, утвердилъ за никольскими старцами это право, отстраняя отъ него козаковъ. Хотя козаки, по своему обычаю, вступались въ монастырскіе входы и живились добычею на счетъ никольскихъ старцевъ, но далеко не удовлетворяли своимъ нуждамъ, — тѣмъ болѣе, что старцы выпросили у кордья подтвердительную грамоту. Козаки, вмѣстѣ съ мѣщанами, искали себѣ независимыхъ угодій въ низовьяхъ Днѣпра и, по праву перваго займа, владѣли съобща Звонецкимъ порогомъ, то есть всѣмъ прилегающимъ къ нему урочищемъ. Ссоры мѣщанъ и козаковъ съ воеводами и старостами, оставившія слѣдъ свой въ современныхъ актахъ, даютъ понять, что одна и та же нужда въ средствахъ къ существованію дѣлала изъ козаковъ мѣщанъ и изъ мѣщанъ козаковъ, то-есть—или собирала ихъ въ городъ подъ замковый прісудъ, или гнала въ днѣпровскія пустыни для вольной добычи. Такъ, въ 1523 году, кievскіе мѣщане жаловались королю на своего воеводу Андрея Немировича, что онъ принуждаетъ ихъ ходить въ походъ пѣшкомъ, а ихъ лошадей и оружіе раздаетъ своимъ служебникамъ, заставляетъ мѣщанъ стеречь плѣнныхъ татаръ и караетъ ихъ за бѣгство, а по закону этого дѣлать не слѣдуетъ; сверхъ того, воевода присвоиваетъ себѣ мѣщанскія дворища и угодія, и приневоливаетъ мѣщанъ къ черной работѣ, которой они не обязаны исполнять. Жалобой ничего не добились мѣщане; надобно было или кориться воеводѣ, или бѣжать изъ Кіева. Въ 1537 году, вскорѣ по смерти Дашковича, черкасцы и каневцы вбунтовались противъ своего старосты Василя Тишкевича. Причина

бунта осталась неразъясненной, но можно догадываться из позднейшей жалобы черкасцевъ на другого старосту, Яна Пенька, что дѣло шло здѣсь о спорныхъ доходахъ и о предѣлахъ старостинской власти. Янъ Пенько хотѣлъ заставить мѣщанъ и посполство стеречь замокъ, который до тѣхъ поръ охраняли особые „башники“, принуждалъ ихъ на себя работать, возить дрова и сѣно, не позволялъ возить въ Кіевъ на продажу медъ, не давалъ ловить рыбу и бобровъ, отнималъ издавна принадлежавшій мѣщанамъ порогъ Звонецъ, собиралъ съ нихъ двойныя коляды на праздникъ Рождества Христова и отягощалъ поставкою подводъ. По королевскому повелѣнію, оный же воевода Андрей Немировичъ, королевскій „дворный гетманъ“, вникнувши въ дѣло на мѣстѣ, при содѣйствіи двухъ королевскихъ дворянъ, призналъ Пенька невиновнымъ. Волей-неволей надобно было мириться съ притѣснителемъ. Всего тягостнѣе была для мѣщанъ сторожевая служба. При посредствѣ воеводы Немировича, мѣщане и все посполство, а также черкасскія вдовы, княжескіе и панскіе люди и духовенство, обязались давать старостѣ по два гроша съ каждаго человѣка, который кормится собственнымъ хлѣбомъ, а староста долженъ на эти деньги нанимать замковую сторожу. На мѣщанахъ лежала обязанность отбывать сторожу только на урочищѣ Свирнѣ, да у Остроговыхъ воротъ, но и то только лѣтомъ. Сверхъ того, по старому обычаю, мѣщане обязаны были содержать полевую и водяную сторожу, а также переѣзжать татарскіе шляхи вмѣстѣ съ старостинскими „служебниками“.

Изъ этого видно, что на Украинѣ, не только замковой гарнизонѣ, но и всѣ жившіе возлѣ замка участвовали въ его защитѣ. Мѣщане городовъ, лежавшихъ внутри края, были жители мирные; мѣщане „замковаго присуду“, на пограничѣ, были воины. Прежній, до-татарскій порядокъ вещей въ юго-восточной Руси измѣнился мало; на старыхъ обычаяхъ строилось новое качество. Въ то же самое время, вокругъ старосты формировался

здѣсь привилегированный классъ, родъ пограничной шляхты. Одни изъ мѣщанъ выпрашивали, то есть покупали, у самого короля, другіе у его дворнаго гетмана, кievскаго воеводы, такъ-называемые вызволенные листы, которые освобождали ихъ отъ общихъ съ мѣщанами повинностей и обязывали только нести конную службу при старостѣ, да, по старинному обычаю, поддерживать въ порядкѣ замковыя укрѣпленія и давать на замковую сторожу каждый годъ по грошу и по четверти жита. Выходитъ, что эти зажиточные люди имѣли земледѣльческое хозяйство (роскошь на татарскомъ пограничѣ), и потому изъ мѣщанскихъ „потужниковъ“ они дѣлались служебниками старостинскими, наравнѣ съ пріѣзжими слугами, которыхъ старосты привлекали на пограничье, предоставляя имъ разныя льготы. За исключеніемъ этихъ избранныхъ, всѣ прочіе мѣщане относились къ старостѣ, какъ подданные къ пану. Староста, какъ мы видѣли, заставлялъ ихъ косить сѣно и доставлять въ замокъ дрова; не дозволялъ имъ возить медь въ Кіевъ, а скупалъ самъ по установленной однажды навсегда цѣнѣ; съ бобровыхъ гоновъ на Днѣпрѣ бралъ цѣлую половину; безъ дозволенія старосты, не могли они ѣздить и ходить въ рыбныя и бобровыя входы, не имѣли права продавать рыбу и промышлять какими бы то ни было „добычами“; половину, а иногда все имущество безсемейнаго козака послѣ его смерти, или — что было все равно — когда его возьмутъ татары, бралъ на себя староста, съ тѣмъ чтобы цѣнныя вещи передать королю; наконецъ, увеличивалъ обычную съ мѣщанъ и козаковъ подать, кояду на рождественскихъ святкахъ, до произвольной цифры. Все вмѣстѣ обнаруживаетъ, что козацкую службу отбывали на пограничѣ сперва всѣ вообще замковыя мѣщане; но старосты нашли необходимымъ окружать себя пріѣзжими людьми и богатѣйшими изъ мѣщанъ, чтобы держать остальныхъ въ рукахъ. По смыслу разбирательства, сдѣланнаго кievскимъ воеводою въ Черкасахъ, высшій классъ населенія этой столицы днѣпров-

скаго козачества составляли старостинскіе слуги, подъ руководствомъ которыхъ мѣщане переѣзжали татарскіе шляхи, и въ составъ которыхъ входили бывшіе мѣщанскіе „потужники“, выпросившіе себѣ у короля вызволенные листы; второй классъ составляли собственно мѣщане, а третій — такъ называемое посполство, въ томъ числѣ и козаки, то есть люди, жившіе исключительно добычею и заработкомъ, люди большею частью безсемейные и неосѣдлые. Прочіе мѣщане только ходили въ козаки, то есть бывали иногда козаками по роду занятій. Гонимые нуждою и увлекаемые жаждой вольности, козаки, на переکورъ разсчитавъ старосты, уходили въ днѣпровскія низовья, а оттуда иногда переходили въ „Московскую Землю“ на службу царю, съ которымъ воевалъ польскій король. Когда наступала зима, низовые добычники не смѣли показаться въ Черкасы, боясь королевскаго старосты; а старостѣ между тѣмъ былъ нуженъ боевой народъ. Чтобы привлечь своевольныхъ добычниковъ на зимовлю, онъ обѣщавъ бывало не смѣшивать ихъ съ тѣми, которые ушли въ Московщину, и въ доказательство посылалъ за Пороги охранную королевскую грамоту, или такъ-называемый глейтовый листъ, какъ это случилось въ 1540 году.

Таково было положеніе Черкасъ во времена первыхъ извѣстныхъ намъ козацкихъ походовъ, послѣ которыхъ для высшихъ классовъ украинскаго населенія ходить въ козаки и даже называться козаками сдѣлалось дѣломъ почетнымъ. Надобно думать, что промышленное козачество, привлекаемое торговыми интересами въ Кіевъ, усвоивало себѣ военные обычаи въ Черкасахъ. Этотъ городъ отличался боевымъ характеромъ издавна. Когда Менгли-Гирей на приморскомъ городищѣ, принадлежавшемъ Литвѣ, основалъ, въ 1492 году, замокъ Очаковъ, изъ Черкасъ предпринять былъ противъ этого замка походъ. Черкасцы, съ помощію Менгли-Гиреева брата, взяли Очаковъ приступомъ и разрушили до основанія. Прежде нежели запорожскій Низъ, сдѣлавшись постоян-

нымъ пристановищемъ для козаковъ, далъ имъ новое названіе — *низовцы*, днѣпровскіе козаки, въ отличіе отъ сѣверскихъ и донскихъ, назывались у сосѣдней Московской Руси *черкасами*. Это названіе распространилось въ послѣдствіи на весь южно-русскій народъ, хотя преимущественно выражало понятіе о людяхъ военныхъ. И дѣйствительно городъ Черкасы, до временъ Хмельницкаго, былъ наиболѣе окаяченный городъ изъ всѣхъ городовъ южнорусскихъ. По люстраціи 1622 года, мѣщанскихъ домовъ было въ немъ только 120, а козацкихъ — болѣе тысячи.

Выше уже сказано, что послѣ паденія Греческаго царства, поддержанное турками хищничество татаръ отгѣснило русское населеніе отъ устьевъ Днѣпра къ сѣверо-западу. Это значитъ — къ западному Бугу и къ верховьямъ Днѣстра. Кіевъ едва держался на старомъ своемъ пепелищѣ и оставался иногда совершенно безлюднымъ. Васильковъ стоялъ до 1586 года пустымъ городищемъ. Бѣлая-Церковь, Каневъ и Черкасы были сборными пунктами для смѣльчаковъ, которыми предводительствовали королевскіе старосты. Населеніе края вообще состояло изъ хуторовъ и пасіекъ, которые появлялись и исчезали по мѣрѣ большей или меньшей безопасности со стороны Крыма и нижняго Днѣстра, занятаго ногайцами и турками. Польское правительство не сознавало за собой довольно силы, чтобы устроить прочную защиту восточныхъ своихъ земель, и пришло къ убѣжденію въ необходимости откупаться отъ Орды ежегодною данью ¹⁾. Но обитатели пограничныхъ русскихъ областей далеко не были ограждены

¹⁾ По Бильскому и Стрийковскому, король Сигизмундъ I заплатилъ татарамъ *jurgielt* (въ размѣрѣ 15.000 злотыхъ) первый разъ въ 1511 году, съ условіемъ, чтобъ они, въ числѣ 30.000, ежегодно воевали противъ его враговъ, только бы не противъ турокъ. Татары называли этотъ *jurgielt харачемъ* (данью), и, вмѣсто подчиненности польскому королю, въ слѣдующемъ же, 1512 году, вторглись въ его владѣнія. Хотя князь Константинъ Ивановичъ Острожскій разбилъ многочисленную орду у Вишнева надъ рѣкою Горынью, но тѣмъ не менѣе Сигизмундъ I продолжалъ платить татарамъ дань. Онъ давалъ имъ ежегодно, 1-го ноября, 400 поставовъ сукна, по расчету на 13.000 червонцевъ, да 2.000 червон-

этою данью отъ татарскихъ вторженій. Не всѣ татары повиновались ханамъ, да и сами ханы не очень ревностно удерживали свой кочевой народъ отъ набѣговъ. Пограничные старосты безпрестанно имѣли дѣло съ хищниками, а отразивъ ихъ, въ свою очередь нападали на татарскія кочевья. Всего лучше объяснено это въ реляціи, представленной, въ 1550 году, краковскому сейму Бернардомъ Претвичемъ, старостою новоустроенной крѣпости Бара.

Три орды кочевали тогда въ виду Польши у Чернаго моря, независимо отъ крымцевъ: болѣе отдаленная—въ Добруджѣ, двѣ ближайшія — при устьяхъ Буга и Днѣстра. Подъ стѣнами крѣпостей Очакова, Бѣлгорода и Килии расположены были поселенія турецкихъ купцовъ. Эти кѣндыки снабжали татаръ лошадьми и оружіемъ для вторженія въ Украину, съ тѣмъ, чтобы добычу дѣлить пополамъ; а многіе турки и сами хаживали съ татарами на добычу. Турецкое правительство извлекало изъ этой добычи свою пользу: на таможенныхъ отъ уведеннаго изъ Украины скота и плѣнниковъ шла въ казну известная плата. Поэтому турецкія власти смотрѣли сквозь пальцы на нарушеніе договорныхъ статей съ Польшею. Приведемъ болѣе важныя мѣста изъ сеймовой рѣчи и реляціи Претвича.

Когда панъ краковскій (Янъ Тарновскій) принялъ должность короннаго гетмана, немедленно отправился онъ на пограничье и объѣхалъ всѣ украинныя замки и замочки. Не только на границѣ вокругъ этихъ замковъ, но и около Львова, къ Люблину и Перемишлю, увидѣлъ онъ пустыни, которыхъ надѣлали татары, и которыя теперь заселились, какъ около Львова, такъ и на самой границѣ, гдѣ много лѣтъ было безлюдье. Опустошеніе этой земли

цевъ наличными деньгами. Старовольскій („Tada na Zniesienie Tatarow“) называетъ упоминки татарамъ рабскою данью: „Ten iurgielt co mu na szablę albo na kozuchy daiemy, nic inszego nie iest, ieno slicznym tytułem pokryte poddaństwo, którego promiuią się od nas, iak pewnego czynszu od poddanych“.

происходило оттого, что одна коронная стража стояла тамъ, гдѣ нынѣ Баръ, а другая тамъ, гдѣ воевода белзскій (Сінявскій) построилъ на Синеполѣ замокъ. Пока сторожевыя роты успѣвали дать знать о татарскомъ набѣгѣ въ замки и гетманамъ, татары, въ однѣ сутки, оставляли стражу въ 30-ти миляхъ позади себя и безопасно являлись подѣ самимъ Опатовымъ. Они захватывали у костеловъ рыдваны съ панскими семействами, полонили простой народъ и исчезали съ своей добычею. Теперь (продолжаетъ Претвичъ) начали мы держать стражу въ 20-ти и болѣе миляхъ дальше прежнихъ сторожевыхъ мѣстъ. Народъ, узнавши заблаговременно, что идутъ татары, имѣетъ время сбѣжаться въ замки. Такимъ образомъ пустыни начали населяться, и населяются до сихъ поръ. Между тѣмъ наши гетманы два раза разбили на голову бѣлгородскихъ, очаковскихъ, добруджскихъ и килійскихъ татаръ, которые собирались ордою до тысячи человекъ, — одинъ разъ у Зінькова, въ другой — около Бара. Съ того времени татары начали малыми купами прображиваться мимо нашихъ сторожъ: чаще всего по 200, по 300, а то и по 50, 60, по 40 по 30, даже и по 10 человекъ, потому что трудно открыть слѣды небольшой купы. Онѣ ходятъ каждая особнякомъ, а звѣря въ степяхъ вездѣ много, именно: дикихъ коней, зубровъ, оленей, которыхъ слѣды трудно различить отъ татарскихъ. Этимъ способомъ татары набѣгали разъ двадцать въ годъ и уводили множество плѣнниковъ изъ Украины. При такихъ обстоятельствахъ, пограничные воеводы снаряжали легкіе отряды, человекъ въ 200 или 300 изъ отважнѣйшихъ людей и посылали ихъ въ догонку за татарами. Эти отряды скакали по степямъ ночью, не смотря ни на какую темноту, а днемъ залегали въ какой-нибудь балкѣ (долинѣ), укрываясь такимъ образомъ отъ наблюденій татарскихъ сторожевыхъ развѣздовъ. Иногда они отбивали у татаръ добычу, иногда заграждали имъ путь въ польскія пограничныя поселенія“.

Такой способъ войны, по словамъ Претвича, назывался *зале-*

таньсмъ на полъ или козакованьсмъ. Отъ Галича до Черкасъ раскинуты были сборные пунеты козацкихъ дружинъ. Съ каждымъ почти годомъ они мѣняли свои становища, то выдвигаясь въ безлюдье, то подаваясь назадъ, къ тогдашней Украинѣ Польскаго государства. Татары вторгались въ эту Украину тремя полосами, на которыхъ были удобныя переправы, и которыя назывались *татарскими шляхами*. Самый сѣверный шляхъ, проходившій мимо Черкасъ, Корсуня, Кіева, Луцка, Сокаля ко Львову, назывался *Чорнымъ*; средній—изъ Очакова черезъ степныя рѣчки: Саврань, Кодыму, Кучмань, и мимо Бара, также ко Львову, назывался *Кучманскимъ*; южный—по берегамъ Буга мимо Зінькова, черезъ Покутье и Бучачъ, назывался *Волошскимъ* или *Покутскимъ*. Между этими-то шляхами, подъ прикрытіемъ козацкихъ стоянокъ и разбѣздовъ, усиливались утвердиться вольныя поселенія, служившія козакамъ пристанищами и пополнявшія ихъ дружины. По нѣскольку разъ приходилось этимъ поселеніямъ исчезать безъ остатка. *Выбрать село*, то есть заполнить всѣхъ жителей, было тогда для татаръ дѣломъ обыкновеннымъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ набѣга, снова на пепелищахъ появлялись кое-какъ слѣпленные хаты, и снова у жителей начиналась борьба съ хищниками за свое существованіе. Изъ реляціи Претвича видно, что замки: Ровъ, Ольчидаевъ и Жвань, были разорены въ его время волошскимъ господаремъ, а окружавшее ихъ населеніе переведено за Днѣстръ; когда же, на мѣсто стараго Рова, устроены былъ крѣпкій замокъ Баръ, вокругъ него снова появились хутора, и многіе изъ загнанныхъ въ Волощину вернулись на старыя свои займища. Такъ было по всей пограничной линіи, которая въ началѣ появленія козачества едва держалась между Галичемъ и Кіевомъ, а при Хмельницкомъ выдвинулась далеко на востокъ, за рѣку Ворсклу. Колебаніе пограничной линіи то въ одну, то въ другую сторону будетъ виднѣе моему читателю изъ того обстоятельства, что даже въ 1624 году, послѣ хотин-

скаго пораженія турокъ короннымъ и козацкимъ войсками, послѣ многочисленныхъ, весьма серьезныхъ ударовъ, нанесенныхъ козаками крымскимъ и ногайскимъ татарамъ внутри ихъ поселеній, Сигизмундъ III, устанавливая еженедѣльные торги въ Кіевѣ по просьбѣ мѣщанъ, употребилъ въ своей грамотѣ слѣдующее выраженіе: „Miasto nasze Kiiow na granicy u w oszach prawie pierzyciacielskich polozone iest“ ¹⁾).

Но заселеніе украинскихъ пустынь, такъ же какъ и развитіе козачества, совершалось, можно сказать, противъ воли правительства. Реляція Претвича была не что иное, какъ оправданіе въ наѣздахъ, которые козаки дѣлали на татарскіе улусы. Съ одной стороны, онъ доказывалъ необходимость, съ другой — пользу козачества; но жалобы татарскаго хана все-таки заставили короля, въ 1552 году, удалить Претвича изъ Барскаго староства на староство Терембовльское. Король былъ убѣжденъ, что татары оставили бы его владѣнія въ покоѣ, еслибы старостинскіе служебники и козаки пограничныхъ замковъ: Кіева, Канева, Черкасъ, Бѣлой-Церкви, Брацлава и Винницы, не ходили въ поле подстерегать Орду и не угоняли татарскихъ стадъ. Королевскою политикою управляли люди, которымъ украинскія дѣла представлялись далеко не въ истинномъ своемъ положеніи, Козаки, обезпечивавшіе панамъ спокойное пользованіе внутренними землями королевства, казались имъ буйными головами, а не людьми, поставленными въ необходимость козаковать. Мысль о реэстроваѣ козаковъ, приписываемая обыкновенно Стефану Баторію, обнаруживается по документамъ еще въ 1540 году, черезъ пять лѣтъ по смерти Дашковича. Въ этомъ году завѣдывавшій Кіевскимъ воеводствомъ князь Коширскій получилъ отъ Сигизмунда Августа такой выговоръ: „Многokrатно прежде писали мы къ тебѣ, обнадеживая тебя нашею милостію и угро-

¹⁾ Королевскіе автографы въ варшавской библиот. гр. Красинск. подъ литерою С. I.

жая наказаніемъ, и повелѣвали, чтобы ты бдительно наблюдалъ и не допускалъ тамошнихъ козаковъ нападать на татарскіе улусы. Вы же никогда не поступили сообразно нашему господарскому повелѣнію, и не только не ударживали козаковъ, но, ради собственной выгоды, сами давали имъ дозволеніе; и чрезъ такую неосмотрительность вашу, государство наше не могло пребывать въ покоѣ и терпѣло большой вредъ отъ татарскаго поганства“. Далѣе король перечисляетъ прежнія козацкія нападеныя на татаръ, потомъ пишетъ: „Посылаемъ дворянина нашего Стрета Солтовича. Мы велѣли ему всѣхъ кievскихъ (находящихся въ Кіевскомъ воеводствѣ) козаковъ переписать въ реестръ и доставить намъ этотъ реестръ. Повелѣваемъ тебѣ, чтобы ты велѣлъ всѣмъ козакамъ непременно записаться въ реестръ и послѣ того никоимъ образомъ не выступать изъ нашихъ повелѣній; а затѣмъ кто осмѣлится впредь нападать на татарскіе улусы, тѣхъ хватать и казнить, либо къ намъ присылать. Если же перекопскій царь, за вредъ, нанесенный его подданнымъ, нападетъ на наше государство, или пошлетъ на него своихъ людей, тогда никакая твоя отговорка принята не будетъ, и мы, безъ всякаго милосердія, взыщемъ на твоихъ маестностяхъ и на тебѣ самомъ вредъ, нанесенный нашимъ господарскимъ и земскимъ имуществамъ. Въ 1560 году оно снова настаивилъ, чтобы пограничные старосты отнюдь не посылали своихъ служебниковъ и козаковъ на полевою службу. Спустя 32 года послѣ выговора князю коширскому, дѣла козацко-мусульманскія оставались всё томъ же положеніи. Придворная политика была сама по себѣ, а сила вещей на аренѣ татарскаго погрома—сама по себѣ. Въ 1572 году король писалъ къ Дмитрію Вишневецкому, что онъ доволенъ его храбрымъ отраженіемъ татаръ, но не согласился на его предложеніе — содержать гарнизонъ въ замкѣ, устроенномъ имъ на днѣпровскомъ островѣ, и повелѣвалъ ему бдительно смотрѣть, чтобы козакъ отнюдь не вторгались въ об-

ласти турецкаго императора, съ которымъ и съ крымскимъ царемъ заключенъ былъ вѣчный миръ. Но королевскіе наказы и угрозы оставались безъ послѣдствій въ силу противодѣйствія причинъ, которыя могла бы указать правительству только исторія недобитаго татарами и литвинами русскаго общества, если бы она могла существовать въ то время, и еслибы правительство было способно послушаться указаній исторіи. Въ 1508 году, за одинъ годъ до Люблинской политической уніи, которую поляки надѣялись успокоить себѣ относительно будущности Руси, опять читаемъ въ королевскомъ универсалѣ безсильныя угрозы королевскаго правительства тѣмъ людямъ, которые, подъ видомъ бунтовщиковъ и въ формѣ добычниковъ, работали въ пользу великаго дѣла равноправности на судѣ, достигнутой наконецъ Русью въ наше поворотное время. „Освѣдомились мы“, писалъ тотъ же король, „что вы, самовольно выѣхавши изъ нашихъ украинскихъ замковъ и городовъ, проживаете на Низу, по Днѣпру, по полямъ и по инымъ входамъ, и причиняете вредъ и грабительство подданнымъ турецкаго царя, также чабанамъ и татарамъ царя перекопскаго, а тѣмъ самимъ приводите границы нашихъ государствъ въ опасность отъ непріятеля. Приказываетъ вамъ возвратиться въ наши замки и города съ поля, съ Низу и со всѣхъ входовъ, не отправляться туда своевольно и не беспокоить татарскихъ улусовъ. Если же кто не станетъ повиноваться настоящему нашему повелѣнію, тѣмъ украинскіе наши старосты будутъ чинить жестокое наказаніе“.

И дѣйствительно нѣкоторые старосты чинили, какое находили для себя выгоднымъ, наказаніе, но приводили дѣло только къ тому, что мѣщане и другіе люди замковаго присуду начали больше прежняго бѣгать за Пороги, то есть ходить въ козаки. Не обращая вниманія на королевскія мѣры къ ихъ обузданію, они повиновались болѣе могущественному въ жизни указанію нуж-

ды и находили по себѣ предводителей, которые давали полный просторъ ихъ промыслу.

Мы видѣли, что Дашковичъ переходилъ отъ одного государя къ другому; что онъ имѣлъ родовня села подѣ Путивлемъ, принадлежавшимъ царю московскому; что онъ соединялъ вокругъ себя козаковъ двухъ сосѣднихъ украинъ, ¹⁾ и служилъ въ одно и то же время двумъ государямъ. По его слѣдамъ пошелъ князь Дмитрій Вишневецкій, сдѣлавшійся черкасскимъ и каневскимъ старостою около 1550 года. Когда король Сигизмундъ-Августъ отказалъ ему въ какомъ-то пожалованіи, онъ грозилъ, что перейдетъ на службу къ турецкому султану, или къ московскому царю; и дѣйствительно, въ 1553 году, простясь въ родномъ Вишневецѣ съ двумя братьями, пустился онъ степями въ Туреччину, въ сопровожденіи преданныхъ ему козаковъ ²⁾. Король безпокоился о томъ, что турки приобрѣтутъ въ Вишневецкомъ отличнаго полководца и постарался опять привлечь его къ себѣ. Весною 1554 года, Вишневецкій получилъ королевскій охранный жистъ и снова явился на Днѣпрѣ. Владѣя Черкасами и Каневомъ, онъ построилъ ниже Пороговъ, на островѣ Хортицѣ, крѣпость и, подобно Дашковичу, дѣйствовалъ противъ татаръ и турокъ соединенными силами московскихъ и польскихъ козаковъ. Въ 1556 году, путивльскіе козаки, подѣ предводительствомъ дьяка Ржевскаго, пришли на рѣку Псѣлъ, построили суда и поплыли Днѣпромъ подѣ крымскіе улусы. На Днѣпрѣ къ нимъ присоединились 300 каневскихъ козаковъ изъ дружины Вишневецкаго. Они вмѣстѣ разорили Очаковъ, побили татаръ и турокъ, и пошли обратно вверхъ по Днѣпру. Турки пустились за ними въ

¹⁾ Пограничья Московскаго государства, прилегавшія широкими мало населенными полосами къ Литвѣ и татарскимъ степямъ, назывались въ Московскихъ Приказахъ также *украинами*, въ смыслѣ окраинъ государства.

²⁾ Сигизмундъ-Августъ, отъ 15-го іюня 1553 года, писалъ о немъ къ Радзивилу Чорному: „A ziechał ze wszystką rotą swą, to iest s tym swym wszystkim kozactwem a chłoptwem, które około siebie bawiel“.

поголю, но козаки застѣли въ кумышахъ и отразили нападеніе. У Исламъ-Керменя настигли козаковъ крымскіе татары всею своею ордою. Козаки укрѣпились на днѣпровскомъ островѣ, шесть дней перестрѣливались изъ пицалей съ ордою, ночью отогнали у татаръ конскіе табуны, переправили сперва на островъ, потомъ на западный берегъ Днѣпра, и возвратились благополучно восвояси. Въ томъ же году князь Вишневецкій взялъ приступомъ Исламъ-Кермень, людей побилъ, а пушки перевезъ въ свой хортицкій замокъ. Въ январѣ 1557 года ханъ пришолъ къ Хортицѣ со всѣми своими силами, штурмовалъ замокъ 24 дня, но принужденъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять осадилъ Вишневецкаго на Хортицѣ, и уже вмѣстѣ съ турками. Вишневецкій долго выдерживалъ осаду; наконецъ, когда козаки съѣли своихъ коней, поплылъ къ Черкасамъ, а въ ноябрѣ того же года переѣхалъ на службу въ Московское государство, гдѣ получилъ въ вотчину городъ Бѣлевъ, со всѣми волостями и селами, да въ другихъ областяхъ нѣсколько селъ ¹⁾. Царь Іоаннъ Грозный посылалъ его на Днѣпръ, гдѣ у него были старые пріятели козаки, готовые воевать противъ невѣрныхъ въ пользу царя московскаго такъ же усердно, какъ и въ пользу короля польскаго. Потомъ князь Вишневецкій былъ посланъ, вмѣстѣ съ московскими воеводами, въ помощь черкесамъ, которые въ то время воевали противъ крымцевъ. Всѣ эти походы имѣли свой смыслъ, согласный съ обстоятельствами времени, мѣстности и международной политики; но до насъ отъ старины нашей часто доходятъ лишь ничего не выражающія замѣтки. Осенью 1561 года, Вишневецкій пришолъ съ окружающими его козаками на Днѣпръ и, остановясь въ урочищѣ Монастырищѣ, между островомъ Хортицею и Черкасами, вы-

¹⁾ По сказанію Стрыйковскаго, Вишневецкій первый дѣлалъ, вмѣсто обыкновенныхъ човновъ, такъ называемые чайки „изъ зубровыхъ и воловыхъ шкуръ“, то есть обшивалъ човны шкурами.

просилъ у короля Сигизмунда - Августа такъ-называемый глей-товый или охранный листъ, по которому прїѣхалъ въ Краковъ. Здѣсь онъ вошелъ въ сношенія съ польскимъ магнатомъ Ляскимъ, который владѣлъ молдавскою крѣпостью Хотиномъ и надѣялся совсѣмъ присоединить Молдавію къ владѣніямъ польскаго короля. Ляскій предложилъ ему господарство молдавское. Вишневецкій, въ 1564 году, съ четырьмя тысячами козаковъ, явился на берегахъ Днѣстра. Въ это время въ Молдавіи, между господаремъ Яковомъ Василидомъ, иначе Ираклидомъ и бояриномъ Томзою шла борьба за господарскую булаву. Томза успѣлъ вооружить молдаванъ противъ Якова и уже осадилъ его въ сучавскомъ его дворцѣ, когда козаки явились оспаривать у него господарство въ пользу своего гетмана. Томза отправилъ къ Вишневецкому избранныхъ бояръ объявить, что онъ принялъ на себя господарскую власть только временно, и что молдаване желаютъ имѣть своимъ господаремъ храбраго предводителя козаковъ. Вишневецкій повѣрилъ и пошелъ съ козаками къ Сучавѣ; но Томза встрѣтилъ его на пути по-непріятельски, одолѣлъ его войско превосходствомъ силъ, захватилъ въ плѣнъ самого Вишневецкаго и отправилъ въ Цареградъ.

Много было примѣровъ, что турки, заставивъ своихъ плѣнниковъ принять магометанство, пріобрѣтали въ нихъ самыхъ ревностныхъ охранителей интересовъ Оттоманской имперіи. Домогались они отступничества и отъ князя Вишневецкаго, но встрѣтили въ немъ неповолебимую твердость. Вишневецкій былъ казненъ въ Цареградѣ мучительною смертію. Его, вмѣстѣ съ другимъ знатнымъ плѣнникомъ, Яномъ Пісецкимъ, сбросили съ башни на желѣзные крючья; онъ зацѣпился ребромъ, повисъ на крюкѣ и трое сутокъ оставался живымъ. Сохранилось преданіе, что, находясь въ такомъ положеніи, Вишневецкій продолжалъ славить Христа и проклинять Магомета; наконецъ вывелъ мусульманъ изъ терпѣнія и былъ убитъ стрѣлой изъ лука.

Українскіе кобзари воспѣли князя Вишневецкаго подѣ именемъ козака Байды, и пѣсня о немъ дожила въ устахъ народа до нашего времени ¹⁾. Въ этой пѣснѣ султанъ предлагаетъ козаку Байдѣ въ замужество свою дочь и господство надъ всей Украиной, если онъ приметъ магометанство. Байда осыпаетъ ругательствами султана и его вѣру. За это его вѣшаютъ ребромъ на крюкъ. Байда велитъ своему оруженосцу подать себѣ лукъ со стрѣлами и, вися на крюкъ, побиваетъ султана, его жену и дочку. Легенда о трагической кончинѣ Вишневецкаго, съ варіаціями, повторяется у многихъ современныхъ писателей. По одной версіи, Вишневецкій, провисѣвъ двое сутокъ, велѣлъ подать себѣ лукъ со стрѣлами и началъ избивать проходящихъ мимо турокъ. Султанъ Солиманъ пожелалъ видѣть столь необыкновеннаго витязя, и Вишневецкій обезсиленными руками направилъ въ него послѣднюю стрѣлу. Тогда султанъ велѣлъ добить Вишневецкаго. Турки (говорить легенда) разрѣзали на кусочки и съѣли его сердце, чтобы получить его мужество.

---

¹⁾ Существовали народныя пѣсни и о Дашковичѣ, но извѣстный Зоріанъ Ходаковскій захватилъ изъ устъ народа только отрывки ихъ, о чемъ сохранилось преданіе въ *Tygodniku illustrowanym*, 1862, стр. 63.

ГЛАВА II.

Основаніе козацкой колоніи за Порогами.—Правительство старается подчинить ее областному управленію.—Оказаченная пограничная шляхта.—Вмѣшательство ея въ молдавскія дѣла.—Общія черты воинственной жизни у русской шляхты и у козаковъ.—Совмѣстныя предпріятія охранителей колонизаціи.

Изъ актовъ, относящихся къ первымъ временамъ козачества, видно, что козаки, подъ предводительствомъ Вишневецкаго, пытались устроить себѣ постоянное мѣстопребываніе за Порогами. Безъ этого, они, съ одной стороны, очутились бы въ полной зависимости отъ королевскихъ старостъ, а съ другой — не могли бы отстаивать родной Днѣпръ противъ татаръ и турокъ. Тяжба черкасскихъ мѣщанъ съ королевскимъ старостою Пенькомъ за Звонецкій порогъ показываетъ, что вольныя займища на днѣпровскомъ Низу были предметомъ соперничества между мѣстной администраціею и свободною промышленностью, между старостами и козаками-мѣщанами. Можно догадываться, что козаки, независимые скитальцы низовыхъ пустынь, втягивали въ свое товарищество осѣдлыхъ жителей и вмѣстѣ съ ними владѣли на Днѣпрѣ рыболовными мѣстами и звѣриными входами, то есть отпугивали отъ нихъ татаръ; а старосты объявляли эти займища королевскимъ имуществомъ, и вольныхъ промышленниковъ облагали пощинами. Противиться старостамъ въ городахъ не было возможности: тамъ козаки и козакующіе мѣщане были у старосты въ

рукахъ со всѣмъ своимъ имуществомъ. Човны, рыболовные и охотничьи снаряды, а также оружіе, безъ котораго нельзя было держаться на Низу, — на все это староста могъ наложить руку, съ помощью служебниковъ, привязанныхъ къ нему исключительными вольностями. Необходимо было имѣть за Порогами мѣсто, недоступное для пограничныхъ представителей королевской власти, — подалше отъ Звонецкаго порога, на который посягнулъ Пенько, — такое мѣсто, въ которомъ бы не только козацкое добро оставалось цѣлымъ на время зимы, но и сами козаки имѣли бы постоянное убѣжище отъ преслѣдованія украинскихъ старостъ. Вольные добычники козаки не обращали вниманія на мирные договоры короля съ турецкимъ султаномъ и грабили азіатскихъ купцовъ, которые ходили караванами изъ Крыма мимо Черкасъ, въ Путивль и Кіевъ. Уже одно это обстоятельство дѣлало для нихъ необходимымъ притонъ, недосыгаемый, какъ для королевскаго правосудія, такъ и для турецкой силы. Испытавъ съ Вишневецкимъ невозможность удержаться на Хортицкомъ островѣ, козаки устроили себѣ пристановище въ другомъ мѣстѣ, гораздо ниже Пороговъ, тамъ, гдѣ Днѣпръ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и расплывается по лѣсистымъ низинамъ заточинами, именно при устьѣ рѣчки Чортомлыка. Эта рѣчка прикасается своими „вѣтками“ къ другой, еще больше вѣтвистой рѣчкѣ, Базавлуку, и вмѣстѣ съ нею защищаетъ свободный приступъ къ днѣпровскимъ островамъ со стороны прибутскихъ степей. На одномъ изъ покрытыхъ зарослью острововъ, называемомъ лугомъ Базавлукомъ, расположились козаки кошемъ, по нынѣшнему — лагеремъ, и окружили его засѣкою. Все вмѣстѣ называли они Січью. Съ праваго берега Днѣпра защищали это мѣсто степныя рѣчки съ своими вѣтками, по которымъ козаки обыкновенно занимались звѣринымъ и рыбнымъ промыслами, а съ лѣваго — невозможно было переправиться къ січовому острову иначе, какъ на судахъ. Такимъ образомъ сухопутному войску

не было безвозбраннаго доступа къ Січѣ. Что касается до турецкихъ галеръ, которыя могли прійти сюда съ моря, то отъ нихъ січовый островъ былъ защищенъ днѣпровскими рукавами, которыхъ берега, покрытые камышемъ и зарослями, давали козакамъ возможность устроить въ разныхъ мѣстахъ засады. Французскій инженеръ Бопланъ, обозрѣвшій, въ 1638 году, Днѣпръ до острова Хортицы, рассказываетъ, что однажды турецкія галеры, преслѣдуя козацкіе човны съ моря, запутались въ лабиринтѣ днѣпровскихъ рукавовъ между островами; козаки открыли по нимъ пальбу изъ-за камышей, потопили нѣсколько галеръ и такъ напугали турокъ, что съ тѣхъ поръ они не смѣли приближаться къ Січѣ. Наконецъ, со стороны королевскихъ городовъ доступъ къ січовому острову затрудняли девять пороговъ, черезъ которые умѣли проводить суда только низовые козаки. Пороги на Днѣпрѣ состоятъ изъ каменныхъ запрудъ, лежащихъ поперекъ рѣки отъ берега до берега. Вода быстро стремится сквозь промежутки этихъ запрудъ и пѣнится съ оглушительнымъ шумомъ. Каждый порогъ состоитъ изъ нѣсколькихъ уступовъ, болѣе или менѣе правильныхъ. Въ нѣкоторыхъ число такихъ уступовъ доходитъ до двѣнадцати, на протяженіи 640 сажень вдоль рѣки. Весною всѣ пороги понимаются водою, кромѣ одного, прозваннаго Ненасытецкимъ, но плаваніе черезъ нихъ всегда опасно.

Подъ защитой мѣстности, козаки расположились кошемъ въ виду татарскихъ кочевьевъ. Но вещественной ограды было недостаточно. Запорожская колонія могла держаться на своемъ опасномъ займищѣ только чрезвычайнымъ напряженіемъ духовныхъ силъ, которое козаки называли въ своихъ думахъ лицарствомъ. Оно состояло въ мужественной рѣшимости на все, что бы ни случилось въ удаленіи отъ населенныхъ мѣстъ Украины, состояло въ терпѣливомъ перенесеніи всякихъ трудовъ и лишеній, въ сохраненіи спокойствія при всевозможныхъ случайностяхъ и неудачахъ. Не найдя счастья въ семейномъ и общественномъ быту, за-

порожцы создали себѣ семью безъ женщины. Они другъ друга называли братьями, братчиками, а своего „отамана“ — батькомъ. Ввести въ Січь женщину запрещалось козаку подъ смертною казнью, хотя бы то была его родная мать. *Січь — мати, а Великий Луг — батько*, говаривали запорожцы, и эти слова вставили въ пѣсню, дошедшую до нашего времени. Мрачное чувство отчужденія отъ свѣта и обычныхъ утѣхъ сказывалось въ запорожскомъ быту. Запорожская веселость, которою низовые братчики гордились и хвалились, которую вмѣняли молодежи своей въ обязанность ¹⁾, была веселость трагическая, происходящая отъ разочарованія въ жизни, и постоянно сопровождалась ироніею или сарказмомъ, въ знакъ презрѣнія къ ея обманчивымъ благамъ. Опасность висѣла у запорожца надъ головою каждую минуту, жизнь его была крайне необезпечена, и отсюда — равнодушіе къ смерти, которымъ запорожскіе козаки постоянно удивляли своихъ наблюдателей. Въ основаніи січового братства лежалъ своего рода аскетизмъ. Онъ выражался главнымъ образомъ въ готовности на смерть, въ спартанскомъ перенесеніи физическихъ страданій, въ совершенномъ равнодушіи ко всему, чѣмъ дорожить человѣкъ въ быту обыкновенномъ. Въ чомъ же запорожець находилъ отраду, которую наша душа, этотъ всепобѣждающій инстинктъ жизни, создаетъ себѣ въ какомъ бы то ни было безотрадномъ положеніи? У него была вѣра въ будущую жизнь, противоположную здѣшней ²⁾. По его убѣ-

¹⁾ Даже во времена упадка Запорожья, по изустнымъ преданіямъ старожиловъ 40-хъ годовъ, отъ поступающаго въ козаки требовалось отсутствіе тоски по дому и умѣнье найти веселую сторону во всемъ неприятомъ. Въ 1595 году посолъ императора Рудольфа II называетъ запорожцевъ, въ своемъ дневникѣ, *freudige Volk*.

²⁾ Сарницкій, въ своей книгѣ: „*Descriptio veteris et novae Poloniae*“, написалъ о козакахъ странную вещь: „*Religio apud eos magna ex parte Machometana*“. Но, если принять во вниманіе: что даже на Волыни въ XVI вѣкѣ бывали люди вовсе некрещенные, что козаки между пріятелями татарами находили такихъ философовъ, каковъ былъ толерантный Хаджи-Гирей; если при этомъ

денію, истреблять мусульманъ, вредить имъ всѣми возможными средствами—было лучшей заслугой передъ божествомъ. Заслугу истребленія и вредоносности, на **своемъ** опасномъ посту, сознавалъ онъ постоянно, и это сознание было отрадой безотраднѣйшей жизни его. Въ его глубокомъ чувствѣ вражды къ мусульманамъ было, безъ всякаго сомнѣнія, нѣчто традиціонное. Неожиданный татарскій погромъ, этотъ разбойницкій ударъ по русскому сердцу, запечатлѣлся въ „храбрыхъ русичахъ“ вѣчною ненавистью къ монгольскому племени, и она нашла самое сильное выраженіе свое въ запорожскомъ козацкѣ. Это чувство для людей, не имѣвшихъ ни церкви, ни священника, на разстояніи трехсотъ верстъ, было замѣною религіозности, которую ошибочно приписываютъ козакамъ въ смыслѣ церковномъ ¹⁾. Оно зародилось до появленія козачества на исторической аренѣ и пережило его паденіе. До сихъ поръ народная пѣсня повторяетъ мотивъ, который былъ основою запорожской завзятости:

вспомнить; какъ наши украинскія бабы, первыя учительницы наслѣдственныхъ вѣрованій, представляютъ жизнь *помершихъ душъ*, то, можетъ быть, и не слѣдуетъ упрекать почтеннаго географа польскаго въ грубой ошибкѣ. Не надобно при томъ упускать изъ виду, что въ составъ новаго населенія Кіевской земли вошли и магометане. Князя Оледько и Симеонъ, какъ это извѣстно изъ современныхъ актовъ, раздавали села и селища кіевскимъ татарамъ наравнѣ съ „архимадритомъ печерскимъ, боярами, слугами, сокольниками“. Были татары „служивые“ и въ концѣ XVI вѣка на Украинѣ. Князь Острожскій, въ 1580 году, нахавъ на Жидичевскій монастырь, оставилъ въ немъ гарнизаль, въ составъ котораго входили и татары, которыхъ истецъ называетъ *полицами*.

¹⁾ Только послѣ Хмельницчины построена въ запорожской Січѣ церковь. Здѣсь намъ необходимо указать на ошибку автора „Богдана Хмельницкаго“. „Запорожець“, говоритъ онъ, „вступая въ Січу, долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу восточной церкви. Такъ жили по описанію, переданному малорусскими лѣтописями, *первые* запорожцы, остававшіеся на болѣе или менѣе продолжительное время въ Січѣ“. („Богданъ Хмельницкій“, изданіе третье, исправленное и дополненное, т. I, стр. XXV.) Достопочтенный историкъ сослался на малорусскія лѣтописи. Но кѣмъ и когда онѣ были писаны? . . .

Въ ту же ошибку впали и В. В. Антоновичъ и М. П. Драгомановъ, въ прекрасномъ трудѣ своемъ: „Историческія Пѣсни Малорусскаго Народа“ (стр. 288). Конецъ думы о Кипкѣ Самійлѣ—новѣйшая передѣлка кобзарская: ни Січова Покрова, ни Межигорскій Спасъ тогда еще не существовали.

Та вже шаблі заржавіли,
 Мушкѣты безъ курківъ,
 А ще сѣрце козацькее
 Не боїться турківъ.

Въ отрывочной замѣткѣ, записанной неизвѣстнымъ полякомъ въ XVI столѣтіи, сохранилось характеристическое воззваніе, съ которымъ появлялись запорожцы въ Украинѣ передъ каждымъ задуманнымъ ими вторженіемъ въ Турещину. Вотъ какъ они заохочивали къ походу на своего исконнаго врага монгола, преобразившагося въ татаръ и турокъ: „Кто хочеть за христіанскую вѣру быть посаженнымъ на колъ, кто хочеть быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія мѣки за святой крестъ, кто не боится смерти, — приставай къ намъ. Не надо смерти бояться: отъ нея не убережешься. Такова козацкая жизнь!“

И не каждаго принимали они въ свое военное братство. Для того, чтобы вступить въ ихъ курени, требовалось или громкой извѣстности, или суроваго испытанія. Ни породю, ни званіемъ они не считались. Самые отаманы запорожскіе, послѣ выбора на ихъ мѣста другихъ, дѣлались простыми козаками. Въ дѣлахъ частныхъ, судъ и расправу производили запорожцы большинствомъ голосовъ по куренямъ; въ дѣлахъ, общихъ для всего, войска, приговоры постановлялись радюю, въ которой участвовалъ каждый съ одинаковымъ правомъ голоса. Срокъ пребыванія за Порогами ни для кого не назначался: можно было пріѣхать въ Січь и уѣхать изъ Січи во всякое время. Какія бы кто ни совершилъ преступленія въ городахъ, запорожскому братству ни до чего не было дѣла; но за то строго карались проступки, совершенные въ предѣлахъ запорожскаго прісуду. За кражу самой незначительной вещи опредѣлялась смертная казнь ¹⁾. За убій-

¹⁾ По разсказу Янчара-Поляка, писанному передъ 1500 годомъ, такая же строгость относительно воровства была заведена и у султана Амурата. Лучшіе люди у Амурата, лучшіе воины его были потурнаки-славяне. Заимствованія воен-

ство товарища, преступника зарывали въ землю вмѣстѣ съ убитымъ. Пьянство между запорожцами не считалось порокомъ, но въ походахъ противъ непріятелей, подъ страхомъ смертной казни, соблюдалась трезвость. Опасное положеніе запорожскаго коша требовало строгой дисциплины. Не смотря на свободу прїѣзда и отъѣзда, не смотря на равенство между членами военнаго братства, порядокъ дѣйствій и бдительность сторожевыхъ постовъ на Запорожьѣ, или на Низу, какъ говорилось встарину, славились даже между польскимъ рыцарствомъ. По свидѣтельству геральдика Папроцкаго, не только многіе хорошіе воины изъ мелкой шляхты, но и сыновья знатныхъ пановъ ѣздили за Пороги для изученія „порядка и рыцарскаго дѣла“¹⁾.

Это была республика, образовавшаяся въ силу противодѣйствія русскаго духа татарскому. Съ одной стороны, она сохраняла главныя черты своего происхожденія, именно — христіанскую вѣру и богатырскіе обычаи, съ другой — усвоила себѣ наѣздническіе нравы, безъ чего невозможно было бы ей существовать. Какъ татары вмѣстѣ съ турками вторгались безпрестанно въ днѣпровскую и днѣпровскую Русь, такъ запорожскіе рыцари нападали на татарскіе улусы и турецкіе замки. Какъ татарская орда получала подарки отъ польскаго короля и отъ московскаго

ныхъ обычаевъ возможны на обѣ стороны между христіанами и мусульманами. Когда идетъ бывано цесарское войска (разсказываетъ Янчарь-Полякъ), никто въ немъ не смѣлъ идти или ѣхать по засѣянному полю, или причинить кому-нибудь малѣйшій убытокъ, или что-нибудь даромъ взять. Кто взялъ у кого только курицу, ничѣмъ инымъ не отвѣчалъ за то, какъ головою. Однажды пожаловалась султану баба, что одинъ азанъ выпилъ у ней молоко. Азанъ отпирался; и султанъ велѣлъ распороть ему брюхо, чтобы посмотрѣть, есть ли тамъ молоко.

¹⁾ Этотъ современникъ козачества, еще не воевавшего съ панами, въ рѣдкой книгѣ своей „Ogrod krolewski“, подъ 1594 годомъ, пишетъ: „Wiele chudych pachołkow potciwych dla cwiczenia w rycerskich sprawach tam iezdzi, i s paniąt Ruskich, Podolskich, między nie niemalo zaiedzda, bo między niemi dobrze się wycwiczyć może w porządek u w czynność rycerską“.

царя за то, чтобъ не вторгалась въ ихъ предѣлы, такъ и орда козацкая принуждала не только обоихъ государей, но и самихъ татаръ откупаться отъ нея ежегодными подарками ¹⁾).

Первоначальною задачею козачества, какъ мы видѣли изъ реляціи Претвича, было—наблюдать въ степяхъ за движеніемъ татаръ и посылать къ пограничнымъ гарнизонамъ извѣстія о приближеніи опасности. Когда королевскимъ воеводамъ и старостамъ удавалось встрѣтить или настигнуть и поразить орду, обыкновенно вооруженную плохо и неспособную къ продолжительному бою,—козаки пускались въ погоню за остатками разбитой ватаги и, въ награду за свою неутомимость, получали отбитую у ней добычу, всего охотнѣе—лошадей. Утвердясь за Порогами, козаки сторожили татаръ на переправахъ черезъ Днѣпръ, не допускали ихъ переходить съ „татарской“ на „русскую“, то есть на правую сторону. Но не всегда были у нихъ къ тому средства, и вообще низовцы предпочитали нападать на татаръ, когда они, обремененные плѣнниками и награбленнымъ добромъ, возвращались въ свои улусы.

Польское правительство не поддержало ни Дашковича въ его предложеніи устроить на Днѣпрѣ сильную стражу, ни князя Вишневецкаго во время опаснаго пребыванія его на островѣ Хортицѣ. Дядя польскаго лѣтописца Більскаго, Янъ Орышовскій, долго гетманствовалъ у запорожцевъ при Стефанѣ Баторіи, и также пришолъ къ мысли о необходимости защитить отъ татаръ поддѣпровскіе зámки. Онъ былъ готовъ заняться этимъ дѣломъ лично, и не сомнѣвался въ успѣхѣ. „Еслибы на днѣпровскихъ островахъ построить зámки“, пишетъ, наслушавшись его, племянникъ, „не лазили бы къ намъ эти вши татары; отняли бы мы у нихъ весь Днѣпръ, только бы захотѣли. Но мы предпочитаемъ отбиваться отъ татаръ у Самбора!“

¹⁾ Объ этомъ упоминается въ той же книгѣ Папроцкаго.

Правительство Сигизмунда-Августа не знало, что ему дѣлать съ козаками. Оно нуждалось въ нихъ во время войны; но войну Польша вела тогда на сѣверѣ, куда козаки шли не охотно. Въ низовыхъ пустыняхъ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, польская политика старалась поддержать миръ; а въ мирное время козакамъ оставалось только чумачествовать, да — въ отмщеніе татарскими козакамъ — грабить степныхъ чабановъ. Въ томъ и другомъ промыслѣ стѣсняли ихъ пограничные воеводы, старосты и другіе урядники, которые уже и тогда смотрѣли на низовыхъ козаковъ, какъ на помѣху въ управленіи краемъ. У каждаго изъ нихъ были свои козаки, составлявшіе низшую степень привилегированныхъ служебниковъ. Вольнаго сбора людей, приходившихъ на зиму въ городовую Украину съ днѣпровскаго Низу, они не любили. Съ другой стороны, низовые казаки вели себя въ Украинѣ буйно, не платили долговъ и, какъ люди неосѣдлые, которыхъ „не по чомъ было сыскивать“, отличались безнаказанностію. Чтобы держать ихъ въ большей зависимости отъ правительства, король Сигизмундъ-Августъ, въ 1572 году, поручилъ коронному гетману, Юрію Язловецкому, выбрать лучшихъ изъ нихъ на королевскую службу. Этимъ выбраннымъ назначено было изъ королевской казны жалованье; они были освобождены отъ власти и присуду украинскихъ урядниковъ, и подчинены непосредственно коронному гетману; для разбирательства же споровъ между осѣдлыми жителями и козаками, приходившими съ Низу въ королевскіе города и замки, былъ назначенъ старшимъ и судьей надъ всѣми низовыми козаками бѣлоцерковскій шляхтичъ Янъ Бадовскій. Чтобы воеводы, старосты и другіе украинскіе урядники не препятствовали ему дѣйствовать по усмотрѣнію короля и короннаго гетмана, онъ освобождался отъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, кромѣ случаевъ насилія и кровавыхъ поступковъ, а два дома его въ Бѣлой-Церкви, съ огородами, грунтами и всѣми ихъ принадлежностями, были изъяты изъ замковаго и мѣщанскаго при-

суду бѣлоцерковскаго, освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей, и, сверхъ того, дозволено было Бадовскому и его женѣ содержать въ своихъ домахъ вольный шинкъ, медь, пиво, горілку, не платя установленной за то каппизны и другихъ пошлинъ.

Оставляя Днѣпръ въ спорномъ владѣніи низовыхъ козаковъ и татаръ, Польская Рѣчь-Посполитая какъ-бы отреклась отъ русской территоріи, лежавшей за чертою украинскихъ замковъ; а польскіе писатели XVI вѣка прямо говорили, что запорожцы живутъ на татарскихъ земляхъ. Королю Сигизмунду-Августу и его сенаторамъ казалось возможнымъ оставаться постоянно въ мирныхъ отношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ, который обѣщалъ вѣшать на крюкахъ татарскихъ мурзъ, если они осмѣлятся вторгаться въ польскія владѣнія, и, въ замѣнъ того, требовалъ укрощенія козацкихъ разбоевъ. Платить крымскому хану дань и направлять его на московскія земли находили они удобнѣйшимъ, нежели воевать съ азіятцами. Татарскіе набѣги небольшими ордами на пограничныя воеводства считались неизбѣжнымъ зломъ противъ котораго принимались мѣры мѣстными властями, какъ противъ разбоя. Такъ точно и турецкое правительство смотрѣло на козаковъ, нападавшихъ отъ времени до времени на татаръ и турокъ. Между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ турецкіе чабаны пасли овецъ на польской землѣ, и уполномоченные съ той и другой стороны дѣлились общою съ нихъ десятиною.

Изъ этого видно, что въ царствованіе Сигизмунда-Августа, не смотря на развитіе козачества, которое было едва замѣтно при Сигизмундѣ I, не смотря на разореніе Очагова и другихъ турецко-татарскихъ крѣпостей, построенныхъ на бывшей территоріи великаго княжества Литовскаго, не смотря даже на столкновеніе русско-польскаго рыцарства съ турками въ Молдавіи, отношенія Польскаго государства къ Турціи были вообще мирныя. Но въ русскихъ областяхъ, противолежащихъ мусульманскому

міру, накопився запасъ боевого народа, для котораго война составляла насущную потребность. Молодежь, собираясь на пограничье или за Порогами, съ неудовольствіемъ выслушивала подтвержденія правительства о сохраненіи мира съ султаномъ, который называлъ своими земли, занятыя татарскими кочевниками. Подъ видомъ преслѣдованія хищниковъ, она безпрестанно вторгалась въ чужія владѣнія; а украинскіе землевладѣльцы того времени не столько разсчитывали на доходы съ хозяйства, сколько на военную добычу. Все вмѣстѣ, на перекоръ центральной власти, какъ это часто бывало въ Польшѣ, привело государство къ неизбѣжному столкновенію съ Турціею, отъ исхода котораго должна была зависѣть вся будущность Рѣчи-Посполитой.

Первой причиною столкновенія было стремленіе пограничныхъ пановъ овладѣть Молдавскимъ господарствомъ. Неудачная попытка князя Димитрія Вишневецкаго и его трагическая кончина не только не ослабили, но еще усилили въ нихъ охоту идти по его слѣдамъ. Пограничные представители шаткой политики Рѣчи-Посполитой, русскіе паны Язловецкіе, Сінявскіе, Мелецкіе, Гербурты, Рожинскіе, Лянцкоронскіе, на собственный рискъ, но не безъ тайнаго одобренія королевскихъ совѣтниковъ, издавна соперничали съ турками за господство въ Молдавіи, хаживали въ козаки черезъ ея границы, искали въ ней воинской славы и часто находили смерть.

Эта страна была тогда еще независимымъ княжествомъ, но турки, давъ ей почувствовать свою силу, наложили дань на ея господарей и, чтобы увеличить эту дань, помогали одному господарю низвергнуть другого, лишь только являлся такой претендентъ на молдавскій престолъ, который обѣщалъ платить больше своего предшественника. Вмѣстѣ съ этимъ, они захватывали въ свою власть крѣпкія позиціи въ Молдавіи, заводили въ ней мусульманскія поселенія, и самихъ господарей старались отуречить. Съ своей стороны, пограничные паны Рѣчи-Посполитой вмѣши-

вались въ молдавскія дѣла, на томъ основаніи, что молдавскіе господа издавна были вассалами польскихъ королей. Они помогали то одному, то другому господарю въ борьбѣ за молдавскій престоль, смотря по тому, кто изъ нихъ былъ полезнѣе для нихъ лично, и отъ кого Рѣчь-Посполитая могла ожидать больше добра.

Населеніе Молдавіи исповѣдывало православную вѣру, совершало богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ, употребляло письменность русскую и, независимо отъ мѣстнаго румынскаго нарѣчія, во многихъ мѣстахъ говорило языкомъ днѣстровской и днѣпровской Руси. Множество природныхъ русскихъ, во времена татарщины и пограничныхъ бѣдствій въ XV и XVI вѣкѣ, выселялось цѣлыми осадами въ Молдавію. Съ другой стороны, богатые молдаване, тѣснимые турками и деспотизмомъ самихъ господарей, приобрѣли имѣнія въ Брацлавщинѣ, на Подольѣ, на Покутьѣ, и дѣлались подданными польскаго короля. Родственные, пріятельскія и торговныя связи между молдаванами и населеніемъ русскимъ были таковы, что Молдавія казалась пограничнымъ панамъ другою Украиною Польскаго государства. Что касается до козаковъ, то между ними многіе были природные молдаване, — волохи, какъ тогда говорилось. Даже за порогами можно было найти людей, бѣжавшихъ изъ Сороки, Яссъ и другихъ молдавскихъ городовъ вслѣдствіе разныхъ случайностей. Молдавскіе бояре служили также и въ пограничномъ, такъ-называемомъ подольскомъ войскѣ, которое состояло почти изъ однихъ русскихъ. И наоборотъ, многіе козаки-дворяне и козаки-мѣщане постоянно находились въ службѣ у молдавскаго господаря Богдана, въ качествѣ его тѣлохранителей.

Самъ Богданъ былъ преданъ интересамъ Рѣчи-Посполитой, готовился купить на Руси имѣнія, чтобы въ нихъ поселиться, въ случаѣ ссоры съ султаномъ, и состоялъ въ родствѣ съ русскими панами. Родная сестра его была замужемъ за Касперомъ Панев-

сбимъ, сыномъ жидичевского старосты; другую сваталъ у него знатный пограничный панъ, Христофоръ Зборовскій, а самъ онъ былъ женатъ на дочери львовскаго хорунжаго, Яна Тарла. Бракъ этотъ состоялся при посредствѣ пограничныхъ воеводъ—русскаго Яна Язловецкаго и подольскаго Николая Мелецкаго, которымъ Сигизмундъ-Августъ, по смерти Яна Тарла, ввѣрилъ опеку надъ его дочерью. Въ основаніи родственныхъ и дружескихъ связей Богдана съ пограничными панами лежала мысль — вернуть Молдавію прежнюю независимость отъ турокъ. Эту мысль, безъ сомнѣнія, поддерживали въ немъ его двѣстровскіе пріатели, которые хотѣли заслонить Волощиною Рѣчь-Посполитую отъ турокъ, „какъ щитомъ или стѣною“.

Но, пока Богданъ готовился къ борьбѣ, та же самая мысль овладѣла другимъ, болѣе отважнымъ и способнымъ человекомъ. Нѣкто Русинъ Ивоня, обогатившійся удачною торговлею, проживая въ Царьградѣ, воспользовался ропотомъ молдавскихъ бояръ на то, что государь окружилъ себя поляками (такъ назывались тогда безразлично всѣ подданные польскаго короля), которыхъ содержаніе обходится туземцамъ слишкомъ дорого. Онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ недовольными, а между тѣмъ расположилъ въ свою пользу султанскій дворъ богатыми подарками. Ивоня домогался государскаго престола еще прежде, но не успѣлъ въ своихъ стараніяхъ у султана. Теперь онъ рѣшился на самое сильное средство—принять магометанскую вѣру. Султанъ позволилъ Ивонѣ составить наемное войско изъ турокъ, грековъ и сербовъ для вторженія въ Молдавію. Съ помощью преданныхъ себѣ знатныхъ молдаванъ, Ивоня овладѣлъ престоломъ, безъ отпора со стороны Богдана. Тогда Богданъ, обезпечивъ за собой Хотинскую крѣпость, обратился за помощію къ подольскимъ своимъ пріателямъ. Дѣло было представлено королю Сигизмунду-Августу. Король не рѣшился посылать войско въ Молдавію, изъ опасенія нарушить миръ съ турками. Вмѣсто

того, онъ просилъ султана чрезъ своего турецкаго посла, Тарановскаго, возвратить господарство Богдану. Но султанъ, какъ и слѣдовало ожидать, отдалъ господарскій престолъ Ивонѣ. Все это было не болѣе какъ формальности. Правительство польское предоставило пограничнымъ панамъ разрѣшить частнымъ образомъ вопросъ о томъ, кому владѣть Молдавіею. Въ случаѣ неудачи, они поплатятся своими потерями, а въ случаѣ торжества надъ турками, Рѣчь-Посполитая приметъ ихъ дѣло за свое собственное. Такъ постоянно вело себя польское правительство по молдавскому вопросу.

Въ Украинѣ, а подъ это время въ особенности въ Украинѣ Подольской, было много людей, жаждавшихъ идти въ козаки, — кто просто изъ-за добычи, кто для рыцарской славы, а кто съ политическою цѣлью — не дать восторжествовать въ Молдавіи турецкой партіи на счетъ партіи польской. Представителями послѣдняго разряда охотниковъ до козацкаго промысла были такіе люди, какъ подольскій воевода Николай Мелецкій, русскій воеводичъ Сінявскій, скальскій староста Станиславъ Лянцкоронскій и хмельницкій староста Михайлъ Язловецкій. Къ нимъ примкнуло много другихъ пограничныхъ пановъ съ панцырными ротами и козацкими сотнями. Сінявскій составилъ одинъ отрядъ своего ополченія изъ безбородыхъ юношей, жаждавшихъ военной славы, которая на пограничѣ считалась лучшимъ, чего можетъ желать представитель дворянскаго рода. Набралось всего тысячи двѣ воиновъ: сила сравнительно незначительная; но польская Русь рѣдко выступала противъ азіатцевъ въ большемъ числѣ. Подобно чешскимъ таборитамъ, пограничные рыцари-козаки вообще стояли на томъ, чтобы малымъ числомъ хорошо вооруженныхъ и опытныхъ воиновъ поражать нестройныя силы противниковъ.

Походъ въ Молдавію 1572 года описанъ польскимъ геральдикомъ Папроцкимъ, который отличался особенною любовью къ

собиранію всякаго рода современныхъ извѣстій. Сочиненіе Папроцкаго утрачено, но оно послужило матеріаломъ для сказанія, составленнаго объ этомъ походѣ славнымъ поборникомъ кальвинизма въ Польшѣ, Яномъ Ласицкимъ. Авторъ посвятилъ свое сказаніе самимъ предводителямъ похода, Мелецкому и Сінявскому. Это обстоятельство не позволяетъ намъ принимать на вѣру всего, что въ немъ говорится о мужественныхъ подвигахъ каждаго изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Обратимъ вниманіе только на тѣ мѣста разсказа Ласицкаго, которыя характеризуютъ панскіе походы того времени вообще и козацкіе въ особенности ¹⁾. Въ нихъ мы получимъ новыя понятія о людяхъ, которые прикрывали колонизацію польской Руси отъ мусульманскаго міра и непосредственно принимали въ ней участіе.

Переправясь за Днѣстръ, Богданъ, съ общаго согласія войска, ввѣрилъ начальство надъ нимъ Мелецкому, а Мелецкій выбралъ помощникомъ и товарищемъ Сінявскаго, которому (замѣчаетъ Ласицкій) король вскорѣ предоставилъ главное предводительство походомъ. Войско начало свое дѣло грабежемъ жителей, подъ предлогомъ обычнаго собиранія съѣстныхъ припасовъ. Мелецкій поставилъ среди лагера висѣлицу и грозилъ ею грабителямъ; потомъ сдѣлалъ перепись войску; 700 человекъ, неспособныхъ къ войнѣ, отослалъ домой, и только съ 13-ю сотнями продолжалъ походъ къ Пруту. Первые стычки съ отрядами Ивони позволили ему двинуться къ Яссамъ; но у Степановецкихъ-Могилъ узналъ онъ, что Ивоня идетъ навстрѣчу съ превосходными силами. Предпріятіе оказалось безуспѣшнымъ. Мелецкій рѣшился отступить. Это было одно изъ тѣхъ отступленій, которыми войска гордятся, какъ побѣдами. Все свое искусство употребилъ Мелецкій на то, чтобы уклониться отъ битвы съ многочисленнымъ непріателемъ,

¹⁾ Что этотъ походъ былъ козацкій по преимуществу, видно и изъ приведеннаго ниже рукописнаго универсала Стефана Баторія, въ которомъ король приписываетъ козакамъ нарушеніе мира съ турками походомъ въ Молдавію.

который преслѣдовалъ его отъ одного становища до другого. Изъ противнаго стана выманивали горячихъ воиновъ на обычное тогда единоборство. Турецкіе удалцы въ золоченыхъ панцыряхъ, говоря мославиански (это, конечно, были „потурнаби“, ренегаты-славяне), вызывали прославившихся въ пограничныхъ войнахъ смѣльчаговъ на бой поименно и осыпали ихъ насмѣшками. Тѣ рвались „защищать свою честь“, и, не смотря на запрещеніе предводителя, отъ времени до времени закипалъ тагъ-называемый грець. Сперва сражались въ одиночку; потомъ десятки и сотни воиновъ бросались въ поле на выручку товарищей. Съ трудомъ удерживалъ Мелецкій своихъ спутниковъ отъ общаго боя, который былъ бы для нихъ гибелью. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали копьями и закрывались щитами. Употреблялись въ дѣло пушви, но о ружьяхъ у Ласицаго не упоминается. Простота одежды, свойственная козачеству, была такова, что одного турецкаго богатыря, одѣтаго сверхъ латъ въ леопардовую шкуру и украшеннаго страусовыми перьями (обычная вполслѣдствіи роскошь военной шляхты), прозвали шляхтичи святочною маскою. Отражая нападеніе за нападеніемъ, войско Мелецкаго продолжало отступать къ Хотину. Здѣсь непріатели заступили ему дорогу къ переправѣ на родной берегъ. Коронный гетманъ Язловецкій выручилъ своихъ изъ бѣды только угрозою вступить въ Молдавію съ короннымъ войскомъ, котораго, впрочемъ, у него было всего 800 человекъ. При этомъ турецкому правительству было заявлено, что будтобы польское войско помогало Богдану отстоять свое господарство безъ вѣдома короннаго гетмана и короля, такъ какъ ему не была извѣстна воля султана о возведеніи на престолъ Ивони вмѣсто Богдана. Все-таки волохи затруднили Мелецкому переправу. По случаю прибывшей въ Днѣстрѣ воды, множество лошадей потонуло.

Какъ характеристическую черту нравовъ ходившей въ козаки русской шляхты, приведемъ слѣдующія слова Ласицаго: „Гово-

рять всё, что Мелецкій вымолилъ у Бога спасеніе своего войска: не разъ видали его молящимся по цѣлымъ ночамъ“.

Богданъ, потерявъ надежду на возвращеніе государства, уѣхалъ съ своими сокровищами въ Московское царство. Въ Хотинской крѣпости оставался, между тѣмъ, посаженный имъ гарнизонъ, подъ начальствомъ шляхтича Добросоловскаго. Новый господарь Ивоня воспользовался этимъ случаемъ, чтобы войти въ дружескія сношенія съ пограничными панами. Онъ выразилъ королю готовность присягнуть ему на вѣрность, если крѣпость будетъ ему сдана безъ боя, и дѣйствительно присягнулъ. Отсюда съ новымъ господаремъ начались у пановъ тѣ же отношенія, какія были съ Богданомъ. Ивоня, подобно своему предшественнику, находился въ близкихъ связяхъ съ пограничными панами, тѣмъ болѣе, что по языку былъ русинъ, такъ что русскіе люди даже называли его Иваномъ, а не Ивоню. Магометанскую вѣру Ивоня отбросилъ, лишь только вытѣснилъ изъ Молдавіи Богдана, наемное турецкое войско распутилъ, а вмѣсто того зазывалъ къ себѣ на службу христіанъ и укрѣплялъ важнѣйшіе военные пункты на границахъ своихъ владѣній. Сдѣлалось очевиднымъ, что Ивоня намѣренъ господствовать по примѣру прежнихъ владѣтелей Молдавіи. Богатырская наружность, цвѣтущая молодость и рѣдкое мужество въ битвахъ привлекали къ нему сердца охотниковъ до войны, а жестокими казнями, на турецкій манеръ, онъ заставлялъ всю Молдавію повиноваться себѣ безпрекословно.

Пользуясь возникшими въ Царьградѣ на счетъ Ивони опасеніями, Петръ, господарь *Закарпатской* Волоцины (какъ называли тогда Валахію, въ отличіе отъ Молдавіи, которая называлась просто Волоциною), началъ искать господарскаго престола для своего брата, и предложилъ султану платить вдвое больше подати, противъ того, что платилъ Ивоня, именно 120.000 червонцевъ. Между тѣмъ Сигизмундъ-Августъ скончался, и на польскій престолъ былъ призванъ французскій принцъ Генрихъ, цар-

ствовавший потомъ во Франціи подъ именемъ Генриха III. Въ то самое время, когда въ Краковѣ совершался обрядъ коронаціи, къ Ивонѣ явился султанскій чаушъ съ требованіемъ двойного харача. По примѣру Богдана, просившаго помощи у Сигизмунда-Августа, Ивоня обратился къ новому королю съ просьбою защитить его отъ султана, или, по крайней мѣрѣ, объявить во Львовѣ, Каменцѣ и другихъ городахъ, что никому не запрещается вступать въ службу къ молдавскому господарю. Но Генрихъ, тѣмъ же порядкомъ, что и Сигизмундъ-Августъ, отказался содѣйствовать къ войнѣ господаря съ турками, ссылаясь на мирные договоры польскаго правительства съ султаномъ.

Прошлый походъ въ Молдавію коронный гетманъ приписывалъ своевольству пограничной шляхты, которая будтобы безъ его, и королевскаго вѣдома поддерживала господарскія права Богдана; теперь надобно было прикрыться своевольными козаками. Шляхтичъ Горецкій, описывая новый походъ въ Молдавію, такъ же какъ и Ласицкій, на основаніи утраченнаго для насъ повѣствованія Папроцкаго, говоритъ, что Ивоня, получивъ отъ Генриха отказъ, обратился къ небольшой горсти польской конницы, которая промышляла добычею въ низовьяхъ Днѣпра, и которую скорѣе можно было назвать наѣздниками, потому что она всюду гонялась за непріателемъ по бездорожьямъ, скрытнымъ мѣстамъ и пустынямъ. „Козаки, какъ называютъ въ Польшѣ этихъ наѣздниковъ (продолжаетъ Горецкій), не обращая вниманія на короля Генриха, который запрещалъ имъ идти въ Волощину, тотчасъ явились на зовъ господаря“, и т. д. Сочиненіе Горецкаго, посвященное польскому магнату Андрею Гуркѣ и напечатанное на его счетъ во Франкфуртѣ, имѣло характеръ правительственной манифестаціи. Съ одной стороны, оно должно было заявить Европѣ, съ какими малыми силами возможно противустоять страшному въ тѣ времена могуществу турокъ, но съ другой — авторъ, покровительствуемый однимъ изъ правительственныхъ лицъ Рѣчи-

Посполитої, не иначе могъ прославить подвиги поляковъ, какъ прикрывши ихъ именемъ козаковъ, которыхъ и самое существованіе не извѣстно правительству. Между тѣмъ во главѣ предпріятія поставилъ онъ знаменитое имя Сверчовскаго, котораго предокъ, въ 1512 году, подъ предводительствомъ князя Острожскаго, участвовалъ въ прославленномъ на всю Польшу пораженіи татаръ у Вишнева, надъ Горынью. Сверчовскій, по словамъ Горецкаго, „мужъ опытный въ военныхъ дѣлахъ и отличавшійся физическою силою“, имѣлъ у себя двѣ сотни конницы. Столько же привелъ съ собой Барсанъ. Къ нимъ присоединились двѣ сотни, составившіяся изъ брацлавянъ¹⁾. Какъ понимать это слово у Горецкаго, рѣшить повамѣсть трудно: были ли то дворяне изъ Брацлавщины, или же просто мѣщане города Брацлава, которые, замѣтимъ встать, такъ же, какъ и корсунцы, долго не подчинялись юрисдикціи королевскаго старосты, считая себя прямыми козаками. Остальное войско, очевидно, состояло изъ дворянскихъ ополченій, ходившихъ въ козаки ради славы и добычи²⁾. Козаковъ-дворянъ участвовало въ походѣ Сверчовскаго много, но Горецкій упоминаетъ только о четверыхъ, какъ о предводителяхъ. То были: Козловскій, съ двумя сотнями спутниковъ; Стушенскій, также съ двумя сотнями; Янчи, съ сотнею, и Соколовскій, съ сотнею; всего 12 сотенъ. Въ числѣ захваченныхъ потомъ тур-

¹⁾ Въ польскомъ переводѣ сочиненія Горецкаго сказано, что всѣ послѣднія сотни привелъ Брацлавскій; но это—извращеніе слѣдующихъ словъ подлинника: *Bracłaviensium quoque erant ducenti*.

²⁾ Слава и добыча—значили въ то время почти одно и то же. Горецкій выразился о козакахъ такъ: *qui de mori, gloriae ac praedae, tam sibi quam heris suis acquirendae causa, etc.* Папроцкій рассказываетъ, что когда одинъ шляхтичъ, крещенный противъ воли родителей въ латинскую вѣру и воспитанный ядею-католикомъ, явился къ отцу съ богатой военною добычею, онъ былъ принятъ, сверхъ чаянія, весьма благосклонно. (*Herby Rycerstwa Polskiego*, изд. 1584, стр. 543. Рѣдчайшій экземпляръ этой книги, безъ перепечатанныхъ 20-ти листовъ, которые были въ свое время сожжены, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

ками въ плѣнъ упомянуты еще слѣдующія дворянскія имена: Задорскій, Залѣскій, Копытскій, Ресковскій, Либишовскій, Чижовскій, Суцинскій и Богуцкій ¹⁾. Все это, очевидно, были знатные дворяне, такъ какъ родственники выкупили ихъ изъ плѣна „за большія деньги“.

Походъ Сверчовскаго извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Войны Ивони*. Война эта имѣла исходъ несчастный, но сдѣлала сильное впечатлѣнiе на тогдашнее польское общество, благодаря краснорѣчивому описанiю Горецкаго. При франкфуртскомъ изданiи книги припечатаны латинскiе стихи познанскаго медика и философа, Линденера, въ которыхъ авторъ поставленъ наравнѣ съ Титомъ Ливiемъ. Знаменитый ученый того времени, Писторiй, перепечаталъ сочиненiе Горецкаго въ своемъ собранiи историковъ польскихъ. Трудомъ Горецкаго воспользовался, при составленiи своей хроники, Бильскiй, а черезъ полвѣка—извѣстный Фредро, въ „Исторiи Польскаго Народа“. Послѣднiй нѣсколько разъ позволилъ себѣ усумниться, чтобы малочисленное войско Сверчовскаго одержало столько блистательныхъ побѣдъ надъ непрiателемъ, который превышалъ его численностью, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ, но тѣмъ не менѣе вдается въ описанiе битвъ со всѣми подробностями, очевидно, вымышленными Горецкимъ.

Личность Сверчовскаго, по недостаточному развитiю исторической науки въ XVI и XVII вѣкѣ, остается для насъ темною, и въ чемъ именно состояли подвиги козаковъ, помогавшихъ Ивонѣ, трудно сказать навѣрное. Знаемъ только, что казаки заняли, разграбили и до половины сожгли Бѣлгородъ на Днѣстрѣ, ибо на это указываетъ Ахмать-чаушъ, прiѣзжавшiй въ посольствѣ отъ султана на сеймъ 1575 года, и что, кромѣ того, разрушили

---

¹⁾ Имена эти, напечатанныя не совсѣмъ вѣрно полатыни, исправлены по хроникѣ Бильскаго; а что Бильскiй, какъ современникъ похода, не ошибался, видно изъ того, что всѣ эти имена включены Папроцкимъ въ книгу его „Panosza“ etc.

еще какіе-то зámки, на что жаловался польскому королю великій визирь въ Царьградѣ ¹⁾).

Ивоня, такъ же какъ и Сверчовскій, заслужилъ у современниковъ славу героя. Ласицкій, описывая походъ Богдана, говорить, что Мелецкій устранялъ его вмѣшательство въ стратегическія распоряженія. Напротивъ Горецкій отводитъ Ивонѣ, въ своемъ повѣствованіи, широкое поле военной дѣятельности. Чтобы спасти сподвижниковъ (такъ объясняютъ его плѣнъ), онъ отдался въ руки туркамъ, но раздражилъ ихъ гордою рѣчью и былъ убитъ Капудъ-башею. Янычаре воткнули на копьѣ голову Ивони, а тѣло растерзали, привязавъ между двухъ верблюдовъ. Такъ рассказываетъ въ своей реляціи Горецкій, и прибавляетъ, увлекаясь легендарнымъ духомъ времени, будтобы турки намазывали лезвья своихъ сабель кровью Ивони и давали ее лизать своимъ конямъ, прося Бога, чтобы онъ вдохнулъ въ турецкое войско мужество молдавскаго господаря. Между тѣмъ по другимъ польскимъ сказаніямъ Сверчовскій, безъ всякихъ приключеній, былъ выкупленъ изъ плѣна родными.

¹⁾ Сказаніи украинскихъ лѣтописцевъ о Сверчовскомъ, который у нихъ переименованъ въ Свирговскаго, а равно и напечатанная въ „Запорожской Старинѣ“ И. И. Срезневскаго пѣсня о немъ, подлежатъ еще разбору критики, которой предстоитъ много труда по очищенію лѣтописей украинскихъ отъ вымысловъ, а историческихъ пѣсень отъ поддѣлокъ.

ГЛАВА III.

Необычайный татарскій набѣгъ и опустошеніе новозаселенныхъ земель.—Ропотъ на козаковъ между поляками.—Вопросъ о войнѣ съ турками и объ уничтоженіи козаковъ.—Отдѣленіе отъ нихъ козаковъ реестровыхъ.—Составные элементы козачества.—Новый походъ въ Молдавію.

Въ то время, когда казаки геройствовали и погибали въ Молдавіи, новый польскій король Генрихъ, узнавъ, что для него упразднился во Франціи престолъ, ушелъ изъ Кракова въ Парижъ. Все пришло въ беспорядокъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ отрожденной Руси. Шляхта занялась обычными своими сеймиками, на которыхъ каждая партія преслѣдовала собственныя цѣли; а коронное войско разбѣжало по королевщинамъ и, подъ видомъ вознагражденія себя за недоплату жалованья, занималось грабежемъ. Воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, татары вторгнулись въ отрожденную Русь, и прежде чѣмъ коронный гетманъ, Язловецкій, узналъ объ ихъ набѣгѣ, увели 3.000 плѣнниковъ. Этотъ набѣгъ былъ только пробой. На другой годъ весной, когда Рѣчь-Посполитая всё еще волновалась по случаю безгосударнаго времени, татары предприняли набѣгъ всѣми своими силами. О приготовленіяхъ крымскаго хана къ походу знали. На избирательный сеймъ, происходившій въ маѣ 1575 года, не пріѣхалъ ни одинъ русскій магнатъ. Ожидали татаръ и готовились къ отпору.

Вскорѣ получены были вѣсти, что татары переправляются че-

резь Днѣпръ. Коронный гетманъ послалъ къ днѣпровскимъ бозакамъ освѣдомиться: много ли татарской силы? Козаки отвѣчали, что татары идутъ большою ордою: съ низовыхъ степей, давали они знать, набѣжало въ Украину звѣрей и налетѣло птицъ, испуганныхъ движеніемъ войска. Но орды появилось на русской, то есть на правой сторонѣ Днѣпра, только 15.000. Она переправилась черезъ Днѣпръ немного ниже Кіева. Главное войско татарское раскинулось кочевьемъ по степи, а 15.000 пустились загонами на грабежъ и дошли до Константинова, города князя Острожскаго. Но противъ нихъ вышли 4.000 боевого народа подъ предводительствомъ кіевскаго и подольскаго воеводъ. Подоспѣлъ и сендомирскій воевода. Татары бѣжали въ разсыпную и очистили русскую сторону Днѣпра. Довольные своимъ подвигомъ, русскія ополченія разошлись по домамъ. Татары между тѣмъ условились съ молдавскимъ господаремъ, чтобы онъ пропустилъ ихъ черезъ свою землю въ польскія владѣнія, и въ сентябрѣ неожиданно вторгнулись въ Подолье изъ-за Днѣстра. Чтобы не встревожить край, татары, не жгли даже селъ. Днемъ и ночью шли они безъ отдыха, распуская хищные загоны во всѣ стороны. Наконецъ, расположась кошемъ у Тернополя, выжгли села и заполонили все живое до самого Львова, а оттуда, съ обычной своей быстротою, бросились на Волинь, обозначая свой путь пожарами. На пространствѣ 40 миль въ длину и 20 въ ширину, остались цѣлыми одни замки да панскіе дворы, въ которыхъ были пущипы. Успѣхъ татарскихъ набѣговъ зависѣлъ отъ быстроты. Минуя крѣпкія мѣста, орда спѣшила набрать плѣнныхъ и захватить стада. Все, что попало въ руки татаръ, соединили они у Тернополя, а оттуда двинулись къ Каменцу и переправились обратно черезъ Днѣстръ, который въ томъ году дотога высохъ, что даже овцы перешли въ бродъ. Современный лѣтописецъ Оржельскій насчитываетъ до 35.000 плѣнниковъ, уведенныхъ въ этотъ разъ татарами; лошадей угна-

но 40.000; рогатаго скота—до полумилліона, овецъ—безъ счету. Въ числѣ плѣнниковъ было много шляхты. Между прочими, татары захватили въ плѣнъ жену князя Богдана Рожинскаго, гетмана низовыхъ козаковъ, какъ титулуютъ его польскіе лѣтописцы, а мать убили. До сихъ поръ поютъ на Украинѣ сложенную въ то время думу:

Ой Богдане, Богдане, запорозький гетьмане!
 Ой чого жъ ты ходишьъ въ чорнімъ оксамиті? ¹⁾
 Гей, були въ мене гости, гости татарове;
     Одну нічку вочували,
     Стару' неньку зарубали,
     А миленьку собі взяли...

Далѣ дума говоритъ о безуспѣшной погонѣ за татарами; но едва-ли князь Рожинскій былъ въ то время на Украинѣ. По сказанію Бильскаго, онъ отплатилъ татарамъ за набѣгъ набѣгомъ, въ которомъ козаки не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, а потомъ, осаждая татарскую крѣпость на Днѣпрѣ, Асланъ-Городокъ, взлетѣлъ на воздухъ отъ неудачнаго подкопа. Никто не гнался за татарами. Прежде чѣмъ узнали о нихъ въ стратегическихъ пунктахъ, они пошли уже на уходъ. Скота угнали они такъ много, что нѣсколько тысячъ штукъ бросили по сую сторону Днѣстра. Отъ избытка ясыру освободились избіеніемъ старыхъ или неспособныхъ къ работѣ. Богатый край, незнавшій до тѣхъ поръ набѣговъ, остался безъ людей и безъ построекъ. Такъ какъ задолго передъ тѣмъ деревья были почти всюду вырублены на шляхетскіе дворы и мужицкія хаты, то Русь теряла и надежду когда-либо снова обстроиться. Паника разнеслась до Кракова и встревожила даже обитателей Великой Польши. Краковъ нѣ-

¹⁾ Оржельскій рассказываетъ, что послѣ татарскаго набѣга 1575 года, послы изъ русскихъ провинцій явились на сеймѣ въ траурѣ.

сколько дней стоялъ замкнуты; на башняхъ и стѣнахъ чередовались вооруженные отряды. Уѣхавшіе изъ города кучи разнесли тревогу до самой Вѣны. Когда истина наконецъ выяснилась, много было горя, говорить лѣтописецъ, но много и смѣху. Благочестивые люди приписывали общій страхъ Божьему допущенію.

О причинѣ татарскаго набѣга 1575 года ходили въ польскомъ обществѣ самыя дикіе толки. Одни обвиняли короля Генриха, что будтобы онъ направилъ въ польскія владѣнія орду для того, чтобы не дать полякамъ избрать короля на свое мѣсто; другіе утверждали, что сами поляки призвали татаръ на грабежъ, лишь бы заставить пановъ, которымъ нравилось безгосударное время, рѣшить поскорѣе выборъ короля. Лѣтописецъ Бильскій основательно приписываетъ бѣдствіе, постигшее Рѣчь-Посполитую, походу Сверчовскаго въ Молдавію. Козаки начали возбуждать въ обществѣ сильное неудовольствіе, и, по всей вѣроятности, съ этого уже времени явился въ Польшѣ вопросъ объ ихъ уничтоженіи. До тѣхъ поръ о нихъ можно было слышать только восторженные отзывы. Въ сочиненіи протестанта Эразма Гличнера о воспитаніи дѣтей, напечатанномъ въ Краковѣ 1558 года, говорится: „Школы или коллегіи очень похожи на жолнерство или козачество, о которомъ прилагаютъ попеченіе достойные и искусные люди, которые непрітелей-татаръ, грубыхъ варваровъ, побиваютъ и преслѣдуютъ, какъ то было прежде и теперь есть при Претвичѣ, князѣ Вишневецкомъ, Прокопѣ Сінявскомъ и другихъ, по истинѣ безупречныхъ и знаменитыхъ Геркулесахъ, у которыхъ заведены такія школы, какъ у насъ поляковъ или итальянцевъ, или нѣмцевъ, школы наукъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ школы нужны для ученія, такъ козаки—для обороны (границъ). Тогда только или до тѣхъ только поръ Польша будетъ процвѣтать, пока у нея будутъ добрые козаки. Кто хочетъ быть добрымъ воиномъ, пусть идетъ въ козаки; а кто желаетъ сдѣлаться

хорошимъ латинистомъ, пусть идетъ въ коллегію или въ школу“.

Послѣ татарскаго набѣга 1575 года, вмѣсто похвалъ, начали раздаваться обвиненія противъ козаковъ—не только въ томъ, что они навлекаютъ на всю Польшу бѣдствія войны, но и въ томъ, что они умышленно пропускаютъ орду черезъ днѣпровскія переправы, чтобы потомъ отбивать у нея добычу. Шляхтичамъ, которые выставляли свои заслуги въ запорожскомъ войскѣ для покрытія прежнихъ проступковъ, государственные сановники отвѣчали словами короннаго гетмана, Яна Замойскаго: „Не на Низу ищутъ славной смерти, не тамъ возвращаютъ утраченныя права. Каждому разсудительному человѣку понятно, что туда идутъ не изъ любви къ отечеству, а для добычи“. А одинъ изъ польскихъ сенаторовъ, кievскій бискупъ Верещинскій, въ 1583 году, высказался о козакахъ печатно слѣдующимъ образомъ: „Что отецъ съ матерью собрали по грошу, наживая съ большимъ трудомъ за много лѣтъ имущество, то безразсудный сынокъ пропустить черезъ горло въ одинъ годъ, а потомъ, когда ужъ не откуда взять, боясь околотъ съ голоду, слышишь о немъ — или очутился на Низу и грабитъ чабановъ турецкихъ, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ у прохожихъ лукошки“. Словомъ—козагъ и мародеръ сдѣлались понятіями однозначными. Вопросъ о томъ, воевать ли, или не воевать больше съ турками (а татары были послушнымъ орудіемъ турокъ), рѣшенъ былъ въ польскомъ обществѣ отрицательно. Поплатясь дорого за вмѣшательство въ молдавскія дѣла, сеймовые паны взвалили вину съ больной головы на здоровую, и оправдывали себя передъ обществомъ необузданностью козаковъ. Еслибы счастье благопріятствовало имъ въ задорѣ Турціи, козачество слыло бы у нихъ школою рыцарства; поворотъ судьбы въ противную сторону быстро низвелъ эту корпорацію на ступень разбойниковъ. Рѣшено было взять козаковъ, гдѣ бы они ни завелись, въ крѣпкія руки.

Мы видѣли, что еще въ 1568 году король Сигизмундъ-Августъ писалъ къ низовцамъ универсалъ, призывая ихъ въ пограничные замки, изъ которыхъ они выѣхали на Низъ безъ вѣдома украинскихъ старостъ, и повелѣвалъ имъ прекратить набѣги на улусы и кочевья подданныхъ турецкаго султана и персепскаго хана. Этимъ набѣгамъ король приписывалъ вторженія орды въ Украину и въ болѣе внутреннія повѣты государства Польскаго, а потому повелѣвалъ козакамъ, оставивъ свои низовые притоны, возвратиться въ пограничные замки и города, и довольствоваться положеннымъ за ихъ службу жалованьемъ.

Ни воззванія короля, ни порицанія со стороны общества на козаковъ не дѣйствовали. Они вели войну съ турками и татарами ради славы и добычи, а каковы были послѣдствія ихъ подвиговъ для государства, — объ этомъ они, натурально, заботились еще меньше, чѣмъ пограничные представители центральной власти.

Въ то время крымскіе татары брали подарки и отъ короля польскаго, и отъ царя московскаго, за то, чтобы не воевать ихъ владѣній, а опустошать владѣнія ихъ противниковъ. Если ханъ ходилъ войною въ Москву, ему платилось денегъ больше; если не ходилъ — меньше. Обыкновенно посоль съ королевскою данью отправлялся въ Черкасы и на походъ хана мимо Черкасъ доставлялъ деньги въ его таборъ. Самъ турецкій султанъ считалъ хана состоящимъ на жалованьи у польскаго короля. Въ 1569 году писалъ онъ къ Сигизмунду-Августу: „Хотя ханъ и требуетъ отъ васъ прибавки жалованья, но вы давайте ему столько, сколько изстари давали; а онъ долженъ быть готовъ идти всюду, куда вы ему прикажете“. По одинаковости положенія, московскій царь, съ своей стороны, подкупалъ хана, чтобъ онъ вредилъ Польшѣ. Въ сеймовой инструкціи послу 1568 года говорится: „Московскій тиранъ, котораго мы считаемъ варваромъ и глупцомъ, вездѣ устраиваетъ противъ насъ ковы. Своего и нашего сосѣда татарины, какъ голоднаго волка, онъ приласкалъ къ себѣ подарками,

дважды направилъ на опустощеніе нашихъ владѣній, обрушилъ на насъ бремя турецкой войны, а низовцовъ подучилъ вторгнуться въ Молдавію“ ¹⁾).

Позаимствовавшись многимъ отъ татаръ, днѣпровскіе козаки усвоили себѣ и ихъ политику. Они служили тому изъ государей, который былъ къ нимъ щедрѣе. О связяхъ днѣпровскихъ козаковъ съ московскими воеводами мы уже знаемъ. Съ донскими козаками было у нихъ много общаго. Иногда переходили они на Донъ цѣлымъ кошемъ своимъ, и вмѣстѣ съ донцами пускались въ Азовское и Чорное море для военнаго промысла. Точно такъ и донцы нерѣдко гостили цѣлыми тысячами на Днѣпрѣ, и вмѣстѣ съ днѣпровцами занимались, какъ мирными промыслами, такъ и войною. Связи днѣпровскихъ козаковъ съ обитателями земель государства московскаго еще болѣе дѣлали для нихъ чужимъ польское правительство, которое, съ своей стороны, готово было отъ нихъ отчуждаться. Особенно стали въ Польшѣ смотрѣть на козаковъ изчужа во времена Стефана Баторія. Отправляя весною 1578 года посла Бронѣвскаго въ Крымъ, Баторій написалъ ему въ инструкціи: „Если козаки нападутъ на татарскіе улусы, то это будетъ навѣрное безъ нашего вѣдома. Мы ихъ не только не желаемъ содержать, напротивъ, желали бы истребить; но у насъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ столько военной силы, чтобы совладать съ ними. Для достиженія этой цѣли, ханскій посоль совѣтовалъ намъ, во первыхъ, запретить украинскимъ старостамъ давать имъ селитру, порохъ, свинець и съѣстные припасы; во вторыхъ, не позволять козакамъ проживать въ украинскихъ селахъ, городахъ и замкахъ; и въ третьихъ, пригласить старшихъ козаковъ на королевскую службу. Попробуемъ, можно ли ихъ привлечь къ себѣ; но не ручаюсь за то, чтобы часть этихъ сорванцовъ не перешла къ московскому царю“ ²⁾).

¹⁾ Рукоп. библи. Красинскихъ въ Варшавѣ, fol A. I. 4, л. 40.

²⁾ Тамъ же, л. 54.

Вслѣдъ за симъ Стефанъ Баторій пишеть два универсала: одинъ къ украинскимъ старостамъ, а другой къ самимъ низовцамъ, какъ называли тогда козаковъ запорожскихъ.

Въ первомъ изъ этихъ важныхъ для нашего предмета документовъ, онъ упрекаетъ пограничныхъ старость въ томъ, что они дѣйствовали за-одно съ низовыми козаками, давали имъ у себя пристанище, помогали имъ людьми и снаряжали для походовъ въ турецкія владѣнія. „Не впервые уже (говорилъ король въ универсалѣ) я убѣждалъ пановъ старость не скрывать у себя низовцовъ и не снабжать ихъ порохомъ, свинцемъ и съѣстными припасами; но они меня не слушались, и тѣмъ навлекли со стороны татаръ опустошительный набѣгъ на пограничныя области. Въ послѣднее время ханскій посолъ прямо указывалъ, что предводители низовцовъ, Шахъ и Арговскій, зимовали—одинъ въ Немировѣ, а другой въ Кіевѣ, и при этомъ объявилъ, что никакіе подарки не будутъ достаточны для удержанія татаръ отъ набѣговъ, если козаки не перестанутъ беспокоить ихъ владѣнія. Въ такомъ положеніи дѣла (говорится далѣе въ универсалѣ) повѣли мы Константину Константиновичу князю Острожскому, кіевскому воеводѣ, чтобъ онъ, исполняя свой договоръ съ переконскимъ царемъ, двинулся къ Днѣпру и прогналъ оттуда разбойниковъ козаковъ, а кто изъ нихъ попадетъ ему въ руки, карать бы смертью. Всѣмъ же украинскимъ старостамъ повелѣваемъ содѣйствовать въ этомъ князю Острожскому и также ловить и карать смертью запорожцевъ, когда они разбѣгутся съ низовьевъ Днѣпра“ ¹⁾.

Во второмъ универсалѣ, обращенномъ къ самимъ низовцамъ, король Стефанъ, называя ихъ запорожскими молодцами, выражалъ удивленіе, что они уже въ третій разъ, походомъ въ Молдавію, нарушаютъ мирный договоръ съ Турціею, и приглашалъ ихъ къ себѣ въ службу противъ московскаго царя, „гдѣ каждый

¹⁾ Тамъ же, л. 52.

добудеть больше славы, чѣмъ въ Молдавіи“. Потомъ онъ грозилъ имъ за непослушаніе лишеніемъ достоинствъ, жизни и имущества, и увѣрялъ, что Петръ Волошинъ, котораго они собирались вести въ Молдавію на господарство, вовсе не сынъ господаря Александра, а самозванецъ ¹⁾).

Не извѣстно, каковы были дѣйствія князя Острожскаго въ этомъ случаѣ; но, какъ онъ вступилъ въ договоръ съ крымскимъ ханомъ противъ запорожцевъ, то становится понятно, почему козаки, рѣшась въ 1592 году обратить противъ панской силы свое оружіе, направленное до тѣхъ поръ противъ мусульманъ, пошли прежде всего разорять имѣнія кіевскаго воеводы.

Въ лѣтописи Більскаго говорится, что когда король Стефанъ хотѣлъ-было истребить днѣпровскихъ козаковъ, они ушли въ московскіе предѣлы къ донскимъ козакамъ; что въ присоединеніи ихъ къ донцамъ король видѣлъ еще большую для себя опасность, и что, вѣроятно, поэтому оставилъ ихъ въ покоѣ.

Принимая рѣшительныя мѣры къ уничтоженію козаковъ, польское правительство, въ томъ же году, увеличило свои военныя средства такъ-называемыми *выбранцами*. Сеймовымъ постановленіемъ 1578 года было опредѣлено: изъ городовъ, мѣстечекъ и сель выбирать въ королевскую пѣхоту одного человѣка на каждые двадцать лановъ, или—что одно и то же—изъ каждыхъ двадцати тяглыхъ жителей посполитаго званія. Выборъ долженъ былъ падать на самаго смѣлаго, достаточнаго и способнаго къ военной службѣ, но не иначе, какъ по добровольному его на то согласію. Обязанности избранца состояли въ томъ, чтобы въ каждую четверть года являться къ своему ротмистру или его поручику на назначенное мѣсто съ собственною рушницею, саблею, топоромъ, съ порохомъ и свинцемъ, въ одеждѣ такого цвѣта, какой будетъ объявленъ; въ военное же время избранцамъ назна-

¹⁾ Тамъ же, л. 103.

чено жалованье наравнѣ съ прочею пѣхотою. За свою службу освобождались выбранцы отъ всякихъ повинностей: чинша, лановой подати, извозовъ, подводъ и иныхъ тягостей, лежавшихъ на городскомъ и сельскомъ посполитомъ народѣ. Все это должны были отбывать за нихъ остальные девятнадцать тяглыхъ жителей. Выходить, что и все семейство выбранца, оставшееся на лану, освобождалось вмѣстѣ съ нимъ отъ государственныхъ повинностей ¹⁾.

Этою общею для всего государства мѣрою, въ областяхъ, ближайшихъ къ вольнымъ степямъ днѣпровскимъ, старались уменьшить наплывъ за Пороги охотниковъ до козакованья. Людямъ, освобожденнымъ отъ повинностей и содержимымъ въ военное время на жалованьѣ отъ правительства, не было больше искушенія искать мирнаго заработка въ Великомъ Лугу, или военной добычи въ козацкомъ походѣ на татаръ и турокъ.

Кромѣ того, король Стефанъ Баторій велѣлъ составить реестръ козакамъ, которые имѣли свои осѣдлости въ украинскихъ королевщинахъ и изъявили согласіе находиться въ полномъ распоряженіи правительства. Этимъ способомъ казаки раздѣлились на *реестровыхъ*, или *городовыхъ*, и собственно, такъ называемыхъ, *запорожскихъ*, иначе—*низовыхъ* козаковъ. Чтобы уничтожить значеніе запорожской Січи, какъ сборнаго мѣста для обсужденія войсковыхъ дѣлъ, и значеніе войсковой скарбницы, какъ склада оружія, козакамъ предоставлено было въ исключительное распоряженіе лежащее на Днѣпрѣ, выше Канева, мѣ-

¹⁾ Законъ 1578 года о выбранцахъ напечатанъ въ „Volumina Legum“ кратко, и развитъ только въ универсалѣ Стефана Баторія ко всѣмъ старостамъ и шершавдамъ, сохранившемся между рукописями варшавской библиотеки Красинскихъ (fol. A. I. 4, л. 104—105). Пищецкій, въ своей „Chronica Gestorum“ etc. (р. 44), говоритъ, что еще Сигизмундъ-Августъ permiserat delectum fieri ex colonis villarum Juris Regii, ut nimirum vigesimus quisque colonus pedes militaret. Но „Volumina Legum“, при повтореніи этого закона въ 1590 году, приписывать его королю Стефану.

стечко Трахтомировъ, съ древнимъ монастыремъ, для содержанія козацкихъ инвалидовъ, и съ приписанными къ нему землями, съ тѣмъ, чтобъ они содержали въ этомъ мѣстечкѣ свои рады и хранили военные припасы.

До сихъ поръ, кромѣ лѣтописей, мы не имѣемъ другого слѣда распоряженій Стефана Баторія относительно отдѣленія реестровыхъ козаковъ отъ запорожскихъ. Единственными подлинными свидѣтельствами этого событія служатъ покамѣсть — упомянутая выше инструкція послу Бронѣвскому, въ которой говорится о приглашеніи на службу лучшихъ козаковъ, да рукописный универсалъ Баторія къ низовцамъ отъ 17-го апрѣля 1579 года, въ которомъ онъ, повелѣвая имъ не помогать Волошину Лакустѣ, говоритъ: „Такъ какъ вы вступили въ нашу службу, то обязаны это исполнить, вѣрно служить намъ и Рѣчи-Посполитой, и во всемъ повиноваться нашему черкасскому старостѣ, подъ котораго начальствомъ состоите“ ¹⁾. Въ бумагахъ временъ Баторія сохранилось указаніе на запасы сукна, которые онъ дѣлалъ для козаковъ около 1585 года. Бильскій, говоря о пребываніи короля Стефана во Львовѣ въ 1578 году, замѣчаетъ мимоходомъ, что онъ, усмиривъ немного козаковъ казнью Подковы, „поставилъ надъ ними гетманомъ Орышевскаго, нашего Правдича“ (то есть принадлежащаго, какъ и самъ лѣтописецъ, къ гербу Правдичъ). Все это подтверждаетъ, въ извѣстной степени, лѣтописное сказаніе о Баторіевской регуляціи козацкаго войска; но едва ли слѣдуетъ понимать эту регуляцію въ смыслѣ раздѣленія козаковъ на полки и проч., какъ объ этомъ распространяются украинскія лѣтописи, при молчаніи источниковъ польскихъ. Чтобы судить, чтò значило для козаковъ самое постановленіе надъ ними гетмана, стоить только обратить вниманіе на то, какъ отвѣчалъ Баторій, въ 1579 году, татарскимъ посламъ, когда они жаловались

¹⁾ Рукоп. библ. Красинскихъ въ Варшавѣ, fol. A. I. 4, л. 297—8.

на козацкіе грабежи: „Это люди своевольные, и карать ихъ мудрено. Чтò могу сдѣлать, сдѣлаю“.

До временъ Баторія, званіе козацкаго гетмана принадлежало каждому, кто собиралъ вокругъ себя козаковъ для похода, или содержалъ ихъ въ видѣ охранной дружины при своемъ дворѣ. Такимъ образомъ одновременно встрѣчаются въ актахъ имена козацкихъ гетмановъ: Лянцкоронскаго, Вишневецкаго, Рожинскаго и другихъ, менѣе знатныхъ. Все это были королевскіе пограничные старосты, которые, для отраженія татаръ и для преслѣдованія ихъ на возвратномъ пути съ набѣга, входили въ разнообразныя условія съ воинственными пограничными жителями для козацкаго промысла. Ополченцы ихъ назывались козаками, въ смыслѣ добычниковъ, а сами они именовались гетманами, въ смыслѣ предводителей. Козаки, какъ сословіе, и даже какъ отдѣльная корпорація, въ украинскихъ городахъ еще не существовали ¹⁾. На Запорожьѣ козакомъ назывался каждый, принятый тамошними „братчиками“ въ ихъ товарищество; въ городахъ это названіе опредѣляло характеръ жизни, но не права отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго общества. Такъ въ наше время употребляется слово *чумакъ*, подъ которымъ разумѣется человекъ той или другой среды, вдавнѣвшійся въ извѣстный промыселъ. Впослѣдствіи уже, когда козачество заявило мысль о своемъ самоуправленіи, отрицая юрисдикцію старостъ, въ имѣніяхъ королевскихъ, и пановъ, въ такъ называемыхъ волостяхъ, — жители городовъ начали выразительно дѣлиться на *мѣщанъ* и *козаковъ*. Тогда *послушными* стали называться собственно мѣщанскіе дома, а *непослушными* — козацкіе. Послушные мѣщане отбывали главную въ то время повин-

¹⁾ Указывать на изытіе изъ-подъ власти старостъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1572 году, какъ на образованіе изъ нихъ отдѣльной военной корпораціи, нѣтъ основанія, потому что Стефанъ Баторій находитъ ихъ въ прежнемъ положеніи, „пробуетъ“ пригласить ихъ на королевскую службу и подчинить ихъ черкасскому старостѣ.

ность—военную службу, подъ предводительствомъ королевскихъ старостъ, а непослушные избирали себѣ предводителя вольными голосами; но тѣ и другіе такъ тѣсно соединены были между собою, что слово *козаки* въ официальныхъ бумагахъ почти не употреблялось: администрація, можно сказать, знала однихъ мѣщанъ.

Такимъ образомъ начало козачеству дали украинскіе города, поставленные въ необходимость усвоить себѣ наѣздническіе обычаи для отраженія татаръ. Города эти населялись выходцами изъ сравнительно безопасныхъ мѣстъ, въ которыя, во времена такъ-называемаго татарскаго лихолѣтя, спасались жители днѣпровскихъ равнинъ. Главную массу новыхъ поселенцевъ украинскихъ, естественно, составляли люди русскіе. Но къ нимъ, по сказаніямъ современниковъ, примѣшивались и польскіе выходцы. Религіозность, столь тѣсно связанная въ XVI-мъ вѣкѣ, съ патриотизмомъ, внушала знатнымъ шляхтичамъ подвиги самоотверженія. По словамъ современнаго кievскаго бискупа Верещинскаго, многіе изъ нихъ переселялись въ Украину съ цѣлью защищать христіанство отъ невѣрныхъ, во славу Божию и въ честь рыцарскаго имени, которое они носили; другихъ привлекало сюда желаніе отмстить татарамъ за гибель или плѣнъ своихъ родственниковъ; нѣкоторые оставляли Польшу съ „досады на новые обычаи, которые сосѣди перенимали отъ испорченныхъ нѣмцевъ“. (Это значитъ—„испорченныхъ“ реформаціею.) Въстѣ съ ними (продолжаетъ Верещинскій) появились въ Украинѣ промотавшіеся богачи и тѣ, которые, родившись въ панскихъ домахъ, отрекались отъ шляхетства ради насущнаго хлѣба, которые были принуждены наниматься у мѣщанъ и поселанъ въ чернорабочіе ¹⁾, а не то—промышлять разбоемъ и воровствомъ. Рядомъ съ роскошью, внутри польскаго края была

¹⁾ Шляхтичъ, очутившійся крамаремъ, мелкимъ торговцемъ, наймитомъ у простолюдина или хоть и у пана, но для черной работы, или, наконецъ, ремесленникомъ, терялъ гербъ и дворянство.

тогда такая нищета, что многіе гербованные шляхтичи просили милостыни, а иные даже умирали съ голоду. Все это стремилось въ Украину по различнымъ побужденіямъ и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало первоначальному образованію козачества, въ которомъ религіозная задача спасать христіанъ изъ рукъ невѣрныхъ соединялась по самой необходимости съ каждою добычей.

Въ составъ козачества входили еще такъ-называемые своевольные люди, которыхъ накопилось множество во всѣхъ провинціяхъ Польскаго государства, и въ особенности на Волыни. Это были убогіе шляхтичи, поступавшіе на службу къ болѣе богатымъ и бѣжавшіе отъ нихъ изъ чувства оскорбленной гордости, мести или страха кары. Судебные акты и частныя письма конца XVI и начала XVII вѣка (эпохи колонизаціи отрожденной Руси по образцу внутреннихъ провинцій государства) свидѣтельствуя, что почти всѣ владѣльцы крупныхъ имѣній въ пограничныхъ воеводствахъ дѣлали одинъ на другого непріятельскіе набѣды. Мелкая война между панаміи чаще всего кипѣла на границахъ смежныхъ воеводствъ, какъ это показываютъ и многочисленныя комиссіи, которыя назначались на сеймахъ для разграниченія обывателей воеводствъ: Русскаго, Бельскаго, Подольскаго, Волынскаго и Кіевскаго. Слово *граничиться* значило въ то время воевать. Безъ войны, ни одно, можно сказать, панское имѣніе въ землѣ Кіевской, на Волыни, на Подольѣ и въ Червоной Руси не вошло въ свои окончательно-опредѣленные границы; а для войны панамъ необходимы были люди, готовые сражаться противъ кого угодно. Потребность эта создала въ пограничныхъ воеводствахъ многочисленный классъ такъ-называемыхъ панскихъ слугъ изъ неосѣдой шляхты, которые были не что иное, какъ домашняя орда, перекочевывавшая изъ одного панскаго двора въ другой. Одни изъ нихъ служили въ высшихъ дворскихъ должностяхъ: были управителями имѣній, дворецкими, завѣдывали охотою, лошадьми и т. п.; другіе употреблялись только для

конвои, для посылокъ и для войны; но вообще — это были классы людей безнравственныхъ. Уцѣлѣло множество жалобъ на ихъ обманы и хищничество. Съ другой стороны, власть пана относительно слуги-шляхтича была, по закону и обычаю, такъ велика, что простиралась до тѣлеснаго наказанія; а нѣкоторые паны, пользуясь польскимъ или — что все равно — гниезскимъ правомъ (*jus polonicum, jus ducale*), даже казнили смертью служившихъ у нихъ шляхтичей, какъ объ этомъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ извѣстный Альбрехтъ Радзивиллъ. Не удивительно, что шляхтичъ, принужденный къ службѣ у богатаго своего собрата бѣдностью, и руководясь только чувствомъ страха, пользовался первымъ удобнымъ случаемъ ограбить своего пана и бѣжать отъ него въ козацкое общество, въ которомъ не считались породю и не доискивались прежней жизни. Королевскій секретарь при Стефанѣ Баторіѣ, Гейденштейнъ, рассказываетъ, что, когда послѣ московской войны, коронное войско, было распущено, значительная часть его, состоявшая изъ людей, непривычныхъ къ труду и обывшихъ жить добычею въ непріятельской землѣ, пошла въ козаки и увеличила ихъ силу. Извѣстно, что польскому войску почти никогда не доплачивалось жалованье; что жолнеры обыкновенно вознаграждали себя грабежемъ королевскихъ, панскихъ и духовныхъ имѣній, и что правительство объявляло ихъ за это банитами. Такие-то люди изъ-подъ королевскаго знамени переходили подъ бунчугъ запорожскаго гетмана. Имъ труденъ было возвратъ въ прежнее состояніе; они всецѣло отдавались козацкой жизни и вносили въ нее все, что могло въ ней привиться. Поэтому-то, и именно по одному этому, дѣятельность запорожскаго войска имѣла уже и въ началѣ характеръ нѣкоторой враждебности относительно правительства. Сословной и національной вражды не было вовсе въ первобытномъ козацествѣ, такъ какъ не существовало ни вещественныхъ, ни нравственныхъ интересовъ, которые впоследствии раздѣлили козаковъ и дворянство на два

враждебные лагеря. Козаки, какъ мы видимъ, дѣйствовали заодно съ королевскими пограничными старостами — сперва, явно, а потомъ, съ переменною государственной политикой относительно Турціи, тайно. Запорожье было убѣжищемъ не одной черни, искавшей тамъ насущнаго хлѣба, но и людей знатныхъ, имѣвшихъ въ виду нравственные, фамиліи или политическія цѣли. На различіе вѣроисповѣданій не обращалось вниманія, такъ точно, какъ и на различіе сословій. Цѣнились только боевое мужество и способность выдерживать походные труды.

Кромѣ общаго козакамъ исцанія добычи, у нихъ было общее стремленіе — противодѣйствовать туркамъ, какъ врагамъ христіанства, — стремленіе, усиленное самими обстоятельствами. Со времени подчиненія татаръ турецкому султану, ихъ набѣги на отроженную Русь усилились. Этому, какъ уже сказано, способствовало, во-первыхъ, то, что торговля невольниками увеличилась по мѣрѣ развитія въ домашнемъ быту турокъ азійской роскоши, а во-вторыхъ то, что турки, поселившіеся по Дунаю и подѣ Очаковомъ, помогали татарамъ людьми и лошадьми въ ихъ набѣгахъ. Но была еще одна причина, именно: что султанъ, считая татарскіе улусы „оттоманскою землею“, грозилъ полякамъ войною за нападеніе на эти улусы. Сигизмундъ-Августъ не нашолъ другого средства удерживать татаръ отъ набѣговъ, какъ платя имъ ежегодную дань въ 50.000 червонцевъ. Стефанъ Баторій увеличилъ эту дань 20-ю тысячами талеровъ, и старался направлять татарскія силы на Московское государство. Козакамъ ни до чего этого не было дѣла. Они помнили свои личныя обиды; у нихъ передъ глазами турки и татары уводили въ плѣнъ ихъ соплеменниковъ; съ всѣхъ сторонъ до нихъ доходили слухи о страданіяхъ христіанъ отъ невѣрныхъ. Не ограничиваясь залеганьемъ на татаръ у переправъ черезъ рѣки и нападеніями на ихъ улусы, козаки воевали принадлежавшіе туркамъ низовые города и предпринимали походы въ Молдавію, гдѣ находили тѣхъ же турокъ. Не

только татары, находившіеся въ распоряженіи турецкаго султана, но и волохи, повиновавшіеся туркамъ, были, въ глазахъ козаковъ, непріятелями, которыхъ *руїнувати* и *плїндрувати* считали они своимъ рыцарскимъ долгомъ.

Въ 1577 году поднялъ ихъ противъ посаженнаго турками на Молдавское господарство Петра проживавшій между ними братъ покойнаго господара Ивони. Онъ отличался необычайною силою, такъ что ломалъ подковы, и за это козаки, по своему обычаю, прозвали его Подковою. О покушеніи Подковы овладѣть господарскимъ престоломъ въ лѣтописи Більскаго рассказано съ подробностями, которыя показываютъ, что авторъ повторилъ слова очевидцевъ событія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что его дядя, Янъ Орышевскій, долго былъ у козаковъ гетманомъ, много разсказывалъ ему о Запорожьѣ и, конечно, возвратясь къ осѣдлой жизни шляхтича, не прерывалъ съ козаками пріятельскихъ сношеній ¹⁾.

Волохи (говорить Більскій), узнавъ, что Иванъ Подкова находится между запорожскими козаками, просили его, черезъ своихъ тайныхъ посланцовъ, поспѣшить на родину и занять послѣ своего брата господарскій престолъ, какъ законное родовое наслѣдство. При этомъ они жаловались на притѣсненія со стороны своего господара, Петра, и окружавшихъ его турокъ. Подкова благодарилъ ихъ за расположенность, но ни на что не могъ рѣшиться, по недостатку средствъ. Тогда они прислали ему два письма со множествомъ печатей знатнѣйшихъ бояръ. Одно письмо было адресовано къ князю Константину Острожскому, кiev-

¹⁾ Предположеніе о непрерывности сношеній осѣдлой шляхты съ козаками подтверждается, между прочимъ, характеристическою рѣчью адвоката княгини Острожской, произнесенною передъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1553 году. Въ этой рѣчи князь Дмитрій Сангушко изображенъ пограничнымъ преслѣдователемъ татаръ. Когда татары бывали прогнаны осѣдлою шляхтою съ одной стороны, а низовыми козаками съ другой, у пановъ, подобныхъ Дмитрію Сангушку, завязывалась игра съ козаками въ карты и кости, результатомъ которой былъ выигрышъ не только отнятой у татаръ добычи, но и самихъ ордынцевъ, заваченныхъ козаками въ плѣнъ.

скому воеводѣ, а другое — къ барскому старостѣ. Бояре умоляли дать Подковѣ средства пройти только до Днѣстра, а тамъ они встрѣтятъ его въ назначенный день съ войскомъ. Съ этими письмами пріѣхалъ Подкова незамѣтнымъ образомъ въ Баръ и вручилъ ихъ старостѣ. Староста, въ тайной бесѣдѣ, сказалъ ему, что радъ бы былъ помочь козацкому походу, да боится раздражить короля, который строго наказалъ не нарушать заключеннаго съ турецкимъ султаномъ мирнаго договора. Онъ совѣтовалъ Подковѣ даже уѣхать куда-нибудь изъ Бара, чтобы слухъ о немъ не дошелъ въ Молдавію и не надѣлалъ тамъ тревоги. Подкова удался въ болѣе уединенное мѣсто, какъ въ это самое время въ Баръ возвратился со степей одинъ изъ пограничныхъ пановъ, Станиславъ Копицкій. Узнавъ о Подковѣ, онъ поспѣшилъ съ нимъ увидѣться, поздравилъ его съ счастливою новостью и предложилъ свои услуги. Копицкій состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ козаками, съ которыми лѣтъ двадцать имѣлъ разнаго рода дѣла; онъ отправился къ нимъ и роздалъ между ними какія имѣлъ за свою службу деньги. Въ этомъ помогъ ему также и Волошинъ Чапа, который женился и жилъ въ Брацлавщинѣ. Стараніями ихъ обоихъ, собралось 330 отборныхъ козаковъ, надъ которыми гетманомъ былъ Шахъ. Они вмѣстѣ съ Подковою вторглись въ Молдавію; но, свѣдавъ, что господарь Петръ идетъ противъ нихъ съ большими силами и множествомъ пушекъ, отложили походъ до болѣе удобнаго времени, а теперь набрали только съѣстныхъ припасовъ и вернулись во-свояси.

Молдавскій господарь, Петръ, жаловался королю на вторженіе козаковъ во владѣнія султана, въ противность мирнымъ договорамъ, и грозилъ Польшѣ турецкою войною, если козаки не будутъ наказаны. Король сильно встревожился и немедленно написалъ къ коронному гетману и нѣкоторымъ изъ русскихъ пановъ, чтобы они постарались поймать Подкову и другихъ бунтовщиковъ. Гетманъ двинулъ три роты, подъ начальствомъ своего

дворянина-слуги, Боболецкаго. Боболецкій поспѣшилъ въ Немировъ, гдѣ, по слухамъ, проживалъ Подкова, и дѣйствительно засталъ его въ этомъ городѣ. Но Подкова во-время узналъ о грозившей ему опасности и выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи пятидесяти пѣшихъ козаковъ съ рушницами. Достигши какого-то брода, выѣхалъ онъ въ воду коню по брюхо и поставилъ впереди себя 50 пѣхотинцевъ съ рушницами. Боболецкій, прискочивъ къ броду и увидѣвъ Подкову, готоваго къ бою, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ напасть на него было трудно, вернулся въ Немировъ. Слѣдомъ за нимъ вернулся и Подкова. Боболецкій остановился въ замкѣ, Подкова — въ городѣ. Тутъ Боболецкій требовалъ отъ начальника города выдать ему Подкову; но тотъ отвѣчалъ: „Не могу я выдать его, но и не защищаю. Возьми самъ, если можешь“. Съ тѣмъ и уѣхалъ Боболецкій.

Тогда коронный гетманъ далъ знать королю, что настигнулъ Подкову въ Немировъ, но что намѣстникъ брацлавскаго воеводы, Яна Збаражскаго, не захотѣлъ выдать его. Король послалъ къ воеводѣ, чтобъ онъ приказалъ выдать Подкову, но, пока коморникъ явился въ Немировъ съ приказаніемъ, на помощь къ Подковѣ опять пришелъ гетманъ Шахъ, уже съ шестью сотнями козаковъ, оставивъ четыре сотни на Низу. Подкова встрѣтилъ его на шляху, называемомъ Пробытымъ. Шахъ привѣтствовалъ Подкову, какъ молдавскаго господаря, и велѣлъ бить въ бубны. Козаки проводили Подкову до города Сороки. За Сорокою сперва признала его господаремъ чернь. Узнавъ объ этомъ, Петръ приготовился къ отпору и, когда козаки подошли къ Яссамъ, выступилъ на встрѣчу съ войскомъ, котораго у него было не мало. Произошла битва. Шахъ и Подкова остались побѣдителями. Петръ ушелъ къ своему брату, господарю Закарпатской Волоцины, и оттуда отправилъ къ турецкому султану посольство съ жалобою на козаковъ, подданныхъ короля, и съ просьбою о помощи.

Между тѣмъ Шахъ возвелъ Подкову на господарство. Въѣхали козаки въ Ясси наканунѣ св. Андрея, 1577 года. Найдя тамъ плѣнниковъ, Подкова отпустилъ ихъ на волю, но взылъ выкупъ. Потомъ началъ раздавать важнѣйшія должности Шаху, Чапѣ и другимъ, а къ султану послалъ за господарскимъ знаменемъ. Но посоль его схваченъ на дорогѣ; а тутъ на помощь прежнему господарю, Петру, двинулся къ Яссамъ братъ короля Стефана, господарь седмиградскій, Христофоръ. Подкова, вида, что не усидѣть ему на господарствѣ, взялъ изъ Яссъ 14 пушекъ да разныя цѣнныя вещи и, обезпечивъ себя съѣстными припасами, пошелъ въ обратный путь. Достигнувъ Сороки, держалъ онъ съ козаками раду, какъ имъ пройти на Запорожье. Идти степями было опасно, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, а мимо Немирова — боялись короннаго гетмана и брацлавскаго воеводы, которые, по приказанію короля, старались изловить Подкову.

Коронный гетманъ, однакожь, не дѣлалъ никакихъ военныхъ распоряженій, надѣясь добыть Подкову безъ кровопролитія. Когда козаки пришли въ Немировъ, брацлавскій воевода, Янъ Збаражскій, пригласилъ къ себѣ гетмана Шаха съ нѣсколькими козаками и убѣждалъ ихъ не нарушать мира съ турецкимъ султаномъ, а Подковѣ совѣтовалъ ѣхать къ королю и оправдать свой поступокъ. Такъ какъ онъ извѣстенъ своими рыцарскими доблестями, то король приметъ его благосклонно. При этомъ воевода предлагалъ проводить его лично къ гетману, а гетманъ проводить его къ королю. Козаки передали это предложеніе Подковѣ. Тотъ охотно согласился и подарилъ воеводѣ 12 пушекъ, а 2 пушки подарилъ коронному гетману. Коронный гетманъ отправилъ его къ королю на сеймъ; но король Подковы не принялъ, велѣлъ посадить въ оковы и держать подъ крѣпкою стражею. Турецкій султанъ, чрезъ своего чауша, присланнаго на сеймъ, сильно домогался выдачи ему Подковы. Баторій считалъ такое требованіе для себя унижительнымъ, но, чтобы успокоить

султана, велѣлъ отрубить Подковѣ голову. По замѣчанію Бильскаго, къ этой рѣшимости привело короля еще и то обстоятельство, что козаки, не показавшись на Подковѣ, водили въ Молдавію тѣмъ же порядкомъ брата его, Александра, и еще разъ прогнали-было Петра съ господарства. Впрочемъ турки скоро ихъ разбили и многихъ привели плѣнными въ Царьградъ, а возведеннаго ими на престолъ Александра посадили на колъ.

ГЛАВА IV.

Воинственная, или русская часть польскаго общества, какъ защита колонизаціи. — Связи русскихъ пановъ-землевладѣльцевъ съ запорожцами. — Пребываніе владѣльца Злочова за Порогами. — Голодное скитанье по пустынямъ.

Несмотря на неудачи въ Молдавіи, отъ которыхъ терпѣли лично пограничныя паны, и на затруднительное положеніе, въ какое они поставляли все государство задоромъ Турціи, не переставали они дѣлать новыя и новыя попытки къ господству надъ Молдавіею. Изъ писемъ разныхъ лицъ къ господарю Ивонѣ, попавшихъ въ руки великаго визиря, обнаружилось, что его подстрекали къ войнѣ съ турками и обнадёживали своею помощью, кромѣ другихъ лицъ, и такіе люди, какъ воевода сѣрадскій, Ласкскій, и воевода кіевскій, князь Константинъ Острожскій. По смерти Ивони, двѣ сотни русскихъ смѣльчаковъ проникли въ глубину Молдавіи и увезли за Днѣстръ тестя Ивони, его жену и семь женъ другихъ молдавскихъ пановъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ захватили казну Ивони, изъ которой не былъ еще уплаченъ султану годовой харачъ. Вслѣдъ за тѣмъ предпринята была экспедиція Подковы. Казнь его не остановила вторженій въ Молдавію. Одни изъ пограничныхъ русскихъ пановъ ходили за Днѣстръ, безъ дальнихъ замысловъ, изъ любви къ козакованью; но нѣкоторые изъ нихъ постоянно грезилось господарское знамя молдавское, которое султанъ давалъ тому, кого, или по неволѣ, или

за деньги, признавалъ господаремъ Молдавіи. Тѣ и другіе искатели счастья были народъ отчаянный. Въ случаѣ ссоры за походъ съ королемъ, у котораго, какъ говорилось, мечъ былъ длиненъ, мелкія личности готовы были спастись бѣгствомъ на Запорожье и, бросивъ свои дворянскіе гербы, совершенно окочичиться, а другіе рассчитывали на помощь могущественныхъ пріятелей, которымъ было за обычай „отводить силою право“.

Кромѣ необузданнаго 'своеволія, произвольныя дѣйствія пограничныхъ пановъ объясняются еще—странно сказать, но такъ оно было — ихъ сознаниемъ независимости въ государствѣ, именуемомъ Рѣчью-Посполитою. Рѣчь-Посполитая была королевствомъ только по имени: въ сущности, она представляла федерацію областей, повѣтовъ и отдѣльных панскихъ владѣній,—федерацию до такой степени свободную, что въ ней каждый панъ поступалъ, какъ самостоятельный государь. Въ описываемый нами періодъ, свобода дѣйствій развилась у пановъ до такой степени, что на избирательныхъ стѣздахъ, послѣ Генриха-Француза, они предлагали вовсе не избирать короля, а управлять государствомъ посредствомъ намѣстниковъ. Если, такимъ образомъ, каждый магнатъ въ отдѣльности преслѣдовалъ свои личныя выгоды, не обращая вниманія на интересы общіе, то тѣмъ болѣе подобная политика имѣла мѣсто въ областяхъ, которыя подчинялись особымъ условіямъ своего положенія. Собственно такъ называемая тогда Польша, защищенная отъ татаръ и турокъ русскими областями, не видѣла ни необходимости, ни пользы въ военныхъ предпріятіяхъ. Все свое вниманіе обращала она на устройство доходныхъ имѣній и на политику, посредствомъ которой надѣялась достигнуть постояннаго мира. Героическій вѣкъ миновалъ для нея. Напротивъ, окраины государства, съ *тремя пустынями* между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ ¹⁾, пережи-

¹⁾ Такъ обозначенъ юговостокъ Польскаго государства въ мирномъ договорѣ съ турками 1575 года.

вали еще ту пору, которая у каждого народа предшествуетъ высшему развитію культуры. Здѣсь никакой доходъ не получался безъ участія оружія; здѣсь, по выраженію современнаго поэта, „сабли приносила больше барышей, чѣмъ хозяйство“. Пограничные землевладѣльцы равнодушно относились ко всему, что не давало боевой славы, и были убѣждены, что только посредствомъ войны можно было достигнуть прочнаго мира. Съ каждымъ годомъ двигались русскіе колонисты всё далѣе и далѣе въ три великія пустыни, оспариваемыя у христіанъ мусульманами и, мечтая о рыцарской славѣ, съ пренебреженіемъ оглядывались на жителей внутреннихъ областей, которые мирныя занятія предпочитали кнѣвшею на пограничьи войнѣ. Геральдикъ Папроцкій, въ весьма рѣдкой книгѣ своей „*Rapozza*“ ¹⁾, такъ обращается собственно къ польскимъ панамъ: „Я вижу, что, ища мира, вы пріяли въ ремеслахъ своихъ, такъ какъ вамъ пріятнѣе толковать о волахъ въ загонкахъ, нежели о вѣчной славѣ въ потомствѣ. А я бы вамъ совѣтовалъ домогаться вѣчнаго мира съ турками и татарами саблею, а не бумагами“.

¹⁾ Въ одномъ изъ примѣчаній указанъ случай сожженія и перепечатки 20-ти листовъ изъ гербовника Папроцкаго, неприятныхъ нѣкоторыхъ магнатамъ, которыхъ предки оказались бурмистрами краковскими. Книга „*Rapozza to jest Wyzławienie Rapow ruskich*“ никакъ не могла быть пріятна панамъ польскимъ, и, по всей вѣроятности, они скупали экземпляры ея по всей Польшѣ для сожженія, какъ это было дѣлаемо съ радзивилловскимъ переводомъ Библии, съ нѣкоторыми томами изданія Догеля „*Codex diplomaticus*“ и другими книгами. Польская критика и въ наше время относится къ Папроцкому неблагоклонно. Оставляя безъ вниманія положеніе его въ обществѣ, она повторяетъ толки недовольныхъ имъ современниковъ о его продажности, жаднѣ користи, низкоклонничествѣ. Между тѣмъ онъ, при своихъ скудныхъ средствахъ, извѣздилъ край, простиравшійся тогда на 250 миль, перерылъ домашніе, монастырскіе архивы и сохранилъ отъ забвенія много историческихъ свѣдѣній, а когда недовольные его изысканіями паны принудили его бѣжать изъ отечества, та же любознательность заставила его странствовать по Силезіи, Моравіи, Богеміи. Проработавъ такъ всю жизнь, этотъ любознательный человекъ умеръ въ бѣдности, и только иностранецъ, современный ему богемскій историкъ, Вальбинусъ, представилъ въ истинномъ свѣтѣ трудную роль его, какъ собирателя историческихъ свѣдѣній. (*Miscellanorum Hist. Regni Bohemiae decadis II, lib. I, p. 107*).

Да, русскія земли Польскаго государства въ XVI вѣкѣ существенно отличались отъ земель польскихъ своею воинственностью. Изъ нихъ — это достойно замѣчанія — происходили всѣ коронныя гетманы, присяжные хранители границъ Рѣчи-Посполитой, и онѣ не только служили для Польши щитомъ отъ татаръ и турокъ, — онѣ давали ей людей, которые одни поддерживали въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ мужественную простоту жизни, героизмъ и самопожертвованіе — условія независимости каждаго народа. Эта мысль весьма выразительно заявлена въ стихотворномъ обращеніи геральдика Папроцкаго „Къ полякамъ“, напечатанномъ въ 1575 году.

„Не думайте (говорить Папроцкій), что я льщу русскимъ; я недавно еще живу между ними, и не съ ними воспитывался; но я тотчасъ оцѣнилъ ихъ славныя дѣла, которыя заслуживаютъ вѣчной памяти въ потомствѣ. Не одинъ разъ въ году эти достойныя люди преслѣдуютъ татаръ и подвергаются опасностямъ войны. Какъ мужественныя львы, охраняютъ они все христіанство: почти каждый изъ нихъ можетъ назваться Гекторомъ. Не имѣя отъ васъ никакой помощи, они доставляютъ вамъ такое спокойствіе, какъ откармливаемымъ воламъ. А вы, считая себя выше ихъ, выпрашиваете себѣ въ этихъ областяхъ имѣнія. Вы бы еще сами удѣлили имъ отъ своихъ избытковъ за то, что, по ихъ милости, наслаждаетесь такою безопасностію. Явите-ка вы здѣсь достойныя памяти дѣла, какія совершаютъ безпрестанно эти, можно сказать, святые люди. Кто въ наше время въ чомъ бы то ни было превзошелъ русака? Пошлете вы его въ посольство — онъ исполнитъ посольство лучше, нежели вы ему прикажете. Между русаками нищъ полководца и хорошаго воина. Они съ неудовольствіемъ смотрятъ на ваши совѣщанія о мирѣ. И лучшаго коня, и лучшаго всадника добудешь на Руси. Даже нашъ Матушь ¹⁾ дѣлается здѣсь другимъ человѣкомъ. Не бродитъ онъ по

¹⁾ Игра словъ между *Матюшемъ* и *матушкинымъ сыномъ*.

лицѣ, не занимается драками. Изъ Матуша выходитъ здѣсь добрый воинъ, а панскій вашъ сыновъ превращается на Руси въ ротмистра или въ храбраго рыцаря. Но вы-то сами чѣмъ заслужили пожалованія вамъ имѣній въ этомъ краѣ? Видали ли вы обнаженный противъ себя мечъ—не среди улицы, а въ какой-нибудь знаменитой битвѣ? Выслушайте же мое мнѣніе. Неприлично мудрому человѣку домогаться чужого; не годится богатому пренебрегать убогимъ. У подолянъ не различишь, кто панъ, а кто слуга; нѣтъ у нихъ ни на грошъ гордости. Не носятъ они пестрыхъ одеждъ; они покрыты славой, которая дороже вашихъ нарядовъ. Слава этого народа распространена всюду, и останется за ними во вѣки вѣчные, *хотябы Польша и погибла*. Чтѣ дѣлалъ Геркулесъ, который побивалъ гидръ и не щадилъ земныхъ боговъ, то на Руси съумѣетъ сдѣлать каждый. Самсонъ разорвалъ челюсти лву; подобные подвиги въ наше время русаку за обычай. Могущественный Турокъ разинулъ на насъ пасть, и храбрые русаки не разъ совали въ нее руку. Устремился бы онъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Польшу, но останавливаетъ его русская сила. Бросаются русскіе въ пропасть войны, пренебрегая опасностями, и, когда совершать что-нибудь полезное, всёѣмъ вамъ прибываетъ отъ того славы. Будьте же довольны славой, которую они добываютъ, хотя и нѣтъ васъ между ними въ походахъ; не посягайте на русскія имущества, если всякій разъ, когда надобно сражаться, вы сидите гдѣ-то въ лѣсу“.

Кромѣ осѣдлыхъ дворянъ, изъ которыхъ каждый, при всякой тревогѣ, превращался въ воина, на Подольѣ стояла еще пограничная стража, состоящая или изъ молодежи, но обремененной семейными заботами, или изъ холостяковъ и вдовцовъ, не расположенныхъ къ женитьбѣ. Эта стража была не чтѣ иное, какъ домашніе козаки-дворяне, которые относительно козаковъ польскихъ, или запорожскихъ, были почти то же, чтѣ духовенство бѣлое относительно монашествующаго. Стоять на пограничѣ зна-

чико — подвергаться опасностямъ, не отрекаясь отъ связей съ осыдлымъ населеніемъ; удалиться на Запорожье значило — сверхъ опасности боевой жизни, подвергнуть себя еще и всевозможнымъ лишеніямъ. Папроцкій о подольскомъ шляхтичѣ Богданѣ, князѣ Рожинскомъ, „гетманѣ низовыхъ козаковъ“, выражается, какъ о пустынникѣ: „Презрѣлъ онъ богатства и волюбилъ славу защиты границъ. Оставивъ временныя земныя блага, претерпѣвая голодь и нужду, стоитъ онъ, какъ мужественный левъ, и жаждетъ лишь кровавой бесѣды съ невѣрными“.

Какъ низовые козаки, такъ и пограничная стража, имѣли въ виду одну цѣль — не допускать татаръ въ Украину и преслѣдовать хищниковъ, которые угоняли стада и захватывали народъ въ неволю. На Руси это было великою заслугою въ глазахъ общества. Безъ пограничной стражи, оно бы вѣчно должно было опасаться появленія татарской орды, и не могло бы заниматься никакими дѣлами. Еще король Сигизмундъ-Августъ опредѣлилъ четвертую часть королевскихъ доходовъ на содержаніе пограничной стражи. Стефанъ Баторій нанялъ на эти деньги 2.000 копейщиковъ и размѣстилъ ихъ, подъ именемъ подольскаго войска, въ тѣхъ пунктахъ, которые особенно были удобны для защиты отъ крымской и бѣлгородской орды. „Эти войны (говоритъ перемышльскій епископъ Писецкій въ началѣ XVII-го вѣка) ¹⁾ составляютъ главную силу польской конницы, и юношество наше, желающее посвятить себя военной службѣ, какъ-бы въ рыцар-

¹⁾ Хроника Писецкаго доведена до 1648 года, но что это мѣсто было писано въ началѣ XVII-го вѣка, видно изъ его указаній на событія 1614—1616 годовъ, какъ на только-что случившіяся. Я пишу Писецкій, а не Пясецкій потому, что онъ былъ русинъ и прозванъ по имени села *Піски* (т. е. пески); но, какъ слово *піски* противно духу польской фонатики (русинское слово *пісокъ* у нихъ — *piasek*; *піски* — *piaski*), то поляки и переименовали Писецкаго въ Пясецкіе. Такой же случай (а ихъ безчисленное множество) представляетъ фамилія Писочинскихъ въ кievской Украинѣ, переименованная въ *Пясечинскихъ*. Исторія ревниво охраняетъ правду, какъ въ крупныхъ событіяхъ, такъ и въ самыхъ drobныхъ мелочахъ: жизнь дорога въ каждомъ своемъ проявленіи.

своей школь, проходить на пограничьи свой искусъ. Здѣсь-то оно постоянно упражняется въ битвахъ съ татарами; отсюда выходятъ самые мужественные люди, опытные ветераны для всѣхъ важныхъ военныхъ случаевъ“. Молодой человекъ, не отбывавшій пограничной стоянки, считался въ польской Руси неопытнымъ и не имѣлъ ходу въ обществѣ. На пограничной службѣ завязывались у пановъ знакомства, которыми они пользовались впоследствии, во время своей политической дѣятельности. Тамъ же развивался у нихъ и духъ личной самостоятельности, отличавшей польское общество. Пограничная служба, исполненная приключеній и опасностей, приучала шляху къ отважной предприимчивости, которая потомъ не знала предѣловъ. Здѣсь воспитывались характеры, вдохновлявшіе польское общество на такія широкія, хоть и мечтательныя, предпріятія, какъ завоеваніе Московскаго царства и устремленіе польско-московскихъ силъ противъ Турціи. Но здѣсь же получило свое начало и суровое рыцарство запорожское, отчуждавшееся польской государственной политики. Знатные паны возвращались изъ пограничной военной школы въ свои имѣнія, въ свои родственные круги и стремились къ центру шляхетской дѣятельности — королевскому двору, при которомъ каждый добивался — или государственной должности, или военного чина, или крулевщины; напротивъ, мелкая шляхта, привыкши въ украинской службѣ къ широкому разгулу, къ простотѣ обращенія и къ убожеству быта, смѣнявшемуся случайнымъ достаткомъ, естественно тяготилась потомъ службою дворскою, гдѣ бѣдняку нечѣмъ было отличиться, и гдѣ за каждую смѣлую выходку противъ богатаго шляхтича грозила бѣда отъ его свиты. Эта шляхта охотнѣе оставалась на Украинѣ и, защищая границы, вела такую же козацкую жизнь вблизи окраинъ государства, какъ и низовое рыцарство — вдали отъ нихъ. Козаки-пограничники и козаки-низовцы находились въ постоянныхъ между собою сношеніяхъ и не разъ предпринимали

совмѣстные походы въ турецкія владѣнія. Часто во главѣ низовцевъ являлся русскій панъ, у котораго обыкновенно была собственная дружина, какъ на примѣръ князь Богданъ Рожинскій. Лучшие люди между низовцами были извѣстны въ панскомъ пограничномъ обществѣ, и на оборотъ, представители воинственнаго дворянства русскаго приобрѣтали популярность въ запорожскихъ куреняхъ.

Одною изъ личностей, характеризующихъ русскую шляхту XVII вѣка и ея отношенія къ низовымъ козакамъ, былъ владѣлецъ Злочова, въ Львовскомъ уѣздѣ, Самуиль Зборовскій, младшій изъ шести сыновей краковскаго каштеляна, игравшихъ важную роль при избраніи на польскій престолъ Генриха-Француза и Стефана Баторія, *vir animosus*, какъ называютъ его современники, воспитанный въ войскѣ императора Максимилиана II. Гостя, вмѣстѣ съ братьями, при королевскомъ дворѣ, въ одной изъ обычныхъ въ то время схватокъ за оскорбленіе панской гордости, онъ убилъ каштеляна Ваповскаго, почти передъ глазами самого государя. По законамъ Рѣчи-Посполитой, онъ подлежалъ за это смертной казни, но спасся отъ нея заступничествомъ знатной родни. Правительство объявило его банитомъ, однакожъ безъ лишенія чести, что строгимъ хранителямъ преданій показалось вреднымъ нововведеніемъ. Зборовскій, соединивъ вокругъ себя цвѣтъ пограничнаго рыцарства, служилъ при дворѣ седмиградскаго князя, Стефана Баторія, а по избраніи его на польскій престолъ, возвратился въ отечество. Все-таки приговоръ баниці тяготѣлъ надъ нимъ. Онъ не могъ занимать никакой должности, и только обширныя связи съ аристократическими домами давали ему возможность являться безопасно въ публичныхъ собраніяхъ.

Такая жизнь томила Зборовскаго. Онъ придумывалъ разныя средства, какъ бы совершить нѣчто необыкновенное и тѣмъ возстановить потерянные права свободнаго гражданина Рѣчи-По-

сполитой. Въ то время Стефанъ Баторій велъ ожесточенную войну съ московскимъ царемъ Иоанномъ Грознымъ и врѣзывался въ его государство съ запада. Зборовскій задумалъ вторгнуться въ московскія владѣнія съ юговостока.

На эту мысль навели его запорожцы, которые, прослышавъ о правдой жизни Самуила Зборовскаго и зная воинственный духъ его, обѣщали, черезъ своихъ пословъ, избрать его своимъ гетманомъ. Зборовскій отправилъ съ тѣми же послами подарки и деньги „запорожскимъ молодцамъ“, и сталъ готовиться къ походу.

По вольности дворянства Рѣчи-Посполитой, приготовленія ко всякому подобному предпріятію дѣлались шумно. Скрываться было не отъ кого: паны не признавали надъ собой никакого контроля, особенно владѣльцы украинскихъ имѣній. Преувеличенные молвою слухи о задуманномъ Зборовскимъ походѣ въ степи расходились во всѣ стороны. Отъ крымскаго хана и молдавскаго господара прибѣжали къ нему гонцы съ мирными предложеніями. Ханъ обѣщаль выпросить ему у султана знамя, давшее право на молдавское господарство, если онъ удержитъ запорожцевъ отъ вторженія въ Крымъ; а молдавскій господарь предлагаль 500 коней, если онъ оставитъ въ покоѣ Молдавію. Зборовскій между тѣмъ списался съ однимъ изъ украинскихъ старостъ, который обѣщаль выслать къ Днѣпру, на устьѣ рѣки Псла, свою военную дружину, съ тѣмъ, чтобы по рѣкѣ Пслу идти соединенными силами къ пограничному городу Московскаго государства, Путивлю.

Походъ Зборовскаго на Запорожье описанъ однимъ изъ такъ-называемыхъ пріятелей дома Зборовскихъ, извѣстнымъ уже намъ Папроцкимъ, какъ можно думать, со словъ очевидцевъ. Мы приведемъ всѣ характеристическія черты записки Папроцкаго, напечатанной въ Краковѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ событія.

Весною 1583 года, Зборовскій, въ сопровожденіи 70 шляхтичей-слугъ и съ отрядомъ гайдуковъ, явился на берегахъ Днѣпра. Достигнувъ Канева, все общество сѣло на човны; лошади пошли берегомъ. Въ Запорожской Січѣ узнали между тѣмъ, что Зборовскій уже на Днѣпрѣ, и выслали на встрѣчу ему пословъ, съ привѣтствіемъ и съ обѣщаніемъ гетманства. Зборовскій благодарилъ за оказанную ему честь и послалъ на Запорожье новые подарки.

Тутъ черкасскій староста пытался отвлечь запорожцевъ отъ Зборовскаго и приглашалъ подъ свое знамя, обѣщая имъ разныя награды отъ себя самого и отъ короля. Но запорожскіе молодцы предпочли вольнаго гетмана королевскому старостѣ и остались при Зборовскомъ.

Изъ Канева спустилась флотилія, мимо Черкасъ, къ устью рѣки Псла, куда, въ условное время, должна была приспѣть дружина пограничнаго старосты, съ которымъ Зборовскій намѣренъ былъ вторгнуться въ московскіе предѣлы. Но староста не сдержалъ своего слова.

Отложивъ походъ къ Путивлю до другого времени, Зборовскій поплылъ далѣе и остановился въ устьѣ рѣки Самары.

Бопланъ говорить, что эта рѣка весьма обильна рыбою, а окрестности ея такъ богаты медомъ, дичью и строевымъ лѣсомъ, что едва-ли какое-либо другое мѣсто можетъ съ ними сравниться. Козаки прозвали Самару Святою рѣкою и впоследствии сильно отстаивали у правительства право на свободное владѣніе ея берегами. Зборовскій засталъ на Самарѣ 200 такъ-называемыхъ рѣчныхъ или водныхъ козаковъ, которые находились подъ начальствомъ особаго отамана и занимались исключительно рыболовствомъ да охотою. Шкуры звѣрей обращали они въ собственную пользу, а съѣстное отсылали за Пороги, гдѣ кочевали козаки-воины.

Отъ этихъ рѣчныхъ или водныхъ козаковъ поплылъ Зборов-

скій далѣе, къ Порогамъ. Переправа черезъ Пороги была дѣломъ труднымъ и опаснымъ. Одни низовые козаки обладали искусствомъ спускать човны съ ревущихъ каскадовъ. Спутники Зборовскаго не безъ страха рѣшились на дальнѣйшее плаваніе. Когда флотилія очутилась между Порогами, такъ что возвратное плаваніе было для нея уже невозможно, а впереди лежалъ самый опасный изъ пороговъ, Ненасытецкій, — она наткнулась на засаду.

Запорожскіе козаки подозрѣвали, что Зборовскій съ своими гайдуками посланъ противъ нихъ королемъ. Не вѣрилось имъ, чтобы знатный панъ, не знавшій никогда нужды, обрекъ себя на козацкую жизнь, исполненную лишеній; да и могъ ли онъ вытерпѣть все, что терпятъ козаки? И зачѣмъ онъ привелъ столько гайдуковъ? Сообразивъ дѣло по-своему, запорожскіе молодцы рѣшились истребить опасныхъ гостей своихъ. Но Зборовскій умѣлъ ихъ увѣрить, что онъ прибылъ къ нимъ, какъ товарищъ, по приглашенію ихъ же пословъ, и что всѣ его спутники готовы дѣлать съ ними добро и худо по-ровну. Запорожцы успокоились и, какъ гребцы у Зборовскаго были люди новые, то они дали ему 80 козаковъ, которые бы переправили его черезъ остальные пороги. Но нѣсколько товарищей Зборовскаго, испуганные прежнему переправою, не отважились на новыя опасности и предпочли возвратиться сухимъ путемъ домой.

Переправы тутъ могли быть лишь предлогомъ. По всей вѣроятности, Запорожье, съ убогимъ кочевымъ бытомъ и дикими нравами козаковъ, показалось шляхтѣ далеко не тѣмъ, чѣмъ представлялось издали.

Зборовскій, съ остальною дружиною, прошелъ благополучно черезъ всѣ пороги и увидѣлъ передъ собой славный островъ Хортицу. Объ этомъ островѣ говорили тогда всюду, какъ о первоначальной Запорожской Січѣ. Еще свѣжи были преданія о князѣ Димитріи Вишневецкомъ, тому назадъ около 20-ти лѣтъ

замученномъ въ Царьградѣ, и провозатые Зборовскаго, безъ сомнѣнія, сѣбли ему пѣсню про козака Байду, которая уцѣлѣла до нашего времени въ устахъ народа, а можетъ быть и еще нѣсколько, до насъ не дошедшихъ.

Расположась тутъ на отдыхъ, Зборовскій замѣтилъ въ степи одинъ изъ тѣхъ татарскихъ разъѣздовъ, о которыхъ рассказываетъ Бопланъ, описывая свое пребываніе у Пороговъ. Такіе разъѣзды безпрестанно появлялись и исчезали у козацкихъ кочевьевъ, слѣдя за движеніями козаковъ и пользуясь ихъ оплошностью. На сей разъ татары не могли ничѣмъ поживиться, и исчезли изъ виду, боясь въ свою очередь преслѣдованія.

Послѣ ночлега на островѣ Хортицѣ, Зборовскій пустился далѣе внизъ по Днѣпру. Вскорѣ путники встрѣтили тучу саранчи, отъ которой пало у нихъ до трехсотъ лошадей и много народу попухло.

Но вотъ, на встрѣчу гостямъ, выплыло отправленное изъ Сичи посольство съ поздравленіемъ. Старшій изъ пословъ держалъ Зборовскому рѣчь: выразилъ радость, что козаки видятъ его у себя за Порогами, и желаніе успѣха въ войнѣ съ невѣрными, а за козаковъ ручался, что они будутъ ему повиноваться, не щадя своей жизни. Зборовскій отвѣчалъ также прилично случаю рѣчью, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ поплыли къ Запорожской Сичѣ, которая находилась тогда при впаденіи рѣки Чертомлыка въ одинъ изъ днѣпровскихъ рукавовъ. Въ Сичѣ приняли гостей съ шумною радостью. Зборовскій тотчасъ былъ объявленъ гетманомъ, при стрѣльбѣ изъ ружей, а на слѣдующее утро собралась рада, въ которой, послѣ торжественныхъ рѣчей съ одной и другой стороны, вручена была гетману булава. Въ рѣчи своей козаки выразили, между прочимъ, удовольствіе, что имѣютъ въ своемъ кругу такого знатнаго пана, но тутъ же прибавили: „Впрочемъ это у насъ послѣднее дѣло: у насъ [дѣнятся выше всего дѣла и мужественное сердце. Много мы слышались о

тебѣ отъ сосѣднихъ народовъ и отъ собственныхъ братій (говорили козани): знаемъ, что Богъ всегда помогать тебѣ противъ каждаго твоего непріятеля“.

Зборовскій, принявъ знакъ гетманской власти, говоритъ рѣчь въ запорожскомъ духѣ, увѣряя, что пріѣхалъ не для господства надъ такимъ мужественнымъ и славнымъ войскомъ, а для того, чтобы дѣлится съ нимъ добро и худо, назвалъ себя младшимъ между козаками и обѣщалъ слѣдовать разумнымъ ихъ совѣтамъ. Смиранный тонъ былъ здѣсь тѣмъ болѣе необходимымъ, что козаки жаловались на неблагодарность польскихъ пановъ, не умѣвшихъ цѣнить ихъ заслуги.

Первымъ вопросомъ, который предложили запорожцы Зборовскому, было: въ какой походъ онъ ихъ поведетъ? Зборовскій показалъ имъ письмо крымскаго хана, который обѣщалъ выкупать ему у султана молдавское господарство. Не противились этому низовые братчики (любили они гостить въ Волощинѣ) и помогли своему гетману снарядить къ хану посольство. Зборовскій поручилъ посланцамъ назначить мѣсто, на которомъ бы онъ могъ сѣхаться съ ханскими послами только въ числѣ десяти лошадей. Очевидно, ему не хотѣлось имѣть свидѣтелей своихъ переговоровъ съ татарами. Выбрано было для этого урочище Карайтебекъ, гдѣ обыкновенно происходили торги между козаками и татарами.

Ханъ Магметъ-Гирей выслалъ на условленное мѣсто блестящее посольство съ подарками, состоявшими изъ 12 коней, богато осѣдланныхъ, и изъ трехъ парчевыхъ жупановъ. При этомъ было оказано Зборовскому величайшее по мусульманскому обычаю благоволеніе: ханъ именовалъ его своимъ сыномъ. Послы тутъ же, въ полѣ, надѣли на него одинъ изъ ханскихъ жупановъ и обѣщали ему молдавское господарство, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ дождался султанскаго рѣшенія на Днѣпрѣ, удерживая козаковъ отъ нападеній на татарскія села.

Зборовскій не столько жаждалъ господарства, сколько похода въ Московскую Землю, на помощь Баторію, и просилъ у хана войска. Ханъ отвѣчалъ черезъ пословъ, что не сдѣлалъ бы того для самого короля, что готовъ для него сдѣлать, но что въ это самое время получилъ отъ султана повелѣніе выступить вмѣстѣ съ нимъ въ походъ противъ персовъ.

Зборовскій, отчаявшись сослужить службу Баторію, рѣшился пріобрѣсть благосклонность султана. Онъ объявилъ ханскому послу, что поведетъ запорожцевъ слѣдомъ за татарами въ Персію, лишь бы только Магметъ-Гирей выслалъ къ нему съ мурзами мусталика, или поручителя, который бы торжественно повялся, что татары не погубятъ его въ этомъ походѣ ни отравою, ни другою смертію. Черезъ недѣлю онъ условился съѣхаться опять съ ханскимъ посольствомъ, не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ они теперь съѣхались.

Но Зборовскій не понималъ всей трудности новаго своего предпріятія. Запорожцы привыкли воевать невѣрныхъ. Въ этомъ они полагали всю свою славу, всю свою заслугу передъ христіанствомъ. Если когда-либо козака задумывался о спасеніи своей души, то не иначе могъ вообразить ее помилованною, какъ ради того вреда, который онъ причинялъ туркамъ и татарамъ. Многіе изъ козаковъ побывали у турокъ въ неволѣ, гдѣ ихъ привывали къ весламъ на такъ-называемыхъ галерахъ-ваторгахъ и принуждали къ безпрестанной работѣ ударами лозой по обнаженнымъ плечамъ. Другіе, не испытавъ этой муки сами, видѣли ее на товарищахъ, во время нападенія на галеры съ цѣлью поживы и освобожденія своихъ братьевъ. Въ Січъ безпрестанно возвращались бѣжавшіе изъ Турціи и Крыма плѣнники съ новыми и новыми рассказами о несчастныхъ своихъ товарищахъ, томившихся въ неволѣ. Цѣлыя поэмы, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли до насъ, складывались кобзарями изъ этихъ рассказовъ, для того чтобы еще сильнѣе разжигать въ козацкихъ сердцахъ жажду от-

мщенія невѣрнымъ ¹⁾). И, послѣ всего этого, козакамъ предлагаютъ воевать въ пользу невѣрныхъ!

Со стороны Зборовскаго такой шагъ былъ крайнимъ легкомысліемъ. Но тогда въ правительственныхъ кругахъ польской аристократіи было распространено убѣжденіе въ необходимости задать съ турками. Зборовскій, при всей своей воинственности, возбуждаемой честолюбивыми планами, поддавался вліянію панской среды. Чтò касается до козаковъ, то онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на толпу, жаждущую одной добычи, какъ на орудіе, которое

---

¹⁾ Обычай воспѣвать подвиги славныхъ воиновъ и трогательныя приключенія военныя былъ въ тѣ времена распространенъ въ славяновенгерскихъ земляхъ и въ самой Турціи. Стрыйковскій сообщаетъ объ этомъ, въ качествѣ бывалаго человека, слѣдующія интересныя подробности.

„... w Ateńskim i naukami rozmaitymi i wojnami... sławnym mieście i w Sparcie... ten zwyczaj świątobliwie zachowywano, iż... po odprawieniu obrzędów pogrzebowi służących tedy najstarsze i najzacniejsze xiążę z senatu przed zgromadzeniem ludu wszystkiego długą i ozdobną rzecz czyniło o onego rycerza zasłużonych sprawach... i pieśni o takich mężach składano, które przy biesiadach i po ulicach pospolicie śpiewywano, wychwalając dzielność mężów pobitych. A ten zdawna sławnie wzięty obyczaj i dziś w Greciej, w Aziej, w Franciej, w ziemi Multańskiej i Siedmigrodzkiej, w Wołoszech, w Węgrzech i w inszych krainach zachowują, jakom się sam temu przypatrzył i własnymi uszami nasłuchał, iż pospolicie na każdych biesiadach, a w Turczach na ulicach i na bazarach, pospolitych rynkach, zacnych ludzi dzieje składnymi wierszami śpiewają, przy skrzypcach, które Serbskimi zowie, lutniach, kobzach i arfach, z wielką pociechą ludu pospolitego, xiążąt i rycerzów zacnie przeważnych spraw słuchającego. A u Turków o najmniejszej potrzebie i bitwie z chrześcijany zaraz pieśni ludzie na to z skarbu cesarskiego opatrzeni składają, jakoż i przy mnie w Konstantynopolu, gdy Tunis i Goletę roku 1574 pod Hiszpany w Afryce wzięli, wszędzie po ulicach Tureckim i Sławińskim językiem i ubodzy w karwasserach, domach gościnnych, piękne pieśni krzykliwym głosem o męznym dokazywaniu Janczarów szturmujących i przeważnej światłości Bassów, Sendziaków, Czauszów i Spachiów śpiewali. Co też i o Matiaszu walecznym królu Węgierskim kroniki Świadczą, iż zawždy przy stole miewał śpiewaków i poetów, którzy historie mężów zacnych, jako przeciw Turkom pokazywali, wierszem po węgiersku ułożone śpiewali, przy inszej muzyce, aby się żołnierze jego tym więcej do cnoty zapalali, spodziewając się, iż też tak o nich miano śpiewać, z większym pożytkiem i uczciwością niż u nas sprosne ryfmy hucząc za kuflem“. (Kronika Polska, Litewska etc., poświęcenie.)

можно направить въ ту или другую сторону, — смотрѣлъ обыкновеннымъ взглядомъ польскихъ политиковъ, и ошибался, какъ всѣ поляки-государственники. Борьба козаковъ съ мусульманскимъ міромъ, при всей своей неправильности, принимала, что дальше, большіе и большіе размѣры. Постоянство этой борьбы, равнодушіе къ потерямъ во время неудачныхъ походовъ, возрастающая энергія новыхъ и новыхъ предпріятій въ одномъ и томъ же направленіи — не могутъ быть объяснены только жаждою добычи. Это было одно изъ тѣхъ стремленій, которыя образуются съ образованіемъ самого народа и становятся задачею его существованія. Но, видя передъ собой сбродъ банитовъ-шляхтичей, промотавшихся пановъ, всесвѣтныхъ скитальцевъ-добычниковъ и толпу своевольной украинской черни, Зборовскій не могъ сомнѣваться, что для этого отвергнувшаго гербы и вовсе негербованнаго народа всего важнѣе грабежъ и добыча, — будетъ ли то въ Молдавіи, въ Московскомъ царствѣ, или въ Персіи. Изъ частныхъ явленій возачества онъ, подобно нѣкоторымъ историкамъ составилъ себѣ понятіе общее. Мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ ошибся.

Войско Запорожское стояло тогда кошемъ въ числѣ трехъ тысячъ братчиковъ. Когда гетманъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи идти вмѣстѣ съ ханомъ въ Персію, — только часть козаковъ согласилась на этотъ походъ; другіе заглушили его голосъ кривыми: „Да вѣдь это невѣрные собаки! Никогда они не держатъ своего слова. И тебя обмануть, и насъ погубить“.

Ночью между козаками поднялось необычайное волненіе. Зборовскій не зналъ, что съ ними дѣлать. Самая жизнь его была въ опасности. Имѣя на своей сторонѣ ту часть запорожскаго войска, для которой дѣйствительно не было въ жизни другой цѣли, кромѣ добычи, Зборовскій рѣшился застращать остальныхъ и послать въ шумящіе козацкіе круги своего поручика съ приказомъ — успокоиться немедленно, иначе — онъ ударитъ на нихъ прежде, не-

жили на другого непріятели. Но большинство, не желавшее служить невѣрнымъ въ персидскомъ походѣ, имѣло своихъ вожаковъ, которые никогда не уклонялись отъ главной цѣли козачества. Собралась рада; гетманъ былъ объявленъ измѣнникомъ и приговоренъ къ смертной казни, по запорожскому обычаю. Определено было насыпать ему въ пазуху песку и бросить въ Днѣпръ. Зборовскій былъ принужденъ смириться. Довѣрчиво явился онъ въ разъяренный козацкій кругъ и покорною рѣчью обезоружилъ демократическую завзятость. Тѣмъ не менѣе въ продолженіе цѣлой ночи шли у него споры и переговоры съ козаками. У нихъ, какъ обыкновенно бывало въ такихъ случаяхъ, явился уже избранный большинствомъ голосовъ отаманъ, представитель общей мысли, охватившей военное братство. Зборовскій призвалъ его къ себѣ и сказалъ: „Никого я не принуждаю къ походу въ Персію. Кому охота—ступай со мною, а кто не хочетъ—оставайся на Днѣпрѣ. Объ одномъ только прошу тѣхъ, которые останутся: не нападать въ мое отсутствіе на татаръ, потому что этимъ они обидѣли бы короля и Рѣчь-Посполитую, да и голова моя тогда была бы въ опасности у хана“.

Между тѣмъ прибылъ отъ хана требуемый поручитель, или мусталикъ. Въ знакъ радости о предложеніи Зборовскаго, ханъ снарядилъ своего мусталика необычайно пышно: явился онъ въ сопровожденіи отряда конницы въ тысячу человекъ, нѣсколькихъ сотенъ муръзъ и толпы пѣшаго народа. Остановясь въ условленномъ мѣстѣ среди степи, мусталикъ выслалъ къ Зборовскому на вошь триста муръзъ съ приглашеніемъ поспѣшить выступленіемъ въ походъ.

Козацкій вошь продолжалъ шумѣть и волноваться. Одни были готовы, другіе не хотѣли идти въ Персію. Мусталикъ объявилъ Зборовскому, что ханъ уже не думаетъ о козацкомъ войскѣ, лишь бы только его „сынъ“ находился при немъ, и просилъ поспѣшить пріѣздомъ. Преданные Зборовскому козаки со слезами умоляли

его не ѡхотѣли и предсказывали ему гибель. Онъ оставался равнодушнѣмъ къ ихъ просьбамъ: ему хотѣлось видѣть глубокую Азію и изучить способъ тамошней войны. Сборы къ походу были не долги; онъ велѣлъ подать себѣ коня. Но случайное обстоятельство не дало осуществиться намѣренію странствующаго шляхтича-рыцаря. Конь, подведенный ему мурзами, оказался слишкомъ горячимъ. Зборовскій, чувствуя себя очень усталымъ послѣ долгихъ тревогъ и хлопотъ, просилъ дать болѣе смирнаго. Бросились мурзы искать ему коня, а онъ расхаживалъ между тѣмъ взадъ и впередъ, въ полномъ походномъ нарядѣ, съ сагайдакомъ черезъ плече, съ саблею у пояса и проч. Тогда поваръ его, Михайло, сказалъ ему со слезами: „Пане мой! вѣрно, я уже тебя больше не увижу. Есть у меня хорошая щука; покушай на дорожку“. Зборовскій, проголодавшись во время жаркихъ переговоровъ съ козаками, согласился и пошелъ въ палатку ѣсть, а между тѣмъ привели ему другого коня. Не садясь на коня, Зборовскій требовалъ, чтобы мурзы поклялись въ его безопасности. Мурзы сказали, что это—дѣло мусталика. Вдругъ козаки подхватываютъ своего гетмана на руки, окружаютъ густою толпою и уносятъ на плечахъ къ човнамъ. Сѣвши въ човны, давай стрѣлять по мурзамъ! Тѣ разбѣгаются, а козаки, отчаливъ отъ берега, весело повезли Зборовскаго къ своему войску въ Січь. Тамъ отъ радости, что его видятъ, начали запорожцы свои военныя игры, стрѣляли изъ ружей, пѣли пѣсни, играли на кобзахъ и проч.

Въ это время козацкій разъѣздъ привелъ нѣсколько невольниковъ, которые ушли изъ Крыма. (Были тогда жнива, самое благопріятное время для бѣгства невольниковъ). Они донесли гетману, будтобы слышали еще на мѣстѣ отъ мурзъ, что ему готовилась неволя у крымскаго хана, еслибъ онъ дался въ обманъ, а спутниковъ его ханъ посадилъ бы на колья передъ перекопскими воротами. Это, конечно, была выдумка; но она подѣйствовала на запальчивый характеръ Зборовскаго. Недавно самъ онъ

готовъ былъ участвовать въ персидскомъ походѣ; теперь рѣшился ему противодѣйствовать, не допуская татарскихъ отрядовъ соединиться съ главнымъ ханскимъ войскомъ. Ханъ умиротворилъ его новымъ посольствомъ и подарками, назначенными для раздачи между козаками. При этомъ еще разъ обѣщалъ выпросить для него у султана молдавское знамя, если онъ удержитъ козаковъ отъ набѣговъ.

Отпустивъ ханскаго посла, Зборовскій размышлялъ, что ему дѣлать. Онъ ошибся въ своемъ расчетѣ на вторженіе въ Московское царство; не удалось ему побывать и въ Персіи, что не мало придало бы ему значенія между бывальыми рыцарями-панами. Оставалось довольствоваться пріобрѣтеніемъ популярности между запорожцами.

Домъ Зборовскихъ въ это время спорилъ о первенствѣ съ короннымъ гетманомъ и канцлеромъ, Яномъ Замойскимъ. Король, не смотря на то, что былъ обязанъ своимъ избраніемъ партіи пановъ Зборовскихъ, приблизилъ къ себѣ, больше нежели кого-либо изъ нихъ, ученаго и талантливаго Замойскаго. Это было тяжкимъ ударомъ для ихъ честолюбивыхъ расчетовъ; они составляли интриги противъ короля и его любимца канцлера, вездѣ искали себѣ сторонниковъ, готовились къ вооруженной борьбѣ за обладаніе Польшею и, между прочимъ, старались расположить къ своему дому запорожцевъ. Самуилъ посылалъ изъ Січи посланцовъ къ своему брату, Христофору, который, въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, сожалѣлъ, что не успѣлъ сообщить ему шифрованной азбуки. Много у него было такого, „что было бы не безопасно вѣрить бумагѣ“. Онъ позволялъ себѣ только роптать на короля за то, что не снимаетъ съ брата баниціи и не даетъ Зборовскимъ возвыситься надъ прочими; называлъ его идоломъ Вааломъ, считалъ недостойнымъ имени короля и грозилъ соединеніемъ противъ него многихъ пановъ за униженіе ихъ достоинства. О поѣздѣ на Запорожье Христофоръ писалъ Самуилу, что

не слѣдовало бы ее предпринимать, между прочимъ, потому, что враги повредятъ ему толпами о турецкой войнѣ; но что, очутясь между козаками, надобно всячески расположить это „рыцарство“ въ пользу дома Зборовскихъ, отъ чего будетъ зависѣть многое. Впрочемъ умолять, какъ можно скорѣе, возвращаться домой, гдѣ Самуилъ былъ крайне нуженъ для чего-то братьямъ, а между тѣмъ посылалъ на Запорожьѣ Самуилу деньги, предостерегая, чтобъ онъ не предпринималъ ничего важнаго противъ турокъ. По мнѣнію Христофора, король только дѣлалъ видъ, что не желаетъ задора съ турками; онъ даже подозрѣвалъ, не самъ ли король и внушилъ ему мысль отправиться къ запорожцамъ въ гости; но шляхта никогда не проститъ ему, если онъ навлечетъ турецкую войну; а теперь-то и нужна Зборовскимъ расположенность шляхты. Напротивъ, въ письмѣ къ низовцамъ, которое было отправлено съ тѣми же посланцами, Христофоръ Зборовскій говорилъ, что Самуилъ отправился къ нимъ для войны съ невѣрными, по совѣту и просьбамъ братьевъ, а въ заключеніе выражалъ надежду, что козаки, прославившіеся не только въ Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ, у императоровъ и великихъ королей, вскорѣ, дастъ Богъ, покажутъ свое мужество въ какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, для обоюдной пользы дома Зборовскихъ и своей собственной.

Согласно совѣтамъ брата, Самуилъ Зборовскій ограничился обыкновеннымъ запорожскимъ гуляньемъ вдоль низовыхъ рѣкъ, по которымъ ловили козаки рыбу и охотились на звѣрей. Между тѣмъ онъ, какъ можно догадываться, исвалъ благовиднаго предлога приблизиться къ роднымъ степямъ подольскимъ. Въ своей запискѣ Папроцкій упоминаетъ, что всѣ козацкіе кони переболѣли отъ саранчи, которая покрывала въ то лѣто пастбища, такъ что, въ одномъ случаѣ, невозможно было даже предпринять погоню за татарами. Чтобы пособить недостатку въ лошадяхъ, послалъ Зборовскій къ молдавскому господарю гонцовъ съ напоми-

наніємъ объ обѣщанномъ подаркѣ. Черезъ четыре недѣли, Зборовскій прикочуетъ къ такъ-называемому Пробитому шляху, а господарь пусть вышлетъ ему туда 500 коней.

Между тѣмъ уходившіе по Днѣпру изъ орды невольники дали козакамъ знать, что не вдалекѣ пасутся большія стада татарскія, и что татары, съ своими подвижными селами, то есть въ кибиткахъ на колесахъ, приближаются къ Днѣпру. Козаки начали роптать на свое бездѣйствіе и хотѣли ударить на татаръ, въ надеждѣ поживиться добычею. Зборовскій удерживалъ ихъ отъ набѣга, чтобъ не нарушить мирнаго договора короля Стефана съ татарами и турками. Козаки не хотѣли знать никакихъ договоровъ. Тогда Зборовскій роздалъ старшимъ все свое добро: оружіе, одежды, лошадей, деньги, а меньшимъ пригрозилъ строгостью, и такимъ образомъ успѣлъ отклонить ихъ отъ нападенія на татарскія кочевья.

Все продовольствіе на Запорожьѣ заключалось въ рыбѣ да мясѣ убитыхъ на охотѣ животныхъ. Того и другого было на Днѣпрѣ изобильно, но соль добывали козаки съ большимъ трудомъ и опасностями. За солью надобно было спускаться по Днѣпру къ самому взморью, гдѣ постоянно плавали турецкія галеры. Зборовскій, высылая козаковъ на човнахъ къ морскимъ прибрежнымъ островамъ, долженъ былъ прикрывать ихъ цѣлою козацкою флотиліею отъ турецкихъ галеръ, которыя входили съ моря въ самый Днѣпръ, для преслѣдованія водныхъ чумаковъ запорожекихъ. Однажды дѣло дошло до битвы, и битва не состоялась только потому, что ни та, ни другая сторона не могла заманить непріятеля въ тѣсное мѣсто.

Прошло уже много времени по отъѣздѣ пословъ Зборовскаго къ молдавскому господарю. Никакой вѣсти изъ Молдавіи не было. Полагая, что послы его задержаны, Зборовскій рѣшился вторгнуться въ Молдавію. Снаряжена была флотилія, съ тѣмъ чтобы изъ днѣпровскаго Лимана пройти въ устье рѣки Бога и такимъ

способомъ достигнуть Пробытаго шляха, на которомъ, по условію должны встрѣтить его молдавскіе послы. Этотъ-то походъ Зборовскаго послужилъ темою для известной народной думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, котораго гетманъ Зборовскій привелъ своею рѣчью къ покаянію въ козацкихъ грѣхахъ ¹⁾; только, на мѣсто бури, описанной въ думѣ, произошло съ козаками другое бѣдствіе: на нихъ напали турки. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Козаки шли берегомъ: човны служили имъ для перевозки съѣстныхъ припасовъ и рыболовныхъ снарядовъ. На первомъ ночлегѣ повстрѣчали козацкое войско уходящія отъ орды невольники и донесли гетману, что въ Крыму большая тревога по случаю козацкаго похода, котораго цѣль, конечно, была тамъ неизвестна, и что сама ханша ушла въ лѣса. Успокоивъ ханшу черезъ посланцовъ своихъ, чтобъ она не боялась, Зборовскій не могъ пріостановить тревоги, распространившейся въ морской стражѣ турецкой. Его поджидали на морѣ. Между тѣмъ пришли козаки къ турецкому замку Асланъ-городку. Въ то время было свѣжо преданіе о томъ, какъ осаждалъ этотъ замокъ Богданъ Рожинскій и взлетѣлъ на воздухъ отъ собственнаго подкопа. Загорѣлись мезью козацкія сердца при видѣ Асланъ-городка, но гетманъ удержалъ козаковъ отъ нападенія, и вызвалъ изъ крѣпости старшихъ татаръ для переговоровъ. Тутъ одинъ изъ запорожцевъ не утерпѣлъ, чтобы не выстрѣлить по татарину. Гетманъ хотѣлъ казнить его за это, но всѣ вступились за виновнаго: казакъ считался въ войскѣ характерникомъ, то есть умѣлъ заговаривать огнестрѣльное оружіе такъ, что оно не вредило ни ему самому, ни тому отряду, въ которомъ онъ находился. Раздоръ по этому случаю между гетманомъ и войскомъ дошелъ до того, что Зборовскій съ трудомъ упросилъ козаковъ забыть ссору.

¹⁾ См. въ приложеніяхъ къ I-му тому думу: *Про Олексія Поповича*.

Спустившись къ островамъ, которые назывались морскими, потому что лежали у входа въ днѣпровскій Лиманъ, по тогдашнему — море, Зборовскій послалъ конный отрядъ козаковъ къ Пробитому шляху на рѣку Богъ. Этотъ отрядъ повстрѣчался съ турками и захватилъ 13 человекъ въ плѣнъ, а когда къ туркамъ подошла помощь, онъ ушлою вверхъ по рѣкѣ Богу, направляясь къ Пробитому шляху. Гетманъ, между тѣмъ, занялся приготовленіемъ къ охотѣ и рыболовству на морскихъ островахъ, изобилующихъ рыбою. Козаки обшили здѣсь човны свои тростникомъ: иначе — они не годились бы для плаванія по морю: обшитые тростниковыми вязанками борты не давали човнамъ тонуть, хоть бы и залило ихъ волною. Призапасивъ рыбы и дичи, пустились низовцы въ дальнѣйшій путь.

О томъ, что передовой отрядъ имѣлъ дѣло съ турками, въ войскѣ ничего не знали, какъ однажды ночью засіялъ на морѣ какой-то замокъ. Съ разсвѣтомъ козаки увидали, что передъ ними не замокъ, а турецкая флотилія, состоявшая изъ девяти большихъ галеръ и множества малыхъ судовъ. До устья рѣки Бога оставалось еще семь миль; уходить отъ галеръ въ Днѣпръ также было слишкомъ далеко. Оставалось пристать къ берегу, гдѣ отмени не позволяли галерамъ преслѣдовать козацкіе човны. Одна только галера пустилась въ погоню за козаками, но и та сѣла на мель. Пушечное ядро, однакожъ, попало въ човенъ, на которомъ находился самъ Зборовскій, и убило одного козака. Тогда запорожскіе молодцы рѣшились-было напасть на увязнувшую въ пескѣ галеру, но къ ней подоспѣли на помощь мелкія суда и выстрѣлами изъ пушекъ пробивали козацкіе човны. Козаки вышли на берегъ и залегли въ ямахъ, вырытыхъ въ пескѣ дикими кабанями. Въ то время, когда одни стрѣляли, другіе сыпали кругомъ легкіе шанцы. Между тѣмъ двѣ галеры отдѣлились изъ флотиліи для переправы татаръ на правый берегъ Днѣпра, въ двухъ миляхъ ниже козацкихъ шанцевъ. Козаки, захвативъ изъ човновъ

съѣстные припасы, начали уходить въ степь. Зборовскій старался удержать ихъ въ окопахъ. „Вамъ ли такъ поступать“, говорилъ онъ, „когда всѣ народы увѣрены, что въ мужествѣ никто не сравнится съ козаками?“

Въ это время турки высадились на берегъ. Завязалась битва. Турки потеряли своего предводителя, санджака, и были принуждены снова отчалить. Зборовскій пошелъ берегомъ къ устью Бога. Съ одной стороны, прикрывалъ онъ отъ турецкихъ судовъ остатокъ човновъ козацкихъ, съ другой — отражалъ татаръ, которые нападали на него съ поля. Пальба не умолкала до поздней ночи. Пользуясь наступившею темнотою, часть козацкихъ човновъ пустилась въ объѣздъ, чтобъ обогнуть турецкую флотилію и войти въ устье Бога; но вѣтромъ загнало ихъ на татарскій берегъ. Пловцы попали въ татарскую неволю. У Зборовскаго уцѣлѣло всего восемь човновъ, на которыхъ лежали раненные козаки съ остаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Разбитое, изнуренное усталостью и упавшее духомъ, войско Зборовскаго кое-какъ добралось до рѣки Бога. Съѣстные припасы скоро истощились до конца; звѣри въ тѣхъ мѣстахъ не водились; а рыболовные снаряды погибли во время битвы съ турками. Къ счастью потрафили они на то мѣсто, гдѣ конный отрядъ поджидалъ пѣшаго войска. Гетманъ раздѣлилъ коней между козаками, но не надолго утолили они свой голодъ. Лошадей было не много, а козаковъ — около двухъ тысячъ съ половиною.

Подкрѣпивъ силы, рѣшился Зборовскій отправиться лично на тотъ шляхъ, на которомъ должна была произойти встрѣча съ молдавскими послами, но засталъ тамъ только свѣжіе слѣды стоянки. Умирая отъ голода, питался онъ только желудями, подобранными на пути. Козаки падали отъ недостатка пищи. Наконецъ удалось ему, по „козацкимъ приметамъ“, отыскать высланный изъ Січи отрядъ на Кривомъ шляху. Этотъ отрядъ ис-

пыталъ ту же участь, что и все войско: бродя изъ урочища въ урочище, подвергаясь разнымъ невзгодамъ, не нашолъ онъ по слову молдавскаго господара и рѣшился кочевать въ дикихъ поляхъ до прихода гетмана. У него были рыболовные снаряды. Зборовскій и его голодные спутники подкрѣпились пещею. Въ это время прибыли козаки съ извѣстiемъ, что въ степи показался молдавскій разѣздъ челоуѣкъ въ полтораста. Зборовскій началъ готовиться къ нападению, чтобы добыть съѣстныхъ припасовъ; но молдаване исчезли, а преслѣдовать ихъ было нечѣмъ.

Возвратясь къ главному войску, гетманъ засталъ его въ томленiяхъ голода. О походѣ въ Молдавію нечего было и думать въ такомъ бѣдственномъ положенiи. вмѣсто дальнѣйшаго пути къ молдавскимъ границамъ, Зборовскій направился къ городской Украинѣ, къ недалекимъ окрестностямъ Саврани и Брацлава, гдѣ можно было добыть съѣстныхъ припасовъ. Рѣшимость эту возымѣлъ онъ въ самую пору: подъ конецъ пути голодъ грозилъ козакамъ неизбѣжною смертию. Дошло до того, что ѣли находимые въ степи рога, валявшiеся нѣсколько лѣтъ, оленины копыта и кости разныхъ животныхъ. Наконецъ вступили козаки въ предѣлы Брацлавщины; и Зборовскій вернулся домой безъ дальнѣйшихъ приключенiй. „Съ такимъ-то трудомъ“, заключаетъ свой рассказъ Папроцкiй, „добывалъ рыцарской славы этотъ знаменитый полякъ, подвергая свою жизнь столькимъ опасностямъ“.

Рыцарская слава, добытая на Запорожьѣ, не спасла, однакожъ, Самуила Зборовскаго отъ его участи. Вскорѣ открылись его замыслы противъ короля, которые онъ высказалъ во многихъ случаяхъ, не имѣя осторожности своихъ братьевъ. Онъ же, притомъ, былъ банитъ, лишенный покровительства законовъ. Замойскiй досадовалъ на всю его фамилію за ея политическую агитацію и воспользовался первымъ случаемъ схватить его, а король

велѣлъ отрубить ему голову. Безъ сомнѣнія, къ этой крутой мѣрѣ побудила Баторія больше всего та популярность, которую отважный магнатъ приобрѣлъ на Запорожьѣ. Въ его лицѣ былъ каменъ не столько польскій панъ, сколько такой же козацкій предводитель, какъ и Подкова.

На стр. 106, къ строкѣ 7-й, послѣ словъ: „которымъ было за обычай отводить силою право“, пропущено слѣдующее примѣчаніе.

Этотъ обычай былъ въ ходу уже въ половинѣ XIV вѣка и, безъ сомнѣнія, восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ Польскаго государства. Въ Вислицкомъ Статутѣ (1347 г.) читаемъ: „Частокротъ пригожается, ижъ нѣкоторые зо своимъ теменемъ алюбо зо слугами приходять моцью на судъ и силою права отводятъ“.

ГЛАВА V.

Экономическій бытъ запорожской колоніи.—Пограничныя старосты дѣйствуютъ заодно съ козаками.—Мѣры центральной власти къ подавленію козаковъ.—Экономическая несостоятельность этихъ мѣръ.—Старанія пановъ-колонизаторовъ сдѣлать изъ русскихъ провинцій новую Польшу.—Препятствія въ политическомъ и социальномъ положеніи страны.

Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилося новое козачество. Становится понятнымъ, почему она оставалась „дикими полями“, безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемая саранчею, удаленныя отъ поселеній настолько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертію во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбою и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за Пороги—значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною натурою. Чтобы войско могло стоять въ этой пустынѣ кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими перѣздами и опасностями ¹⁾, и потому козаки вялили рыбу, нати-

---

¹⁾ Вообще соль добывалась украинцами съ большими затрудненіями. Съ одной стороны доставляли ее московскіе люди на свой рубежъ для торговыхъ сдѣлокъ съ „людьми польскими и литовскими“, съ другой—возили соль изъ Покутія за 80 или за 100 миль, какъ объ этомъ упоминаетъ Болянь.

рая ее древесною золою вмѣсто соли. Можно себѣ вообразить, какова была одежда низовыхъ рыцарей, нуждавшихся въ дневномъ пропитаніи. Но запорожцы относились къ подобнымъ лишеніямъ съ нѣкоторою гордостью: по ихъ понятіямъ, лишенія были не только чѣмъ-то неизбѣжнымъ, но и необходимымъ, какъ залогъ ихъ могущества. О татарахъ Бильскій говоритъ, что они сильны своею быстротою да способностью переносить всякія лишенія. Козаки не могли бы совладать съ татарами, еслибъ не усвоили тѣхъ же способностей въ высшей степени. Шляхтичей, прибывшихъ къ нимъ въ товарищество, они встрѣтили непріязненно, и не хотѣли довѣряться человѣку, незнакому съ нуждою. „Это какой-то изнѣженный панъ; не испытавъ никогда нужды, не въ силахъ онъ вытерпѣть нашихъ недостатковъ“. Такъ разсуждали козаки о Самуилѣ Зборовскомъ.

Козакъ сіромаха—было давнишнею народною поговоркою на Украинѣ, гдѣ сіромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда—эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украинѣ изображеніе запорожца, съ надписью:

„Козакъ душа правдивая,
Сорочки не має“, и т. д.

Это отголосокъ временъ Зборовскаго, когда неизбѣжнымъ условіемъ козачества были — нищета, голодъ и всякія лишенія.

Оршанскій староста, Филонъ Кмита, описываетъ (1514 г.), черкасскихъ козаковъ, служившихъ московскому царю, жалкими оборвышами, которымъ, однакожъ, это не мѣшало побивать татаръ и получать отъ царя жалованья больше обыкновеннаго. Въ запискахъ французскаго стратегика Дальрака, сопровождавшаго Яна Собіскаго въ походѣ подъ Вѣну, находимъ „дикую милицію“ козацкую, поразившую европейца своею невзрачностью, — хотя до прихода этой дикой милиціи, именно запорожской пѣхоты, Янъ

Собѣскій не рѣшился начать сраженія ¹⁾. Даже въ ближайшее къ намъ время, московскій „попъ Лукьяновъ“ изобразилъ вольницу Палія чертами, которыя перешли къ ней по наслѣдству отъ запорожскихъ воинновъ-отшельниковъ. „Валь (въ Хвастовѣ) земляной, по виду не крѣпокъ добре, да сидѣльцами крѣпокъ, а люди въ немъ— что звѣри. По земляному валу ворота частые, а во всякихъ воротахъ копаны ямы, да солома постлана въ ямы. Тамъ палѣвшина лежитъ, человекъ по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло. А когда мы пріѣхали и стали на площади, а того дня у нихъ случилось много свадебъ, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя; всѣ козаки, палѣвшина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на иномъ и мочья рубахи нѣтъ; страшны зѣло, черны, что арапы, и лихи, что собаки: изъ ругъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уродовъ мы отроду не видали. У насъ на Москвѣ и въ Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хочъ одного“.

Удерживая козаковъ отъ нападенія на татарскія села, Зборовскій, какъ мы видѣли, долженъ былъ ихъ удовлетворять собственнымъ имуществомъ. То же самое, въ большихъ размѣрахъ, дѣлалъ и король, Стефанъ Баторій. Онъ посылалъ козакамъ черезъ Луцкъ сукно; онъ платилъ имъ жалованье за походы въ Московское царство. Но средства его были недостаточны для того, чтобы всѣхъ людей, привыкшихъ жить „татарскимъ и турецкимъ до-

¹⁾ Книга Дальрака, безъ имени автора, напечатана въ Парижѣ и въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: „Les Anecdotes de Pologne ou Mémoires secrets du Règne de Jean Sobieski“. Слѣдующее мѣсто въ ней характеризуетъ козаковъ и отношенія къ нимъ Яна Собіскаго: „Je ne puis oublier une particularité qui fera encor mieux connaître le caractère de cette milice sauvage. Un Cosaque revint un soir de parti avec un Turc pris de la façon que j'ai dit (добылъ языка); il le poussa dans la tante du Roy, de même qu'on jeteroit à terre un ballot, et fut ensuite chez le Tresorier pour recevoir sa recompense; après quoi il retourna à la porte de la Kotar (палатка), qu'il entr'ouvrit en passant la tête, pour remercier le Roy en ces termes: *Jean, on m'a payé. Dieu te le rende et bonne nuit*“.

бромъ“, какъ называли козаки военную добычу, удерживать отъ грабежей и набѣговъ. Напрасно вписывались въ замковыя книги, объявлялись въ публичныхъ мѣстахъ и разсылались по шляхетскимъ домамъ королевскіе универсалы, повелѣвавшіе хватать и сажать подъ стражу неосѣдлыхъ шляхтичей, мѣщанъ и другихъ простолюдиновъ, которые промышляли походами въ сосѣднія съ подольскою, волынскою и кievскою Украинною земли. Пограничные старосты и представители воинственныхъ панскихъ домовъ продолжали старый промыселъ чрезъ посредство козаковъ, которыхъ они были обязаны предавать въ руки правосудія. Какъ турки, торговавшіе въ Очаковѣ, Килии, Бѣлгородѣ, Тягинѣ, давали убогимъ татарамъ своихъ лошадей для вторженія въ Украину, такъ украинскіе паны снабжали козаковъ оружіемъ и всѣмъ необходимымъ для набѣговъ на татарскіе улусы и турецкіе города, а нѣкоторые и сами хаживали съ ними въ походы. При такихъ обстоятельствахъ мудро было королю, занятому войною съ московскимъ царемъ, обуздать козаковъ. Казни ихъ предводителей, Подковы въ 1578 и Зборовскаго въ 1584 году, только раздражили отчаянныхъ людей, которыхъ королевскій мечъ досягалъ лишь случайно. Отъ смерти Подковы до гетманства Зборовскаго, козаки не переставали вторгаться въ Молдавію и воевать съ татарами; а когда король, на другой годъ послѣ казни Зборовскаго, послалъ къ нимъ своего дворянина, Глубоцкаго, съ послѣднимъ увѣщаніемъ, они утопили его въ Днѣпрѣ.

Гетманомъ послушныхъ королю козаковъ былъ тогда князь Михайло Рожинскій, сынъ покойнаго Богдана. „Вмѣстѣ съ другими козаками, товарищами своими запорожскими“ (сказано въ современномъ актѣ) онъ призналъ виновными въ этомъ убійствѣ одиннадцать запорожскихъ козаковъ. Преступники были присланы ими въ оковахъ, къ намѣстнику кievскаго воеводы, князю Матушѣ изъ Збаража Вороницкому, чтобъ онъ содержалъ ихъ въ кievскомъ замкѣ подъ стражею, впредь до королевскаго

суда. Но князь Вороницкій, не смотря на свое служебное положеніе, былъ связанъ больше съ козаками, нежели съ королевскимъ правительствомъ. Онъ отправилъ узниковъ къ войту и его радцамъ, представителямъ кіевской магдебургии, чтобъ они заперли ихъ при своей ратушѣ. Тѣ, въ свою очередь, были поставлены въ затруднительное положеніе относительно козаковъ. Они протестовали противъ нарушенія своихъ правъ и объявили, что не обязаны принимать и сторожить подобныхъ преступниковъ. „Въ такомъ случаѣ“, сказалъ имъ на это князь Вороницкій, я велю поставить козаковъ передъ вами или передъ ратушею и оставить на свободѣ, на вашу отвѣтственность“. Напрасно мѣщане представляли, что у нихъ при ратушѣ нѣтъ крѣпкой тюрьмы, что ратуша вся построена изъ дерева, и что они сами въ своихъ домахъ не безопасны отъ козацкаго своевольства. Воеводскій намѣстникъ отказался посадить преступниковъ подъ стражу въ замкѣ; обѣщаль только дать въ помощь мѣщанамъ, для содержанія сторожи, ремесленниковъ и другихъ людей „замкового присуду“. Даже въ замковую кіевскую книгу не позволилъ записать протоколъ объ этомъ дѣлѣ, такъ что мѣщане были принуждены внести свое показаніе въ замковыя житомирскія книги, въ которыхъ и сохранился этотъ интересный актъ, свидѣтельствующій о безсиліи королевской власти въ Украинѣ даже и при Баторіи. Не извѣстно, чѣмъ кончилось дѣло убійцы королевскаго посла, но можно почти навѣрное утверждать, что они бѣжали, ибо не напрасно мѣщане, въ своемъ протестѣ, распространились о томъ, что у нихъ въ Кіевѣ, какъ городѣ украинскомъ, нѣтъ при ратушѣ такой крѣпкой тюрьмы, какъ въ иныхъ королевскихъ городахъ, и что сами они вѣчно должны опасаться за свою жизнь отъ своевольства козаковъ, „яко на Украинѣ“. Впрочемъ Стефанъ Баторій умеръ черезъ годъ послѣ этого событія, а съ его смертію козаки разбушевались больше прежняго.

Польское общество относилось двойнымъ образомъ къ турец-

кому вопросу. Въ началѣ разлива турецкой силы по черноморскимъ берегамъ и нижнему Дунаю, Польша стремилась къ ея отраженію; но гибель короля Владислава III подъ Варною, рядъ неудачныхъ попытокъ польскихъ пановъ вытѣснить турокъ изъ Молдавіи, успѣхи турецкаго оружія въ Венгріи и поддерживаемые султаномъ набѣги татаръ, которые полонили народъ до Сандомира и Опатова, поселили въ польскомъ правительствѣ убѣжденіе, что мусульманская сила неодолима для христіанской, и что для государства гораздо выгоднѣе поддерживать, во что бы то ни стало, миръ съ Турціею. Убѣжденіе это раздѣляли всѣ крупныя землевладѣльцы, искавшіе обогащенія въ правильномъ хозяйствѣ и расширявшіе свои владѣнія посредствомъ колонизаціи опустошенныхъ татарами мѣстностей. Напротивъ мелкая русская шляхта смотрѣла на войну съ невѣрными, какъ на выгодный промыселъ и какъ на единственное средство возвыситься во мнѣніи общества. Высокія государственныя должности и доходныя королевщины захватывали въ свои руки знатные паны. Для мелкопомѣстнаго дворянства оставалось только рисковать головою въ войнѣ съ невѣрными для добычи, да искать боевой славы, которая высоко цѣнилась въ отрожденной Руси. Рыцарскій духъ украинской шляхты поддерживали въ ней также и религіозныя побужденія къ войнѣ съ „врагами святого креста“, распространеныя тогда по всей Европѣ; а татарскіе набѣги, увлекавшіе въ плѣнъ родныхъ и пріятелей, возбуждали въ ней жажду возмездія. Изъ серединныхъ областей Польши также выходилъ на пограничье каждый, кто былъ воспитанъ въ духѣ воинственной старины польской, кто съ дѣтства готовилъ себя къ военному ремеслу и искалъ случая показать свое мужество. Въ то время, когда одна половина „шляхетскаго народа“, подъ вліяніемъ придворной политики и западной роскоши, искала домашняго покоя и прилагала старанія объ улучшеніи земледѣлія, другая постоянно грозила войною и, вмѣстѣ съ козаками, задирада турокъ со

стороны Молдавіи. Раздражаемый султанъ жестоко мстилъ Польшѣ посредствомъ татаръ, которыхъ онъ безпрестанно направлялъ то ко Львову, то къ Кіеву, то къ берегамъ Вислы. Наконецъ, грозилъ двинуть на Польшу всѣ свои силы и укротился только тѣмъ, что поляки, согласно его желанію, призвали къ себѣ на престолъ даннива его, седмиградскаго князя Стефана Баторія. Оттоманская гордость была этимъ удовлетворена больше, нежели побѣдами надъ польскимъ войскомъ. Султанъ включилъ Польшу въ число подвластныхъ ему земель и, въ сношеніи съ нѣмецкимъ императоромъ, пересталъ называть ее королевствомъ.

Но для Стефана Баторія польскій престолъ былъ только средствомъ, а не цѣлью. Онъ требовалъ отъ пограничной шляхты и отъ козаковъ сохраненія мира съ султаномъ вовсе не изъ признательности, и даже не изъ страха къ нему. Ему нужно было обезопасить себя со стороны Турціи на время войны съ Московскимъ царствомъ, а Московское царство воевалъ онъ для того, чтобы соединенныя польско-московскія силы со временемъ устремить противъ турокъ. Внезапная смерть разрушила его широкій планъ.

По смерти Баторія, съ одной стороны, усилилось своеволие пограничнаго рыцарства, имѣвшаго тѣсныя связи съ низовыми козаками, а съ другой—увеличилось неудовольствіе противъ нихъ консервативной среды, составлявшей польское правительство. Люди старыхъ воинскихъ преданій всё еще повторяли мнѣніе, господствовавшее во время Претвича, что Польша до тѣхъ поръ будетъ могущественна, пока въ ней будетъ процвѣтать козачество; но тѣ, которые предпочитали войнѣ мирную колонизацію украинскихъ пустынь и старались пересадить въ Польшу западныя науки вмѣстѣ съ роскошью цивилизованныхъ государствъ, видѣли въ козакахъ зло, которое слѣдовало уничтожить самыми рѣшительными мѣрами. Козаки между тѣмъ, усиленные множествомъ искателей приключеній въ родѣ Самуила Зборовскаго, про-

должали, какъ они выражались, „разливать свою славу по всей Украинѣ“. Не довольствуясь войною съ невѣрными на сушѣ, они ходили на своихъ човнахъ-чайкахъ въ море, грабили берега Анатолиі, нападали на турецкія галеры, освобождали христіанъ изъ плѣна, не разъ устраивали на турецкихъ берегахъ временные рынки, для продажи грекамъ, армянамъ, жидамъ и всякимъ налетнымъ торгашамъ награбленнаго въ турецкихъ городахъ добра; наконецъ, появлялись на пограничныхъ ярмаркахъ съ богатыми матеріями, золотыми и серебряными вещами, иноземными деньгами и диковинными разсказами о своихъ приключеніяхъ. Современные кобзари складывали объ этихъ приключеніяхъ цѣлыя поэмы, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились въ народной памяти до нашего времени. И чѣмъ больше было въ отрожденной Руси воинственнаго увлеченія, тѣмъ ближе подступала къ Польшѣ гроза войны съ турками, а польскіе паны, законодательствовавшіе на сеймахъ, были вовсе не готовы ее встрѣтить. Регулярное войско, заведенное Баторіемъ, было частью распущено, частью перешло въ козацкое братство; панскія надворныя хоругви дѣйствовали по усмотрѣнію своихъ повелителей; нѣмецкой пѣхоты содержалось на жаловань мало; посполитое рушеніе, то есть всеобщее вооруженіе шляхты въ случаѣ крайней опасности, было дѣло медленное, да и не надежное. Уже тому назадъ двѣнадцать лѣтъ султанъ грозилъ разрушить Польшу, если паны изберутъ на престолъ рагузскаго принца, и угроза его не казалась панамъ преувеличенною. Теперь, по видимому, онъ рѣшился привести ее въ исполненіе. Въ 1589 году къ польскимъ границамъ были двинуты такія силы, что коронный гетманъ, Янъ Замойскій, сомнѣвался, устоятъ ли противъ нихъ до зимы важнѣйшіе изъ пограничныхъ городовъ, Каменецъ и Львовъ.

Въ такомъ положеніи дѣла, на варшавскомъ сеймѣ 1590 года, въ одномъ и томъ же законѣ, были приняты мѣры къ подавленію козаковъ, какъ виновниковъ предстоящей войны, и къ призы-

ву ихъ въ королевскую службу, для отраженія турокъ. Правительство сознавало, что „пропустило время“ для усмиренія козаковъ, но тѣмъ не менѣ видѣло необходимость прибѣгнуть къ сильнымъ противъ нихъ мѣрамъ, такъ чтобы козаки, въ случаѣ мира съ турками, не могли раздражить ихъ снова. Постановлено было устроить за Порогами изъ тѣхъ же козаковъ, которые тамъ проживаютъ, или изъ какихъ-нибудь другихъ людей, войско, послушное правительству. Начальникомъ этого войска долженъ быть шляхтичъ, имѣющій въ Украинѣ недвижимую собственность; сотники также должны быть назначены изъ осѣдлой шляхты. Старшина и каждый рядовой присягнуть королю и Рѣчи-Посполитой въ томъ, что, безъ воли короннаго гетмана, или его намѣстника, козаки, ни водою, ни сушею, не выйдутъ за границы польскихъ владѣнй для вторженія въ сосѣднйя земли, не будутъ грабить купцовъ и другихъ людей, которые бы проходили черезъ тамошнйя мѣста; въ товарищество свое никого противъ воли старшаго, а старшйй противъ воли гетмана, принимать не стануть. Реестръ козацкйй будетъ находиться у гетмана. Въ мѣстечкахъ запрещалось продавать козакамъ съѣстные припасы, порохъ и другйе снаряды; не позволялось даже впускать ихъ въ мѣстечка иначе, какъ только по билетамъ отъ старшаго или сотника. А чтобы козаки не заводились въ самихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, всѣ старосты и державцы королевскихъ имѣнйй, а равно паны, князья и шляхта были обязаны устроить, какъ въ королевскихъ, такъ и въ собственныхъ своихъ имѣнйяхъ, присяжныхъ бурмистровъ, войтовъ и отамановъ, которые бы, подъ смертною казнью, наблюдали, чтобъ изъ городовъ, мѣстечекъ и сель никто не ходилъ на Низъ или въ дикйя поля за добычею, а тѣмъ болѣе — за границу; „а кто бы пришолъ изъ другихъ мѣсть съ добычею“, сказано въ сеймовомъ постановленйи, „того задерживать и карать смертью, а добичи ни подъ какимъ видомъ не покупать“. Для присмотра за самими старостами или частными владѣльцами пограничныхъ

нѣмъ, чтобъ они не ходили за добычею въ дикія поля и не вторгались въ сосѣднія земли, назначены были, тутъ же на сеймѣ, два чиновника, подъ названіемъ *дозорцевъ*, также изъ осѣдлыхъ шляхтичей, которые постоянно должны находиться на пограничьи, и, съ одной стороны, доносить коронному гетману о своевольствахъ козаковъ низовыхъ запорожскихъ, а съ другой—преслѣдовать и карать тѣхъ, которые бы проживали и укрывались въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, а пановъ, или старость, потворствующихъ козакамъ, позывать къ отвѣту въ трибуналъ. Дозорцамъ опредѣлено было жалованье по 300 злотыхъ въ годъ, изъ того же источника, изъ котораго получаютъ свою плату и низовцы. „Что касается нынѣшней войны“, сказано въ заключеніе, „то коронный гетманъ призоветъ низовскихъ и донскихъ козаковъ на службу. Рѣчи-Посполитой столько, сколько по его усмотрѣнію окажется нужнымъ, съ платою имъ жалованья въ теченіе этой войны, чрезъ провизоровъ, а на дальнѣйшее время—какъ рѣшится всѣми сословіями“.

По смыслу этого закона, правительство исключало козаковъ изъ состава городского и сельскаго населенія Украины, и дозволяло имъ существовать только „на Низу, за Порогами“. Оно расторгло между осѣдымъ и кочующимъ населеніемъ Украины ту связь, которая была однимъ изъ главныхъ условій колонизаціи отрожденной Руси. Оно запрещало продавать козакамъ не только военные снаряды, но и съѣстные припасы на украинскихъ рынкахъ, тогда какъ осѣдлое населеніе само уже проторило дорогу на Низъ, для обмѣна своихъ произведеній на лошадей, воловъ, овецъ и для продажи за наличныя деньги ¹⁾. Оно не дозволяло козакамъ проживать въ городахъ и селахъ, а тутъ у нихъ были

¹⁾ Памятникъ, знавшій запорожцевъ до ссоры ихъ съ правительствомъ, пишетъ: „Wielki dostatek miewaią, czasem w swem woysku, bo ze wszystkich stron do nich siodlaczy wiozą, a oni im płacą koźmi, woły a innemi dobytki, też pieniędzmi“. (*Ogrod krolewski*).

дома, семейства и разнаго рода пристанища. Оно грозило смертною казнию мѣстнымъ жителямъ за хожденіе на ловы въ дикія поля, а это вошло у всѣхъ въ обычай, какъ постоянный промыселъ. Запорожцевъ оно хотѣло держать вѣчно на Ниву, гдѣ они кочевали только лѣтомъ, а жителей городовъ и селъ заключало въ предѣлы страны, которые не были опредѣлены, и не могли быть постоянно охраняемы. Наконецъ, не полагаясь на послушаніе старостъ, пановъ, князей и шляхты, вѣряло за ними присмотръ двоимъ лицамъ, которыя, получая по 300 золотыхъ въ годъ жалованья, по его мнѣнію, готовы были рисковать осорою со всѣми граничанами, чего, какъ мы видѣли, не отважился дѣлать даже намѣстникъ кіевскаго воеводы, сидя въ неприступномъ замкѣ и имѣя въ своемъ распоряженіи ремесленниковъ и другихъ людей замковаго присуду.

Очевидно съ перваго взгляда, что эта мѣра могла только раздражить козаковъ, но не обуздать ихъ своеволие. Порядокъ вещей на Украинѣ ни мало не измѣнился послѣ обнародованія грознаго сеймоваго постановленія, надъ которымъ козаки готовы были наругаться такъ же, какъ и надъ мѣрами Стефана Баторія. Между тѣмъ правительство, въ переговорахъ съ турками, дало торжественное обѣщаніе усмирить козаковъ, и вскорѣ послѣ сейма придумало еще одно средство для удержанія „своевольства украинскаго народа“. Въ іюлѣ того же года данъ былъ въ Краковѣ королевскій универсалъ о вербовкѣ тысячи человекъ опытныхъ въ военномъ ремеслѣ людей, подъ начальствомъ снятынскаго старосты Николая изъ Бучача Язловецкаго и поручика Яна Огышевскаго. Язловецкому представлялось выбрать—или на урочищѣ Кременчукѣ, или гдѣ-нибудь въ степи—удобное мѣсто для постройки замка. Строевое дерево предполагалось доставить по Днѣпру изъ королевскихъ имѣній. Изъ тѣхъ же имѣній каждый „послушный“ человекъ долженъ былъ давать по одной мѣрѣ муки ежегодно для гарнизона этого замка. Король былъ

увѣренъ, что этотъ военный отрядъ положить конецъ своеволю украинскихъ жителей и не допустить ихъ нарушать миръ съ сосѣдними государствами. Ни о козакахъ, ни о боронномъ гетманѣ которому они подчинены сеймовымъ закономъ, ни о дозорцахъ, которые должны наблюдать за всѣми граничанами, въ краковскомъ универсалѣ вовсе не упомянуто. Можно думать, что король и его совѣтники разувѣрились въ дѣйствительности прежней мѣры, и не полагаясь на послушаніе украинскихъ старостъ, рѣшились обуздать украинскую вольницу посредствомъ короннаго войска. Но на украинскихъ старостъ и державцевъ возлагалось доставить строевой дѣсь для замка и обезпечивать его гарнизонъ продовольствіемъ. Зная, какое участіе принимали старосты въ козацкомъ промыслѣ, легко понять, охотно ли они занялись устройствомъ крѣпости, которая должна была отрѣзывать имъ сообщеніе съ дикими полями и Запорожьемъ. Замокъ не былъ построенъ, и краковскій универсалъ остался такою же мертвою буквою, какъ и постановленіе варшавскаго сейма.

По видимому, правительству Рѣчи-Посполитой не оставалось ничего другого, какъ уступить силѣ вещей и по неволѣ обратиться къ старой воинственности, которая, въ видѣ пограничнаго своевольства, продолжала существовать въ русскихъ провинціяхъ. Тогда бы козаки изъ бунтовщиковъ превратились въ самое дешевое и полезное войско; паденіе Крымскаго Юрта сдѣлалось бы неизбѣжнымъ, и турки цѣлымъ столѣтіемъ раньше потеряли, бы свое страшное для Европы значеніе. Но такая политика для сеймовыхъ пановъ была бы слишкомъ великодушна, а для Сигизмунда III — геніальна. Колонизаторы отроженной Руси не теряли надежды сдѣлать изъ нея другую Польшу — не въ отношеніи языка, о которомъ тогда заботились мало, и не въ отношеніи вѣры, о которой помышляло одно духовенство, а въ отношеніи господства польскаго или княжескаго права надъ правомъ обычнымъ русскимъ, которое, болѣе нежели что либо другое, дѣлало

отроженную Русь непохожую на Польшу. Всмотримся глубже въ положеніе дѣлъ на Украинѣ: было ли возможно водвореніе въ ней польскаго права?

Ни мелкая пограничная шляхта, водившаяся запросто съ козаками, ни собственно такъ-называемые мѣщане, ни городовые и запорожскіе козаки не обращали, покамѣсть, вниманія на выступающіе съ наядымъ годомъ панскіе города и села; еще менѣе понимали значеніе панской силы для края люди, не принадлежавшіе къ ихъ корпораціи: ратаи, чабаны и тому подобный чернорабочій народъ, разсѣянный по украинскимъ хуторамъ и селамъ. Въ началѣ колонизаціи Украины, которое для однихъ мѣстностей восходило къ половинѣ XVI, а для другихъ — къ первой четверти XVII вѣка, по истеченіи 20-лѣтней и 30-лѣтней *семі*, или свободы, почти единственною повинностью жителей мѣстечекъ и селъ была вольная служба подъ начальствомъ старосты или помѣщика, такъ какъ всего важнѣе для края была защита отъ татаръ. Эта служба не была тягостна, потому что составляла естественное условіе жизни на пограничѣ. И безъ распоряженій со сторовы мѣстной власти, каждый поселянинъ долженъ былъ безпрестанно держаться на сторожѣ отъ орды. Даже на полевныя работы не могъ онъ выходить иначе, какъ громадою и въ оружіи ¹⁾. Искупая у татаръ кровью родную землю, воюя противъ нихъ за каждое пастбище, за каждое селище по

¹⁾ Ласота, въ своемъ дневникѣ („Tagebuch von Erich Lassota von Steblau“) такъ описалъ, въ 1594 году, окрестности подольскихъ Прилукъ: „Прилуки, замокъ и большой новыи, окруженный тнномъ городъ п. Збаражскаго, съ 4.000 домовъ (fewerstädten, очаговъ), при рѣчкѣ Десницѣ, 3 мили. *Nota:* Городъ этотъ лежитъ въ обширной и весьма плодородной равнинѣ, гдѣ разбросано большое число странныхъ домовъ съ амбразурами (mitt schieszlöchern), въ которыхъ домахъ крестьяне, въ случаѣ внезапнаго нападенія татаръ, спасаются и находятъ для себя защиту. Но, такъ какъ этимъ нападеніямъ они подвергаются очень часто, то каждый изъ нихъ, отправляясь въ поле, несетъ на плечахъ свою ружницу (Handrohr) и прицѣляетъ къ боку саблю или тесакъ“.

многу лѣтъ, украинскіе поселяне дотого привыкли запасаться оружіемъ, что, во время первыхъ войнъ со шляхтою, изъ пахарей и ремесленниковъ повсемѣстно составлялись ополченія въ самое короткое время; а когда князь Іеремія Вишневецкій, предвидя народное возстаніе, приказалъ обезоружить своихъ подданныхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ однѣхъ его вотчинахъ отобрано было „нѣсколько десятковъ тысячъ самопаловъ“, не считая спрятаннаго оружія. Самая необходимость дѣлала здѣсь каждаго воиномъ. Въ люстраціяхъ старостинскихъ имѣній начала XVII вѣка рѣдко упоминаются данины, собиравшіяся съ мѣщанъ; гораздо чаще эти люстраціи говорятъ о мѣщанскихъ домахъ, „съ которыхъ не взимается никакихъ податей, а только каждый мѣщанинъ обязанъ нести военную службу конно и оружно, подъ предводительствомъ старосты или его намѣстника“. Эти-то мѣщане и назывались „послушными“. Рядомъ съ ними въ каждомъ мѣстечкѣ исчисляють люстраціи мѣщанъ „непослушныхъ“, иногда называя ихъ просто *казаками*. Объ этихъ обыкновенно говорится, что они „ни какой повинности, ни послушанія не отбываютъ“, а о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ добавляется, что они, не смотря на то, „извлекають всяческіе доходы, какъ изъ полей, такъ и изъ рѣкъ, и захватываютъ подъ свои усадьбы почти всѣ грунты“. Во многихъ мѣстахъ сидѣли хуторами заслуженные жолнеры панскихъ дружинъ и выбранецкихъ или иностранныхъ ротъ, которымъ давалось неопредѣленное право пользованія болѣе или менѣе значительнымъ кускомъ земли. Эту землю, какъ говорилось тогда, измѣряли они саблею, то есть поддерживали вооруженною силою значеніе письменнаго акта, которымъ знатный панъ или коронный гетманъ жаловалъ имъ по-королевски то, о чомъ нерѣдко самъ составитель акта не имѣлъ точнаго понятія ¹⁾. Воспитанники военныхъ становъ,

¹⁾ Въ измѣреніи саблею надобно искать объясненія такихъ загадочныхъ мѣстъ въ „*Volumina Legum*“, какъ пожалованіе на рѣкѣ Сулѣ Александру Вишне-

привязанные къ осѣдлой жизни семейными интересами, сохраняли свои привычки и подъ хуторскою крышею ¹⁾). Вмѣстѣ съ „послушными“ и „непослушными“ пограничниками, они готовы были каждую минуту отражать орду, а при случаѣ стояли за себя и противъ мѣстной власти. Владѣльцы обширныхъ имѣній украинскихъ, выпросивъ для себя пожизненное или потомственное право на землю, сами оставались въ старыхъ своихъ гнѣздахъ, а не то — постоянно находились при дворѣ; въ Украину же посылали своихъ официалистовъ, или такъ-называемыхъ осадчихъ, которые дѣйствовали отъ ихъ имени и колонизовали страну въ ихъ пользу. Пограничный народъ, набравшись воинственного духу въ постоянной борьбѣ съ татарами, цѣнилъ выше всего личныя качества каждаго, и относился къ панскимъ дворянамъ запросто. Кіевскій бискупъ Верещинскій писалъ, въ 1594 году, на сеймъ, что города и села украинскіе, „гордятся своевольною свободою своею“, не хотѣли знать ни своихъ пановъ, ни ихъ уполномоченныхъ. Вообще шляхта теряла свое привилегированное значеніе въ краѣ, гдѣ личная свобода, богатство, сила и даже громкая слава были достуцны, какъ гербованнымъ, такъ и негербованнымъ жителямъ. Въ началѣ появленія козачества, простолюдины хаживали за добычею подъ предводительствомъ шляхтичей, а съ его развитіемъ, шляхтичи участвовали въ по-

---

ведкому тѣхъ самихъ земель, которыя были пожалованы Стефаномъ Баторіемъ какому-то Байбузѣ. Къ имени Байбузы не прибавлено обычнаго эпитета *igdzony*, означающаго шляхетское достоинство, и сказано, что онъ уступилъ свое право Вишневецкому, — добровольно ли?... Въ московской Руси случалось, что получившій на бумагѣ пожалованіе въ тысячу „четвертей“, на дѣлѣ пользовался только двумя или тремя сотнями, такъ какъ каждый долженъ былъ самъ выискать свободное, не пожалованное еще никому, мѣсто, перевѣдаться съ разными байбузами и утвердить его за собою документально. Такой случай былъ съ воеводою XVII вѣка Даудовымъ, о которомъ интересное въ разныхъ отношеніяхъ изслѣдованіе Н. Н. Селифонтова помѣщено въ 5-мъ выпускѣ „Лѣтописи Занятій Арх. Комиссіи.“

¹⁾ Сохранилось преданіе, что пахарь украинскій, втыкалъ саблю въ первую борозду свою, въ знакъ готовности доказать свое право на займище.

ходахъ подѣ предводительствомъ способныхъ и опытныхъ простолюдиновъ. Это обстоятельство, болѣе нежели что-либо, сглаживало сословныя отличія пограничниковъ. Вспомнимъ, какъ привѣтствовали запорожцы вельможнаго пана Зборовскаго: „Это у насъ послѣднее дѣло; у насъ дѣнятся выше всего дѣла и мужественный духъ“. Мѣстная шляхта никакъ не могла пренебрегать украинскимъ простонародьемъ; напротивъ, во многихъ случаяхъ она заискивала его благосклонности. Защита жилищъ и стадъ, бѣгство отъ орды и укрывательство въ недоступныхъ для нея мѣстахъ; наконецъ, пребываніе въ татарской неволѣ, или ясырѣ, — все это предпринималось или терпѣлось наравнѣ съ людьми негербованными. Откуда бы кто ни пришолъ въ Украину, могущественныя условія мѣстнаго быта подчиняли его волю, понятія и склонности общему теченію жизни. Не только выгоды отъ совмѣстныхъ промысловъ и ополченій, но безопасность имущества и жизни зависѣли здѣсь отъ тѣснаго сближенія съ простонародною массою. Самый языкъ, заносимый въ Украину изъ глубины польскихъ провинцій, гдѣ культура стояла сравнительно на высокой степени развитія, перерождался здѣсь въ простонародную рѣчь, которая, сохранивъ слѣды иноплеменной примѣси, не потеряла отъ того своего русскаго характера. Кромѣрь, описывая Рѣчь-Посполитую въ XVI вѣкѣ, говоритъ, что польскій языкъ на Руси употребительнѣе мѣстнаго, потому что туда земледѣльцы переселяются изъ Польши ради плодородія земли, а воинственные люди — для отраженія татаръ. Но это справедливо только по отношенію къ панскимъ домашнимъ кругамъ. Не смотря на предпочтеніе, которое отдавалось въ извѣстныхъ случаяхъ польщизнѣ, энергія мѣстной народной рѣчи брала свое даже у такихъ людей, какъ Николай Потоцкій, который употреблялъ русскій языкъ для того, чтобъ выбрать явившіяся къ нему, во время войны съ козаками, шляхескія депутаты.

Приливъ польщизны въ русскія области королевства относится къ позднѣйшему времени. Въ началѣ колонизаціи отроженной Руси, коренные поляки держались еще за Вислою, а опустошенныя татарами пространства древней, владимировской Руси занимали все-таки люди русскіе. Польскій языкъ былъ имъ извѣстенъ, какъ языкъ правительства, какъ языкъ среднихъ и высшихъ училищъ, которыхъ у насъ до конца XVI столѣтія не было, наконецъ, какъ языкъ литературный, только-что возобладавшій надъ бесплодною латынью. Они писали на немъ военныя реляціи и письма, подобно козацкимъ предводителямъ временъ позднѣйшихъ, но въ обыденныхъ сношеніяхъ, безъ сомнѣнія, употребляли рѣчь русскую. Мы видимъ, напримѣръ, Претвича, излагающаго передъ королемъ по-польски свѣжую въ то время исторію колонизаціи. Вѣроятно, и Дашковичъ не иначе говорилъ на Пётрковскомъ сеймѣ объ устройствѣ за Порогами военнаго братства; но къ королю Сигизмунду I писалъ онъ порусски ¹⁾, и на русскомъ же языкѣ получалъ отъ него инструкціи, напечатанныя въ „Актахъ Западной Россіи“. Братъ Самуила Зборовскаго, Христофоръ, зная русскій языкъ, какъ уроженецъ Червоной Руси, писалъ къ запорожцамъ попольски; но уже конечно ни Дашковичъ, ни Претвичъ, ни Самуиль Зборовскій не обращались на польскомъ языкѣ съ рѣчью къ русскимъ дружинамъ, составлявшимъ тогдашнее козачество. Историческія пѣсни, сложенныя этими дружинами, показываютъ, какой элементъ былъ въ нихъ преобладающимъ. Самые татары, кочевавшіе на Подольѣ и Волини до изгнанія ихъ оттуда Ольгердомъ и Витовтомъ, усвоили себѣ русскую рѣчь, и не забыли ее черезъ сто лѣтъ, живя въ Добруджѣ ²⁾. Вспомнимъ

¹⁾ Въ Коростышовѣ (Житомирскаго уѣзда), въ фамильномъ архивѣ гг. Олизаровъ, хранится подлинное письмо Дашковича къ Сигизмунду I.

²⁾ Объ этомъ пишетъ Стрыйховскій.—Кіевскій бискупъ Верещинскій, смѣясь въ своей брошюрѣ „Publika“ надъ беззаботностью украинскихъ поляковъ, заставляетъ татаръ обращаться къ нимъ съ рѣчью по русски, а не по польски:

извѣстную рѣчь каштеляна Мелешка, произнесенную по русски даже въ собраніи сенаторовъ, на конвокаціонномъ сеймѣ, передъ избраніемъ Сигизмунда III. Немудрено представить, что польская молодежь, уже участвовавшая въ пограничной службѣ, объяснялась на русскомъ языкѣ. Чтò касается до латинскаго и греческаго вѣроученій, изъ которыхъ одно распространяло польскій, а другое поддерживало русскій элементъ, то, до конца XVI вѣка, они не вступали еще въ ожесточенную борьбу между собою, и оба помышляли только о томъ, какимъ бы способомъ защититься отъ реформаціи, которая въ то время грозила не одной западной, но и восточной церкви, въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Въ такихъ памятникахъ, какъ реляція Претвича о козакованѣхъ шляхты, и рассказъ Папроцкаго о пребываніи Зборовскаго за Порогами, нѣтъ и намека на различіе вѣръ и нарѣчій у двухъ составныхъ частей козачества. Русское духовенство не принимало никакого участія въ его образованіи, и во времена первыхъ козацкихъ войнъ съ панами относилось къ запорожскому войску какъ нельзя болѣе равнодушно, чтобъ не сказать — враждебно.

Съ своей стороны, козаки, въ своихъ походахъ и на запорожскихъ становищахъ, обходились безъ священниковъ. 1) Въ „думѣ“ о бурѣ на Чорномъ морѣ, предводитель военного братства обратился къ товарищамъ бѣдствія съ такимъ увѣщаніемъ: „Исповѣдывайтесь, паны молодцы, милосердому Богу, Чорному морю и мнѣ, отаману кошовому“. Правда, что, по „Тератургимѣ“ Кальнофойскаго, нѣсколько козаковъ, однажды, среди страшной бури на морѣ, дали обѣтъ послужить псчерскимъ инокамъ двѣ недѣли

„Twoia spisz, moja choruiesz, poidy twoia do Ordy, budemo się dobre miety, po kobyłuni budem kaszę używaty, a posoku konskoiu z mołokom pity“.

1) „Лѣтопись о Началѣ Проименованія Козаковъ“ говоритъ о нихъ: „Море переплаватп держаютъ въ единокрепныхъ суднахъ, многажды и души своя погубляютъ, яко не имѣютъ сего обычая, дабы съ собою священниковъ ради нужды смертной имѣли“.

въ черной работѣ, и выполнили свой обѣтъ ¹⁾. Но въ походахъ 1637 и 1638 годовъ козаки больше всего таили свои намѣренія отъ мѣстныхъ священниковъ, а одинъ православный монахъ былъ даже ихъ соглядатаемъ и сообщилъ о нихъ вѣсти польскому войску. Митрополитъ Петръ Могила, безъ обвиняковъ, называлъ ихъ „ребеллиантами“ печатно. Православный панъ Адамъ Кисиль писалъ о козакахъ, что у нихъ не было никакой вѣры, religionis nullius. Уніятскій митрополитъ Рутскій повторялъ то жесамое ²⁾. Все вмѣстѣ свидѣтельствуетъ, что колонизація отрожденной Руси совершалась безъ участія православнаго духовенства, котораго іерархическая дѣятельность сосредоточивалась тогда не въ Кіевѣ, какъ прежде и послѣ, а въ Вильнѣ. Съ другой стороны, и вліяніе римско-католической проповѣди не распространялось еще на пограничное рыцарство и на первоначальныхъ украинскихъ колонизаторовъ польскаго происхожденія: ибо первый латинскій бискупъ, временно проживавшій въ Кіевѣ, пріѣхавши сюда въ 1589 году, не засталъ ни одного каплана, ни одного костела и алтаря, кромѣ замковой каплички, въ которую, по его словамъ, замковые урядники запирали своихъ лошадей, да еще мальенгаго доминиканскаго костела, на Подолѣ, съ однимъ только монахомъ при немъ. Этотъ бискупъ, происходившій изъ православной фамиліи, какъ прозелитъ, приписалъ запустѣніе замковой каплички „пренебреженію“ къ латинской вѣрѣ; но его же разсказъ о томъ, что и въ Софійской церкви, затекавшей дождями,

¹⁾ По освобожденіи знаменитаго Самійла Кишки изъ турецкой каторги, козаки, по словамъ думы, опредѣлили часть добычи своей на Святую Січовую Покрову, на Межигорскаго Спаса и на Трахтомировскій монастырь; только это, очевидно, прибавка позднѣйшихъ кобзарей, такъ какъ во времена Самійла Кишки не существовали еще ни Покровская церковь на Нязу, ни Спасская въ Межигорьѣ.

²⁾ Даже думные дяки московскіе, въ 1594 году, отозвались передъ императорскимъ посломъ Варкочемъ о запорожцахъ, какъ о людяхъ, „не имѣющихъ страха Божія“, который, по грубымъ религіознымъ понятіямъ москвичей того времени, прежде всего долженъ былъ выражаться умилоствительными жертвами.

віяне запирали скоть, убѣждаетъ насъ, что въ малолюдномъ, убогомъ тогда Кіевѣ относились небрежно къ церквамъ обоихъ вѣроисповѣданій. Въ тѣ времена православные священники и латинскіе ксензы безразлично совершали духовныя требы для людей православныхъ и для римскихъ католиковъ. Латинскихъ ксензовъ было тогда такъ мало, не только въ Кіевской землѣ, но и на Волини, что русскіе попы крестили дѣтей, давали святое причастіе и погребали мертвыхъ у поляковъ; а мѣстные поляки до такой степени не дѣлали различія между латинскими и русскими священниками, что латинская іерархія нашла необходимымъ — выпросить у Стефана Баторія универсалъ къ православному епископамъ, которымъ, подѣ штрафомъ въ 10 тысячъ копей грошей литовскихъ, повелѣвалось воспретить подвластному имъ духовенству всякое вмѣшательство въ церковныя дѣла римскихъ католиковъ. Такимъ образомъ, латинство не препятствовало польскимъ выходцамъ объединяться въ Украинѣ съ туземцами, подчиняясь мѣстному элементу. Если въ глубинѣ Волини католики крестили дѣтей по-православному, то тѣмъ естественнѣе это дѣлалось тамъ, гдѣ до временъ Сигизмунда III не было со стороны латинской церкви никакихъ усилій къ распространенію своего исповѣданія. Польскій элементъ сливался съ русскимъ единственно подѣ вліяніемъ условій мѣстности. Козаки и ихъ семейства вѣровали въ Бога безъ посредства катехизическаго ученія, а многіе изъ пограничныхъ жителей выросли и старѣлись, не видавъ церкви. То, что говоритъ сатирическая народная пѣсня о позднѣйшихъ запорожцахъ, которые будтобы принимали скирду сѣна за церковь, могло относиться къ хуторянамъ и слобожанамъ не одной мѣстности временъ Стефана Баторія; а такіе анекдоты, какіе рассказываются въ наше время о чабанахъ екатеринославскихъ степей, являющихся къ принятію стятыхъ таинъ въ сопровожденіи своихъ овчарокъ, безъ сомнѣнія, можно было

слышать во времена бны въ Кіевѣ о низовыхъ чабанахъ, называвшихся по татарски одаманами.

Какъ бы то ни было, только пограничная шляхта обѣихъ народностей претворялась въ простонародную козацкую русь, не стѣсняясь ни вѣрою, ни языкомъ, ни бесполезными въ русскихъ пустыняхъ гербами. Оборона границъ, соединенная съ цѣлостью семействъ и имуществъ, была здѣсь всепоглощающею задачею жизни. Все служило этой задачѣ на Украинѣ. Самая мѣстность украинская приняла отпечатокъ долгой борьбы осѣдлаго населенія края съ кочевниками. Открытая со всѣхъ сторонъ равнина усѣялась насыпями, съ которыхъ жители вглядывались въ далекую степную перспективу, не подыметъ ли гдѣ-нибудь пыль отъ наступающей на нихъ орды. На Руси московской, защищенной лѣсными засѣками, рѣками и болотами, слово *могила* означало вырытую въ землѣ яму; на Руси польской, это слово получило значеніе насыпного холма или редута, какъ-бы соединяя съ мыслью о смерти мысль о славѣ боевыхъ подвиговъ, которые здѣсь чаще всего приносили смерть. Для воинственныхъ украинцевъ стараго времени такъ было обычно падшихъ въ бою хоронить среди степи, подъ насыпнымъ холмомъ, что, когда козаки сдѣлались обитателями уже безопасныхъ городовъ и селъ, и тогда они насыпали въ степи курганы въ память знатныхъ людей, похороненныхъ при церквахъ на ряду съ прочими покойниками ¹⁾. Многія изъ древнихъ насыпей распаханы уже плугомъ, другія обращены въ селитрянные бурты, а нѣкоторыя закрыты селами и хуторами; но до сихъ поръ курганы, круглые редуты съ двойными валами, разверстыми въ видѣ полумѣсяца у входа, четвероугольные шанцы, и такъ-называемые змѣевы валы поражаютъ наблюдателя своею многочисленностью. Боль-

¹⁾ Такъ, между прочимъ, изъ надписи на каменномъ крестѣ надъ могилою, знаменитаго кошового отамана Сірка и изъ мѣстныхъ отзывовъ народа о его могилѣ, видно, что Сірко похороненъ не за Порогами.

шая часть этих насыпей относится къ періоду пограничной борьбы съ татарами; нѣкоторыя остались, безъ сомнѣнія, отъ временъ удѣльнаго періода русской исторіи и еще древнѣйшихъ, а остальные принадлежатъ къ разряду могилъ, которыя, по словамъ народной пѣсни, обкипѣли козацкою кровью, смѣшанною съ польскою ¹⁾. Каждая новая осада во времена оны начинала свое дѣло съ того, что окружала избранную для поселенія мѣстность валомъ; потомъ она насыпала вдоль степного горизонта сторожевые курганы, для постоянной стоянки на нихъ, такъ-называемыхъ, чать. Рядъ подобныхъ кургановъ соединялъ ближайшія осады съ дальнѣйшими. Даже коронное войско, во время „лежанья“ на пограничѣ въ спокойное время, было обязано заниматься насыпаньемъ сторожевыхъ могилъ; а въ Украинѣ образовался особый классъ чернорабочихъ — *могильниковъ*, упоминаемыхъ въ современныхъ письменныхъ памятникахъ на ряду съ *будниками*, которые промышляли устройствомъ въ лѣсахъ будъ для выдѣлки поташа, смолы и дегтя, *броварниками*, работавшими въ пивоваренныхъ заводахъ, и *винниками*, служившими по найму въ винокурняхъ. Эти могильники играли важную роль въ козацкихъ войнахъ противъ пановъ. Каждое таборище козацкое въ самое короткое время бывало защищено рвомъ и валомъ. Козаки залегали обыкновенно въ ямахъ и оттуда стрѣляли по непріятелю, а сами оставались въ безопасности отъ его артиллеріи. Передъ своими шанцами они рыли небольшія густо

---

¹⁾ Ты, могило Верховино,
Чому рано не горіла?

(Это значить: почему на тебѣ не былъ зажженъ сторожевой знакъ?)

Ой, я рано не горіла:
Бо кривцѣю обкипіла.

(Т. е., ваши усобицы не дали возможности даже предостеречь васъ отъ общей опасности).

Ой, яко? Козацькою,
Въ половину изъ лядською.

расположенныя углубленія для защиты своихъ вылазокъ отъ панской конницы; подводить мины было также ихъ дѣломъ. Поэтому самымъ удобнымъ временемъ для козацкихъ возстаній считались лѣто и осень, когда можно было защищаться отъ нападений земляными работами. „Зима — жестокий врагъ козака“, говоритъ Овольскій, очевидецъ панскихъ походовъ на козаковъ, „потому что онъ зимою не можетъ рыться въ землѣ“.

Многолѣтнее употребленіе столь разнообразныхъ средствъ обороны наполнило подвигавшееся отъ запада къ юговостоку пограничье бывшей Рѣчи-Посполитой земляными насыпями, которымъ до сихъ поръ нѣтъ счота. Въ разныя времена, то одна, то другая часть отроженной Руси отбывала на этихъ насыпяхъ сторожку, или боролась посредствомъ нихъ съ непріателемъ. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе точныя и подробныя свѣдѣнія лишь о той мѣстности, которая возбуждала въ польскомъ правительствѣ особенный интересъ, по отношенію къ утвержденію въ Украинѣ польскаго права, посредствомъ правильного устройства королевщинъ и раздачи пустынь въ наследственное владѣніе магнатамъ. Сеймовыя постановленія отъ времени до времени регулировали охраненіе границъ отъ вторженія орды и не разъ освобождали жителей пограничныхъ мѣстечекъ отъ процессовъ, позвовъ и баницій, въ уваженіе опасностей, которымъ они подвергались. Первое мѣсто, въ глазахъ польскаго правительства, еще въ 1631 году, занимали стражницы въ Бѣлой-Церкви, Трилісахъ и Любомирѣ, „откуда“, по словамъ сеймоваго постановленія, „вся Украина охраняется отъ татарскихъ набѣговъ“. Сарницікій, напечатавшій свою книгу въ 1587 году, говоритъ, что Бѣлая-Церковь была какъ-бы морскимъ маякомъ и служила убѣжищемъ для всей Руси, которая отсюда прежде всего получала вѣсти о наступленіи орды; а въ одномъ старомъ документѣ сказано, что Бѣлоцерковскій замокъ „задерживаетъ на себѣ весь татарскій импетъ“, — можетъ быть,

потому, что не вдалекѣ отъ него пролегалъ татарскій шляхъ, гдѣ, по словамъ королевскаго универсала, татары переходили черезъ Рось. Главную сторожу держали бѣлоцерковскіе мѣщане у лѣса, который назывался Богатыривъ - Рігъ ¹⁾, и это, конечно, было дѣло не легкое, если, по выраженію Сарницкаго, татары „заглядывали въ Бѣлую-Церковь, какъ собаки въ кухню“. Трилісы, прославленные необычайнымъ мужествомъ своихъ жителей въ 1651 году, пять разъ были раззоряемы татарами, и пять разъ возрождались на своемъ пепелищѣ. Что касается до Любомира, то, по замѣчанію одного изъ мѣстныхъ жителей, нигдѣ такъ густо не расположены полевыя могилы, какъ вокругъ этого мѣстечка. Далѣе, по направленію къ Брацлавщинѣ, содержались полевыя сторожи на рѣкахъ, впадающихъ въ Бугъ; съ лѣвой стороны—на Синицѣ, а съ правой—на Саврани, и въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, по главнымъ татарскимъ шляхамъ разставлены были чаты, вышедшія изъ сосѣднихъ поселеній. По Чорному шляху шли сторожи отъ Запорожья мимо Черкасъ, Канева, Полоннаго и далѣе, въ глубину Волыни. Точно такъ же расположены были сторожи надъ рѣкою Савранью и у бродовъ рѣкъ Кодыми и Кучменя, вдоль Кучменскаго шляху, который шелъ въ глубину Подолья. На Росавѣ и Ушицѣ стояли чаты на татаръ, вторгавшихся въ польскія владѣнія по Волошскому или Покутскому шляху. И надъ всею необозримою сѣтью этихъ шляховъ, стражницъ и могилъ господствовалъ, какъ главный сторожевой пунктъ, старинный Ровъ, названный, въ честь королевы Боны, Баромъ. Послѣ Каменца Подольскаго, эта была самая сильная украинская крѣпость, которая „глядѣла на три татарскіе шляхи“, какъ писали о ней въ донесеніяхъ королю. Она постоянно находилась, въ качествѣ старѣства, во владѣніи коронныхъ гетмановъ, которые, по своему званію, были верховными охранителями

¹⁾ Лѣсъ этотъ находится въ Таращанскомъ уѣздѣ, между селами Вовнянки, Лисовичи и Богатырки.

границъ Рѣчи-Посполитой; ближайшій же надзоръ за всѣми сторожевыми стоянками и чатовниками въ XVI вѣкѣ имѣлъ подначальный коронному гетману „стражникъ трехъ шляховъ“.

Если, какъ сказано выше, самая мѣстность украинская, въ силу долгой борьбы славянскаго міра съ монгольскимъ, приняла отличительный характеръ, до сихъ поръ не изглаженный временемъ и новымъ порядкомъ жизни; то тѣмъ болѣе идея защиты пограничья отъ орды должна была отразиться на общественныхъ отношеніяхъ пограничниковъ. Рядомъ съ потомками знаменитыхъ дворянскихъ родовъ, пріобрѣтали здѣсь широкую популярность, не только въ проспонародѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, личности происхожденія темнаго, не-шляхтичи. Настоятельная нужда въ людяхъ, которые бы сторожили за движеніями хищныхъ татаръ и умѣли ихъ отражать, мало того, что заставляла правительство поощрять козацкіе обычаи въ пограничномъ городскомъ населеніи и относиться съ похвалами къ счастливымъ добычикамъ; она привела его къ необходимости прощать самыя тяжкія преступленія тѣмъ, кто прослужитъ четверть года въ пограничной стражѣ на собственномъ содержаніи и отличится какимъ-нибудь отважнымъ дѣломъ. Многіе баниты являлись въ Украину, отличались въ гонитвахъ за татарами, заслуживали потерянную честь и возвращались въ прежнюю среду. Но другіе оставались навсегда въ обществѣ пограничниковъ и вносили въ него особый элементъ буйства, выработанный на шляхетскихъ сеймикахъ и въ такъ-называемыхъ войсковыхъ зв'язкахъ (союзахъ). Благопріятствуемая положеніемъ Украины свобода во всѣхъ начинаніяхъ, возможность пріискать людей, готовыхъ на самыя отчаянныя предпріятія и слабое дѣйствіе законовъ, постановляемыхъ для Украины центральною властью, давали здѣсь каждому смѣлому характеру развиваться во всю ширину. Между тѣмъ общее въ началѣ стремленіе охранителей и колонизаторовъ Украины видоизмѣнялось подъ вліяніемъ при-

дворной политики, которая то призывала козаковъ подъ королевскія знамена, то принимала противъ нихъ мѣры, подавляющія врожденную имъ воинственность, а иногда дѣлала одно и другое разомъ. Вслѣдствіе этого, въ населеніи Украины образовалось двѣ среды: одна, которой выгоды совпадали съ распоряженіями центральной власти; другая, которой не возможно было существовать, не противодѣйствуя этимъ распоряженіямъ. Та и другая имѣли своихъ представителей, своихъ героевъ, которыхъ одни превозносили до небесъ, а другіе осыпали проклятіями. На мѣсто Дашковича, который, предводительствуя козаками, получалъ подарки отъ сеймовыхъ пановъ и награды отъ короля; на мѣсто Претвича, о которомъ благодарные паны говорили, что въ его время „спала отъ татаръ граница“, и другихъ козацкихъ предводителей, считавшихся въ Краковѣ „безупречными и знаменитыми Геркулесами“, — съ одной стороны, среди осѣдлой шляхты появились на военномъ полѣ магнаты, жаждавшіе уничтожить козаковъ до самого ихъ имени, а съ другой — изъ окозаченной массы украинскаго простонародья выступили на сцену вожди, мечтавшіе о разрушеніи Кракова и истребленіи шляхетства ¹⁾. Буйные волею, сильные духомъ, неутомимые въ несеніи военныхъ тягостей, тѣ и другіе, сравнительно съ обитателями внутреннихъ провинцій, были истинными „львами, жаждавшими одной кровавой бесѣды“. Не зная мѣры своему произволу, они доводили всякую свою затѣю до послѣдней крайности и, образуя вокругъ себя новыя поколѣнія необузданныхъ поборниковъ извѣстныхъ убѣжденій, готовили для государства грозу, которая потрясла его до основы.

Къ воспитанію въ пограничникахъ отваги на борьбу за свои убѣжденія много способствовала безпрестанно представлявшая-

¹⁾ Такъ доносилъ королю полевой гетманъ Жолковскій о возстаніи козаковъ, подъ предводительствомъ Наливайка.

ся, въ видѣ живыхъ примѣровъ, возможность потерять имущество, семейство, свободу и жизнь. Съ увеличеніемъ населенія отрожденной Руси, татарскіе набѣги сдѣлались такъ часты, что коронный гетманъ Жолковскій насчитывалъ на своей памяти 30 наѣздовъ „великою ордою“, не считая меньшихъ. Татары мало занимались ремеслами, торговлею, промыслами, не имѣли обширныхъ владѣній для взиманія дани, были заключены въ предѣлахъ скуднаго пастбищами полуострова, изъ котораго откочовывали къ роскошнымъ побережьямъ Днѣпра, Бога, Днѣстра не иначе, какъ подъ опасеніемъ козацкаго наѣзда. Поэтому польскія провинціи были для нихъ единственнымъ источникомъ обогащенія. Угоняли они скотъ, уносили всякую безъ различія движимость, но въ особенности дорожили ясыромъ, который продавали въ рабство на всѣ стороны востока. Восточное общество нуждалось въ безчисленномъ множествѣ рабовъ и рабынь разныхъ возрастовъ, а главными поставщиками этого товара были татары, добывавшіе его большею частью въ отрожденной Руси. Особенно жадно хватала орда въ плѣнъ дѣтей. Вмѣстѣ съ другими плѣнниками, шли они, какъ цѣнный товаръ, въ отдаленнѣйшія страны Азіи, а всего болѣе—въ Царьградъ. Дворъ и имперія султановъ опирались на личностей, не имѣющихъ въ Турціи родства и потому привязанныхъ къ своимъ повелителямъ, какъ объ этомъ пишетъ Янчаръ-Полякъ еще передъ 1500 годомъ. Покупныхъ дѣтей воспитывали въ султанскомъ сералѣ для службы въ яничарахъ и для занятія придворныхъ должностей, требующихъ особеннаго довѣрія. Такимъ образомъ цвѣтъ христіанской силы былъ обращаемъ невѣрными на podporу магометанства. Мысль эта еще болѣе усиливала впечатлѣніе, производимое на пограничныхъ жителей татарскими набѣгами. Подъ вліяніемъ ежедневно ожидаемыхъ случайностей, выработались въ Украинѣ черты нравовъ и обычаи, не встрѣчаемые въ другихъ областяхъ Польши и московской Руси. Одно время Украинцы поражаютъ наблю-

дателя глубокою грустью своихъ пѣсень и меланхоліею сердце, въ другое — склонностью къ отчаяннымъ предпріятіямъ, или какою-то безумною веселостью, которая какъ-бы усиливается заглушить великое, невыразимое горе. Отсюда у нихъ трагическая противоположность между видимою веселостью и иносказательною грустью, на примѣръ, въ свадебныхъ обрядахъ, или даже въ дѣтскихъ уличныхъ играхъ, сохранившихъ слѣды кровавыхъ битвъ и татарскихъ набѣговъ. До нашего времени уцѣлѣлъ особый отдѣлъ народныхъ пѣсень, такъ называемыхъ *невольничихъ*. Въ нихъ воспѣвается разлука мужей съ женами, сестеръ съ братьями и маленькихъ дѣтей съ отцемъ и матерью ¹⁾. Въ нихъ плѣнная наложница турецкаго баши, тоскуя о своей нравственной гибели, выпускаетъ изъ темницы козаковъ-невольниковъ, которые тридцать лѣтъ не видали божьяго свѣта и праведнаго солнца ²⁾; а запорожскій отаманъ пятьдесятъ-четыре года остается прикованнымъ къ скамьѣ на турецкой галерѣ-каторгѣ, гдѣ ренегатъ-шляхтичъ пригоняетъ гребцовъ къ работѣ окровавленной на ихъ обнаженныхъ спинахъ дозою ³⁾. Ужасы отдаленія отъ родной семьи, безотраднaго невольничества и безпощаднаго варварства порабитителей воспѣвались на Украинѣ со временъ первой ея колонизаціи и располагали умы народа къ трагическому созерцанію жизни. Отчаянная смѣлость, жажда хотя минутной радости, хотя той радости, какую даетъ надежда на успѣхъ покушенія, полное забвеніе послѣдствій и равнодушіе къ смерти — таковы были общія черты характеровъ, съ которыми панамъ-колонизаторамъ приходилось имѣть дѣло. Пока поселяне высиживали такъ-называемую волю, то есть льготные годы, пока на нихъ лежала одна военная повинность, — экономическія дѣла шли спокойнымъ ходомъ. На козацкій промыселъ въ дикія поля и за По-

¹⁾ См. въ приложеніяхъ къ 1-му тому думу *Невольничій плачъ*.

²⁾ См. тамъ же думу *про Марусю Богуславку*.

³⁾ См. тамъ же думу *про Кишку Самійла*.

роги пускался каждый, кому не сидѣлось въ пасікѣ, у кого не было охоты „спотыкаться по борознамъ“. Отношенія между черно-рабочимъ и господствующимъ классомъ были мирныя, основанныя на добровольныхъ сдѣлкахъ и взаимныхъ выгодахъ. Возвращавшіеся изъ *заполя* съ добычею козаки и торговые люди съ рыбою, солью и чужеземными товарами, весело собирались на ярмаркахъ, гдѣ продавались шкуры дикихъ звѣрей, убитыхъ въ низовыхъ входахъ, или турецкіе сафьяны, добытые наѣздомъ на подгородныя очаковскія, бѣлогородскія, тягинскія поселенія, или одежды, снятыя на войнѣ съ татарскихъ муръвъ и турецкихъ башей, или, наконецъ, кони, пойманные послѣ удачной схватки съ азіятскими наѣздниками; и тутъ же кобзари звонили въ металлическія струны подъ речитативъ, которымъ, съ геометрическими подробностями, описывали то бѣгство козаковъ изъ неволи, черезъ безводныя степи ¹⁾, то сожженіе турецкаго корабля среди моря и дѣлежъ добычи. На мрачномъ фонѣ, составлявшемъ перспективу пограничной жизни, въ виду висящей надъ украинскимъ горизонтомъ тучи татаръ и турокъ, весело, шумно и пестро играла ни-къмъ нестѣсняемая козацкая, пахарская и мѣщанская жизнь. Убожество пограничныхъ поселянъ часто смѣнялось приливомъ богатства — отъ урожая полей, отъ обилія медового сбора, а что было всего отраднѣе для украинскаго сердца — отъ удачныхъ походовъ противъ невѣрныхъ. Босыя поселянки, жены, дочери и возлюбленныя смуглолицыхъ, обоженныхъ пороховомъ героевъ-добычниковъ, появлялись посреди народной толпы въ парчевыхъ кунтушахъ, въ кораллахъ, которымъ никто не зналъ вѣрной цѣны, и въ золотыхъ ожерельяхъ, сорванныхъ козацкою рукою съ гаремныхъ затворницъ. Плачь по убитымъ и уведеннымъ въ неволю смѣшивался, на хмѣльныхъ пирушкахъ, съ кликами радости

¹⁾ См. тамъ же думу *про трѣхъ братівъ*. — Все это названія, подъ которыми извѣстны думы въ устномъ репертуарѣ пѣвцовъ-кобзарей. Digitized by Google

счастливыхъ добычниковъ и угрозами „окурить мушкетнымъ дымомъ стѣны султанской столицы.“

И казалось пограничникамъ, что у нихъ не будетъ другой тягости, кромѣ убожества, прогонявшаго козаковъ изъ дому на опасный промыселъ, — что у нихъ не будетъ другой бѣды, кромѣ той, которая постоянно грозила имъ изъ-за степныхъ могилъ и сторожевыхъ шанцевъ. Но паны, охватившіе своими имѣніями весь юговостокъ за Кіевомъ, Каневомъ, Черкасами, Бѣлю-Церковью и далѣе до пограничнаго со стороны Молдавіи Каменца Подольскаго, мало-помалу начали дѣлать ощутительнымъ присутствіе польскаго права въ Украинѣ. Козаки въ началѣ не обращали вниманія на ту власть, которая сеймовымъ постановленіемъ 1590 года давалась надъ ними мѣстной шляхтѣ, и не завидовали размноженію въ Украинѣ панскихъ имѣній. Мѣстная шляхта тянула тогда въ одинъ гужъ съ козаками, жила съ ними за панибрата, хаживала козацкимъ обычаемъ на военный промыселъ, а ея имѣнія, при обиліи незанятыхъ никѣмъ земель въ Украинѣ, вовсе не стѣсняли козаковъ, напротивъ, еще обезпечивали ихъ семействамъ безопасность отъ татарскихъ набѣговъ. Но заселеніе украинскихъ пустынь шло съ быстротою невѣроятною; панскія села и мѣстечки густѣли съ каждымъ годомъ; земля чаще и чаще дѣлалась между пограничными жителями предметомъ кровавыхъ споровъ; недвижимая собственность дорожала, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и прежнія отношенія между панами и козаками. Украинскіе дворяне съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе обособлялись отъ козаковъ въ своемъ быту и интересахъ; сельское хозяйство, на плодородной почвѣ, вознаграждало ихъ за труды вѣрнѣе, чѣмъ хожденіе съ козаками на военный промыселъ; съ улучшеніемъ общественнаго быта, явилась потребность въ болѣе строгой администраціи; на повѣтовыхъ сеймикахъ изыскивались мѣры къ обузданію всякаго своевольства, а всего больше — козацкаго; наконецъ, явилась настоятельная надоб-

ность въ рабочихъ рукахъ для множества новыхъ колоній, сгущавшихся на пограничьяхъ; отъ свободныхъ поселянъ, составлявшихъ козацкія семейства, землевладѣльцы-паны стали требовать чиншѣй и панщины, а старинныя козацкія займища называли землею панскою. Этого мало: изъ *панской земли*, на которой очутился не знавшій надъ собою пана украинець, ему, какъ *подданному* панскому, запрещали выходить, когда понадобится, за Пороги и въ дикія поля. Вслѣдъ затѣмъ паны-землевладѣльцы начали увеличивать медовыя и другія дани, ввели поволощину отъ стада и покуховщину отъ варенья напитковъ, стали брать плату съ жернововъ, отдавать въ аренду рыболовныя мѣста, взимать мыто при въѣздѣ въ городъ и села на ярмарки. Словомъ — устроили въ Украинѣ новую Польшу. Старобыты королевскихъ имѣній были тѣ же помѣщики и дѣйствовали въ стародствахъ, какъ и въ своихъ наслѣдственныхъ селахъ, а что было всего обиднѣе для селянъ — распорядились не сами лично, а предоставляли свою власть намѣстникамъ, мелкимъ державцамъ и арендаторамъ, которые, по словамъ украинской лѣтописи, „ихъ же саломъ по ихъ шкурѣ мазали, отнявши у мужика, панамъ давали.“ То, отъ чего отцы и дѣды украинскихъ поселянъ уходили изъ глубины шляхетчины, по ихъ слѣдамъ пришло въ Украину. Изъ Украины переселенцамъ некуда было уходить далѣе, развѣ въ татарскую и турецкую неволю. Оставалось — или подчиниться панскимъ порядкамъ, то есть польскому, панскому, такъ-названному княжескому праву, или отстаивать неcodифицированную равноправность, во что бы то ни стало. Мѣстныя условія и современное положеніе дѣлъ благоприятствовали послѣднему.

ГЛАВА VI.

Козацкій самосудъ и распространеніе козацкаго присуду на низшіе слое общества.— Остатки княжескихъ дружинъ въ Украинѣ—конные и путные бояре.— Наплывъ въ Украину польской неосѣдой шляхты и ея роль.— Представители знатныхъ русскихъ фамилій въ составѣ первобытнаго козачества.— Переходъ добровольной ассоціаціи труда въ невольную.— Низовое козачество заслоняетъ королевскія и панскія имѣнія отъ татарскихъ набѣговъ.

Ссоры между козаками и шляхтою начались, можно сказать, со временъ незапамятныхъ. Поводъ къ нимъ подавалъ уже одинъ противоположный взглядъ той и другой стороны на право владѣнія землею. Не разъ козацкая займанщина должна была сопріеоснуться съ займанщиною панскою, по мѣрѣ того какъ гуще и гуще дѣлались панскія слободы въ Украинѣ. Козаки, не зная по книгамъ, но сознавая въ душѣ *jus primi occupantis*, отставвали свои пастбища и ланы противъ притязаній шляхты, которая сперва владѣла ими *de jure*, а потомъ захотѣла владѣть и *de facto*. Шляхта, искони воинственная на пограничѣ, не спускала козакамъ и, отличаясь превосходствомъ военныхъ средствъ, легко брала надъ ними перевѣсъ. За всякою побѣдою надъ сословіемъ, которому польское право отказывало въ землевладѣніи, она дѣлалась полнымъ собственникомъ нѣкоторой части старинныхъ займищъ козацкихъ и, слѣдовательно, налагала тягость подданства на ихъ обитателей. Такъ говорить, по дошедшимъ до него

преданіямъ, венгерско-польскій историкъ Грондскій, но прибавляетъ, что шляхтъ не легко было утвердить это подданство за собою, такъ какъ и передъ самой Хмельничиною всё еще оставалось много пустыхъ, недоступныхъ для шляхты земель, куда покоренные уходили по примѣру своихъ предковъ и устраивали тамъ новыя и вольныя „осады“.

Польскіе моралисты нашего времени упрекають козаковъ стараго вѣка въ томъ, что они, будучи издавна народомъ свободнымъ и, по своему рыцарскому значенію относительно борьбы съ невѣрными близко подходившимъ къ характеру шляхты, не вошли съ нею въ такое единеніе, какъ жители литовско-русскихъ „застѣнковъ“, съ которыми польская шляхта еще при Сигизмундѣ-Августѣ подѣлилась гербовыми своими знаками и привилегіями. Это потому, говорятъ они, что полудикіе казаки ни на что не хотѣли промѣнять своей разбойничьей и хищной жизни. Но едвали не будетъ справедливѣе сказать, что идея шляхетства была чужда козакамъ не по хищническому роду ихъ жизни, а потому, что она противорѣчила основнымъ понятіямъ народной массы украинской. Вѣчевое право удѣльнаго періода, по которому князья были не вотчинниками, не владѣльцами земли, а только правителями, не государями, а только господами, преобразилось у этой массы въ право копное, далеко опередившее, даже по дошедшимъ до насъ памятникамъ, появленіе княжескаго или польскаго права въ Украинѣ; а копные суды, вызывавшіе къ отвѣту самого дідича, то есть землевладѣльца, наравнѣ съ крестьянами, отозвались потомъ, при посредствѣ магдебургскаго права, въ образованіи судовъ церковно-братскихъ, по которымъ власть духовенства контролировалась мірянами, и недостойный своего сана епископъ могъ быть удаленъ братствомъ отъ управленія епархією. Всѣ эти черты самосуда и самоуправленія приняли самыя выразительныя формы въ устройствѣ козацкой корпораціи, основанной на идеѣ полного равенства передъ закономъ или передъ

олицетвореніемъ закона въ предводителяхъ, избранныхъ вольными голосами. „Гдѣ два козака, тамъ они третьяго судятъ“: эта народная аксіома распространялась не на одно военное, такъ сказать, привилегированное сословіе въ Украинѣ (козаки были только конкретнымъ выраженіемъ того, чѣмъ каждый *могъ* быть и, въ случаѣ надобности, *долженъ* былъ быть). Она, очевидно, старѣе того козачества, которое извѣстно намъ по письменнымъ преданіямъ ¹⁾. Вкоренившееся вѣками признаніе одинаковыхъ человѣческихъ правъ за каждымъ членомъ ихъ общества дѣлало козаковъ неспособными даже и къ такой нобилитациі, какую представляетъ придуманный панами выборъ изъ нихъ „лучшихъ людей“ для вписанія въ реестръ козацкій. Козаки пользовались этимъ отличіемъ только для полученія назначеннаго имъ по реестру жалованья; въ сущности же число ихъ опредѣлялось не войсковымъ спискомъ, а интересомъ предстоявшаго похода, и сами короли содѣйствовали, подъ нужду, свободному развитію козачества такъ называемыми приповѣдными листами, приглашавшими подъ козацкія хоругви людей всякаго рода и званія. Когда понятіе о равенствѣ притупилося въ разбогатѣвшихъ козацкихъ старшинахъ, которые поладили съ панами и стали смотрѣть свысока на Запорожье, — козаки начали сперва тайно, а потомъ явно нобилитоваться, и даже въ договоръ съ московскимъ царемъ включили статью о томъ шляхетствѣ, которое пошло въ козаки противъ шляхты польской; но то было уже начало разложенія козачества, по почину самого ихъ предводителя, пожелавшаго быть наслѣдственнымъ княземъ, подъ видомъ равноправнаго гетмана.

Каковы бы, впрочемъ, ни были причины ихъ задоровъ и ссоръ съ панами, но панскіе порядки въ Украинѣ и панскія

¹⁾ Подчиненіе воли одного суду двоихъ, и слѣдовательно многихъ, выразилось также въ пословицѣ: *Коли два кажуть: „пьяный“, то лий спати.*

стремленія сдѣлать изъ Украины то, что уже было сдѣлано изъ другихъ польскихъ провинцій, были главными стихіями, изъ которыхъ козаки съ одной стороны, а шляхта съ другой — черпали свою взаимную недовѣрчивость, неприязнь и, наконецъ, ожесточенную вражду. Защищая пановъ, какъ колонизаторовъ опустошенной татарами страны, польскіе моралисты воображаютъ защищать въ ихъ лицѣ дѣятелей цивилизаціи противъ степныхъ варваровъ, чуждавшихся ея благъ. Дѣйствительно, цивилизація много потеряла отъ козацкихъ возстаній. Жаль намъ тѣхъ многочисленныхъ пасігъ, тѣхъ фруктовыхъ и даже виноградныхъ садовъ, о которыхъ сохранились преданія, того земледѣлія и скотоводства, которое начало было принимать въ Украинѣ такіе громадныя размѣры, и, наконецъ, ремесль, которыя естественно процвѣтають въ богатой мѣстными продуктами странѣ¹⁾. Но насъ успокаиваетъ мысль, что съ польскою культурой было неразлучно рабовладѣніе; что отъ козацкихъ возстаній пострадала не та цивилизація, которая приходитъ къ народу путемъ экономического и умственного развитія массы, а та, которая, развивая удобства жизни, политическія идеи и вкусъ къ изящному въ одномъ сословіи на счетъ другихъ, приводитъ все гражданское общество къ деморализаціи. Знали козаки, или нѣтъ, къ чему именно пришли бы они, подчинясь польскому праву, намъ не извѣстно. Они, по отношенію къ потомству, которому оставили такъ мало письменъ своихъ, дѣлали свое дѣло, можно сказать, молча. Зато не только въ своихъ осадахъ и куреняхъ управлялись собственными, отъ самихъ себя поставленными властями, и не только не признавали надъ собою никакого другого права²⁾,

¹⁾ Изъ дневника Ласоты, императорскаго посла на Запорожье, мы знаемъ, что запорожцы во время походовъ не нуждались ни въ какихъ мастерахъ для починки оружія и другихъ подѣлокъ военныхъ. Бопланъ, нѣсколько позже, говоритъ же самое.

²⁾ „Volumina Legum“, III, 122: „Osobne sobie sędzie y starsze postanowiwszy, przed żadnym prawem, iedno przez się ustanowionemi Atamany stawać niechca“.

но еще вводили свою форму суда и въ городахъ. Они — выражаясь тогдашнимъ терминомъ — не хотѣли знать „присуду“ королевскихъ старостъ и забирали городскихъ и сельскихъ жителей подъ собственный козацкій присудъ такъ что, гдѣ были козаки, тамъ королевская администрація дѣлалась недѣйствительною ¹⁾. Освобожденіе городовъ отъ козацкой юрисдикціи составляло предметъ постоянныхъ заботъ представителей шляхты на сеймахъ; мѣры принимались за мѣрами, однѣ другихъ безуспѣшнѣе, такъ какъ исполнительная власть не соответствовала законодательной; наконецъ, въ 1638 году, за десять лѣтъ до начала Хмельницыны, запрещено было мѣщанамъ отдавать дочерей своихъ въ замужество за козаковъ и продавать козакамъ какую бы то ни было недвижимую собственность. Козаки между тѣмъ ерѣпли — и какъ военная корпорація, и какъ полумѣщанское сословіе. Утвердясь на Низу, они свою Січь сдѣлали школою рыцарства для всѣхъ недовольныхъ панскими порядками въ Украинѣ, для всѣхъ завистниковъ панскаго благоденствія, для всѣхъ обиженныхъ панами въ качествѣ претендентовъ на владѣніе *батьківщиною*, то есть батьковскимъ займищемъ.

Мы еще будемъ имѣть случай указать, что козакованье было для нихъ не столько рыцарствомъ, въ смыслѣ призванія, не столько идеею соціального отпора, а тѣмъ менѣе реакціи политической, сколько простымъ промысломъ, будничнымъ добываньемъ насущнаго хлѣба, — такимъ точно, какъ то, изъ-за котораго черкасскіе мѣщане тягались — то съ кievскими чернецами, то съ королевскимъ старостою Пенькомъ. Теперь скажемъ только, что первый періодъ козачества былъ вовсе не то, что второй, равно

¹⁾ Id. II, 465: „Kozacy... zwierchność Starostow naszych nie przyznawaią, ale Hetmany swe, y inszą formę sprawiedliwości swey maią: czym miasta, y mieszczany nasze uciskaia, władzę urzędniow naszych, y Uvząd Ukrainny mieszaia ect.—Miasta też nasze y mieszczanie, chcemy aby się pod ich iurisdycye nie podawali, y synom swym tego czynić nie pozwalali, *sub missione bonorum et poena captis.*

какъ второй не то, что послѣдующіе. Предпріимчивый духъ, почти угаснувшій нынѣ въ украинскомъ народѣ, въ XVI и XVII вѣкѣ олицетворялся въ козакахъ соотвѣтственно потребностямъ страны. Козаки являлись представителями живой силы, тѣснимой панскою цензурою, которая стремилась заковать эту силу въ неподвижный status quo, и въ этомъ случаѣ правы тѣ историки, которые называютъ украинскихъ козаковъ (другихъ мы имъ охотно уступаемъ) врагами государственности, разбойниками, ненавистниками гражданского порядка. Всѣ сословія перебивали въ козакахъ единично, всѣ опирались на нихъ корпоративно, всѣ находили въ ихъ устройствѣ подѣ нужду свое искомое; но ни одно сословіе не вдохнуло въ нихъ своего духа, по той причинѣ, что status quo былъ общій идеалъ всѣхъ партій, и ни одна не могла проникнуться полною радикальностью, за исключеніемъ козачества. Такъ же точно всѣ сосѣднія державы, и даже отброшенная далеко Швеція, старались воспользоваться козаками, какъ пользуются огнемъ для временныхъ надобностей; но ни одна не могла примириться съ ихъ идеаломъ равноправности. Тогдашняя современность недалеко ушла отъ среднихъ вѣковъ. Ни одно гражданское общество не было способно принять въ свою среду эту свободную дружину и дать ей свою государственную чеканку. А надо отдать честь польской шляхтѣ, что она соотвѣтствовала больше этой задачѣ, нежели какое-либо изъ тогдашнихъ государствъ. Козачество было не что иное, какъ осуществленіе народнаго идеала равноправности въ грубой формѣ, обусловленной его положеніемъ. Шляхетство, съ другой стороны, было не что иное, какъ осуществленіе идеала старопольской сельской гмины ¹⁾, подѣ влияніемъ сосѣдняго феодализма. Еслибы не ксензы съ ихъ наукою властвовать и поработаться, такія попытки къ ближенію, каковую представляетъ Самуиль Зборовскій, не говоря о многихъ

¹⁾ См. „Staropolska wiejska Gmina“, przez A. Maciejowskiego („Dziennik Powszechny“ 1861, № 414—415).

другихъ, могли бы привести къ тому, что Польша стала бы во главѣ Славянщины, какъ величайшій изъ новыхъ народовъ. Но обратимся къ убогой умомъ и благородствомъ дѣйствительности.

Въ первомъ періодѣ козаки были не что иное, какъ козакующая противъ татаръ панская пограничная стража, которою предводительствовали тѣ, чья была земля. Земля *de jure* принадлежала — или королю, или панамъ. Въ первомъ случаѣ, король предоставлялъ своимъ старостамъ, какъ представителямъ своей власти, пожизненное владѣніе землею, съ правомъ чинить судъ и расправу въ предѣлахъ староства, такъ какъ бы это дѣлалъ самъ, находясь въ своей королевщинѣ. Во второмъ случаѣ, паны землевладѣльцы являлись еще болѣе точнымъ повтореніемъ короля въ уменьшенномъ видѣ, какъ государя относительно подданныхъ. Подданные въ Украинѣ были двухъ сортовъ: королевскіе и панскіе. Королевскіе находились подъ присудомъ старость, панскіе — подъ присудомъ дідича, или вотчинника. Тѣ и другіе были призываемы въ пограничныя воеводства для заселенія края и извлечения изъ него доходовъ въ пользу собственниковъ земли — короля и пановъ. Чтобы они могли успѣшно исполнять свою функцію, нужна была охрана. Эту охрану устраивали старосты для королевскихъ, а паны — для своихъ собственныхъ имѣній. Охрана составлялась изъ элементовъ неоднобразныхъ и неравносильныхъ.

Въ польской Украинѣ, въ которую, по смыслу слова, слѣдуетъ включать и Червоную Русь, уцѣлѣлъ отъ татарскаго періода остатокъ княжескихъ дружинниковъ, извѣстный подъ именемъ бояръ и вольныхъ слугъ. Бояринъ у варягорусскихъ князей былъ тотъ же слуга, но только слуга-большакъ. Бояре относительно князя были то, что у козаковъ *отаманье* — относительно гетмана, кошового или полковника. Съ уничтоженіемъ государящихъ князей, южнорусскіе бояре, вмѣстѣ съ рядовыми слугами, остались безъ работы, какъ соціальное тѣло; разбрелись въ чужіе края, гдѣ находили по себѣ службу, на примѣръ, къ сѣвернорусскимъ удѣль-

нымъ и великимъ князьямъ (еще съ XIV-го вѣка), а не то — расбѣвались по землямъ новыхъ владѣльцевъ или входили въ иль прибочную оружную компанію. Право отъѣзда отъ одного князя въ другому сохранили они въ своемъ обычаѣ по преданію. Такой отъѣздъ совершился въ большихъ размѣрахъ въ Червонной Руси, гдѣ позже другихъ украинскихъ мѣстностей уничтожились русскіе князья, съ своимъ самостоятельнымъ „русскимъ правомъ“. Лишь только введено было тамъ Казимиромъ III право польское, бояре массами оставляютъ этотъ край и эмигрируютъ — болѣе сильныя за Карпаты, а слабѣйшіе на Подолье и въ Кіевщину. Отсюда пошло письменное преданіе, что будтобы козачество обязано своимъ существованіемъ выходцамъ изъ Червонной Руси. Червонная Русь дала и постоянно давала контингентъ козачеству, но оно вызвано было колонизаціею окраинъ Польско-Литовскаго государства послѣ татарскаго лихолѣтя, а не упраздненіемъ дружинной службы. Въ XVI вѣкѣ, съ котораго мы начинаемъ имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о козакахъ, значеніе боярства, въ смыслѣ сословія, ослабѣло и тамъ, гдѣ гетманили не старосты и дідици, а удѣльные и великіе князья, то есть въ Сѣверной Руси; оно впадо въ неопредѣленность, потеряло юридическое значеніе. Въ Украинѣ бояринъ иногда значилъ меньше, чѣмъ мѣщанинъ, иногда больше; а такъ какъ это сословіе искони не было землевладѣльческимъ, а только служилымъ, въ смыслѣ княжескихъ глазъ и рукъ, то боярамъ и не пришлось удостоиться юридическаго равенства съ сословіемъ гербованнымъ, тогда какъ мѣщане, въ важныхъ должностяхъ своихъ, пользовались шляхетскими правами и, въ качествѣ землевладѣльцевъ, участвовали, до извѣстнаго времени, въ сеймовыхъ собраніяхъ. Измельчавшіе такимъ образомъ бояре продолжали удерживать имя свое, какъ и въ званіи руководящихъ панскихъ слугъ, такъ и въ званіи старостинскихъ службниковъ, даже и тогда, когда паны не отличали уже ихъ отъ мужиковъ, отъ собственно такъ называемыхъ подданныхъ. Только

въ составѣ козацкой корпораціи переставали они именовать себя боярами, и предпочли названіе *козакъ* названію *бояринъ*. *Similia similibus gaudent*. У князей варягоруссовъ бояре и вольные слуги козаковали противъ половцевъ, печенѣговъ или противъ осѣдлей совершенно такимъ способомъ, какъ у королевскихъ старостъ и вотчинныхъ дѣдичей — противъ соответственныхъ представителей непріязненнаго имъ элемента. Одинаковость экономическихъ и стратегическихъ потребностей вызвала повтореніе дружиннаго начала при другой, уже феодально-абсолютной политической системѣ на мѣсто федеративно-вѣчевой, какая существовала на Руси въ до-татарскій періодъ. Но доколѣ существовалъ бы варягорусскій строй жизни, до тѣхъ поръ не могло бы образоваться самостоятельное козакованье дружинниковъ. Чуждый дружинному и вѣчевому началу абсолютный феодализмъ, введенный сперва литвинами, а потомъ поляками въ достояніи Владимира Кіевского, этого собирателя русской земли въ духѣ славянскомъ, привелъ къ раздѣленію одной ассоціаціи воинственныхъ администраторовъ на двѣ ассоціаціи, которыя были похожи съ виду и даже уживались между собой по однородности занятій, но въ основномъ принципѣ расходились діаметрально, и могли ужиться только подъ условіемъ полного пересозданія одной въ другую, то есть такого пересозданія, чтобы—или феодалы усвоили себѣ дружинное начало, или дружинники вошли въ составъ привилегированныхъ феодаловъ. Долговременная борьба ихъ за свои соціальныя понятія показала, что, какъ одно, такъ и другое было невозможно. Былое наше имѣетъ на нашу будущность гораздо больше вліянія, нежели многіе думаютъ. Причины упорства на своемъ двухъ лагерей, козацкаго и шляхетскаго, скрываются во временахъ до-надлубковскихъ, и восходятъ, пожалуй, ко временамъ формациі міра славянскаго и міра нѣмецкаго.

Возвращаясь къ старостамъ и вотчиннымъ дѣдичамъ русскимъ, этимъ удѣльнымъ князьямъ, воскреснувшимъ послѣ татар-

скаго погрома и литовскаго террора подъ дыханіемъ тевтонской жизни, скажемъ, что бояре отличались отъ черни случайнымъ владѣніемъ землею на правахъ вотчинниковъ, гораздо чаще на правѣ помѣстномъ, но главное отличіе ихъ составлялъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, не замѣченный даже законодательствомъ, которое, исходя изъ интересовъ землевладѣльческихъ, а не государственныхъ, строго, хоть и безуспѣшно, оберегало присутствіе рабочей силы въ хозяйственныхъ единицахъ, но не стѣсняло лицъ служилыхъ. Бояре, по старинѣ, были слуги, а не работники. Будучи руками и глазами самихъ землевладѣльцевъ, они были народъ, крайне необходимый при тогдашней разбросанности поселковъ и пустынности всей литовской польской Украины. Потому-то бояре носили названія *путныхъ*, въ соотвѣтствіе *chodaszkowej szlachty* польскихъ хозяевъ и *конныхъ* бояръ, которые въ русскихъ провинціяхъ соотвѣтствовали *przjasielom*, призывальцамъ, полударовымъ хлѣбоѣдамъ польскаго экономическаго быта. Слугою дѣлался у пановъ каждый неосѣдлый, но вмѣстѣ также и не прикрѣпленный къ землѣ, въ томъ числѣ и шляхтичи, такъ сказать, примазавшіеся къ шляхтѣ родовой, или же измелчавшіе родовики, соотвѣтствовавшіе боярскимъ дѣтямъ у сѣверной руси. Въ польскихъ провинціяхъ такая безземельная шляхта, подъ именемъ *brukowej szlachty*, готова была къ услугамъ сеймующихъ или конфедерирующихъ пановъ за кусокъ хлѣба и за кувель пива; въ провинціяхъ русскихъ она бѣдствовала гораздо меньше, и поэтому-то переходила весьма часто изъ коренной Польши въ польскую Русь или, говоря относительно, въ Украину, которая этимъ голоднымъ „братьямъ“ сытыхъ помѣщиковъ польскихъ, больше нежели кому или чему другому, обязана преувеличенными слухами о своемъ богатствѣ. Какъ золотые сны о Мексико и Перу увлекали за океанъ земляковъ Кортеса и Пизарро, такъ голодное воображеніе тянуло къ намъ изъ Польши людей, которыхъ сословный предразсудокъ удалялъ отъ занятій

ремеслами и грамотством¹⁾. Они-то по преимуществу бывали рукодайними слугами у потомственных землевладѣльцевъ и прибѣчными служебниками у землевладѣльцевъ помѣстныхъ, то есть у королевскихъ старостъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ они вносили въ мѣстную администрацію закваску, подобную той „малой закваскѣ“, о которой сказано, что она все тѣсто заквашиваетъ. Украинская пословица: *не такъ паны, якъ паненята*, обязана имъ своимъ происхожденіемъ. Они, какъ это часто случается, приносили съ собою тотъ самый духъ господства надъ слабѣйшимъ или зависимымъ, который томилъ ихъ самихъ на родинѣ. Они, подстрекая землевладѣльцевъ русскихъ къ панованью польскому, были пропагандистами ссоры панскихъ подданныхъ съ попами, а королевскихъ съ старостами, и первые подавали примѣръ разрыва добровольной ассоціаціи бѣгствомъ отъ пановъ за Пороги или въ козацкіе выселки среди недоступныхъ еще для пана пустынь. Въ старостинскихъ замкахъ они представляли въ себѣ королевскимъ намѣстникамъ, этимъ своего рода сатрапамъ королевскимъ, готовое орудіе для превращенія необходимо вольной въ началѣ ассоціаціи въ громаду, которая принуждена была слушаться рабски того, кто прежде былъ не столько старостою, сколько „громадскимъ мужемъ“. И вотъ, дѣлясь выгодами своего положенія съ немногими, староста заставлялъ повиноваться себѣ многихъ, въ томъ числѣ и самихъ дружинниковъ. Они, эти

¹⁾ Последній предразсудокъ сообщили они отчасти и козачеству, въ которое постоянно входили, какъ безпокойно-дѣятельный ингредиентъ. Якимъ Сомко, во второй половинѣ XVII вѣка, унижилъ себя во мнѣніи козацкаго общества тѣмъ, что имѣлъ *крамниа помора*, а въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху возрожденія козачества, сдѣлавшагося уже анахронизмомъ, на правой сторонѣ Днѣпра, типическій, такъ называемый малеванный запорожець говоритъ:

Якъ хочь менѣ назови,
 На все позволяю,
 Аби тілько не крамаремъ,
 Бо за те поляю.

недобитки можновладства польскаго, учили мѣстнаго уроженца старосту добывать выборное начало, котораго не могли искоренить въ нашемъ обществѣ ни татарскіе, ни литовскіе порядки, и, натурально, готовили въ будущемъ ту реакцію польскому праву, которая выразилась при Конашевичѣ-Сагайдачномъ героическимъ возстановленіемъ выборнаго начала, какъ въ обществѣ, такъ и въ самой церкви русской, а при Богданѣ Хмельницкомъ — рядомъ неслыханныхъ разбоевъ.

Не забѣгая впередъ, поспѣшимъ замѣтить, что эти же самыя люди доставляли козачеству, въ дополненіе къ татарски-воинственному контингенту, контингентъ европейски-воинственный. Выходцы изъ глубины Польши, гдѣ, какъ указано выше, и вокругъ Кракова существовала Русь, состояли не изъ одной бруковой шляхты, не изъ однихъ тѣхъ, которые, по словамъ Михалона Литвина, привыкли къ своей Литовщинѣ еще въ постели кричать: „вина! вина!“ не изъ однихъ такихъ, которыхъ нашъ холмскій землякъ, а польскій писатель, Рей, ставитъ ниже лѣсныхъ волковъ по грубости ихъ общественныхъ увеселеній. Между выходцами попадались и такіе люди, какъ Предисловъ Лянцкоронскій, стѣвавшій войны съ невѣрными въ самой Азіи, окончившій полный курсъ рыцарства въ европейскихъ арміяхъ и вполне соотвѣтствовавшій похвалѣ, которую такъ щедро расточаетъ древній летописецъ древнимъ полякамъ: *Non dominandi ambitus, non habendi urgebat libido, sed adalte robur animositatis exercebat, ut praeter magnanimitatem, nihil magnum estimarent.* Если бы не эта другого рода закваска козачества, никогда бы оно не совершило такихъ подвиговъ колонизаціи, о какихъ не смѣлъ мечтать ни „мудрый“ Ярославъ, устроившій поселеніе „по Ръси“, ни тотъ предприимчивый князь, чьи „комони ржали за Сулою, чьи трубы трубили въ Новѣградѣ.“ При этомъ надобно имѣть въ виду, что въ рядовомъ козачествѣ, возникшемъ изъ положенія края, были, такъ сказать, офицеры изъ

высшаго сословія, которые назывались взаимно *товарищами*, доколѣ ходили въ козаки или козаковали. Въ польскомъ коронномъ войскѣ товарищами назывался весь его шляхетный контингентъ (выбранецъ, наемный нѣмецъ и проч. товарищемъ не назывался); коронно-войсковой шляхтичъ терялъ это почетное званіе только тогда, когда дѣлался поручикомъ, ротмистромъ и т. д. Въ старостинскихъ и панскихъ ополченіяхъ служили частію весьма знатные землевладѣльцы, которые нерѣдко дѣлались предводителями козачества, въ качествѣ выборныхъ козацкихъ гетмановъ. На примѣръ, въ половинѣ XVI вѣка судебные ораторы, въ своихъ рѣчахъ передъ королемъ и сенаторами, называютъ козаками князя Константина-Василія Острожскаго и князя Димитрія Сангушка наряду съ Дашковичемъ, Претвичемъ, Сверчовскимъ. Ходить въ козаки было въ началѣ дѣломъ самымъ почетнымъ, и въ образованіи козачества участвовали лучшіе люди и лучшіе воины въ польско-русскомъ дворянствѣ. Не панская прихоть, не безотчетное рыцарское удалство заставляло знатныхъ пановъ ходить въ козаки, но то самое чувство, которое внушало князю Игорю опозитизированное желаніе испить шеломомъ Дону. Русская земля выполняла всё одну и ту же функцію, будучи расположена у края Европы, и мы можемъ называть ее Украиной въ самомъ почетномъ смыслѣ, помня, что она, со временъ Кіевскаго Владимира, была постоянно обращена лицомъ къ азіатскому, разрушительному міру. Названіе Малая Русь или Южная Русь, или польско-литовская Русь не выражаютъ роли этой страны въ исторіи европейской культуры, — той роли, которую присвоиваетъ себѣ Польша, не понимавшая Украины ни политически, ни исторически. Впослѣдствіи изъ этихъ волонтеровъ дѣлались воеводы, каштеляны, стражники, коронные гетманы. Старостинскій или панскій замокъ, дикое поле или татарскій шляхъ были для нихъ школою, въ которой они изучали не одно искусство боя съ невѣрными, но — что было гораздо важнѣе — самую страну, это невѣдомое,

тайнственное, опасное море степей украинно-татарскихъ, — невѣдомое до того, что за составленіе весьма недостаточной карты татарскихъ шляховъ, галицко-русскій панъ Сінавскій получилъ въ свое время отъ короля такую награду, какія давались только за государственныя заслуги. Гетмановать въ тѣ времена значило быть вождемъ, водить войско, а водить войско значило знать мѣстность и въ стратегическомъ отношеніи, и въ отношеніи водопоевъ, пѣши, живности, на возможно широкомъ пространствѣ, по которому татары бродили — то въ качествѣ помадовъ, то въ качествѣ добычниковъ ¹⁾. Разбой, если позволительно здѣсь такъ выразиться, противопоставлялся разбою, скитанье — скитанью, выносчивость — выносчивости. Это была служба ежедневная и еженочная, потому что татары жили почти одной только добычею. Молодой человекъ, упражнявшій способности свои подъ предводительствомъ какого-нибудь князя Рожинскаго, не забытаго народною пѣсенною музою донинѣ, развпвался на пограничѣ во всю ширину врожденныхъ доблестей своихъ. „Atque ita Podolii“, говорить одинъ изъ Геродотовъ новой Скиѣи, „nocte ac dies bello continuo vitam totam transigunt. O vivos omni genere praemiorum dignos!“

Въ главѣ I-й я говорилъ о томъ, какъ литовско-русская торговля съ Греціею отхлынула съ береговъ Чорнаго моря, переставшаго быть *гостепріимнымъ* (pontus euinus) по водвореніи туруковъ въ Царьградѣ. Теперь слѣдуетъ сказать, что со стороны русскихъ людей постоянно наносился вредъ турецко-татарской торговлѣ на томъ важномъ торговомъ пути, который Сарницкій называетъ знаменитымъ „битымъ шляхомъ“ (via trita et celebris)

¹⁾ И послѣ Хмельничины еще знаніе страны не потеряло важности, которую имѣло оно во времена Сінавскаго. Петро Дорошенко избранъ былъ за него въ гетманы. „Онъ — козакъ старый и поля знаетъ“, говорили казаки на избирательной радѣ, на конвокаціонномъ сеймѣ козацкомъ, и рѣшили выборъ въ пользу Дорошенка.

и который велъ отъ Бѣлгорода (*Theodosia dicta veteribus*) къ Очакову. На караваны, шедшіе этимъ путемъ съ богатствами эксплуатируемой завоевателями имперіи черезъ Очаковъ на Москву или на Астрахань, а оттуда возвращавшіеся съ произведеніями звѣроловнаго сѣвера и плодоноснаго востока, русскіе добычники нападали разбойническимъ обычаемъ. Пограничные старосты воспользовались этимъ торговымъ путемъ для того, чтобы добыть языка и развѣдать, что замышляютъ враги, или что дѣлается въ Турецкѣ и Татарскѣ. Для этого посылали они на „битый шляхъ“ собственно такъ называемыхъ козаковъ, людей, весьма легко вооруженныхъ и способныхъ къ быстрымъ, неожиданнымъ нападеніямъ (*genus quoddam militum leuissimae armaturae velitationibus aptum, quos Kozakios vocant*). Задача этихъ людей, по описанію, сдѣланному Сарниціемъ во второй половинѣ XVI-го вѣка, состояла въ томъ, чтобы схватить, кто подвернется подъ руку, и примчать къ старостѣ или другому старшинч. „Но чаще (продолжаетъ Сарниціи) бываетъ на оборотъ. Козаки возвращаются, прилегши на конѣ и поглядывая, какъ бы кто не замѣтилъ ихъ слѣдовъ и самихъ не схватилъ на погибель“. Естественно, что тутъ случилось, такъ же какъ и во времена Игоревы, „пересѣсть изъ сѣдла злата да въ сѣдло кошеево“, попросту — очутиться въ плѣну. Сарниціи пишетъ объ этомъ съ геродотовской опредѣлительностью: „... ita ex praetereuntibus rapiunt quos possunt, et ad praefectos suos citato et festinanti cursu reducunt, saepius tamen retro, ceruice inflexa, prospectantes, ne quis eorum vestigia signet, et urgendo capiti eorum invehat. Nam non raro alea cecus cadit quam optassent et saepe ex captivante fit captivus“. Почтенный географъ бесѣдовалъ съ удальцами, — конечно не полатыни, и получалъ на свои вопросы достойные Игоря Святославича отвѣты. „Изъ-за чего вы, козаки“, спрашивалъ онъ, „подвергаетесь такъ дерзко невѣрности военнаго счастья?“ — „Что за бѣда!“ отвѣчали ему:

„хоть и не будет никакой добычи, такъ и то хорошо, что повеселю этой забавою молодые дѣта мои“. — Приятная забава! (замѣчаетъ про себя кабинетный дѣятель). Кто этого не знаетъ, чѣмъ она кончится, какъ попадешь въ татарскія руки? — „Et interroganti, cur ita temere dubio Marti se exponant, responsare solent: bene est, si, inquit, nihil inde vtilitatis perceperero, nisi quod iuuenilem aetatem meam eo pacto consolabor contentaueroque, satis est, iuuat. At contentatio illa qualis futura sit, si interim ad manus Scythicas deuenieris, nemo est qui ignorat“. Къ этому-то періоду относятся тѣ народныя наши думы, которыя, даже переѣдя чрезъ мѣдунъ невѣжества кобзарскаго, всё еще и въ обломкахъ своихъ живо изображаютъ богатство поработителей Греціи и молодецкую жадность русскаго оборвыша поживиться отъ нихъ частью хищнической ихъ добычи, а не то — хоть повеселить себя рискомъ. Все равно вѣдь бѣда ежеминутно виситъ надъ головою.

Не думаетъ (козакъ), не гадаетъ,
 Що на ёго молодого,
 Ще й на чурю ёго малого
 Бѣда настагаетъ —

поютъ наши кобзари. Зачѣмъ же ея ждать? Не лучше ли *iuuenilem aetatem suam consolare*?...

Это былъ не только шляхетскій, но и молодецкій періодъ козачества. Не одна добыча была задачею козацкихъ предпріятій: служили паны въ козакахъ больше въ видахъ защиты своихъ слободъ отъ монгольскихъ хищниковъ, чѣмъ изъ соотвѣтственнаго хищничества славянскаго. Даже преданіе о древней торговлѣ по Днѣстру съ Θεодосією и другими черноморскими рынками не совсѣмъ порвалось въ земледѣльческой жизни ихъ. Въ скудномъ, сравнительно съ прежнимъ, количествѣ всё еще отправлялся хлѣбъ *prope flumine*, но уже *ad barbaros*, и (прибавляетъ географъ) *non sine graui discrimine vitae* (не безъ серьезной опасно-

сти жизни). Сосѣди, какъ мы видимъ, платили другъ другу одинаковой монетой. Другой современный географъ, Мартинъ Бронѣвскій, указываетъ на соляной промыселъ, какъ на причину постоянной войны козаковъ съ татарами, что мы видѣли и въ описаніи походовъ Самуила Зборовскаго. Не вдалекѣ отъ Кочубей-городища, у приморскихъ соляныхъ озеръ, собиралось безпрестанно множество козаковъ, этихъ первыхъ чумаковъ украинскихъ, и вѣчно происходили у нихъ битвы и стычки съ татарами. ¹⁾ Это, говоритъ онъ, были крайне опасныя мѣста для проѣзда не только ночью, но и во всякое время. По всему тракту, которымъ онъ долженъ былъ проѣзжать во время своего посольства въ Астрахань, онъ то и дѣло видѣлъ мертвыя тѣла, если не самихъ козаковъ, то другихъ людей. Такова была функція козачества въ то время, отъ котораго дошли до насъ только случайныя и отрывочныя извѣстія о нихъ. +

Но зато позади боевой линіи этихъ охранителей польской колонизаціи Украины существовалъ еще, говоря вообще, ладъ между воюющими за край и рядящими краемъ. Съ теченіемъ времени, добровольная ассоціація труда и воинственности въ панскихъ владѣніяхъ перешла въ обязательную. Въ панскихъ и королевскихъ слободахъ поселяне оканчивали различные сроки воли; старосты между тѣмъ начали окружать себя, вмѣсто туземныхъ жителей, выходцами, или, такъ сказать, вмѣсто земщины — опричиною. Вольные слобожане превратились, одни за другими, въ панщанъ, а на вольныхъ товарищей старосты по защитѣ сторожевого пункта — зámка — возлагалась обязанность сторожевой службы, обязанность утомительная и опасная, безъ позолоты славою и честью, которая награждала ихъ прежде, при существованіи воинскаго равенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ старосты начали забирать въ свои руки самыя прибыльныя статьи доходовъ: медовый про-

¹⁾ ... ibique magna vis Kozakorum perpetuo confluit, mutaisque bellis et caedibus frequentissimis concidunt.

мысль, весьма важный въ тѣ времена, рыболовныя мѣста, бобровые гоны, оставляя мѣщанамъ только то, что было сопряжено съ опасностью постоянной защиты, именно скотоводство, на которое татары зарились почти такъ же, какъ и на ясырь, и земледѣліе, при которомъ легко было имъ захватить людей изолированныхъ работою. Много трогательныхъ картинъ изъ этого тяжкаго времени сохранила для насъ народная муза, и, между прочимъ, она представила трудное положеніе земледѣльцевъ, которые не успѣють-бывало взяться за дѣло, какъ на горизонтѣ показывается туча.

„Ой жнѣть, женці, обжинайтеся,
И на чорну хмару оглядайтеся“,

говорить-бывало хозяинъ, которому и пахать поля иначе было невозможно, какъ съ пищалью возлѣ плуга.

Охъ и жнуть женці, розжинаються,
На чорную хмару озираються:
Ой то жъ не хмара, то жъ орда иде!
А нашъ Коваленко да передъ веде...

Это былъ хозяинъ жатвы, побѣжавшій съ поля домой взглянуть, цѣлы ли жена его съ малыми дѣтками. Его схватили татары на дорогѣ и, чтобъ не ушолъ подъ часъ ихъ гонитвы за жнецами, ослѣпили. Народная муза вкладываетъ ему въ уста слѣдующія трогательныя слова:

„Ой повій, вітре, та й одъ півночп
На білее лице, на карні очі!
Ой нехай же я та подивлюся
На свои женці та на молоды,
А на тыі серпы та й на золотыі!“

Разница между положеніемъ панскихъ и королевскихъ крестьянъ существовала, но выгода была не на сторонѣ послѣднихъ. Наслѣдственный панъ всё-таки щадилъ своихъ подданныхъ, съ которыми былъ связанъ общими преданіями и единствомъ интересовъ; староста, напротивъ, былъ королевскій урядникъ, котораго

во всякое время могли перевести въ другое мѣсто, какъ перевели Претвича изъ Бара въ Терембовль. Притомъ же панскихъ крестьянъ могъ переманить къ себѣ сосѣдній панъ обѣщаніемъ срочной воли, если только былъ довольно силенъ, чтобъ отстоять свое пріобрѣтеніе противъ закона, дѣйствовавшаго довольно слабо на пограничѣ. Старостинскихъ крестьянъ сманивать не смѣли: это значило бы вооружить противъ себя слишкомъ сильнаго пана — короля. Что касается до мѣщанъ, то они, наравнѣ съ прочими *подзамчанами*, или людьми замкового прісуду, подвергались одинаковому гнету со стороны старосты. Хотя они и не были крѣпки землѣ, но имъ вовсе не было выгодно мѣнять городъ на городъ. *Отъ Кракова до Чакова — всюды бѣда одинакова*: пословица мѣщанская. Эта-то бѣда заставляла мѣщанъ искать заработковъ за предѣлами старѣства, въ странѣ, надъ которою еще не отяготѣло злоупотребляемое панами и старостами *jus primi occupantis*. И вотъ мы видимъ ихъ на днѣпровскомъ Низу, сперва въ полосѣ Звонецкаго порога, а потомъ и глубже, въ такой пустынѣ, которой никто еще не „измѣрилъ саблею“. Бѣда, распространившаяся отъ королевской столицы до самого крайняго города, стоявшаго на древней литовскорусской почвѣ, заставила украинскихъ мѣщанъ образовать за Порогами новое, революціонное козачество, по образцу выработаннаго на пограничѣ Дашковичами, Лянцборонскими, Претвичами, Рожинскими, но несравненно болѣе суровое въ условіяхъ козацкаго быта, — козачество, можно сказать, аскетическое, къ которому еще строже можно примѣнить похвалу средневѣковаго лѣтописца: *praeter magnanimitatem nihil magnum estimarent*. Но, какъ борьба съ татарами была главною потребностью края, и козачество для Украины было своего рода нидерландскою плотиною, сдерживавшею опустошительную стихію, то старосты не очень сильно гнѣвались на мѣщанское своеволие; иногда же имъ приходилось понять, или хоть смутно чувствовать, что запорожскій Низъ для нихъ — *Mons Aventinus*.

Чтобы придать употребленному мною сравненію достоинство правды, напому моему серьезному читателю нѣкоторые факты изъ горестной лѣтописи плѣненія татарскаго, которое могло бы наконецъ сравниться съ вавилонскимъ, когдабы не украинскіе козаки: они лучше отстояли Русь противъ потомковъ Болеслава Храбраго и потомковъ Батыевыхъ, нежели ихъ первообразъ — варягоруссы — отъ однихъ и тѣхъ же силъ, напиравшихъ на Русь, одна — именовъ Европы, другая — именовъ Азіи. Въ 1549 году заплонила орда все семейство (тогда еще не польское) князя Вишневецкаго въ замѣкѣ Перемирѣ. Въ 1589, погнала она въ неволю князя Збаражскаго, также со всей семьей, и множество русской шляхты. По разсказу Іоахима Більскаго (русскій гербъ Правдичъ), въ 1593 году, подѣ часъ сеймавого съѣзда волынскихъ пановъ, татары переловили сперва разставленную на шляхахъ панскую сторожу, а потомъ, въ отсутствіе отцовъ семействъ, набрали множество плѣнныхъ изъ панскихъ домовъ, особенно „бѣлаго пола“ (женщинъ). Если столбы, на которые опиралось все зданіе тогдашняго русскаго общества, такъ зловѣще шатались подѣ напоромъ дикой стихіи, то что же сказать о простомъ народѣ и о его семейныхъ утратахъ? Но онъ заявилъ о своихъ бѣдствіяхъ краснорѣчивѣе панскихъ лѣтописцевъ; его пѣсня не умолкаетъ до сихъ поръ среди панскихъ замковищъ, которыя, подобно погребенному въ мусорѣ Вавилону, потеряли даже прежнія имена свои. Звонко и побѣдительно надѣ временемъ и людскимъ отупѣніемъ поетъ она:

Изъ-за горы, горы,
 Зъ темненького лісу
 Татары идутъ,
 Воляночку везуть.
 У Воляночки коса —
 Зъ золотого волоса, —

Щирый біръ освѣтила,
 Зелену дїброву
 И биту дорогу.
 За нею въ погоню
 Батенько її.
 Кивнула-махнула
 Білою рукою:
 Вернися, батеньку,
 Вернися, рідненький!
 Вже жъ мене не 'двїнешъ,
 Самъ марне загинешъ;
 Занесеть голову
 На чужу сторону;
 Занесешъ очиці
 На турецькі грядиці!

И вотъ этакія-то раздирающія сердце сцены, совершавшіяся, какъ вокругъ низкихъ хатъ, такъ и вокругъ высокихъ замковъ, заставляли первыхъ краковскихъ типографовъ, заботившихся лучше своихъ патроновъ „о воспитаніи дѣтей“¹⁾, называть современныхъ козаковъ безупречными и знаменитыми Геркулесами. Одни только козаки смѣли мечтать объ убіеніи гидры, засѣвшей въ Цареградѣ, на развалинахъ древняго міра, среди христіанскихъ народовъ. Не даромъ человекъ столь серьезный и ученый, какъ Сарницкій, посмотрѣвши на граничанъ и на ихъ ежедневную и еженочную службу, воскликнулъ: „*Oviro omni genega graemiorum dignos!*“ (О мужи, достойные всякаго рода награды!)

Успѣхи козачества за Порогами, въ „необитаемой Подоліи“, какъ тогда называли днѣпровскія низовья, обратили на себя всеобщее вниманіе. Подольскіе и червонорусскіе паны поддерживали козаковъ своими собственными ротами сперва противъ старость, которые не признавали покамѣстъ за низовыми козаками права сильна-

¹⁾ „Książki o wychowaniu dzyeci wiele potrzebne y pożyteczne“. Krakow, 1553.

го, въ то время самаго убѣдительнаго на Украинѣ права; а когда сами старосты, уступя прорвавшемуся за Пороги потоку козачества, начали дѣлать козакамъ разныя админіacula ¹⁾, на досаду королю, тогда — вмѣстѣ съ старостами противъ короля. Пограничные паны получали отъ нихъ вѣсти о переправѣ козаковъ на правый берегъ Днѣпра и указанія, въ какомъ полѣ или урочищѣ залечь на нихъ манерою Претвича, а сами давали козакамъ знать о направленіи татарской орды, уходившей къ днѣпровскимъ переправамъ съ добычею. Въ первомъ случаѣ, интереснѣе было нападать на татаръ пограничной панской стражѣ или козакующей шляхтѣ, чтобы не допустить ихъ пробраться въ населенныя мѣста и къ собственнымъ жилищамъ, въ послѣднемъ — было гораздо выгоднѣе для козаковъ заступить дорогу татарамъ: татары возвращались съ добычею. Козаки, награждая себя за военные труды и опасности отбитыми у татаръ лошадьми, скотомъ, съѣстными припасами, одеждою, утварью (орда хватала все, что можно было схватить, даже столы и ослоны), вмѣстѣ съ тѣмъ оказывали важныя услуги подольскимъ, червонорусскимъ и украинскимъ панамъ освобожденіемъ отъ татаръ ясыра, на который орда жадничала больше всего. Вотъ къ этимъ-то воинамъ-промышленникамъ приставали самые отважные и предприимчивые люди изъ пограничнаго шляхетнаго козачества и, приобрѣвъ между ними популярность, дѣлались ихъ предводителями, путемъ свободнаго выбора.

Что же такое была въ сущности запорожская вольница? Это были мѣщане, которымъ не давали мѣщанствовать такъ, какъ бы имъ было выгодно. Это были мстители — паны, терявшіе, подобно князю Рожинскому, женъ, матерей и — чего никогда не забываетъ человеческое сердце — дѣтей. Это были религіозные рыцари, дававшіе обѣтъ положить животь свой въ борьбѣ съ врагами святого креста, или провести нѣсколько мѣсяцевъ среди лишеній

¹⁾ вспомошествованія.

и опасностей. Это, наконецъ, были молодцы - шляхтичи, которымъ хотѣлось потѣшить *juvenilem aetatem suam*. Отчасти это были и мужики, но весьма и весьма отчасти. Первые запорожцы не нуждались въ мужицкомъ контингентѣ; съ своей стороны, тогдашніе мужики не были еще въ такой степени тѣснимы, чтобы покидать семейства и идти, что называется, *миръ потирати*, или бѣдствовать для невѣрнаго ¹⁾ вооруженнаго чумакованья, вдали отъ дома. Относительно этого пункта нашихъ историковъ вводятъ въ заблужденіе ранніе извѣстія о хлопахъ въ козацкомъ войскѣ, находимыя ими въ польскихъ источникахъ. Они забываютъ, что польскіе писатели называютъ хлопомъ, *plebs*, каждаго негербованнаго, все равно какъ у старинныхъ латинскихъ прелатовъ — хоть бы, на примѣръ, и у самого Длугоша — язычники всѣ, не принадлежащіе къ римской церкви. Негербованныхъ бояръ, оставлявшихъ дідичей и старость для козацкаго хлѣба, старосвѣтскіе лѣтописцы польскіе заносили въ свои хроники хлопями, со словъ раздосадованнаго пана; но бояре были такіе же хлопы, какъ и мѣщане. Бояре чаще всего дѣлались козаками. Ихъ ремесло до такой степени подходило къ козацкому, ихъ служба у пановъ такъ была сходна съ козацкимъ блуканьемъ, что задолго еще до времени Хмельницкаго имя бояръ въ Украинѣ исчезло совершенно. Относительно старосты, низовые козаки были отбившіеся отъ рукъ мѣщане. Относительно пана, они были поссорившіеся слуги. Относительно украинскихъ мѣщанъ, всѣхъ вообще подзамчанъ и людей панскихъ, они были то самое, что волки относительно собакъ. Паны, поссорясь съ низовцами, травили ихъ этими вѣрными и смиренными псами, то въ видѣ выбранцевъ и надворныхъ хоругвей, то въ видѣ городовыхъ и реестровыхъ козаковъ, выдѣленныхъ изъ того же мѣщанства, изъ

¹⁾ Этотъ эпитетъ и теперь еще придается чумацкому промыслу. „Оце я встрявъ у невірне чумацтво, та й сумую“, скажетъ вамъ иногди поселянинъ, сѣдя на *присні* подъ хатю.

того даже козачества, или, говоря метафорически, изъ тѣхъ же волковъ, дѣлавшихся ручными. Это грубое или слишкомъ рѣзкое сравненіе опредѣляетъ, однакожъ, лучше всякаго иного, взаимныя отношенія мѣщанства и козачества, особенно въ тѣхъ важныхъ соціальныхъ вопросахъ, которые выпало на долю мѣщанамъ разрѣшать вмѣстѣ съ козаками. Но объ этомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Теперь скажу только, что козаки были относительно польскаго строя жизни, по самой сущности козачества, какимъ оно сдѣлалось въ силу стѣсненій со стороны правительства, самые радикальные революціонеры, — совершенно такіе радикалы по отношенію къ панамъ, какими были паны по отношенію къ королю. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова *status in statu*. Это была крайне реакціонная республика, отрицавшая своими дѣйствіями все, что польская шляхта признавала святымъ и нерушимымъ во вѣки: господствующую церковь, сословныя привилегіи, право поземельной собственности и даже ту государственность, которая создавалась въ постоянномъ стремленіи шляхты ограничить королевскую власть и силу въ пользу своего сословія.

ГЛАВА VII.

Старинные разжигатели международной вражды.— Экономическая реакція шляхты латинскому духовенству.— Легкомысліе шляхты въ дѣлѣ реформаціи.— Невѣжество русскаго духовенства и недоступность его для папы.— Упадокъ русской церкви отъ невѣщества всѣхъ слоевъ общества.— Несостоятельность русскихъ пановъ въ роли патроновъ церкви.— Панскія слова, принимаемыя за дѣла.— Одинаковая неспособность польской и русской шляхты къ дѣятельному благочестію.

Отрицать господствующую въ Рѣчи-Посполитой церковь, то есть дѣлать какія-либо иновѣрческія демонстраціи, козаки не имѣли въ началѣ никакого повода и, по задачѣ своего образованія, не обращали вниманія на какія бы то ни было церковныя дѣла. Между тѣмъ въ Польшѣ готовилось нѣчто такое, съ чѣмъ они не могли рано или поздно не столкнуться, будучи, такъ сказать, извлеченіемъ квадратнаго или даже кубическаго корня изъ своего народа.

Пропаганда римскаго католичества въ Польшѣ, съ самого своего начала, была вмѣстѣ и пропагандой петерпимости. Начиная съ береговъ Вислы, латинскій обрядъ настойчиво и послѣдовательно вытѣснялъ обрядъ славянскій, пока наконецъ дошелъ до территоріи, подвластной русскимъ князьямъ. По изслѣдованію весьма уважаемаго въ польской ученой литературѣ Лелевеля, въ войнѣ древняго польскаго дворянства съ чернью участвовало, какъ поджигающій элементъ, гоненіе греческаго вѣроученія на

берегахъ Вислы, такъ какъ славянскій обрядъ былъ тамъ народнымъ, а латинскій—лехитскимъ, и первый изъ нихъ распространился со времени Кирилла и Меѳодія между жителями сель, а второй былъ принятъ отъ нѣмецкихъ епископовъ владѣльцами городовъ или замковъ. Наступившая затѣмъ борьба князей и королей - ляховъ съ князьями - русью, или лехитскихъ пановъ съ народомъ русскимъ, до татарщины, сопровождалась также подстрекательствомъ со стороны агентовъ римской куріи, которая съ 1232 года номинально начала назначать и постоянно назначала епископовъ на Кіевскую и другія намѣченныя ею въ Руси епископіи, не владѣя ни однимъ ступнемъ русской земли, и не имѣя въ Кіевѣ или въ какомъ-либо другомъ русскомъ городѣ ни одного престола. Это были епископы, такъ называемые *in partibus infidelium*. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что захваты римской куріи на берегахъ Вислы, на половину занятыхъ одноплеменниками русскихъ полянъ, и ея постоянныя, не пренебрегавшія никакими средствами махинаціи въ пользу латинства много содѣйствовали враждѣ между представителями одной и другой народности. Эта вражда уже подъ перомъ Кадлубка, перваго прагматическаго историка польскаго, опредѣлилась весьма выразительно. „Русины“, говоритъ онъ, „не упускаютъ никакого случая и не останавливаются ни передъ какою трудностью, чтобы бѣшенную свою ненависть и застарѣлую жажду мести угасить въ польской крови“.

Представителями двухъ поссоренныхъ духовными людьми народностей были тѣ же духовные люди. Они, при тогдашнемъ невѣжествѣ и неразвитости общества, служили воюющимъ ~~сторонамъ~~ сторонамъ не только грамотностію, почти исключительно имъ принадлежавшею, но и экономическими способностями, которыя, въ средніе вѣка, развивались практикою только въ монастырскихъ корпораціяхъ. Съ одной стороны, они, какъ грамотѣи, были хранителями старыхъ преданій и, въ интересахъ касты своей, тотовы

были на такіа подвиги, какъ сочиненіе такъ-называемыхъ Исидоровскихъ Декреталій, этихъ документовъ на всемірное господство римскаго первосвященника по унаслѣдованному будто бы праву, съ другой, въ интересахъ личныхъ, какъ люди, жившіе да-
 яніями, а не ремеслами или войною (война, впрочемъ, тоже была ремесломъ во времена оны), они дѣлали церковь учрежденіемъ экономическимъ, подъ видомъ учрежденія вѣроучительнаго. И вотъ, когда на берегахъ Днѣпра, Роси и Сулы кочевали торки и берендѣи, эта еще и въ наше время невѣрная, на взглядъ римской курии, земля предназначалась увеличить силу папскаго господства надъ міромъ и — что составляетъ самую сущность работы влеригаловъ — доставить римской церкви новые источники доходовъ. „Застарѣлая жажда мести“ въ русинахъ, засвидѣтельствованная Кадлубкомъ въ такое отдаленное отъ насъ время ¹⁾, высказывалась, конечно, не столько людьми обыкновенными, сколько тогдашнею русскою интеллигенціею, а именно духовенствомъ греческаго обряда, соперничающимъ съ латинцами, а уже подъ вліяніемъ духовенства — и людьми свѣтскими. Проповѣдники папской святости и божественности ²⁾ не обинуясь объявляли восточныхъ патріарховъ узурпаторами верховной власти надъ церковью, а на монастыри, митрополіи, архимандріи и протопопіи, владѣвшія землями и другими доходными статьями, пытались наложить за-
 гребистую руку свою. Естественно, что ненависть и вражда представителей русиновъ къ представителямъ поляковъ должна была быть такого, какъ опредѣлилъ ее Кадлубекъ. Иначе — не налегаль бы такъ Θεодосій Печерскій, въ своихъ поученіяхъ, на „Божіихъ враговъ“, то есть жидовъ и еретиковъ, держащихъ кривую вѣру.

¹⁾ Кадлубекъ родился въ 1160, умеръ въ 1223 году.

²⁾ Въ самыхъ древнихъ изданіяхъ Каноническаго Права, въ изданіяхъ, признанныхъ Тридентскимъ соборомъ, въ изданіяхъ XVI и XVII вѣка, появившихся въ Римѣ, Парижѣ, Ліонѣ, Туринѣ, находятся слова: „кто скажетъ, что папа не есть сущій Господь Богъ, да будетъ анаема!“

Эти чувства можно провѣрить и на ближайшемъ къ намъ времени. Записанный польскимъ геральдикомъ Папроцкимъ и повторенный польскимъ историкомъ Шайнохою рассказъ о томъ, какъ окатоличилась холмская русь, выводитъ на сцену спокойное населеніе землевладѣльцевъ XVI-го вѣка, изъ которыхъ одни шли за православнымъ епископомъ холмскимъ, а другіе обратились въ латинство подобно его брату, всензу официалу. Отобраніе церковныхъ имѣній у православной епископіи въ пользу латинскаго бискупства возбудило ненависть и вражду между соперничающимъ духовенствомъ, и отразилось на общественной и семейной жизни благословеннаго дарами природы уголка; сосѣди прервали между собою свиданія, родные братья, русскій владыка и польскій всензь официалъ, ненавидѣли другъ друга смертельно, и не призадумались бы возжечь между двумя паствами кровавую войну, лишь только бы явились удобовоспламеняемые матеріалы. Но и того довольно, что холмскій владыка не только брата, да и крещеннаго братомъ по латинскому обряду племянника называлъ *бисовымъ лякомъ*.¹⁾ Этотъ вышедшій на явь случай, одинъ изъ множества забытыхъ, даетъ понятіе о томъ, какъ естественно сердца русскихъ и поляковъ дѣлались игрищемъ соперничающаго духовенства, разъяреннаго противоположными интересами.

Захватъ Червоной Руси и фактическое основаніе въ ней латинскихъ епископствъ во времена Казимира III, Людовика Венгерскаго и Владислава Опольскаго не уменьшили застарѣлой вражды, охватившей представителей двухъ народностей еще до татарскаго нашествія, равно какъ не уменьшило ее отторженіе Ягайла отъ восточной церкви и послѣдовавшее за тѣмъ нахальное крещеніе христіанъ греческаго обряда въ латинскую вѣру, наравнѣ съ язычниками, съ цѣлью, прежде всего и послѣ всего,

¹⁾ Подробности, вполне достойныя любопытства читателя, см. въ „Herbach Rycerstwa Polskiego“ przez Paprockiego, и въ „Szkicach historycznych“ przez Szajnochę.

экономическою, Преданія о сценахъ въ родѣ тѣхъ, которыя, безъ сомнѣнія, имѣтъ въ памяти Кадлубекъ, были живы между поляками черезъ два-три поколѣнія послѣ Ягайла, и самая яркость красокъ, которыми они описывали русиновъ, жаждавшихъ польской крови, свидѣтельствуешь, что ихъ собственныя сердца не были чужды такого же, привитого имъ духовенствомъ, ожесточенія. При королевскомъ дворѣ, на примѣръ, въ Краковѣ, рассказывали, около 1573 года, что будтобы, во время осады Луцка, при Владиславѣ Ягайлѣ, русины, въ виду осаждающихъ, перерѣзали горло одному плѣнному юношѣ польскому, самому красивому изъ всѣхъ плѣнныхъ, и начальныя люди луцкіе выпили по глотку горячей крови, когда онъ еще дышалъ; потомъ разрѣзали ему животъ, вынули сердце съ внутренностями, положили въ большой ящикъ съ горящими угольями и окурили дымомъ этой мрачной жертвы всѣ углы крѣпости, произнося какія-то заклинанія, которыя, по ихъ убѣжденію, должны были освободить городъ отъ осады. Прибавляемая къ рассказу характеристика русиновъ, какъ народа „во всѣ времена преданнаго магіи, чарамъ и другимъ гнуснымъ колдовствамъ“, ясно показываетъ сословіе, болѣе другихъ заинтересованное въ распространеніи подобныхъ рассказовъ ¹⁾. Основую же легенды, расцвѣченной кровавымъ во-

¹⁾ „La Description du Royaume de Pologne et Pays adiacens, avec les Status, Contitutions, Moeurs et Façons de faire d'Iceux“. Par Blaise de Vigenere, Secretaire de feu Monseigneur le Duc Nivernois. A Paris, 1573. Эта очень рѣдкая книга находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

Сравненіе текста Длугоша съ рассказомъ Блэза покажетъ, какъ иногда самый вымыселъ отериваетъ новый источникъ истины, которой вовсе не желали обнаружить сочинители вымысла. Съ этой стороны пристрастныя и тенденціозныя пропозведенія историковъ дѣлаются, въ свою очередь, источниками для уразумѣнія того, что они старались переименовать по своимъ чувствамъ и понятіямъ.

Длугошъ: „Intra omnes obsidionis tempus, crudelis, inter Polonos, Ruthenos, et Lithuanos committebatur dimicatio. A Ruthenis tamen et Lithuanis primum orta. Si enim captiabant aliquos captivos Polonos, inspectante exercitu, in muris occidebant in frustra, caeteros impletos aqua suffocabant, et exquisitis necabant crudelitatibus. Quinque insuper fratres Praedicatorum Polonos, qui in castrum

ображеніемъ поджигателей международной вражды, послужило повѣствованіе Длугоша объ осадѣ Луцка въ 1431 году, повѣствованіе, показывающее, что ожесточеніе свирѣствовало съ обѣихъ сторонъ.

Со временъ Казимира IV, въ положеніи латинопольской церкви произошла важная перемена. Право назначать на епископства и на низшія церковныя мѣста перешло отъ папы къ королю. При Іоаннѣ-Альбертѣ постановлено, чтобы высшія должности при капитулахъ и кафедральныхъ костелахъ были занимаемы только тѣми, чьи родители были природные поляки, а вмѣстѣ съ тѣмъ король утвердилъ за собою право—на основаніи древняго обычая, раздавать церковныя имѣнія и назначать на церковныя должности, опредѣлять, какія кто долженъ занимать мѣста по заслугамъ и ученымъ степенямъ, утверждать власть и святость духовныхъ судовъ и запрещать судамъ земскимъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла. Эти права удержали за собою и послѣдующіе короли. Каждого же, кто бы получилъ бенефицію помимо короля и сената, король могъ лишить церковнаго имущества отъ имени всей Рѣчи-Посполитой и даже изгнать изъ государства. Такимъ образомъ королю принадлежало вполнѣ *jus patronatus* или, какъ говорилось тогда, „подаванье хлѣбовъ духовныхъ. По обычному ходу дѣлъ человѣческихъ, „духовные хлѣбы“ доставались

Luczko, in aduentu exercitus, ex ciuitate fugerant, turpi morte damnauerant. Propter quod ex Poloni in captiuos Ruthenorum et Lithuanorum, vicem reddendo, saeuiebant, compensando vicium vicio, vt non solun paribus, sed etiam maioribus prope odiis viderentur certasse. Ferant etiam Jurszam Capitaneum Lucensem, et Lithuanos atque Ruthenos, in castro Lucensi, in eam amentiam et tyrannidem effluxisse, vt omnem in Phytionibus, et phytionissis, retinendi et defendendi castri fiduciam reponerent. Unde petentibus Judaeis, datus fuit ex captiuis Polonis vnus adolescens forma elegantior; quem continuo cultro iugulam infixio occidentes, extracto ex corpore eius sanguine, ventrem diuidunt; et corde, iecore, aliisque intestinis e corpore eductis, et in partes minutas diuisis, inque carbones viuos proiectis, fumo inde orto, omnes castri parietes et angulos, quasi thuris odore, precatones canendo sacrilegas, inficium; iuramento assecurando Jurszam et obsessos, nullam obsidionis aut expugnationis vim de castro fore nocituram“

изъ королевскихъ рукъ не тѣмъ, кто былъ достойнѣе, а тѣмъ, кто находился поближе къ королю или имѣлъ при дворѣ ходатаевъ. Владѣтели соединенныхъ съ духовнымъ саномъ церковныхъ имуществъ, получаемыхъ уже не отъ римскаго первосвященника, не стали обращать особеннаго вниманія на внушенія римской куріи, и въ польской шляхтѣ началась политическая реакція церковной іерархіи. Поляки, управляясь простымъ расчетомъ, безъ религіозныхъ умствованій, предупредили реформацію въ ея стремленіи отобрать у духовенства церковныя имущества, освободиться отъ десятинъ и стѣснить предѣлы духовной юрисдикціи. Съ своей стороны, духовенство, видя, что назначеніе іерарховъ и почти всѣ бенефиціи находятся въ рукахъ у короля, не находило практическаго смысла въ спеціальныхъ занятіяхъ вопросами вѣры; въ угожденіи папѣ, духовные сановники ограничивались, по большей части, только экономическою стороною церкви, и предавались удовольствіямъ большого свѣта. „Прежде“, говоритъ папскій нунцій Маласпина въ концѣ XVI столѣтія, „польскіе паны, завися отъ апостольской столицы, постоянно отстаивали ея власть, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нунціемъ, часто ѣзжали въ Римъ, а нынѣ сторонятся отъ нунція и отъ Рима; нунцій дѣлается въ Польшѣ какъ-бы посломъ свѣтскаго государя“.

Здѣсь надобно указать на одно замѣчательное обстоятельство. Не смотря на то, что въ Польшѣ латинскій языкъ, съ начала XVI вѣка, былъ распространенъ больше, нежели въ Германіи ¹⁾,

1) Успѣхами дѣтей въ латинскомъ языкѣ старинные поляки такъ гордились, какъ въ наше время гордятся нѣкоторыя матери англичанки и американки тѣмъ, что дѣти ихъ по 4-му и 5-му году удивляютъ ученыхъ своими энциклопедическими познаніями. Уже на 5-мъ году польскія дѣти XVI и XVII вѣка знали наизусть *Donatus* и по 100 стиховъ изъ *Virgilius*. Кромеъ, писавшій въ въ царствованіе Стефана Баторія, рассказываетъ чудеса о распространеніи латинскаго языка въ Польшѣ. „Богатые и бѣдные,“ говоритъ онъ, „посылаютъ въ школы и къ учителямъ своихъ дѣтей мужскаго пола, заботясь о томъ, чтобы

гдѣ итальянскіе путешественники съ трудомъ находили человѣка для объясненія своихъ надобностей на этомъ общепотребительномъ тогда между просвѣщенными людьми языкѣ, — польская образованность стояла не только ниже процвѣтавшей тогда итальянской образованности, но и ниже германской. Поляки, не расположенные, по отзывамъ проживавшихъ между ними ученыхъ иностранцевъ, къ умственному труду, достигали большею частью, если не всегда, только средняго уровня образованности, и рѣдко можно было встрѣтить между ними человѣка съ основательнымъ знаніемъ какой-нибудь науки. Съ понятіемъ о шляхетскомъ достоинствѣ не согласовалось у нихъ достиженіе ученой степени, которая вела къ занятію высшихъ духовныхъ мѣстъ. Добиваться званія доктора, по мнѣнію высшаго польскаго общества, свойственно было только мѣщанамъ или хлопамъ, и, если изрѣдка паны получали ученые степени, то развѣ въ заграничныхъ университетахъ, какъ-бы тайкомъ отъ „братевъ шляхты“. Отъ этого происходило странное явленіе: рядомъ съ ученымъ мужемъ, какимъ, на примѣръ, былъ Янъ Замойскій, — среди высшаго класса попадался весьма часто круглый невѣжда, и подъ внѣшней отдѣлкой рѣчи, о которой паны больше всего заботились, скрывалось изумительное незнаніе самыхъ обыкновенныхъ предметовъ науки ¹⁾. По словамъ нунція Висконти, прожившаго лѣтъ шесть при польскомъ дворѣ, въ Польшѣ часто встрѣчались такіе епископы, которые не понимали даже значенія слова *епископъ*,

---

съ латинскими науками осваивать дѣтей съ самаго ранняго ихъ возраста, одинаково убогіе, какъ и богатые, одинаково шляхта, какъ и посполство, а всего больше — мѣщане. Многіе держатъ учителей въ домахъ, и трудно даже въ латинской землѣ найти столько какъ здѣсь людей изъ простонародья, съ которыми можно разговаривать полатыни.

¹⁾ У Кромера находимъ весьма грустное подтвержденіе этихъ словъ заѣзжаго издалека иностранца. Онъ говоритъ: „Нѣкоторые поляки, пренебрегши домашними дѣлами, рискуя бѣдностью и лишеніями, охотно отправляются путешествовать, потому что имъ чужое нравится больше своего. Поляки охотно и легко

или попольски *бискупъ*. Этакіе-то епископы скорѣе ученыхъ пастырей церкви, которые въ Польшѣ были крайне рѣдки, бросались на свѣтскія занятія и забавы, а исполненіе духовныхъ обязанностей своихъ предоставляли своимъ намѣстникамъ, за извѣстное вознагражденіе ¹⁾).

При такихъ обстоятельствахъ, реформаціонное движеніе, господствовавшее тогда за границею, въ нѣмецкихъ земляхъ, отразилось на Польскомъ государствѣ, прежде всего, небреженіемъ объ интересахъ религіи въ средѣ самого духовенства, которое, какъ нарочно, было приготовлено къ тому самими королями, или вѣрнѣе — подаваньемъ изъ ихъ рукъ „духовныхъ хлѣбовъ“. Опаты и бискупы отличались больше экономическими и казначейскими способностями, нежели умѣньемъ и стараніемъ распространять въ обществѣ благочестіе, такъ что даже нунцій Маласпина совѣтовалъ Сигизмунду III выбрать вѣдателя казны его изъ этого „очень богатаго“ класса людей, а не изъ свѣтскихъ, нужды нѣтъ, что, по его же замѣчанію, эти послѣдніе больше заботились о

научаются языкамъ тѣхъ народовъ, у которыхъ гостять: пріятно имъ подражать одеждѣ, тѣлодвиженіямъ и обычаямъ, которые увидятъ; они этимъ тщеславятся. То же самое слѣдуетъ сказать и объ основаніяхъ религіи; потому что во всемъ, чего бы ни коснулись, они обнаруживаютъ умъ гибкій и воспримчивый. Они охотнѣе стараются освѣдомляться о чужихъ изобрѣтеніяхъ, нежели сами что-нибудь выдумать или изучить, такъ какъ не любятъ посвящать себя какой-нибудь одной наукѣ или искусству во всемъ относящемся къ ремесламъ; удовлетворяются сработаннымъ кое-какъ и не заботятся о тщательной dokonченности предмета. Заниматься искусствами и ремеслами въ этомъ краѣ некому, затѣмъ что поляки предпочитаютъ праздно роскошничать, вмѣсто того чтобы образовывать себя умственно или механически, а убогіе для насущнаго хлѣба не разъ бываютъ принуждены хвататься за работу, противную своему призванію. Лишь только успокоятъ они себя въ первыхъ потребностяхъ жизни, тотчасъ стараются устроиться въ домашнемъ быту по образцу богатыхъ людей, жеманятся, корчатъ изъ себя высшихъ — или изъ одного тщеславія, или, чтобы снискать себѣ и своимъ домашнимъ какую-нибудь охрану отъ несправедливостей и оскорбленій.

¹⁾ Это явленіе, точно копія съ оригинала, повторилось въ унитской церкви на Руси. Русскіе владыки, принявшіе унію, получали громадныя по тому времени доходы и за небольшую часть этихъ доходовъ нанимали исполнителей духовныхъ обязанностей своихъ.

торговыхъ и земледѣльческихъ интересахъ, нежели о поддержаніи добрыхъ нравовъ въ семействахъ, слѣдовательно были финансистами опытными. По словамъ того же нунція, Виленское епископство семь лѣтъ не имѣло ни бискупа, ни суфрагана. „Еретики“, говоритъ онъ, „забираютъ церковныя имущества; въ приходсахъ нѣтъ пробощовъ; дѣти умираютъ безъ крещенія; ересь усиливается; язычество поднимаетъ голову. Виленскій воевода ¹⁾ присвоилъ себѣ десять миль епископской земли, и лишь только умереть какою пробощъ, отбираетъ у шляхты плебанію и грунты, принадлежащія приходскому костелу“. Разновѣріе проявилось въ Польшѣ сперва подъ видомъ защиты „шляхетскихъ вольностей“, какъ противодѣйствіе арцибискупамъ и бискупамъ въ подстрекательствѣ короля на едикты противъ диссидентовъ; магнаты, увлекаемая духомъ гражданской свободы, приняли проповѣдниковъ новаго ученія подъ свое покровительство, и даже лучшіе изъ духовенства, со всѣми своими приходами, открыто объявили себя противъ римской церкви. Но, при поверхностной образованности польской шляхты, протестанство не замедлило сдѣлаться модою въ высшемъ классѣ общества, признакомъ образованности, выѣскою современности понятій. Каждый панъ избиралъ себѣ любое вѣроученіе изъ тѣхъ, которыя, вмѣстѣ съ ихъ прототипомъ лютеранствомъ, приходили въ Польшу и Литву изъ-за границы съ воспитанною тамъ знатною молодежью, наперерывъ ловившею въ Германіи новыя идеи помимо новыхъ знаній. Читатель долженъ помнить, что въ XVI вѣкѣ наука тѣсно была соединена съ богословіемъ. Пробудивъ у народовъ потребность церковной реформаціи, она нашла въ реформаторахъ новыхъ, самыхъ энергическихъ дѣятелей. Въ обществѣ образовалось, такъ сказать, четыре факультета свободныхъ наукъ, которые назывались: *католичествомъ*, отстаивавшимъ старую церковь, посредствомъ новой на-

¹⁾ Криштофъ Радзивиль, воевода виленскій и великій гетманъ литовскій съ 1588 года. (Умеръ въ 1603).

уки; *ютеранствомъ*, первымъ антагонистомъ старой церкви; *кальвинствомъ*, старавшимся усовершенствовать новое вѣроученіе, и *аріанствомъ*, которое на всѣ три вѣроученія смотрѣло, какъ на собраніе поповскихъ вымысловъ. Польскій панъ, воспитываясь или путешествуя за границею, считалъ себя обязаннымъ принадлежать къ одному изъ этихъ факультетовъ, но, съ ихъ поверхностнымъ образованіемъ, такіе прозелиты обновленной вѣры не прибавляли силы воителямъ за религіозныя убѣжденія; увеличивали только массу воюющихъ и вносили въ общество сбивчивость понятій, которою, въ Польшѣ, весьма удачно воспользовались іезуиты. Слѣдомъ за вѣтренною знатью, по извѣстію кардинала Людовизіо, отпадали отъ вѣры предковъ своихъ и другіе міряне: кто — изъ желанія стать на челѣ партіи, а кто — въ надеждѣ снискать милость могущественнаго пана, иные — изъ корыстныхъ расчетовъ, а иные — изъ-за удовольствія жить, не стѣсняясь правилами католической церкви. Этотъ низшій, зависимый слой польской шляхты тянулъ за собой мѣщанъ и хлѣборобовъ, такъ какъ на однихъ онъ имѣлъ большое вліяніе, а надъ другими пользовался неограниченнымъ правомъ суда и безсудья. Вообще, простанородье вѣровало въ спасительное ученіе своей церкви лишь по преданію, а не то — переставало въ него вѣровать вовсе, видя самую церковь заподозрѣнною новаторами и оставленною на произволъ судьбы духовенствомъ.

Если коренная польская шляхта, близкая къ центрамъ администраціи, плавала такъ мелко въ славную эпоху европейской реформаціи и возрожденія гуманизма, то что же сказать о Червонной Руси, Волыни и Украинѣ? Послѣ паденія Царьграда, греческое духовенство низшло весьма скоро до простой обрядности. Во всей Греціи, сдѣлавшейся Турціею, нигдѣ не преподавались такъ-называемыя свободныя науки. Грамотность ограничивалась почти всюду умѣньемъ читать богослужебныя книги; для проповѣдей или другихъ бесѣдъ съ прихожанами попы употребляли языкъ

румунскій, болгарскій или турецкій. Естественно, что просвѣщеніе оттуда къ русскому духовенству не приходило. Могло бы оно приходиться съ Запада; но польскій панъ для пана русскаго былъ образцомъ умственной лѣни и мелочнаго старанія казаться, а не быть чѣмъ-то; мѣстное же духовенство слишкомъ было раздражено посягательствомъ латинскихъ прелатовъ на русскія церковныя имущества, чтобы въ общеніи съ нимъ заимствоваться отъ него хоть отрывками знаній. Притомъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя, такъ же какъ и латинскіе прелаты, получали изъ королевскихъ рукъ „духовныя хлѣбы“, слѣдовательно за исключеніемъ шляхетной іерархіи, это были по большей части бѣдняки, принужденные обрабатывать землю собственными руками. Даже спустя много лѣтъ послѣ основанія школъ, похожихъ на духовныя семинаріи, въ Острогѣ, во Львовѣ, въ Кіевѣ и другихъ городахъ, митрополитъ Петръ Могила находилъ въ русскихъ церквахъ такія славянскія книги, которыя были напечатаны противниками православія да еретиками, подъ видомъ богослужебныхъ православныхъ, и которыя русскіе священники, по его выраженію, не очень-то понимали. До распространенія острожскихъ и другихъ русскихъ изданій, въ церквахъ употреблялись книги рукописныя, которыхъ производствомъ занимались большею частію самоучки-дяки при церквахъ, какъ это можно видѣть, на примѣръ, изъ духовнаго завѣщанія православнаго пана Загоровскаго, назначившаго содержаніе приходскому дяку, чтобы онъ, сверхъ обученія дѣтей грамотѣ, „книги, якихъ церковь цилне потребуесть, зъ доброго зводу уставичне писалъ, абы въ каждый тыждень по три тетради дестныхъ справедливо, а не фалшиве, написывалъ“, на чтѣ отпускалось бы ему извѣстное количество „купорвасу“. Тотъ же Загоровскій — прибавимъ кстати — въ духовномъ завѣщаніи своемъ, составленномъ 1577 года, постановилъ, чтобы въ церкви говорились къ народу проповѣди. Каковы могли быть эти проповѣди при такомъ положеніи дѣлъ, что даже богослужебныя книги писались, а потомъ

и печатались, безъ просвѣщеннаго руководства,—не мудро вообразить. Одинъ сельскій попь подѣ Львовомъ (разсказываетъ извѣстный Саковичъ, въ книгѣ своей Eranorthosis) не зналъ, что Рей былъ свѣтскій писатель, и выписку изъ его сочиненія принялъ за проповѣдь, почему и обратился къ своей паствѣ съ такими словами: „Послѣхайте, християне казанна святого Рѣя“. Случившійся при этомъ мѣстный шляхтичъ, впоследствии францисканецъ, воспользовался невѣжествомъ проповѣдника и содралъ съ него пару воловъ за причисленіе польскаго сатирика къ лику святыхъ. Разсказъ этотъ не покажется выдумкою тому, кто знаетъ, что между русскими попами были тогда и такіе, которые вовсе не знали грамотѣ.

Самое званіе „благочестиваго попа“ низошло тогда до того, что, по свидѣтельству православнаго писателя Захаріи Копыстенскаго, порядочный человекъ стыдился въ него вступать: почти всѣ они были грубые простолюдины. „Трудно было сказать“, говорить онъ съ горечью, „гдѣ чаще бываетъ русскій пресвитеръ: въ церкви, или въ корчмѣ.“ Другой современный писатель, сдѣлавшійся потомъ знаменитостью въ возстановленной православной іерархіи (Мелетій Смотрицкій), высказалъ свое горе объ упадкѣ русскаго духовенства слѣдующими словами: „Нѣкоторые изъ нашихъ пастырей разумнаго стада Христова едва достойны быть пастухами ословъ... Какъ можетъ быть учителемъ такой пастырь, который самъ ничему не учился?... Съ дѣтскихъ лѣтъ занимался онъ не изученіемъ священнаго писанія, а несвойственными духовному званію занятіями. Кто изъ корчмы, кто изъ панскаго двора, кто изъ войска, — проводилъ время въ праздности, а когда не стало на чтò ѣсть и во чтò одѣться и нужда ему шею согнула, тогда онъ начинаетъ благовѣствовать, а самъ не смыслить, чтò такое благовѣствованіе, и какъ за него взяться. Церковь наша наполнена на духовныхъ мѣстахъ мальчишками, недорослями, грубіянами, нахалами, гуляками, обжорами, поддипалами, нена-

сытными сластолюбцами, святопродавцами, несправедливыми судьями, обманщиками, фарисеями, коварными Иудами.“

Такъ горько жаловались ревнители медленно и тупо возникашаго въ отрожденной Руси просвѣщенія на закоренѣлое невѣжество духовенства своего, на грубость его нравовъ и привычекъ, и отнюдь не подозрѣвали, что именно это невѣжество и первобытная грубость представителей славянскаго обряда, это отчужденіе отъ нихъ всѣхъ порядочныхъ людей тогдашнихъ — оборонили славянскій обрядъ въ Украинѣ отъ студентовъ четырехъ факультетовъ европейской науки, готовыхъ снабдить каждаго незрѣлыми плодами своей учености, оборонило его отъ еретической пропаганды, распространявшейся по всей Руси между панами, которые не замедлили сдѣлаться потомъ легкою добычею латинства, со всѣми своими вольными умствованіями. Нѣтъ худа безъ добра!... Къ русскому попу, съ его неподвижнымъ невѣжествомъ и съ его дикими привычками, угнетаемому при этомъ и панами, и собственными іерархами въ невѣроятной нынѣ степени, не было приступу ни тонкому діалектику, ни мастеру проводить жизнь среди земныхъ утѣхъ во имя небеснаго блаженства.

Надобно войти въ положеніе тогдашняго приходскаго священника, чтобы судить, какъ трудно было заронить въ его умъ какую-нибудь мысль, выработанную въ иныхъ странахъ, иными людьми, при иныхъ обстоятельствахъ. Владыки, не щадившіе другъ друга и не щадимые свѣтскими соперниками, обращались съ попами грубо, облагали ихъ произвольными налогами и, безъ всякаго отчета кому бы то ни было, наказывали тюремнымъ заключеніемъ или побоями. Староста или дідичъ имѣнія, въ которомъ находился приходъ, заставлялъ приходскаго священника ѣхать съ подводами, бралъ къ себѣ въ услуженіе сына его, располагалъ деспотически его семьею и обиралъ его на столько, на сколько заблагоразсудится. Это мы говоримъ о панахъ такъ-назы-

ваемых благочестивыхъ. У пана-католика или протестанта и за самое богослуженіе взималась пошлина, съ простыхъ священниковъ по 2, а съ протопоповъ по 4 злотыхъ. Прозелиты новыхъ вѣроученій, особенно аріяне, доходили до того, что не разъ лишали православный храмъ всѣхъ его принадлежностей и обращали въ хлѣвъ. „Есть много безъ набоженства, безъ тайнъ пресвятыхъ пребывающихъ“, говоритъ очевидецъ упадка русской церкви, Захарія Копыстенскій. „Есть не мало и священниковъ, и людей свѣцкихъ, слезно по Украинѣ туляющихся. Едци съ депераціи въ козацтво ся обернули, другіе розмаитого живота наслѣдуютъ, третьи въ еретицва розныи, въ арианство и въ лютеранство, яко то въ Новогородку и индей“. Для предохраненія безпастырной паствы отъ еретичества, Захарія Копыстенскій даетъ благочестивымъ такой наказъ: „Еслибы не было попа для крещенія, то не обращаться къ иновѣрцамъ; пусть крестить дитя діаконъ или церковный якіи чтець, или пѣвецъ. А еслибы и тыхъ не было, теда якіи мужъ правовѣрный, а наветъ самъ отецъ нехай крестить“. Подобный же наказъ даетъ онъ и объ исповѣди: когда нѣтъ священника—исповѣдываться передъ Богомъ. Причастіе брать у священника и хранить для подобныхъ случаевъ, „любо въ пуци и на мори идучи, любо въ далекии краины межи иновѣрными пуцаючи“. Дозволялось тогда людямъ свѣтскимъ держать св. тайны въ домахъ. Во время гоненій отъ иновѣрцевъ или другихъ опасностей, они сами причащались и другимъ рассылали ¹⁾.

Это печальное положеніе дѣлъ должно было, съ одной стороны, породить пьянство, цинизмъ и всякаго рода грубый развратъ, но зато съ другой—оно выработало людей, которыхъ грудь окована была тройною броней пристрастія къ гонимой старинѣ, энтузіазма въ противодѣйствіи торжествующей партіи и глубокаго

¹⁾ Автограф. рукопись варш. библ. гр. Красинскихъ.

омерзѣнія ко всему, что эта партія считала своею славою и красотою. Въ обоихъ случаяхъ пропаганда новаторовъ была напрасна. Черты разврата въ высшихъ и низшихъ слояхъ тогдашняго русскаго общества въ Рѣчи-Посполитой Польской многочисленны и разнообразны; но я укажу только на самую зловѣщую черту, которая показываетъ, что зло достигало уже крайняго развитія, и что сама природа вещей должна была наконецъ покарать общество истребленіемъ. Еще во времена Сигизмунда-Августа, женщины въ литовскорусскихъ провинціяхъ поражали иностранца Волоня своимъ безстыдствомъ и безнравственностью; тѣ изъ нихъ, которыхъ Волонъ называетъ *adulterae*, пользовались въ обществѣ особеннымъ почетомъ, а скромныя и достойныя дѣвицы не обращали на себя, со стороны мужчинъ, никакого вниманія. Простой народъ не отставалъ отъ шляхты и приправлялъ свой развратъ пьянствомъ въ такихъ размѣрахъ, что винокуреніе въ литовскорусскихъ городахъ сдѣлалось самымъ выгоднымъ промысломъ. Отъ высшаго духовенства ни шляхетному, ни простонародному обществу ожидать спасенія было нечего. Эти пожиратели „дѣбовъ духовныхъ“, получаемыхъ изъ королевскихъ рукъ по протекціи своихъ родныхъ или вельможныхъ милостивцевъ, вели въ монастыряхъ свѣтскую и даже семейную жизнь, забавлялись охотою, держали при себѣ, панскимъ обычаемъ, отряды сбродной вооруженной дружины и хаживали другъ на друга войною за церковныя имущества. Что касается до пановъ свѣтскихъ, то между ними много было такихъ, которыхъ предки еще недавно строили церкви, основывали монастыри, завѣщевали села и приселки на устройство шпиталей или, какъ панъ Загоровскій, на содержаніе проповѣдниковъ, школъ и переписчиковъ богослужебныхъ книгъ при церквахъ; много было такихъ, которые и сами были не прочь отъ благочестивыхъ пожертвованій; но въ цѣломъ своемъ составѣ это было сословіе нравственно и даже матеріально безсильное

для такого великаго дѣла, какъ поднятіе изъ упадка церкви и всего народа русскаго.

Съ нравственной стороны не доставало этому сословію образованности, которая въ Литвѣ, на Волини, въ Галицкой Руси и въ собственно такъ называемой Украинѣ, а въ нее входила Кіевщина и Подолія, стояла несравненно ниже польскаго уровня. Умственное и религіозное движеніе появилось въ отрожденной Руси едва въ началѣ XVI вѣка. До тѣхъ поръ это былъ край до того необразованный, что, по свидѣтельству Стрыйковскаго, знатные литвины и русины для писарскихъ услугъ добывали себѣ людей изъ Московскаго царства. Замѣчательно, однакожъ, что мысль о необходимости сдѣлать священное писаніе общедоступнымъ была заявлена здѣсь прежде какихъ-либо другихъ попытокъ просвѣтить общество. Она, конечно, пришла къ намъ изъ западной Европы: она была у насъ пустыннымъ эхомъ того, о чомъ тамъ еще недавно смѣли только шептаться, и что стали наконецъ проповѣдывать съ кровель. Полочанинъ Скорина перевелъ Библію на такой русскій языкъ, какимъ говорили въ высшихъ кругахъ, набравшихся мертвой болгарщины и мертвящей польщизны, вототорья, какъ Сцилла и Харибда, такъ долго угрожали гибелью народному языку южнорусскому. За отсутствіемъ типографіи на Руси, Скорина напечаталъ свой переводъ въ чешской Прагѣ. Только въ 1562 году основана была у насъ первая типографія въ Несвижѣ, и опять поражаетъ насъ случайность, которую можно истолковывать различнымъ образомъ. Первый, можно сказать, ученый тогдашняго времени среди русскихъ и поляковъ, Симонъ Будный, предложилъ дремлющему въ умственной неподвижности обществу нашему протестантскій катехизисъ на русскомъ языкѣ, напечатанный имъ въ едва появившейся на Руси типографіи. Спустя немного времени, литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ основалъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ вторую русскую типографію, и бѣжавшіе изъ полудикой тогда еще Москвы типо-

графы, Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Мстиславецъ напечатали тамъ большой фоліантъ, Толковое Евангеліе, составленное безтрепетно правдивымъ Максимомъ Грекомъ, который для москвичей былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, и съ которымъ они поступили гораздо безпощаднѣе, чѣмъ въ свое время Иродъ съ извѣстнымъ каждому энтузіастомъ правды. Наконецъ основана была знаменитая на Руси типографія въ городѣ Острогѣ, и въ 1580 году тотъ же Ѳеодоръ, вмѣстѣ съ другими передовыми людьми, совершилъ здѣсь печатаніе церковной Библии,—первый, весьма важный шагъ къ побѣдѣ надъ примитивнымъ невѣжествомъ низшихъ слоевъ нашего общества.

Уже самая дата изданія этой книги, развивающей всякое неудоборазвиваемое общество, (кто бы тамъ ни былъ душою этого предпріятія) показываетъ, высоко ли стояло въ умственномъ развитіи наше общество въ XVI вѣкѣ, не имѣя, до второй половины его, другой литературы, кромѣ лѣтописей, актовъ и писанныхъ церковныхъ книгъ? Богатые землевладѣльцы, которымъ больше убогихъ представлялось возможности развить мыслительную способность въ общеніи съ представителями иныхъ круговъ, иныхъ общественныхъ интересовъ, отдѣлены были другъ отъ друга огромными пространствами, часто—безлюдными пустынями: въ землѣ древнихъ деревлянъ — дремучими лѣсами, въ землѣ дреговичей — непроходимыми топями, дреговинами, а въ землѣ полянъ — дикими полями, которыя, по милости хищныхъ татаръ, были непроходимѣе лѣсовъ и топей ¹⁾. Съѣзжались они въ многочисленные собранія только въ двухъ случаяхъ: во первыхъ, въ случаѣ войны (война тогда стлала мосты, дѣлала гати, прорубала просѣки и облегчала торговля операціи между отдаленными

¹⁾ Такъ было съ самого погрома татарскаго. Если не татары дѣлали заглохшіе поля опасными, то литвины, которые постоянно рыскали въ нашихъ пустыняхъ, какъ объ этомъ рассказываетъ Плано Карпини.

пунктами ¹⁾); война водила за собой и науки, или то, что можно разумѣть въ нашей Руси подъ этимъ словомъ); во вторыхъ, они съѣзжались для сеймовыхъ совѣщаній и постановленій. Тѣ и другіе съѣзды были довольно рѣдки, въ смыслѣ непрерывности обмѣна свѣдѣніями. Остальное время каждый панъ замыкался въ своемъ вотчинномъ государствѣ и, если не подпадалъ подъ такое вліяніе богомыслящаго человѣка, какому подчинялись, на примѣръ, Изяславъ и Святославъ Ярославичи, то вся энциклопедія его знаній ограничивалась тѣмъ, чему его учили занятія хозяйствомъ, охотою, или пѣсни и преданія старины. Не даромъ литвины и русины держали у себя для канцелярскихъ дѣлъ людей московскаго племени: сами они были не въ состояніи писать грамотъ, листовъ, духовныхъ завѣщаній и другихъ необходимыхъ актовъ, а ихъ попы и дьяки, само собою разумѣется, были невѣжественнѣ пановъ, при ограниченности своихъ средствъ къ образованію и при замкнутости въ тѣсной сферѣ жизни. Это можно видѣть изъ сравнительнаго просвѣщенія того и другого класса общества въ наше время.

Прошу теперь моего читателя, чуждаго историческихъ утопій, вообразить падающую въ руины русскую церковь и дикорастущее русское общество при такихъ патронахъ и руководителяхъ. Ихъ пожертвованій на церкви, монастыри и школы, даже и такихъ, какое сдѣлалъ Загоровскій за три года до появленія Библии въ печати, не слѣдуетъ приписывать имъ лично, все равно какъ не

¹⁾ Встрѣчая въ актахъ московскія посольства, торгующія соболями, слѣдуетъ имѣть въ виду безопасность дороги, обезпечиваемую посольствомъ, прикрытіе поѣзда вооруженною силою и трудность обмѣна произведеніями различныхъ странъ обыкновеннымъ способомъ. Поэтому, кромѣ подводъ посольскихъ, за полами обыкновенно шель обозъ купеческій. Литва, въ войнахъ съ крестоносцами, естественнымъ бездорожьемъ замѣняла у себя крѣпости. Предпринять походъ противъ крыжаковъ было однозначительно съ устройствомъ удобопроходимыхъ путей: сперва мостили мосты, гатили гати, а потомъ уже двигали войска. То же самое дѣлалось и съ противной стороны. То же самое дѣлалось и во всей лѣсной и болотистой Руси.

слѣдуетъ приписывать разныхъ мирныхъ уставовъ какимъ-нибудь Канутамъ и Гардиканутамъ. Это были, со стороны пановъ, изяславовскія и святославовскія послушанія кому-нибудь въ родѣ Θεодосія Печерскаго, а пожалуй и похитрѣ Θεодосія. Развернемъ, на примѣръ, ветхій листокъ изъ бумагъ кievскаго Никольскаго монастыря, который безпрестанно попадалъ въ противорѣчіе високаго съ низкимъ, небснаго съ земнымъ и, начавши ссориться съ козаками и мѣщанами во времена оны, продолжалъ свою хозяйственно-казуистическую практику до конца козачества. Извѣстный намъ Остапъ Дашковичъ, основатель запорожской колоніи (въ которую только лѣтописцы позднѣйшаго времени, да повторяющіе ихъ историки, помѣщаютъ на первыхъ же порахъ церковь), отправляется на войну и, обычаемъ варяго-русскихъ временъ, проситъ напутственнаго благословенія у игумена Никольскаго монастыря ¹⁾. Игумень даетъ ему благословеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ, конечно, брашно и питіе; а когда благочестивый рыцарь увидѣлъ въ кубѣѣ дно, добрый инокъ, съ приличными случаямъ внушеніями, подаетъ ему къ подписанію слѣдующую бумагу: „Я, такой-то Остапъ Дашковичъ, ѣдучи на господарскую службу, помыслилъ есми о своемъ животѣ, нѣшто станеться надо мною Божія воля, пригодиться смерть, и отказать свое власное отчизное сѣлище Гвоздово Николѣ Пустыному монастырю и игумену пустынскому и всей братіи“. Благочестивый подвигъ Дашковича не мудрено приписать ему самому, но мы читаемъ между строкъ и видимъ въ этомъ актѣ игуменское, а вовсе не козацкое благочестіе ²⁾. Точно такъ всѣ мона-

¹⁾ Кто въ этомъ видитъ черту религіозности козацкой, тому совѣтуемъ прочесть, какъ Острианица въ Голтвѣ, а Богданъ Хмельницкій въ другихъ мѣстахъ прибѣгали передъ военными предпріятіями къ чарамъ и предсказаніямъ личностей менѣе почтенныхъ.

²⁾ Въ этой мысли убѣждаетъ насъ еще больше то обстоятельство, что Гвоздовъ былъ уже однажды отказанъ Никольскому монастырю, да, видно, не попалъ изъ козацкихъ въ чернецкія руки. Въ актѣ сказано: „Какъ предъ симъ записалъ а селище Гвоздовъ, такъ и теперь подтверждаемъ“.

стыри и церкви, болѣе или менѣе посредственно, созидались иноками, инокинями и свѣтскими попами, что не уменьшаетъ ни заслуженной активности однихъ, ни добродѣтельной пассивности другихъ, тѣмъ болѣе, что въ варварскія времена внутреннихъ и вѣшнихъ разбоевъ, обыкновенно именуемыхъ болѣе мягкими названіями, монастыри были хранилищами историческихъ, религіозныхъ и нравственныхъ преданій, каково бы ни было ихъ относительное достоинство.

Патроны церквей и руководители общества только на сеймовыхъ сѣздахъ обнимали умомъ всю совокупность явленій добра или зла въ области церковной и общественной дѣятельности, да и туда они привозили съ собой—или готовые инструкціи, въ видѣ напоминанія о томъ, что имъ дѣлать, или такихъ людей, которые, хоть и жили у нихъ, но, не развлекаясь панскими хлопотами и забавами, имѣли побольше досуга, а пожалуй и ума, чѣмъ сами ихъ патроны, для того, чтобы дѣйствовать изъ-за спины своего милостивца во славу его имени и въ пользу общества. Смѣшонъ былъ бы историкъ XXII-го столѣтія, когдабъ, исполнясь уваженія, подобающаго прекрасной личности Вильгельма Прускаго, сдѣлалъ его душею прусской дипломатіи за послѣднее время. Не менѣе смѣшны для читающаго акты между строкъ тѣ ученые, которые въ наше время приписываютъ идею акта и проведеніе идеи въ жизнь тому только лицу, которое въ немъ поименовано.

Вооружась такими соображеніями, читатель мой смѣло можетъ странствовать со мною по темному, часто обманчивому, требующему постоянной бдительности лѣсу, называемому археографическими актами, и слѣдить по этимъ документамъ за дѣятельностью литовско-русскихъ благочестивыхъ пановъ въ великомъ вопросѣ поддержанія церкви, рушайщейся у нихъ передъ глазами, и общества, очевидно разлагающагося въ грубой чувственности и еще грубѣйшемъ невѣжествѣ.

Дѣятельность эта представлена нашему времени въ преувеличенномъ видѣ тѣми писателями, которые принимаютъ слова за дѣла, заслонившись фоліантами отъ шумнаго свѣта, гдѣ такъ часто одно говорится и пишется, а другое дѣлается. Патроны были какъ патроны. Пошумѣвъ на сеймахъ, разославши грамоты и письма куда слѣдуетъ, они воображали, что сдѣлали дѣло. Патроны сознавали себя силою, пока были всѣ вмѣстѣ, съ своимъ интеллигентнымъ штатомъ; но тотъ не знаетъ законовъ человѣческаго взаимодействія, кто не испыталъ на себѣ охлаждающаго свойства родного уголка, отрозненнаго отъ столичнаго кипѣнія мыслей, нравственныхъ сдѣлогъ, умственныхъ страстей. Историки, пребывающіе ради своей профессіи всю жизнь въ столицахъ, воображаютъ вельможныхъ ревнителей древняго благочестія на своемъ мѣстѣ, а пожалуй и въ своемъ вѣкѣ; потому и приписываютъ имъ небывальщину. Сила, временно образовавшаяся отъ совокупности пановъ на многолюдномъ съѣздѣ, исчезала сама собой по возвращеніи каждаго ея представителя къ обычному порядку жизни. Отъ этой временно образовавшейся силы оставались только письмена, для помраченія умовъ отдаленнаго потомства, или лучше сказать—ученыхъ путеводителей его по лабиринту книжныхъ полокъ.

Такимъ ничтожнымъ по своимъ послѣдствіямъ былъ съѣздъ благочестивыхъ пановъ на варшавскомъ сеймѣ 1585 года, приводимый нынѣ въ книгахъ, какъ доказательство благочестивой дѣятельности магнатовъ. Онъ принесъ пользу только исторіи, но вовсе не народному и не церковному дѣлу. Благодаря этому съѣзду, исторія имѣетъ нынѣ передъ собой громкую манифестацію, которая изображаетъ какъ нельзя выразительнѣе горестное положеніе православной церкви тогдашней и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ панское самообольщеніе доблестными фразами. Это—соборное посланіе русскаго дворянства къ кіевскому митро-

политу Онисифору Дівочкѣ. Оно заслуживаетъ прочтенія въ подлинномъ текстѣ своемъ ¹⁾).

„Великому несчастію своему причитати мусимъ“, писали дво-

¹⁾ Для непривычныхъ къ тогдашнему письменному языку, прилагается переводъ акта, интереснаго не по одному содержанию своему, но и по самому изложенію, которое служитъ для насъ образикомъ того, какъ писало высшее правоправящее сословіе тогдашнее, и какъ заставляло писать и, по мѣрѣ силъ, говорить все низшее, убивая такимъ образомъ языкъ, выработанный лучшими органами народнаго генія и дошедшій до насъ въ такъ-называемыхъ невольничкихъ плачахъ, историческихъ думахъ и пѣсняхъ.

„Великому несчастію своему приписать должны мы то, что во время вашего папства есѣ мы страшно угѣснены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, папства не имущія. Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако вашей милости не угодно заботиться о томъ, чтобы словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять и хоть сколько-нибудь спасать святое благочестіе... Такихъ бѣдъ никогда не бывало и вурель большихъ не можетъ быть, какъ эти. Во время папства вашей милости довольно всего злого въ законѣ нашемъ стало: насилія святни, замкнаніе св. тайнъ, запечатаніе св. церквей, запрещеніе звонить, выволакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ; какъ будто-бы какихъ злодѣевъ, сажаютъ ихъ въ позорныя тюрьмы, а мірскимъ людямъ запрещаютъ въ церквахъ Божіихъ молиться и выгоняють. Такихъ насилій не дѣлается и подь поганскими царями, какія творятся въ папствѣ вашей милости. Но этого мало: рубятъ кресты святые, захватываютъ колокола въ замокъ, по желанію жидовъ. А ваша милость еще и листами своими открытыми противъ церкви Божіей помогаете, — жидамъ на радость, святой вѣры нашей еще на большее униженіе а намъ на досаду. Кромѣ того, какія дѣлаются еще опустошенія!.. Церкви обращаются въ костелы іезуитскіе, имѣнія, церкви Божіей пожертвованныя, теперь къ костеламъ приписаны, и многія другія великія нестроенія. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братіи, игумены съ женами и дѣтми живутъ и церквами святыми владѣють и радятъ; изъ большихъ крестовъ маленькіе дѣлають; что было дано къ Божіей чести и хвалѣ, изъ того святотатство сдѣлано: дѣлають себѣ пояса, ложки, сосуды злочестивые, для удовлетворенія прихотей своихъ; изъ ризъ саяны, изъ епитрахилей брамы. Но, — что еще хуже — ваша милость поставляешь одинъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, что вашей милости и правила запрещаютъ; вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и, къ поруганію святой вѣры, на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда, и дѣтокъ плодятъ..... И другихъ, и другихъ, и другихъ бѣдъ великихъ и нестроенія множество! Чего, по причинѣ горести нашей, на сей разъ подробно изложить не можемъ. Наставилось епископовъ много, на одну епархію по два; отъ того порядокъ погибъ. Жаль намъ души и совѣсти вашей: ва все отвѣтъ вы должны Господу Богу отдать.“

ряне (что мы) „за вашего паствырства вси велицѣ утиснены, плачемъ и скитаемся, яко овцы паствыра неимуція; ачѣ вапу милость старшого своего маемъ, але ваша милость подвизатися и працы чинити, словесныхъ овецъ отъ волковъ губящихъ боронити и ни троха ни въ чомъ святому благочестію ратунку давати не рачишь... Такихъ бѣдъ первѣй николи не бывало, и вже болшіи быти не могутъ, яко тые: за паствырства вашей милости досыть всего злого въ законѣ нашомъ сталося, яко згвалченья святостей, святыхъ тайнъ замыканья, запечатованья церквей святыхъ, заказанье звоненья, также вывоженья отъ престола съ церквей Божіихъ поповъ, яко нѣкакыхъ злочинцовъ шарпаючи, въ срѣсныхъ вязеньяхъ ихъ сажаючи, и мирскимъ людемъ въ церквахъ Божіихъ молбъ забороняючи и выгоняючи; что ся таковыя квалты не дѣлають и подъ поганьскими царьми, яко ся то все дѣеть въ паствырствѣ вашей милости. А што еще къ тому порубанья крестовъ святыхъ, побранья звоновъ до замку и кволи жидомъ? И еще ваша милость и листы свои отворены, противу церкви Божое, жидомъ на помощь даешъ, къ потѣсѣ имъ и къ большему оболженью закону нашего святого и къ жалю нашому! Къ тому еще якія дѣются спустошенья церквей! Изъ церкви костелы езуитскіе, и имѣнья, што бывали на церкви Божія на даны, теперъ къ костеламъ привернены, и иныя многія нестроены великія. Въ монастырехъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ жонами и съ дѣтьми живутъ, и церквами святыми владають и радять; съ крестовъ великихъ малые чинять, и съ того, што было Богу къ чти и къ хвалѣ подано, съ того святокрадство учинено, и собѣ поясы, и ложки, и сосуды злочестивые къ своимъ похотямъ направують, и зъ ризъ саяны, съ петрахи левъ брамы. А што еще горшого, ваша милость рачишь поставляти самъ одинъ епископы, безъ свидѣтелей и безъ насъ, братьи своее, чога вашей милости и правила забороняють; и за такимъ звапнымъ вашей милости совершеніемъ, негодные ся въ такой

великій станъ епископскій совершаютъ и, къ поруганью закону святого, на столицы епископлей съ жонами своими кромѣ всякого встыду живутъ и дѣтки плодятъ. И иныхъ, и иныхъ, и иныхъ бѣдъ велихъ и нестроенія множество! чого, за жалець нашимъ, на тотъ часъ такъ много писати не можемъ. Наставилося епископовъ много, на одну столицу по два; затымъ и порядоць згибъ... Жаль намъ души и сумнѣнья вашей милости: за все отвѣтъ Господу Богу маешъ воздати...“

Чуждыми звуками, чуждымъ, нестройнымъ складомъ звучить эта замогильная рѣчь. Что это былъ за народъ? на какомъ это языкѣ писалъ онъ? невольно спрашиваешь себя. На языкѣ, обреченномъ погибели, на переходномъ къ польскому. Составители акта были уже полуполяки, и какъ ни разглагольствовали они въ пользу православія, сердце ихъ пребывало тамъ, гдѣ пребывало ихъ сокровище. Отъ своей церкви и народности не ждали они ничего для панскихъ домовъ своихъ: все приманчивое и желанное для нихъ находилось въ рукахъ у короля и его рады. Сеймовая протестація была чистымъ лицемѣриемъ: за словами никакое дѣло не слѣдовало. Еслибъ этотъ бесполезный актъ потерся въ архивномъ сору навѣки, историки могъ бы сказать, что паны даже не замѣтили, какъ русская церковь была близка къ паденію.

Здѣсь я долженъ взять прерванную нить моего повѣствованія о дѣятельности римской курии и связать ее съ тѣмъ, что происходило у насъ, въ нашей отрозненой Руси.

Еслибы поляки не были питомцами нѣмецкаго духовенства искони, они бы — или не существовали вовсе въ видѣ Польскаго государства, которое мы знаемъ, какъ панскую когорту (*cohors amicorum*), или же, смѣшавшись въ нераздѣльное общественное тѣло съ сельскими гминами, поставили бы Польское государство на болѣе широкомъ основаніи. То была бы уже не шляхетски-демократическая Рѣчь-Посполитая. Другими словами — они сдѣлались бы способны образовать *государство*, то есть то, чѣмъ

республика шляхетская была еще менѣе, нежели ея незаконно рожденное чадо—козацкая республика; ибо въ такомъ случаѣ *народъ*, въ широкомъ значеніи слова, выучилъ бы ихъ государить въ духѣ равномѣрности. Въмѣсто того, духовные наставники выучили ихъ пановать и считать только себя народомъ, въ своей племенной отроженности въ видѣ лехитской шляхты. Возвысилось это самозванное царство шляхты дѣйствіемъ посторонней силы, а не путемъ натуральной въ государственномъ организмѣ зрѣлости. Поэтому, польскому обществу, при всѣхъ его плѣнительныхъ качествахъ,—при его добродушной веселости, при его симпатіи ко всему возвышенному надъ повседневностью, наконецъ, при его готовности на помощь другу и брату, хотябы даже и съ большими пожертвованіями,—не было дано выработать въ себѣ той глубины духа, которая сказывается въ любви къ внутренней сущности дѣла, а не къ видимости его. Всегдашними недостатками поляка, говоря вообще, были—такъ называемая *okazałość*, самодовольство, удовлетвореніе себя посредственнымъ и возведение своего посредственнаго на высоту *doskonałości* (совершенства). Отсюда у нихъ легкое взвѣшиваніе чужой силы; отсюда ихъ увѣренность въ достиженіи труднодостижимаго; ¹⁾ отсюда ихъ мел-

¹⁾ Болѣславъ Храбрый въ Кіевѣ; Владиславъ III подъ Варною: политическая и церковная уніи, затѣянныя попусту; овладѣніе Москвою во вредъ внутреннимъ и внѣшнимъ интересамъ своимъ; Владиславъ королевичъ подъ Можайскомъ, спасенный Конашевичемъ-Сагайдачнымъ, гетманъ Жолковскій подъ Цоцорою; крайняя опасность короннаго войска подъ Хотиномъ, устраненная еще разъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ; поднятіе на себя всей Украины польскимъ *lekseważeniem* *szlchorów*; Янъ Собіскій подъ Вѣною, не рѣшающійся ударить на турокъ до прихода „дикой милиціи козацкой“; вторичная потеря Украины отъ *lekseważenia* *szlchorów*, Украины, отданной панамъ жалкою боярскою политикою и вторично имъ отданной по недостатку историческаго образованія при Екатеринѣ, наконецъ, послѣдняя импровизація невозможнаго для Польши, подъ предводительствомъ достойнаго лучшей родины ополяченнаго русина Костюшка: вотъ подтвердительные факты изъ польской исторіи, къ которымъ, во имя самого человеколюбія, распространяемаго, въ числѣ другихъ странъ, и на Польшу, можно примѣнить слова одного изъ современныхъ политико-экономовъ: „Хорошо, еслибы возможно было вовсе исключить изъ лѣтописей эти печальные памятники преступленій и *bezumia*“.

кое плаваніе по бездонной глубинѣ; отсюда, наконецъ, и это увлеченіе западною реформаціею со стороны вышней свободы, а не той, о которой заповѣдано намъ словами: „и уразумѣте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“.

Реформація распространилась въ Польшѣ съ изумительною быстротою, но еще изумительнѣе для историка быстрота ея исчезновенія. Последнее явленіе принято у насъ приписывать іезуитамъ; но это не единственный примѣръ исканія того въ людяхъ, что заключено въ обстоятельствахъ. Я бы просилъ нашихъ историковъ объяснить мнѣ; почему тѣ же іезуиты оказались безсильными противъ реформаціи въ Германіи? Не потому ли, что сѣмена религіозной философіи нашли тамъ не одну только аристократическую почву; что подъ высшимъ, легко вывѣтривающимся слоемъ они нашли глубоко взрыхленную почву, чего вовсе не было въ Польшѣ? Реформація нужна низшимъ, а не высшимъ классамъ общества. Со временъ „Исуса сына Давидова“, мы не встрѣчали на исторической аренѣ аристократовъ-реформаторовъ. Были между ними протекторы (знатные послѣдователи) реформаціи, но не реформаторы, не начинатели и двигатели реформаціи. Какъ сама собою начала въ польскомъ обществѣ рушиться преданность католической церкви, со временъ Казимира IV, такъ само собою рушилось бы и протестантство. Іезуиты вовсе не были для этого необходимы. И съ іезуитами, и безъ іезуитовъ, для польской аристократіи, какою мы ее знаемъ за ея вулицами, была возможна одна только вѣра, — вѣра въ манону неправды.

Русскіе дворяне, въ свою очередь, не были способны развить въ себѣ того, что у апостола такъ прекрасно названо дѣятельнымъ благочестіемъ. Они, въ варягорусскія времена, были воспитаны хожденіемъ на полюдьѣ, кормленіемъ въ княжихъ городахъ, взиманіемъ поплинъ за княженецкіе суды, наконецъ слушаніемъ „словья стараго времени“, который умѣлъ „ущекотати“ княжескіе

полки, но не умѣлъ развеселить печаль такого человѣка на княжескомъ пиру, какъ Θεодосій Печерскій ¹⁾). Наши любезные обиратели варягоруссы, такъ же какъ и лехиты, были не отъ народа. Они не могли проникнуться глубоко духомъ христiянства уже по одному тому, что не были скорбящими и обремененными, а были причинителями скорби и обременителями. Греки могли ихъ научить обрядности, но не сущности вѣры, по той простой причинѣ, что сами были далеки отъ этой сущности. Оттого-то строители монастырей въ отрожденной Руси, завѣщатели имуществъ на богоугодныя, творимыя добродушными иноками, дѣла и даже основатели школъ и издатели библий — такъ скоро переходятъ на лоно католической вѣры, что на одной страницѣ лѣтописи читаемъ иноческое восхваленіе благочестія эгихъ почтенныхъ господъ, а на другой — осужденіе ихъ отступничества. Они переходятъ въ католичество тотчасъ, лишь только начинаютъ родниться съ польскими домами и конфузиться своего неумѣнья доказать превосходство вѣры своей. Они должны были конфузиться передъ латинскими прелатами и ихъ воспитанниками, польскими панами: это очень понятно. Не могли наши паны „русаки“ указать имъ ни на богатство духовенства своего, тогда какъ латинцы съ гордостью говорили имъ о Римѣ и его всемірной эксплоатаціи, ни на торжество греческой церкви надъ невѣрными, которые такъ неопровержимо властвовали надъ ея первосвященниками, ни даже на внутреннее, философское достоинство догматовъ православiя, котораго они не понимали ни умомъ, ни — еще менѣе — сердцемъ. Историки

¹⁾ Однажды Θεодосій посѣтилъ кiевского великаго князя Святослава Ярославича въ его княжецкихъ палатахъ и засталъ тамъ веселый пиръ. Играли на гуслихъ, на органахъ; пѣли пѣсни. Θεодосій остался, не удалился отъ несвойственной отшельническому духу сцены, но сидѣлъ молчаливъ и печаленъ; наконецъ молвилъ: „Будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ!“ Князь приказалъ немедленно приостановить мірскія забавы, и постарался, чтобъ на будущее время святой мужъ, во время благосклонныхъ посѣщеній своихъ, не былъ опечаленъ праздными забавами.

объясняютъ таковое прискорбное для нихъ поведеніе своихъ героевъ православія слѣдствіями, но никакъ не причиною, хотя причина такъ очевидна.

Вѣра не была внѣдрена въ княжескихъ дружинниковъ и ихъ потомство, какъ залогъ лучшей жизни, потому что воображеніе не могло и представить имъ ничего лучше полюдыя. Вѣра пришла къ нимъ не съ утѣшеніемъ, а съ угрозами, какъ рассказываетъ и первый лѣтописецъ русскій; слѣдовательно не влекла ихъ къ себѣ, какъ залогъ лучшаго, напротивъ, заставляла рабски лукавить. Она явилась во всей божественной прелести своей только такимъ людямъ въ древней Руси, какимъ проповѣдывали ее рыбаки галилейскіе. Только смердамъ да всѣмъ безвыходно тѣснымъ въ варяжской займанщинѣ сказала она драгоцѣннѣйшею стороною своею, и въ этой-то средѣ, какъ ни мало была она образована, утвердилась незыблемо. Съ источникомъ отрады человекъ расстаётся не легко, съ предметомъ страха—весьма охотно. Поэтому и русскіе дворяне впади, какъ мы видѣли, въ тотъ индифферентизмъ, при которомъ только и возможны были такія явленія, какія они описали въ своемъ соборномъ посланіи къ кievскому митрополиту. Они впади въ этотъ индифферентизмъ во времена далекія: они стояли въ сторонѣ отъ своей церкви задолго до того времени, когда перестали называться ея членами. Но какова же, спросить читатель, какова была русская церковь безъ просвѣщенія и безъ высокой нравственности въ томъ обществѣ, которое составляло ее? Она была такою, какая только и могла выработаться при переработкѣ византійщины въ нашей свѣжей славянской натурѣ. Она на столько была чиста отъ всякія скверны, на сколько дикорастущій русскій духъ способенъ былъ возсоздать ее въ себѣ. Пора оставить намъ въ исторіи стереотипныя фразы. Отъ нихъ нѣтъ пользы ни наукѣ, ни нравственности. Русская церковь далеко была не тѣмъ во времена оны, чѣмъ заурядъ ее представляютъ, хотя надо сказать, что она всё-таки была свѣ-

томъ, сіявшимъ во тьмѣ; и всё-таки надо отдать ей честь, что тьма не объяла свѣту ея, не смотря на всѣ усилія такихъ ангеловъ тьмы, какими были проповѣдники на Руси папизма. Разсмотримъ теперь, какъ оно такъ дивно — хотя въ сущности очень просто — сотворилось, что русская церковь не дала папизму погасить свѣ-
тильника своего.

ГЛАВА VIII.

Основанія религіозности въ украинскомъ народѣ. — Монастырское проповѣданіе христіанства. — Юридическая замѣна народа одними высшими классами его. — Мѣщанство по отношенію къ церкви. — Магдебургское право и церковныя братства. — Мѣщане берутъ на себя попеченіе о церкви. — Противъ нихъ дѣйствуютъ, посредствомъ шляхты, іезуиты. — Мѣщане ищутъ представителей братствъ между панами. — Испорченная панами іерархія ищетъ въ уніи освобожденія отъ инспекціи со стороны церковныхъ братствъ.

Всякая сильная натура, выразившая себя въ добромъ или зломъ направленіи, не пропадаетъ въ жизни безслѣдно, но пропагандируетъ свой нравственный образъ въ грядущихъ поколѣніяхъ, продолжаетъ, такъ сказать, родъ свой, какъ это дѣлается въ зоологическомъ мірѣ. Она выдерживаетъ борьбу съ неблагоприятными для нея обстоятельствами, подавляетъ своихъ сравнительно слабыхъ соперниковъ и погибаетъ, то есть теряется безслѣдно для человѣческаго наблюденія, только тогда, когда выполнить свойственную ей роль, исчезаетъ тогда, когда жизнь выработаетъ на ея мѣсто уже другія орудія для своихъ вѣчныхъ операцій. На этомъ общемъ законѣ основывается, между прочимъ, та чудная связь, которая существуетъ между множествомъ индивидуумовъ нашего времени и однимъ или нѣсколькими индивидуумами времени давно-минувшихъ. Этимъ закономъ объясняются также нѣкоторыя возмутительныя явленія современной намъ жизни, по

видимому, не свойственныя существующему порядку вещей, невозможныя въ немъ, діаметрально противоположныя цѣлямъ лучшихъ и могущественнѣйшихъ изъ представителей человѣческой расы.

Варягорусскій періодъ нашей исторіи не былъ въ натурѣ такъ безцвѣтенъ и безмысленъ, какъ онъ является въ монастырскихъ сказаніяхъ. Если мы будемъ разсматривать его только біологически, то и тогда не можемъ не признать въ дѣятеляхъ этого періода щедрыхъ даровъ жизни, судя по необычайности передвиженій, истребительныхъ и гнетущихъ другія силы, но всегда энергическихъ. Не одна, однакожь, біологія можетъ быть приложена къ варяжскому періоду: отрывокъ погибшей эпопеи народной, ведущей свое происхожденіе отъ какого-то „соловья стараго времени“, убѣждаетъ насъ въ предположеніи, что на берегахъ Днѣпра, Десны, Сулы и другихъ русскихъ рѣкъ кипѣла самобытная духовная дѣятельность свѣжаго, высоко одареннаго народа, какъ-будто предназначеннаго создать новую Грецію на мѣсто обветшавшей ¹⁾). Вдругъ допотопный плезиозавръ, въ видѣ Батя, губить юное общество въ первомъ цвѣту, и, на мѣсто поэтическихъ звуковъ древняго бояна, по русской землѣ распространяется молчаніе безлюдной пустыни. Зачѣмъ это было нужно? гдѣ, въ какомъ вѣкѣ, въ какомъ сцѣпленіи живучихъ силъ скрывается разумная причина такого быстрого, доконченнаго въ два-три звѣрскихъ прыжка истребленія? Наука не собрала еще своихъ средствъ для объясненія подобныхъ, какъ мы привыкли говорить, случайностей. Но въ этой исторической картинѣ, на мой взглядъ, еще не такъ много контраста, какъ въ двухъ другихъ преданіяхъ лавонической, почти нѣмой старины русской. Вотъ они:

Народъ нашъ самъ по себѣ выработалъ кроткое начало благоволенія къ ближнимъ и нравственное „стыдѣніе“ въ словахъ и по-

¹⁾ Нельзя здѣсь не припомнить суевѣрныхъ догадокъ старинныхъ грамотѣвъ, что древняя Троя находилась въ землѣ Кіевской.

ступкахъ между двумя полами. Не доставало, по видимому, только лучей божественнаго разума, чтобы дать этой духовной жизни достойное человѣческаго общества развитіе. И вотъ, чрезъ посредство женскаго сердца, этого перваго и вѣчнаго проводника христіанства въ жизнь, совершилась апостольская миссія. Кажется бы, среди этого кроткаго народа, процвѣтеть христіанство въ той поэтической прелести, какою оно возсіяло изъ сердца своего перваго апостола. Нѣтъ, колеблемая вѣтромъ трость въ пустынѣ, человѣкъ, очищающій грѣхи самоумерщвленіемъ, вдали отъ общества и семейства, вотъ что сдѣлалось идеаломъ днѣпровскихъ прозелитовъ! Надъ нашимъ заимствованіемъ ученія богочеловѣка отъ испорченныхъ грековъ какъ-будто исполнилось апостольское слово: „Течетъ ли изъ мутнаго источника чистая вода“? Христіанская жизнь первыхъ инокъ, распространившихся по всей русской землѣ новые догматы вѣры, проводима была въ подземныхъ ямахъ, въ причиненіи самому себѣ физическихъ страданій, въ отверженіи лучшихъ даровъ божественной благодати, а христіанская любовь ихъ сосредоточивалась на тѣсномъ кругѣ своихъ единовѣрцевъ. Въ противоположность ученію богочеловѣка, что многіе придутъ отъ востока и запада и возягутъ на лонѣ Авраамовомъ, что властенъ Господь и изъ камня создать Аврааму чада, эти подземные апостолы проповѣдывали фанатическое отчужденіе и ненависть. „Своему личному врагу, который убилъ бы передъ твоими очами твоего сына, или брата, прости все, но не прощай врагамъ Божиимъ той вины, что они держатъ кривую вѣру“: такова была ихъ проповѣдь. Христось, благимъ общеніемъ своимъ съ иновѣрцами, разрушалъ сектаторскія правила, подобныя, на примѣръ, тому, „чтобы жида не прикасались къ самарянамъ“, а эти носители вѣввшихся въ тѣло веригъ, покрытые догматически-несмысваемою ими никогда корою грязи, учили омывать сосудъ и очищать его молитвою послѣ того, какъ изъ него напьется латинянинъ.

Но христіанство имѣеть дивную силу вырабатывать общество для лучшей жизни въ вѣкахъ грядущихъ, какимъ бы извращеніямъ ни подвергалась его проповѣдь временно. Тѣ же фанатическіе аскеты пропагандировали, какъ словомъ, такъ и самимъ дѣломъ, милосердіе, и пропагандировали въ такія эпохи, когда оно, по видимому, совершенно изсякло въ русскомъ сердцѣ. Они рѣзкимъ укоромъ останавливали тирана, для котораго не было уже никакой нравственной узды въ обществѣ. Они и въ политической жизни сдѣлали много для единенія русскихъ областей общимъ чиноначаліемъ церковнымъ, общими монастырскими правилами и преданіями, общимъ дѣятельнымъ благочестіемъ, **распространеннымъ** въ особенности на скорбящихъ и **обремененныхъ**, упрочивая такимъ образомъ народную **связь**, которая въ послѣдствіи готова была порваться **ослѣпительно**, и не порвалась единственно потому, что **восмутительное** для нынѣшней гуманности подвижничество, которое пришлось по душѣ современному обществу, вязало жителей отдаленныхъ странъ безчисленными узлами духовнаго единенія, и совершало свою таинственную, едва сознаваемую самими подвижниками, работу въ теченіе многихъ вѣковъ.

Татарское опустошеніе Руси справедливо объясняютъ русскимъ свободолюбіемъ и героизмомъ; но въ томъ упорствѣ, въ томъ беззавѣтномъ героизмѣ, съ которымъ русскіе гибли подъ наваломъ дичи монгольской, сказался также и духъ нетерпимости къ „Божіимъ врагамъ“, проповѣданной монастырями. Грѣшный княжескій, боярскій и гостино-греческій міръ, который аскетическая церковь русская такъ строго осуждала, палъ подъ ударами Батыя со всею своею культурою, можетъ быть, столько же жертвою монастырскихъ внушеній, сколько и жертвою богатырскаго правила — предпочитать смерть постыдному полону. Посреди жалкихъ остатковъ этого міра, сдѣлавшагося для насъ почти сказочнымъ, уцѣлѣли монастыри, а между монастырями сохранилось

ихъ древнее единеніе. Только благодаря монастырямъ, разорван-
ная послѣ татарскаго опустошенія на куски, русская земля не по-
теряла нравственнаго единства; и такимъ же аскетамъ, каковымъ
былъ ихъ прототипъ, поучавшійся иноческой жизни на Аѳонѣ, но
не епископамъ въ родѣ корсунянина Анастаса и не вельможамъ въ
родѣ крестителя Добрыни, суждено было спастись отрожденною отъ
остального русскаго міра нашу родину. Густой туманъ невѣжества
покрылъ ее послѣ такъ называемаго народомъ *мхолитѣя*. Свѣт-
лыми точками въ этомъ туманѣ были монастыри. Тамъ сохрани-
лась грамотность; тамъ велись письменныя преданія о вѣчно до-
рогихъ человѣческому сердцу предкахъ, которые были снесены
военными бурями съ лица русской земли. Иноки были единствен-
ными печальниками темнаго и безотвѣтнаго народа, единствен-
ными его наставниками, а подѣ часъ и кормителями.

Прежнее государственное начало, проявлявшееся въ соедине-
ніи вѣча съ княжескимъ управленіемъ, это, можно сказать, зарож-
деніе чего-то великаго въ маломъ и возвышеннаго въ низкомъ,
исчезло вдругъ, какъ выкидышь; а его мѣсто заняла литовско-
польская государственность, которая построилась не на естествен-
ной ассоціаціи труда и талантовъ, а на завоевательномъ преобла-
даніи одного класса надъ другими. Эта государственность пода-
вила „русское право“, вписанное въ память народа подѣ формою
обычая. Народъ юридически пересталъ быть *народомъ*, и долженъ
былъ уступить это названіе двумъ высшимъ классамъ общества,
которыхъ право олицетворялъ въ тебѣ король. „Еслибы право
само по себѣ могло говорить и дѣйствовать, намъ бы не нужно
было короля: онъ у насъ — говорящее и дѣйствующее право“. Такъ
опредѣляли королевскую функцію независимые члены Рѣчи-
Посполитой Польской ¹⁾. И вотъ это-то говорящее и дѣйствующее
право польское, съ помощью „вѣрныхъ совѣтниковъ“ своихъ,

¹⁾ Со словъ папскаго нунція Маласпины.

путемъ придворныхъ злоупотребленій королевскою властью, находившеюся въ рукахъ многихъ, а не одного, привело и латинскую, и русскую церковь, въ предѣлахъ польскаго политической системы, въ то состояніе, въ какомъ изобразили ее сеймующіе русскіе дворяне въ писмѣхъ къ кievскому митрополиту. Не сомнѣваемся въ томъ, что органомъ русскихъ дворянъ въ этомъ, равно какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, были люди, преданные не столько фамильнымъ, можно даже сказать — династическимъ, интересамъ и свѣтскимъ забавамъ, сколько иноческому богомыслию. Церковное управленіе, руководимое папистами, разновѣрцами, да и самими православными, которые ни въ чомъ не были лучше ихъ, самими даже тѣми, которые подписали имена свои подъ соборнымъ посланіемъ, довело церковь до положенія отчаяннаго; и вотъ почему, среди крайняго нечестія общества, этого мнимаго собранія вѣрующихъ, начали раздаваться громкіе сигналы тревоги со стороны тѣхъ, которые были вѣрующими не на словахъ только, но и въ глубинѣ души своей. Угрожаемая гибелью народная жизнь вызвала къ дѣятельности послѣднія, глубокаго скрытыя силы свои.

Тогдашнее дворянство, говоря вообще, не было и не могло быть сѣдалищемъ христіанскаго благочестія. Оставляя въ сторонѣ польское высшее общество и вникая только въ русское, мы сдѣлаемъ общее замѣчаніе: что, если продукты высшей цивилизаціи вносятся въ общество, стоящее на низкой ступени развитія, то первое, по крайней мѣрѣ, время по принятіи продуктовъ цивилизаціи, вмѣсто самой цивилизаціи, знаменуется упадкомъ общественной нравственности, разнузданностью страстей, распущенностью нравовъ и естественнымъ слѣдствіемъ всего этого — оскуднѣніемъ вѣры. Еще прежде реформаціоннаго движенія за границею, наполнившаго нашъ высшій классъ верхоглядами и красноглазовыми франтами, въ нашу простацкую русь проникли, чрезъ посредство нашихъ польскихъ родныхъ и пріятелей, продукты

утонченной итальянской культуры, которая такъ сильно отзывалась вліяніемъ развратнаго злодѣя, папы Александра VI. Въ Италіи тогда не одни свѣтскіе, но и духовные образованные люди, упо-добляясь своимъ образцамъ, древнимъ римскимъ философамъ, считали религію необходимою для одной черни, которую, ради спокойствія и выгоды, надобно держать въ заблужденіи. Такой взглядъ на нравственную связь церкви съ обществомъ неизбѣжно усвоивался людьми, которые патронать, принадлежавшій королю, а мѣстами и землевладѣльцамъ, обратили въ предметъ придворной и провинціальной интриги. Для нихъ была удобна и полезна одна только форма благочестія — лицемѣріе. Оттого въ польскомъ обществѣ даже магнаты, подобные Замойскому, дозволяли себѣ безнравственные „эзорбитанціи“ на счетъ своихъ единовѣрцевъ, а въ обществѣ русскомъ ревнители древняго благочестія окружали себя новаторами, праздными обжорами, а часто и вѣдомыми всѣмъ убійцами. Благочестіе, если оно и было въ панскомъ обществѣ во времена большей простоты нравовъ, — съ утонченностью быта и съ развитіемъ на Руси иноземной роскоши, съѣхало на почву матеріальныхъ выгодъ, а не то — пустого тщеславія. Для подтвержденія этихъ словъ, достаточно указать на отсутствіе даже хотя бы одного случая, въ которомъ бы какой-нибудь прославленный панегиристами фундаторъ церкви, монастыря, церковной школы и т. п. отважился дѣйствовать хоть такъ изъ ревности къ отеческой вѣрѣ, какъ, на примѣръ, дѣйствовалъ галицкій помѣщикъ Опалинскій, который, по выраженію Львовской лѣтописи, „о пса войну точилъ“ съ сосѣдомъ Стадницкимъ цѣлыхъ два года, и у котораго подъ знаменами собиралось болѣе семи тысячъ народу. ¹⁾ Никто изъ нихъ не вступался такъ яростно, такъ героически за вѣру, какъ этотъ пацъ за ничтожныя въ началѣ оскорбленія, или

¹⁾ Нѣсколько документовъ 1610-го года, относящихся къ ожесточенной враждѣ этихъ двухъ пановъ, находится въ рукописяхъ Императ. Публ. Библ. развоз. Л. Q, отд. IV, № 8.

какъ, на примѣръ, Іеремія Вишневецкій за свою опеку надъ родными. Станиславъ Радзивиль, въ своемъ дневникѣ, передаетъ потомству, съ видимымъ сочувствіемъ къ этому герою полноправства, какъ онъ кричалъ на всю Польшу, что: *ieżeliby król chciał z dobrych go wypędzić, życie miał prędzej stracić, niżeli dopuścić, aby kto inny miał opiekę* ¹⁾). Но этотъ знаменитый русскій панъ, за себя лично, готовъ былъ и не на такую рѣшимость. Дворянинъ его Машкевичъ, рассказавъ, какъ не хотѣлось однажды его княжеской милости присягнуть въ томъ, что онъ дѣйствительно по болѣзни не явился къ суду на сеймъ, записалъ, вовсе не признавая, что предаеть патрона позору, слѣдующее:

„Князь всячески старался уклониться отъ присяги, однакожь (коронный) хорунжій (Александръ Конецпольскій) настаивалъ, и ему некуда было дѣться—приходилось присягнуть. Но сохрани, Господи Боже! много бѣды вышло бы изъ этой присяги. Ибо съ вечера передъ урочнымъ днемъ князь Вишневецкій собралъ всѣхъ слугъ, бывшихъ при немъ, всего человекъ около 4.000. Собравши всѣхъ, кромѣ пѣхоты и мелкаго народа, произнесъ онъ имъ рѣчь и просилъ, чтобы всѣ стояли возлѣ него и смотрѣли на него: что онъ начнетъ, то они доканчивали бы. „Если я присягну“, говорилъ онъ, „то, поднявшись, тотчасъ ударю саблею хорунжаго и начну рубить всѣхъ, кто его станетъ защищать, хоть бы то былъ и самъ король; а вы всѣ до единаго, дворовые слуги и молодежь, протѣснитесь въ сенаторскую избу и помогайте мнѣ“.—„Такъ бы и было, когдабъ онъ присягнулъ (заключаетъ свой драгоцѣнный рассказъ Машкевичъ); но самъ король Владиславъ IV съ панами сенаторами постарались, чтобъ панъ хорунжій не настаивалъ на присягѣ“.

Вотъ какова была панская религіозность! и только такую

¹⁾ Еслибы король захотѣлъ вытѣснить его изъ этихъ имѣній, то онъ скорѣе готовъ былъ жизни лишиться, нежели допустить, чтобы кто другой присвоилъ себѣ эту опеку.

могла она выработаться изъ всѣхъ прецедентовъ польскаго и русскаго панства. Мы вѣримъ, что предокъ Іереміи, Дмитрій Вишневецкій, предпочелъ смерть отступничеству. Мы вѣримъ, что и самъ Іеремія сдѣлалъ бы то же самое въ плѣну. Но на свободѣ онъ позволялъ разбирать, передъ своими глазами, камень по камню, ту церковь, которую предки его — не созидали, нѣтъ: это призваніе повыше ихъ уровня, а обогащали. На свободѣ онъ позволилъ взять себя за руку и вывести изъ отеческой церкви, или даже больше того: онъ, подобно королю Сигизмунду-Августу, позволилъ іезуиту заступить себѣ дорогу и повелительнымъ жестомъ указать, въ какую церковь приличнѣе идти такому великому пану. Та холодность къ интересамъ церкви, на которую постоянно жаловались, въ первыя времена уніи, папскіе нунціи, характеризуетъ не одну польскую знать. Русскіе паны, похожіе на польскихъ во всемъ другомъ, стояли въ томъ же самомъ положеніи относительно своей церкви, въ какомъ ихъ премирующая братія — къ своей.

Совсѣмъ другое явленіе по отношенію къ церкви представляло литовскорусское мѣщанство. Связь этого сословія съ гражданскимъ обществомъ русскимъ, существовавшимъ до татарскаго погрома, для насъ потеряна, такъ какъ XIV вѣкъ, можно сказать, вычеркнуть судьбою изъ нашихъ историческихъ воспоминаній. Татарщина, неожиданнымъ и страшнымъ ударомъ, повергла насъ въ безпамятство; очнувшись, мы видимъ себя уже въ связи съ Литвою, а потомъ съ Польшею. Вѣчевой порядокъ, безъ принимаемаго и отсылаемаго вѣчанами князя, продолжаться не могъ. Вездѣ появилась небывалая прежде на Руси абсолютная власть, связанная съ народомъ только матеріальными интересами. Интересы нравственные между ними почти не существовали. Церковь предоставлена была собственному вѣдѣнію; новая правоправящая власть относилась къ ней внимательно только по вопросамъ имущественнымъ. Такъ точно и народный самосудъ остался не-

тронутымъ, по недостатку гражданской развитости въ новыхъ верховникахъ русской земли. Села свободно группировались въ судебныя общины или *коты*, которыми ядрили въ повседневныхъ дѣлахъ депутаты, называвшіеся *мужами сходатаями*. Постановленія такой общины называемыя нами копнымъ правомъ, были обязательны для каждаго села, входившаго въ составъ копы. Обычай, этотъ родоначальникъ всякаго закона, ¹⁾ руководилъ мужами сходатаями и придавалъ ихъ сходгамъ власть, которой подчинялись и наследственные владѣльцы, дѣдичи и отичи подлежащихъ сель. *Копна*, синонимъ *громада*, ²⁾ была вѣче безъ князя, осиротѣлое вѣче. Торговые люди, обитатели рынковъ и владѣтели товаровъ, а не земли, жители городовъ, мѣщане, оставили Русь, или были перебиты татарами при защитѣ княжихъ городовъ. Города послѣ татаръ стали называться *городищами*, мѣстами, гдѣ стоялъ городъ, а жители этихъ мѣстъ — *мѣщанами*. Но мѣщанъ было мало: города перестали быть безопасными, а сидѣнье въ нихъ — доходнымъ; порвались пути сообщенія и торговья связи; прекратился спросъ на ремесленные издѣлія; сельская промышленность почти вся заключалась въ замкнутые предѣлы сельскихъ громадъ, которыми вѣдали мужи сходатаи, свободные de facto патріархи русскихъ пустынь. ³⁾ Еслибъ не литовскіе собиратели дани и не странствующие изъ села въ село чернецы, со-

¹⁾ Замѣчательно, что авторъ „Апокрисиса“ (1597 г.), опредѣляя „общее государственное право“, говорить: „Право, упоминаемое въ этой главѣ, двояко: одно неписанное, которое называемъ обычаемъ, а другое писанное“, и пр. „Относительно права неписаннаго, или обычая, не нужно много говорить и показывать, что оно нарушено митрополитомъ и владыками: всѣ это знаютъ и признають, да и сами нарушители, кажется, не настолько смѣлы и безстыдны, чтобы могли оснаживать“.

²⁾ О сѣнѣ въ Украинѣ говорятъ: *копить* и *громадить*, въ одномъ и томъ же смыслѣ.

³⁾ Одинъ изъ лучшихъ русскихъ историковъ говорить: „Городовъ, въ смыслѣ корпорацій особаго сословія, съ особыми правами, кромѣ сѣверныхъ народоправныхъ, въ татарской Руси не существовало, торговля и промышленность до

бравшіе другого рода дань на свои ограбленные хищниками монастыри, то наши безграмотные предки могли бы потерять понятие о томъ, что они—народъ, въ смыслѣ гражданскомъ, и что родная земля, за предѣлами ихъ околицъ, раскинулась на весьма широкое пространство. Безлюдье было характеристическою чертою не только Руси, но Литвы и пограничной съ Литвою Польши въ XIII и XIV вѣкѣ. Большая часть привилегій и пожалованій тогдашнихъ основана на стараніи привлечь население въ пустыя мѣстности, заинтересовать его въ пользу сельскихъ и городскихъ промысловъ. Сельскіе промыслы находились или подъ опекою частныхъ землевладѣльцевъ, или подъ завѣдываніемъ княжеско-королевскихъ урядниковъ-экономовъ; но городскими озаботилось преимущественно центральное правительство. При недостаткѣ собственнаго идеала относительно городского устройства, польско-литовскіе города формировались по подобію нѣмецкихъ. Въ началѣ это были подвижные рынки подъ защитою замка, въ которомъ сидѣлъ королевскій сборщикъ дани и судья; потомъ рынки, или базарныя площади, превратились въ собраніе торговыхъ и ремесленныхъ поселеній. Но охотниковъ до жизни въ городѣ было мало. Славянинъ вообще любить поле, лѣса, раскидистое село. Бѣда не научила его, какъ нѣмца, сжиматься въ орѣховую скорлупу ради безопасности. При томъ же сельскій народъ былъ нуженъ панамъ и королевскимъ экономамъ для обработки полей и лѣсныхъ промысловъ. И вотъ короли обратились къ густому населенію за границею своей Савроматіи; стали вызывать въ польскіе города нѣмцевъ. Нѣмцы не иначе переселялись, какъ подъ условіемъ сохраненія своего тевтонскаго городского права, котораго проагандистомъ былъ у нихъ городъ Магдебургъ. Этимъ путемъ въ славянскую иррегулярную жизнь

такой степени были ничтожны, и отличались первобытными приемами, что занимавшіеся ими не могли подняться до значенія и правъ, вышшихъ надъ крестьянскими“.

внесено начало нѣмецкой регулярной цивилизаціи, подѣ именемъ магдебургскаго права ¹⁾.

Магдебургское право научило насъ раздѣленію общей городской корпораціи на спеціальныя, подѣ названіемъ цеховъ; оно дало нашимъ горожанамъ идею и о церковныхъ братствахъ, которые въ послѣдствіи разыграли весьма важную роль въ защитѣ русской автономіи противъ автономіи польской. Верховная власть находила выгоднымъ поддерживать на Руси городское право въ его постоянной борьбѣ съ земскимъ. Какъ городское, такъ и земское начало существовали сами собою въ нашемъ обществѣ, и такіе города наши, какъ Вильно, Кіевъ, Львовъ, никогда не переставали быть торговыми и административными центрами. Идея магдебургскаго права совпала въ нихъ съ древнею идеею народнаго самосуда; только что нѣмцы, какъ народъ, прочно организовавшійся, явились регуляторами славянскихъ городскихъ порядковъ. Магдебургское, или, какъ у насъ называли, *майтборское* право сперва принималось на Руси тупо, но потомъ вошло въ большую славу; русскіе города, начиная съ XV вѣка, стали

¹⁾ Сущность магдебургскаго права состояла въ слѣдующемъ: Мѣщане извѣстнаго города, на основаніи этого права, составляли общину, имѣвшую свое внутреннее устройство, свой судъ и управленіе. Главное завѣдываніе городомъ возлагалось на бургомистровъ и ратмановъ, а власть судебная предоставлена была войту и лавникамъ, или присяжнымъ засѣдателямъ. Обязанность бургомистра и ратмановъ состояла въ распоряженіи городскими доходами и расходами. Бургомистръ, какъ выборный членъ свободной общины, исправлялъ свою должность только одинъ мѣсяцъ со дня выбора, потомъ передавалъ свой судъ старшему изъ ратмановъ, а тотъ такимъ же порядкомъ передавалъ третьему и т. д., пока наконецъ четвертый ратманъ не оканчивалъ своей мѣсячной службы и не передавалъ ее опять старшему ратману. Такой чередъ продолжался до новыхъ выборовъ, т. е. до перваго понедѣльника послѣ новаго года. Войтъ и лавники избирались на всю жизнь и составляли мѣстный судъ. Въ городахъ, имѣвшихъ магдебургское право, одни только мѣщане пользовались имъ. Въ самомъ Вильнѣ магдебургское право простиралось только на обывателей, бывшихъ въ вѣдѣніи ратуши и имѣвшихъ жительство на городскихъ земляхъ; жившіе же на земляхъ, принадлежащихъ замку, епископу и церквамъ, не пользовались этимъ правомъ.

испрашивать его себя отъ верховной власти. Но, что и безъ нѣмецкой формальности города русскіе умѣли организовать на своихъ старыхъ началахъ, доказательствомъ тому служить Червоная Русь, гдѣ магдебургское право не считалось необходимымъ для самозащиты въ такой степени, какъ въ городахъ такъ называемыхъ литовскихъ. Причиною этому, главнымъ образомъ, было то, что Червоная Русь, доставшись Польшѣ путемъ захвата, была задабриваема королями. Короли раздавали мѣщанамъ свои столовыя имѣнія, именно земли уничтоженныхъ русскихъ князей, въ видѣ королевщинъ, на ряду съ мелкою шляхтою; отъ этого образовалось множество мелкихъ землевладѣльцевъ; магнатскій элементъ не могъ развиваться тамъ въ такой степени, какъ въ обширныхъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ литовскихъ пановъ, или въ пожалованныхъ навѣки громадныхъ королевщинахъ на Украинѣ; покупать у короля „магдебургскій привилей“, стоившій дорого, было не зачѣмъ, а дарить его въ Галичинѣ короли, съ своей стороны, не имѣли причины: тамъ города защищались отъ шляхты собственными ресурсами, а торговля и промышленность развивались въ нихъ безъ помѣхи со стороны другого, слишкомъ сильно преобладающаго сословія. Галицкіе города образовали даже своего рода ганзу съ городами малопольскими: почти ежегодно посылали они своихъ делегатовъ на общіе сѣзды, гдѣ представители мѣщанства трактовали не только о вопросахъ судебныхъ, но также и объ интересахъ, общихъ всѣмъ городамъ, связаннымъ между собою торговыми дѣлами. Самая колонизація пограничныхъ пустынь въ окрестностяхъ Львова, въ XIV и XV вѣкѣ, обязана преимущественно предприимчивой дѣятельности торговаго класса, который не только владѣлъ сначала землями въ Галиціи, но и защищалъ ихъ собственными руками отъ вторженія непріятелей. ¹⁾ Короли были довольны соперничаньемъ мѣщанъ съ дво-

¹⁾ Когда, въ 1603 году, Лавринъ Пісочинскій, брацлавскій подкоморій, возвращался изъ Крыма, гдѣ онъ узналъ о приготовленіяхъ хана къ походу въ

рянствомъ, обезпечивали ихъ города отъ посползновеній шляхты приобрѣтать и строить въ нихъ дома, а когда сами мѣщане находили иногда выгоднымъ втягивать шляхту въ города, чтобы, подъ ея защитою, дѣйствовать въ интересахъ своей церкви, королевская власть вооружалась противъ такихъ посползновеній грозными универсалами.

Богатѣйшія церкви, монастыри, училища и богадѣльни, кѣмъ бы и когда бы они ни были сооружены и основаны, находились въ городахъ. Мѣщане были естественными ихъ охранителями и de facto собственниками. Королю, вмѣстѣ съ панами, принадлежало подаванье хлѣбовъ духовныхъ; королевскимъ и панскимъ ставленникамъ доставались доходы съ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ; на долю мѣщанамъ, примыкавшимъ своими жилищами непосредственно къ святилищамъ, выпало то, что у апостола названо дѣятельнымъ благочестіемъ. Были примѣры, что и паны отстаивали храмы противъ иновѣрцевъ, но мотивъ у нихъ былъ имущественный или, что почти то же самое, патронскій: никто изъ нихъ не вооружался за церковь, чужую для него не въ одномъ, такъ въ другомъ отношеніи. Напротивъ, мѣщане не разъ и не два доказали, что въ ихъ устахъ не пустыми звуками были такія слова, какъ „ревность дому твоего снѣде мя“. Они, можно сказать, на порогѣ обороняемыхъ ими храмовъ владели собственныя головы подъ королевскій мечъ. Но, пока до того не дошло еще, мѣщане, совершенно независимо отъ сословія панскаго и отъ своей іерархіи, созданной панствомъ, обнаружили такую ревность къ поддержанію древняго благочестія, до которой паны, какъ сословіе, никогда не возвышались.

Одинъ изъ нашихъ историковъ утверждаетъ, будтобы „мысль о братствахъ перешла къ русскимъ отъ западной церкви, гдѣ было

Венгрію, онъ, въ числѣ разныхъ старостъ, далъ знать и львовскимъ мѣщанамъ, чтобъ они были на сторобѣ. (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. отд. IV, № 71, л. 124.)

въ обычаѣ составлять добровольныя корпораціи на религіозныхъ началахъ“. Мы не находимъ въ исторіи слѣда этого перехода, не можемъ указать момента, въ который бы такое заимствованіе соотвѣтствовало обстоятельствамъ русской церкви, и, кромѣ того, характеръ самихъ первыхъ братствъ противорѣчитъ римской идеѣ невмѣшательства мірянъ въ дѣла церкви. Указаніе упомянутаго историка на іезуитовъ, которые „особенно любили учреждать братства“, грѣшитъ противъ извѣстнаго факта, что іезуиты постоянно ставили свои учрежденія параллельно съ православными, чтобы дискредитовать послѣднія; да притомъ наши церковныя братства появились задолго до перехода корпораціи іезуитовъ на русскую почву ¹⁾. Церковныя братства въ отрожденной Руси, съ самого того времени, когда ихъ слѣдъ обозначился передъ нами въ нашихъ полуистребленныхъ письменныхъ памятникахъ, появляются на исторической сценѣ съ характеромъ почитателей о церкви. Они имѣли много общаго съ цеховымъ

¹⁾ Обычай латинцевъ подкрѣплять церковное управленіе братствами перенять ими отъ православныхъ и протестантовъ, и совершенно не съ такимъ характеромъ, съ какимъ существовали эти братства въ церкви православной. Братское общество при католической церкви было не больше, какъ извѣстный орденъ (напр. братство св. Анны, признанное папою и королею), который орденъ былъ въ полномъ подчиненіи и распоряженіи у католическаго духовенства, или это было общество людей кающихся. Ихъ обязанности опредѣлялись самимъ духовенствомъ, и они назывались братчиками потому только, что всѣ несли на себѣ степень одного духовнаго наказанія; но въ ихъ общей дѣятельности, по отношенію къ духовенству и народу, ничего не было живого и самостоятельнаго. Они должны были каждый день бывать при богослуженіи, принимать св. тайны, прочитывать каждый день извѣстныя молитвы и извѣстное число ихъ, служить нищимъ и бѣднымъ. Отличительными достоинствами ихъ должны быть: скромность, набожность, молчаніе и исполненіе, безъ разсужденія, всего того, что повелѣваетъ дѣлать и чему учить св. костель. Желаящимъ познакомиться поближе съ устройствомъ и значеніемъ этихъ братствъ укажемъ на маленькую книжечку „Ustawy Bractwa, które pod Tytułem Najświętszych Serc Jezusa y Maryi zaprowadzone iest w Połockim Xięży. 1759 г.“ Братства съ подобнымъ характеромъ можно видѣть въ католической церкви и въ настоящее время: это общество составляютъ ханжи, бабы съ ворунками (чотками) и съ скаплиржами — знаками посвященія ихъ въ общество св. костела.

устройствомъ русскихъ городовъ. И цехи, и церковныя братства были свободными общинами въ городскомъ населеніи. Магдебургское право дало тѣмъ и другимъ прочную организацію. Подъ его вліяніемъ, братства завели у себя самосудъ и выработали для себя особые громадскіе уставы. Они сходились въ опредѣленныхъ мѣстахъ для совѣщаній по дѣламъ церковнаго благочинія и внѣшняго устройства храмовъ. Обиженный въ своемъ замкнутомъ кругу братчикъ обязанъ былъ искать суда только у братства, но отнюдь не у духовнаго или свѣтскаго, городского или земскаго начальства; такъ точно было и въ цехахъ. Какъ цехи, такъ и братства ежегодно избирали старшину свою для управленія общими ихъ дѣлами. И ремесленные цехи, и церковныя братства признавали себя обязанными снабжать свою церковь всѣмъ необходимымъ, заботиться о распространеніи хвалы Божіей между православными, присутствовать въ праздники при богослуженіи и участвовать въ погребеніи умершихъ братьевъ. Съ теченіемъ времени братская община въ большихъ городахъ является довольно богатою средствами для поддержанія благочестія въ народѣ и становится въ такое же отношеніе къ церкви, какъ и патроны, только не на словахъ, а на дѣлѣ. Она беретъ подъ свое попеченіе и охрану отдѣльныя церкви и монастыри, наблюдаетъ надъ духовенствомъ, и даже мѣстному епископу не позволяетъ имѣть власть надъ братскими монастырями. Въ 1544 году, за 36 лѣтъ до напечатанія Острожской Библии, полочкіе мѣщане жаловались королю на своего архіепископа Симеона, обвиняя его въ симоніи, въ незаконномъ пользованіи монастырскими имуществами, въ самовольномъ, безъ ихъ выбора, поставленіи за деньги архимандритовъ и въ томъ, что онъ „попомъ и людемъ въ мѣстѣ и по селамъ и по всей парафії своей кривды и шкоды великіи дѣлаеть“. ¹⁾ Въ то время братства еще не иска-

¹⁾ Въ вопросѣ объ отношеніи магдебургскаго права къ церковнымъ братствамъ я воспользовался сводомъ актовъ, сдѣланнымъ Д. Н. Снѣцинымъ, мало-

ли защиты у патріарха отъ высшей іерархіи мѣстной и признавали надъ собою власть митрополита, но, минуя его, какъ чело-вѣка потворливаго, обращались, конечно, къ верховному подавателю столицъ духовныхъ и хлѣбовъ духовныхъ“. Побужденія у нихъ были не тѣ, что у пановъ: они считали оскорбленными членами церкви не только себя, но и сельскій народъ. Прежде чѣмъ была написана первая церковная протестація отъ лица дворянства, мѣщане заявили, что церковь, по ихъ мнѣнію, существуетъ не для епископа и не въ епископѣ, а для всего народа и въ цѣломъ народѣ. Дѣятельность церковныхъ братчиковъ не ограничивалась только извѣстнымъ монастыремъ или городомъ: они слѣдили за дѣятельностію своего архіепископа по всей епархіи. Подобный полоцкому случай представляютъ современные акты и во Львовѣ. Въ 1551 году, львовскій епископъ Арсеній Болѣбанъ, отецъ знаменитаго своими гоненіями на братство Гедеона, хотѣлъ присвоить себѣ духовную власть и управление братскимъ Онуфріевскимъ монастыремъ. Монахи, вмѣстѣ съ братствомъ, протестовали передъ королемъ.

Противъ церковныхъ братствъ, отстаивавшихъ автономію русской церкви и, можно сказать, русскаго народа, римская церковь выставила врага, вполне соотвѣтствовавшаго важности значенія братствъ, врага сильнаго своими ресурсами и весьма опаснаго по систематичности дѣйствій своихъ. Король Сигизмундъ-Августъ, вѣрный своей политикѣ терпимости ко всякому религіозному товариществу въ государствѣ, послушался совѣта кардинала Гозіуса, и дозволилъ ввести во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой орденъ іезуитовъ. Іезуиты сдѣлали главнымъ сѣдалищемъ

извѣстнымъ, но почтеннымъ изыскателемъ литовско-русской старины, печатавшимъ, подобно автору, статьи свои въ нелѣтнѣйшемъ изъ провинціальныхъ журналовъ, „Вѣстникъ Югозападной Россіи“. Полагаю, что Д. Н. Сяницинъ, такъ же какъ и пишущій строки сіи, не зналъ, отдавая редактору рукопись, въ какомъ сообществѣ очутится онъ, и чѣмъ окажется самъ редакторъ.

пропаганды своей Пруссію, гдѣ Говіусъ былъ епископомъ и усиливался остановить успѣхи реформаціи въ этой тогда еще польской провинціи; потомъ, въ 1564 году, они вступили въ Великую Польшу, куда призвалъ ихъ познанскій епископъ Конарскій; наконецъ, въ 1570 году, появились въ Вильнѣ, а въ 1582 году, черезъ два года по изданіи въ Острогѣ Библии, король Стефанъ Баторій отдалъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ всѣ православныя монастыри и церкви съ отчинами и имуществомъ ихъ, оставивъ неприкосновенною одну только епископскую кафедру полоцкую. Король въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ законно: церкви, какъ зданія, и церковныя имущества, какъ достояніе короны, принадлежали ему. Съ королемъ братства не имѣли силъ бороться за оскорбленіе народнаго чувства. Онъ имѣлъ въ виду воспитаніе юношества, а іезуиты славились педагогическимъ искусствомъ; во всѣмъ же вѣроисповѣданіямъ онъ былъ одинаково равнодушенъ. Іезуиты явились людьми солидными, милосердыми къ бѣднымъ, почтительными къ авторитетамъ и властямъ, даже какъ-будто безкорыстными въ своихъ трудахъ по распространенію просвѣщенія. Презрѣнія къ русской церкви они не выражали, открыто ее не гнали, но старались подкопать ея основанія тѣмъ, что переманивали въ латинство воспитывавшихся у нихъ представителей крупнаго землевладѣнія въ Литвѣ и Руси. Единственное посягательство ихъ на независимость русской церкви состояло, покамѣстъ, въ томъ, что они твердили о необходимости привести ее въ древнее общеніе съ римскою, для преуспѣванія въ ней христіанскаго благочестія. Немногіе подозрѣвали въ началѣ что-нибудь опасное для русской автономіи въ этомъ тихомъ ордентѣ, состоявшемъ большею частію изъ людей бывалыхъ, полированныхъ, часто весьма ученыхъ, вообще же любезныхъ и предупредительныхъ. Іезуиты не ограничились достояніемъ своимъ въ Пинскѣ; они проникли всюду, гдѣ аристократы нуждались—или въ наукѣ, или въ просвѣщенной бесѣдѣ, или въ услу-

гахъ, требующихъ скромности и знанія свѣта. Они сдѣлались друзьями дома въ первѣйшихъ русскихъ фамиліяхъ, на примѣръ у князей Острожскихъ, воспитателями молодого поколѣнія и усладителями досуговъ стараго, а что всего было для пановъ драгоценнѣе — вѣрными слугами имущественныхъ и другихъ панскихъ интересовъ. Въ этомъ качествѣ проникли іезуиты и въ Червонную Русь, гдѣ они были гораздо больше дома, нежели въ самомъ Полоцкѣ. Латинство вкоренилось тамъ со временъ Казимира IV, и львовскій архиепископъ, считая въ своей діецезіи цвѣтъ окатоличеннаго русскаго дворянства, смотрѣлъ на него, какъ полководецъ — на расквартированную по всей странѣ армію. Изъ каждаго панскаго дома іезуиты сдѣлали операціонный базисъ для своихъ дѣйствій. Дѣло переработки русскаго элемента въ польскій пошло у нихъ успѣшно. Назначеніе негодныхъ людей на епископіи и архимандріи, поддержка со стороны правительства прозелитовъ, обращавшихъ силою русскія церкви въ костелы по своимъ имѣніямъ, и тому подобныя явленія тогдашней трагической эпохи слѣдуетъ приписать въ значительной степени ихъ ловкому содѣйствію. Въ это-то время возопили сеймовые русскіе паны къ своему митрополиту тѣмъ громкимъ коллективнымъ воплемъ, который мы повторили въ своемъ мѣстѣ. Но краснорѣчивыя слова ихъ такъ и остались словами. Напротивъ, мѣщане, безмолвные передъ королемъ и сеймомъ, не переставали дѣйствовать.

Въ 1582 году въ Польшѣ введенъ новый григоріанскій календарь. Согласно іезуитской тактикѣ, львовскому бургомистру и радцамъ прислана, въ слѣдующемъ году, королевская грамота, въ которой православнымъ русинамъ запрещалось заниматься ремеслами и продажей товаровъ въ праздники, означенные въ новомъ календарѣ. Это запрещеніе львовскіе іезуиты распространили и на богослуженіе по старому календарю. Въ настоящемъ случаѣ, они дѣйствовали, какъ и всегда, по пословицѣ — загребать жаръ чужими руками. Оставаясь въ сторонѣ, они устроили гоненіе на

мѣщанское благочестіе посредствомъ львовскаго архіепискупа Яна-Димитрія Суликовскаго. Архіепискупъ, именемъ закона, оскорбленнаго якобы ослушаніемъ православныхъ, поручилъ это дѣло брату своему Войцеху. Въ праздникъ навечерія Рождества Христова, Войцехъ взялъ съ собою канониковъ изъ капитулы, да отрядъ вооруженныхъ людей и толпу католической черни, всегда готовой довазать рвеніе свое къ единой спасающей вѣрѣ, какъ ее учатъ латинскіе толеранты. Эти новые крестоносцы ходили по городу изъ одной церкви въ другую, изъ одного монастыря въ другой, именемъ короля выгоняли оттуда народъ, отрывали священниковъ отъ престола, не давая докончить литургію, а церкви запечатывали. Народъ оставался въ недоумѣніи, чтѣ съ нимъ происходитъ. Но тутъ выступило на сцену братство, сорвало печати съ церковныхъ дверей и произвело въ городѣ всеобщее волненіе между благочестивыми. Противная партія притаилась, а оскорбленные русины, вмѣстѣ съ епископомъ своимъ Болобаномъ, послали королю жалобу. Такъ какъ тутъ замѣшался интересъ Болобана, принадлежавшаго къ знатной фамиліи, то жалоба угрожала Суликовскому непріятными послѣдствіями: Стефанъ Баторій держалъ королевскій мечъ въ собственныхъ рукахъ и любилъ при случаѣ настоять на исполненіи закона. Но на помощь гонителямъ русской церкви приспѣли ея патроны: стараніями князя Константина-Василія Острожскаго и другаго православнаго пана Воловича, поддержанными со стороны католиковъ Станиславомъ Жолковскимъ, сѣдебное преслѣдованіе Суликовскаго было остановлено. Король нашелся въ необходимости воспретить принужденіе православныхъ къ принятію новаго календаря, съ тѣмъ однакоже, чтобъ они не нарушали публичныхъ римскихъ празднествъ.

Съ этого времени мѣщане начинаютъ искать членовъ для своихъ братствъ между богатою и сильною шляхтою греческой вѣры, и часто находятъ въ томъ самомъ домѣ, даже въ томъ са-

момъ лицѣ своего адгерента, что и іезуиты. Обыкновенно знатный панъ любилъ искательства. Чѣмъ полнѣе былъ панскій домъ ходатаями и подлиналами, тѣмъ больше было ему славы. Эта-то слава дошла въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до насъ, въ томъ невѣрномъ смыслѣ, который разорителей церкви представляетъ ея охранителями. Знатнаго пана занимало одинаково, или не занимало вовсе, какъ то, что казалось справедливымъ или высокимъ для одной партіи, такъ и то, что находила такимъ совершенно противоположная партія, смотря по тому, выигрывали, или страдали близкіе его интересы отъ его благосклоннаго вниманія къ просителямъ. Даже высшая, королевская и сеймовая политика держалась этого правила, и никогда больше, какъ въ періодъ заграничнаго реформаціоннаго движенія. Борьба между враждебными элементами долго была сомнительною. Въ этомъ сознаніи люди воспитывались, выросли, старались; и оно-то было причиною той безразличности или противорѣчія въ дѣйствіяхъ, которая такъ часто поражаетъ насъ въ нѣкоторыхъ изъ личностей XVI вѣка, памятныхъ въ нашей исторіи. Не подражаніе іезуитамъ, любившимъ дѣлать свое дѣло изъ-за спины сильнаго человѣка, а горькая необходимость заставляла членовъ церковныхъ братствъ, этихъ чисто-мѣщанскихъ учрежденій, искать благосклонности у единовѣрныхъ вельможъ. Шляхта въ Польскомъ государствѣ значила все; она присвоила только своему сословію названіе народа, и, пока мѣщане пополняли братскій реестръ одними своими „славетными“ именами, ихъ религіозная корпорація могла подвергаться безнаказанно такимъ насиліямъ, какъ сейчасъ описанное. Совсѣмъ другое выходило дѣло, когда въ этомъ реестрѣ фигурировали имена мѣстной шляхты, въ качествѣ „старшихъ братчиковъ“. Тогда мѣщанамъ открывался путь не только въ трибуналы, но и въ сеймовыя собранія. Паны, съ своей стороны, въ глазахъ различныхъ партій, пріобрѣтали союзомъ съ братствами новое значеніе, какъ представители русскаго народа (вспомнимъ Зборовскаго въ ко-

зацкой средѣ); и такимъ образомъ между двумя сословіями, различными по своему прошедшему и настоящему, по своимъ стремленіямъ и симпатіямъ, заключались обязательства, сущность которыхъ состояла въ такихъ, на примѣръ, выраженіяхъ: „Мы (дворяне) въ городѣ вообще не живемъ и, по отдаленности, не часто бываемъ, а потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ пановъ братій нашихъ, съ тѣмъ чтобы они во всемъ ссылались на насъ, яко на старшихъ, а мы, яко старшіе младшимъ, должны имъ помогать, за нихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ“. Заручась товариществомъ нѣсколькихъ тузовъ изъ господствующаго сословія, простонародные братчики и ихъ смиренные священники не такъ уже боялись антагонистовъ своихъ, и не страшень былъ имъ самъ панъ староста мѣстный, который не посмотрѣлъ бы подъ часъ и на магдебургское право, но для котораго ссора съ богатою шляхтою была бы крайне неудобна. Всего тяжеле для сердца этихъ въ самомъ дѣлѣ благочестивыхъ людей было то, что такъ рельефно выставлено въ соборномъ посланіи сеймующей русской шляхты, и что едва-ли не было сочинено и подано панамъ къ подписи однимъ изъ *дѣйствительныхъ* членовъ львовскаго братства. Документъ этотъ указывалъ прямо на коренное зло, дискредитующее русскую церковь и грозящее ей окончательнымъ паденіемъ — на шаткость столбовъ церкви, іерарховъ. Братство рѣшилось дѣйствовать единственнымъ возможнымъ для него способомъ — усугубленіемъ нравственнаго надзора надъ покровительствуемою панами іерархією и привлеченіемъ недостойныхъ архіереевъ къ духовному суду, который находился въ рукахъ патріарха. Вскорѣ представился имъ къ тому благопріятный случай.

Въ 1588 году, изъ Греціи ѣхалъ въ Москву цареградскій патріархъ Іеремія просить милостыни у богатаго русскаго царя, которому за то везъ икону съ каплями Христовой крови. Турецкіе султаны поступали съ патріархами такъ точно, какъ и съ молдав-

скими господарями: кто дастъ больше, тому и предпочтеніе. Султанъ Амуратъ III нашолъ выгоднымъ низложить Іеремію и сослать въ отдаленный монастырь, а черезъ пять лѣтъ нашолъ выгоднымъ возвратить его на патріаршій престолъ. Вернувшись въ Царьградъ, Іеремія засталъ соборную церковь уже мечетью; надобно было строить новую. Денегъ взять было въ Турціи неоткуда; онъ обратился къ русскимъ ресурсамъ. А дабы ничто не стѣсняло его въ архипастырской практикѣ, испросилъ у Сигизмунда III дозволеніе воспользоваться принадлежавшимъ ему правомъ суда и расправы надъ русскимъ духовенствомъ. Патріархъ зналъ о безпорядкахъ въ церковномъ управленіи на Руси и готовился смѣстить недостойнаго архипастыря, Онисифора Дівочку. Поводомъ къ такому рѣшенію послужили, однакожь, не столько проступки его въ качествѣ іерарха, сколько открытіе, что онъ, до своего посвященія, будучи міряниномъ, овдовѣлъ и женился опять; а церковными правилами возбранено было посвящать двоеженцевъ. Обнаруженіе рокового факта и смѣщеніе митрополита, по всей вѣроятности, не обошлось безъ іезуитовъ: они заготовили на этотъ важный постъ своего кандидата. Львовскіе братчики радовались патріаршему суду, воображая, что, вмѣсто Онисифора Дівочки, митрополія будетъ ввѣрена болѣе достойному пастырю; но выборъ патріарха, къ удивленію всѣхъ, остановился на минскомъ архимандритѣ Михаилѣ Рогозѣ. Рогоза былъ іезуитскій воспитанникъ. Дѣло устроено такъ искусно, что патріархъ не спрашивалъ даже дворянства, которому принадлежало *ius patronatus*, то есть избраніе достойнѣйшаго въ митрополиты, для представленія на утвержденіе королю. Онъ удовлетворился только рекомендаціею Скумина - Тишкевича, будущаго противника уніи, и еще нѣсколькихъ пановъ, подготовленныхъ къ возведенію минскаго архимандрита въ высшій духовный санъ. Сидя по своимъ имѣніямъ, русскіе паны молчали, — тѣ самые паны, которые, года

три тому назадъ, принимали церковныя дѣла такъ близко къ сердцу.

Должно быть, уже и тогда о Михаилѣ Рогозѣ носились тревожные слухи. Благоразумный собиратель милостыни не сталъ противиться желанію дворянъ; но, при посвященіи ихъ избранника, выгородилъ себя слѣдующими словами: „Если онъ достоинъ, то пусть будетъ по вашему слову достоинъ; но если онъ не достоинъ, а вы его представляете за достойнаго, то сами узрите, а я чистъ“. Впрочемъ на патріарха могло сдѣлать непріятное впечатлѣніе и то обстоятельство, что кандидатъ въ такой высокій санъ не представилъ ему праведной мзды за посвященіе. Предчувствіе не обмануло его. На возвратномъ пути изъ Москвы, онъ послалъ къ Рогозѣ своего епископа, грека Діонисія, требовать у него 250 талеровъ. Діонисій увѣщевалъ Рогозу такъ: „Еслибы твоя милость поѣхалъ самъ къ патріарху, то тебѣ стало бы дороже. Патріархъ долженъ былъ содержаться на твоёмъ хлѣбѣ, а потому справедливо возратить ему издержки. У патріарха нѣтъ ни фольварковъ, ни сель, ни маестностей“. Но Рогоза объявилъ, что не обязанъ ничего давать. Онъ разсудилъ, прибавляетъ, очевидно, съ улыбкой, авторъ современнаго разсказа о дѣятеляхъ униі, что теперь не нужно уже пастыря, когда онъ самъ сдѣлался пастыремъ“. Вообще тогдашніе духовные люди перестали уже смотрѣть на патріарховъ наивно, и толковали ихъ судъ и расправу такъ, что они ѣздятъ на Русь не для церковнаго благочинія, но „ради злата и сребра многа“.

Тѣмъ не менѣ львовское братство сочло необходимымъ освободиться отъ мѣстной духовной юрисдикціи и испросило у патріарха грамоту, которою онъ подтвердилъ благословеніе антиохійскаго патріарха, данное въ 1586 году. По этому благословенію и по новому уставу, утвержденному Іеремією, львовскому братству принадлежалъ надзоръ надъ благочиніемъ и порядкомъ всей русской церкви. Братчики обязаны были всюду наблюдать и

слѣдить за порядкомъ церковнаго, религіознаго и нравственнаго быта, все узнавать и обо всемъ доносить братству, которое имѣло право обличать не только священнослужителей передъ епископомъ, но и самого епископа, если онъ ведетъ себя недостойно, въ случаѣ же его закоснѣлости, не признавать его власти и противиться ему, какъ врагу истины. Очевидно изъ этого, что братчики брали на себя возстановленіе падавшей русской церкви, въ духѣ первыхъ временъ христіанства. Но они не рассчитывали на одну инспекцію: въ ихъ средѣ были люди, понимавшіе, что нравственность держится не страхомъ, а внутренними убѣжденіями, и что наука прежде всего другого должна спѣшить на помощь нравственности тамъ, гдѣ она въ опасности. Поэтому львовскіе братчики внесли въ проектъ своего устава не только основаніе славяно-греческой школы, но право перепечатанія даже такихъ книгъ, какъ грамматика, риторика, пѣнтіва и философія. Вслѣдъ за львовскимъ, заведено было такое же братство въ Вильнѣ, а потомъ и во многихъ другихъ литовско-русскихъ городахъ.

Львовскій православный епископъ Гедеонъ Болѣбанъ воспротивился распоряженіямъ патріарха, не хотѣлъ подчиниться дарованному (т. е. проданному) имъ львовскимъ братчикамъ уставу, началъ стѣснять ихъ школу и типографію, но получилъ отъ патріарха такое грозное бжеве, какое когда-либо гремѣло съ высоты самого Ватикана надъ головою ослушнаго прелата. „...Слышакомъ (писалъ, т. е. подписалъ), яко спротивити сътворилъ еси себе, и яко противишия Богу, возбраняеши и прешкождаеши добръ дѣлающимъ... Мы убо судивше и истинно испытавше обрѣтохомъ тя убійцу и ненавистника добру: (ты дѣйствуешь) яко врагъ Божій и чужій вѣры его. Пишемъ убо къ тебѣ, да ни въ чемже, ни ко единомуже противъ чѣдъ возглаголеши въ Львовѣ супцеу братству и общемыслию, на главахъ ихъ боголюбія и на потребнѣйшихъ роду благочестивыхъ, въ нихже Богъ почитаетъ и славится. И аще убо, еже услышитъ, яко възбраняеши

благаго, первѣе убо яко обидникъ, будещи отлученый и въ клятвѣ сый... Вонми добръ и хранися отъ нашего завѣщанія о семь братствѣ и отъ осуженія! Тако да будетъ, а не инако...“

Русскіе архіереи вознепщевали о такихъ распоряженіяхъ первосвященника; въ особенности же горьки были они львовскому епископу. Онъ, на котораго призванъ св. Духъ, долженъ повиноваться приговору пекарей, чоботарей, воскобойниковъ и всякаго рода ремесленниковъ и торгашей! Таковъ былъ его ропоть. Таковъ былъ общій взглядъ высшихъ классовъ на социальныя отношенія сословій. Таковы были понятія даже и тѣхъ, на которыхъ наивнѣйшіе изъ братчиговъ возлагали упованіе свое, и которые поддерживали съ ними связи совершенно въ томъ духѣ, какъ Зборовскіе и другіе паны — съ низовцами. Мысль объ уни съ римскою церковью заронилаь тогда не въ одну голову. Шляхетное духовенство, поставляемое по выбору и протекціи знатныхъ пановъ, не могло иначе относиться къ мѣщанамъ, какъ съ *погордою*. Между тѣмъ, какъ видно и изъ самого устава братскаго, въ числѣ этихъ торгашей находились люди мыслящіе, въ особенности типографы, которые въ тотъ вѣкъ вообще были, по ремеслу своему, можно сказать, учеными. Имъ-то, этимъ немногимъ свѣточамъ среди темной мѣщанской массы, которымъ и московское мракобѣсіе, и латинское іезуитство были враждебны одинаково, обязано русское общество тѣмъ, что хоть не скоро, но выбралось наконецъ на дорогу общаго человѣческаго просвѣщенія. По злобѣ Гедеона можно угадать, кто былъ душею братскихъ совѣщаній во Львовѣ: онъ вытащилъ богоявленскаго монаха, братскаго типографа, Мину изъ Онуфріевскаго монастыря, заковалъ въ кандалы и велѣлъ отвести въ Галичъ; послѣ, выпустивши его на волю, опять схватилъ и привязалъ къ повозкѣ, а братскому школьному учителю Кириллу, за то, что говорилъ передъ патріархомъ аполוגію погречески, приказалъ вырвать бороду. Вотъ такимъ-то мученикамъ религіи и просвѣщенія, а не магнатамъ, удѣлявшимъ

на занятія дѣлами церкви часть своего времени между одною и другою забавою, должны мы приписать великое по своему успѣху противодѣйствіе католичеству, грозившему стереть съ русской земли русское имя. Эти люди, въ своемъ убожествѣ и незащитности, шли по слѣдамъ первыхъ проповѣдниковъ христіанства и оставили послѣ себя слѣды, достойный памяти болѣе просвѣщеннаго вѣка, чѣмъ тотъ, въ которомъ жили они. Они-то распространили въ обществѣ убѣжденіе, что „совершеннѣйшій соборъ не есть судилище однихъ только епископовъ“; что „между свѣтскими бываетъ много людей благочестивыхъ, одною простотою могущихъ дѣлать многое“; что между ними „много бываетъ ученыхъ, которые гораздо умнѣе епископовъ“; что „простому мірянину, не имѣющему посвященія, но знающему писаніе, надобно вѣрить больше въ поученіяхъ, нежели самому папѣ“; что „больше надобно вѣрить одному мірянину, изъ писанія доказывающему, нежели всему собору“. ¹⁾ Эти-то люди, для которыхъ имущество

---

¹⁾ Апокрисисъ албо Отповѣдь на Книжки о Соборѣ Берестейскомъ, Именемъ Людей старожитной Релѣи Греческой, чрезъ Христофора Филагета врихрѣ дана“. Вильно, 1597. Эта книга была критеріемъ суда между западною и восточною церквами, который перешолъ въ сознаніе всей русской интеллигенціи тогдашней, отстоявшей русской народъ противъ папско-латинскаго деспотизма надъ его умомъ и совѣстью. По мнѣнію іезуита Скарга, главнаго представителя латинскаго движенія въ Южной Руси, о соединеніи церквей не нужно было бы даже и объявлять мірянамъ, такъ какъ это дѣло пастырей. Скарга смотритъ на пастырей церкви, особенно на представителей ея, епископовъ, какъ на прямыхъ посредниковъ между Богомъ и людьми, которые вслѣдствіе этого никогда не могутъ погрѣшить. Толковать о членахъ вѣри и изяснить спасительный ихъ смыслъ могутъ одни только духовные и епископы: ибо какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ повелѣно слушать однихъ только духовныхъ властей и слѣдовать ихъ вѣрѣ, а свѣтскимъ, какъ овцамъ, идти за пастырями безпрекословно. Они заблудить не могутъ: а еслибы и заблудили, *чего быть не можетъ*, то слушатели ихъ были бы оправданы, а они осуждены. Ибо, если Богъ повелѣлъ слушать ихъ и вѣрить имъ, то самъ бы ихъ обманулъ, еслибы приказалъ слушать заблуждающихъ.—На это авторъ „Апокрисиса“ говоритъ: „Если однимъ пастырямъ вѣрено охраненіе истинъ вѣри и заботливость о спасеніи стада ихъ, а мірскіе должны только безпрестанно слѣдовать за ними, то пастыри церкви, сейчасъ же, какъ только узнали, что въ церкви проявился ложь и

было послѣднее дѣло, а религиозное стремленіе сердца — первое, „стояли во главѣ православнаго движенія,“ а вовсе не тѣ, которые потеряли право обращать свою мысль и чувство къ общественнымъ условіямъ окружавшей ихъ жизни, которыхъ нужда къ тому не побуждала, которыхъ самолюбіе было пресыщено ремесленнымъ цехомъ панегристовъ, и которые, по тому самому, грязнули безвозвратно въ своихъ собственныхъ мелочныхъ интересахъ.

Для характеристики вѣба и выясненія внутренней связи

заблужденіе, должны были объявить объ этомъ мірянамъ прежде, чѣмъ они отравились въ Римъ, чтобы умирающіе въ это время не отходили отъ жизни сей безъ спасительной вѣры; если же они этого не сдѣлали, то правы ли они въ спасеніи людскомъ? . . . Моисей, мірской человѣкъ, не только разсуждалъ о богослуженіи, но установилъ весь порядокъ, чинъ его, и самъ Богъ поручилъ учредить это не Аарону іерею, но мірскому человѣку. По смерти Моисея, Богъ повелѣлъ вторично обрѣзать сыновъ Израилевыхъ не Елеазару іерею, но мірскому человѣку, отъ колѣна Ефремова, Иисусу Навину. Но эти доводы касательно власти мірскихъ людей въ церкви очень слабы: ибо велика разность между временами ветхаго и новаго завѣта, между евреями, бывшими подъ закономъ, и между христіянами, живущими подъ благодатью истинною. Тамъ одно только колѣно Левитское призвано было къ служенію іерейскому; здѣсь же, вѣрою во Иисуса Христа, царями и іереями Богу Отцу всѣ учинены. Тамъ одна только часть служила Богу и въ одномъ только храмѣ іерусалимскомъ, здѣсь же всѣ христіяне освящены во всемъ житіи, на всякомъ мѣстѣ, на всякое время, во всѣхъ дѣлахъ и судахъ, на славословіе Христово и чтобы они славили Бога и служили ему не только духомъ, но и тѣломъ, поелику они члены Христовы и приобрѣтеніе Св. Духа.—Въ доказательство своихъ мыслей, авторъ „Апокрисиса“ приводитъ свидѣтельства Августина и Иеронима. Взглядъ автора „Апокрисиса“ на значеніе власти епископской въ церкви и вообще духовенства на соборѣ былъ таковъ: общее мнѣніе должно быть судьей собора, а соборъ есть только выраженіе духовно-нравственнаго единства. Онъ изъ соборовъ апостольскихъ вселенскихъ и помѣстныхъ дѣлаетъ выводъ: что голосъ народа всегда уважался въ церкви и на соборахъ.—Пастыри не должны управлять совѣстью мірянъ такъ, чтобы стѣснять своими требованіями ихъ свободу: пастыри обязаны только наблюдать за ихъ дѣлами и совѣстью, и соглашать ихъ и свою жизнь съ закономъ евангельскимъ и постановленіями церкви. Въ церкви голосъ даже одного ея члена долженъ быть уважаемъ. Не обратить на него вниманія не возможно: въ противномъ случаѣ, будетъ стѣсненіе совѣсти вѣрующаго и пренебреженіе имъ, а вслѣдствіе этого—отверженіе его на погибель, безъ всякой разумной причины. Что касается блага всѣхъ и спасенія души, то это

общественныхъ явленій, которыхъ сценою была тогда наша отрожденная Русь, я долженъ разсказать еще объ одномъ дѣятелѣ опозоренной церкви, которой защиту и возстановленіе приписываютъ или богатымъ лицемѣрамъ, или бездомнымъ промышленникамъ (козакамъ), или наконецъ — это всего обиднѣе — темной и разединенной массѣ чернорабочихъ, сельскимъ мужикамъ, которыхъ нынче вошло въ моду титуловать *народомъ*, — крайность, противоположная шляхетской, но никакъ не той корпораціи и не тѣмъ личностямъ, которымъ эта слава принадлежитъ по справедливости.

должно быть всѣми постановлено съ общаго согласія и тогда уже принято. Каждый мірянинъ, если онъ только истинно содержитъ вѣру и вмѣшивается въ дѣла и суды церковныя съ доброю цѣлью, не только не заслуживаетъ порицанія, но достоинъ похвалы и одобренія. Въ силу грамоты Сигизмунда III, дозволившей Іереміи II учредить въ церкви братства, за всѣми мірянами признается право присутствовать на соборахъ. Но это присутствіе не должно быть однимъ только страдательнымъ: иначе, оно не будетъ имѣть никакого смысла. Если же дѣла соборныя подлежатъ обсужденію всѣхъ мірянъ, то имъ подлежатъ и осужденіе и лишеніе достоинствъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя отступили отъ вѣры. Далѣе: мірскимъ людямъ принадлежитъ право избранія епископовъ и священниковъ; а кто избираетъ, тотъ имѣетъ право и низвергать. Въ подтвержденіе этихъ мыслей, авторъ „Апокрисиса“ приводитъ довольно характерное мѣсто изъ 4 письма 1 кн. Кипріяна: „Простой народъ, слушая повелѣній епископскихъ и боясь Бога, долженъ отлучаться худого властелина и не прикасаться приношеніямъ святотатца іерея, поелику онъ больше всѣхъ имѣетъ власти избирать достойныхъ іереевъ, а недостойныхъ избѣгать. Это вытекаетъ, (объясняетъ авторъ „Апокрисиса“) изъ особеннаго благоговѣнія къ Богу, когда избраніе іерея совершается въ присутствіи цѣлаго народа, предъ глазами всѣхъ, и достойный и способный іерей утверждается послѣ того общимъ голосомъ“. — Міряне признаютъ за собою неотъемлемое право избирать достойныхъ іерарховъ, и никто противъ ихъ воли не долженъ поставляться, на основаніи Антиохійскаго собора. Кромѣ того, пастыри церкви избираются для народа, для него и надъ нимъ составляется духовная власть; потому-то онъ долженъ и избирать ихъ самъ изъ среди себя, такъ какъ только ему одному можетъ быть извѣстна жизнь избираемаго и его благочестіе. Но, признавая законнымъ участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви, авторъ „Апокрисиса“ говоритъ: „Мірскіе люди согрѣшившихъ пастырей церкви и достойныхъ отлученія не имѣютъ права ни проклинать, ни произносить надъ ними приговора, ни обнародовать своихъ постановленій о пастыряхъ, но должны свидѣтельствовать и наблюдать, чтобы не было учинено что-нибудь несправедливо, безрасудно, по скорости и гнѣву“.

Во время посвященія Михаила Рогозы въ кievскіе митрополиты, луцкимъ епископомъ былъ Кириллъ Терлецкій. Онъ отличался самоуправствомъ еще больше Болобана, и, по видимому, не было такого дѣла, на которое не рѣшился бы, въ виду предстоящей выгоды. Сохранилось до нашего времени множество жалобъ и позвовъ на этого епископа. Одни обвиняли его въ изнасилованіи проѣзжавшей черезъ его имѣніе дѣвицы, другіе жаловались на претерпѣнные отъ него побои, третьи просили законной кары за его разбойничкіе наѣзды съ толпою вооруженныхъ людей. Даже на Аeonъ заходили слухи о его неистовствахъ и злодѣяніяхъ. Тамъ подвизался одинъ изъ галицкихъ русиновъ, челоуѣкъ одного закала съ авторомъ „Апокрисиса,“ именемъ Іоаннъ изъ Вишни. Онъ удалился отъ міра, въ которомъ было такъ мало „творящихъ благостыню“, но, по свойству горячей, любящей натуры, не могъ, въ „тихомъ своемъ пристанищѣ“, отвернуть глазъ отъ „житейскаго моря, воздвигаемаго бурей напастей“. Въ укорительномъ посланіи своемъ къ русскимъ владыкамъ, онъ, смѣсю родного языка съ библейскимъ, какъ это было тогда въ ходу обратилъ къ Терлецкому саркастически-рѣзкое слово: „Пощупайся только въ лысую головку, всенже бискупе луцкій“, писалъ онъ: „колько еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу послалъ, однихъ сіканою, другихъ водотопленою, третьихъ огнепальною смертію отъ сея жизни изгналъ?... Вспомани и Филипа маляра многопѣвнѣнаго. Камо тыі румяныі золотыі, по его невольномъ отході, остались, и въ чимъ ныні вязенню сидятъ“? Этого представителя избираемой аристократами іерархіи, то есть Терлецкаго, кто-то изъ нихъ самихъ, или, черезъ ихъ посредство, кто-то изъ іезуитовъ, рекомендовалъ благосклонному вниманію патріарха, въ тѣхъ же самихъ видахъ, что и Михаила Рогозу. Патріархъ, еще на пути въ Москву, вслѣдъ за Онисифоромъ Дивочкою, низложилъ также супрасльскаго архимандрита Тимоея Здобу, котораго обвиняли въ убійствѣ; прочимъ духовнымъ гро-

зиль учинить, на возвратномъ пути, розыскъ и сдѣлать то же съ другими отступниками отъ правилъ іерейской чести и добродѣтели. Обдираемые турецкимъ султаномъ, патриархи очутились въ необходимости собирать на Руси мзду, то посредствомъ перемины духовныхъ сановниковъ, то посредствомъ угрозы судомъ; а ихъ архимандриты, игумены и даже епископы постоянно просили милостыни въ домахъ у знатныхъ пановъ, иногда выпрашивали у нихъ даже мѣста, то есть духовные хлѣббы, на досаду туземнымъ искателямъ оныхъ, и нерѣдко вносили въ общество раздоры и недоразумѣнія ¹⁾. Отъ этого уваженіе къ патриархамъ падало, и противники древняго благочестія приобрѣтали новые аргументы для отвращенія людей образованныхъ и богатыхъ отъ предковской ихъ вѣры. Патриархъ, по дорогѣ въ Царыградъ, гостилъ у великаго короннаго гетмана Яна Замойскаго, котораго предки недавно еще были православными. Замойскій, подобно вельможамъ, остававшимся въ благочестіи, давалъ у себя пріютъ представителямъ всѣхъ соціальныхъ и религіозныхъ идей, хаотически боров-

¹⁾ Такъ, въ 1580 году, въ достопамятный годъ выхода въ свѣтъ Острожской Библии, лудкій владыка Иона Красенскій жаловался (30 іюня) лудкому старостѣ и подстаростію, что князь Константинъ Острожскій (которому приписываютъ всю честь изданія Библии), „въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, не маючи жадного взгляду на звержность Е. К. М., покой права посполитого и на вольности польскіе а на конституціи сеймовне, торгнувшись на учтивое упривилеване, за служби его, Красенскаго, ему отъ славной памяти короля Сигизмунда-Августа наданое, наѣхалъ мощно гвалтомъ, маючи при собѣ почеть великий слугъ, татаръ поганцовъ и иныхъ много разнаго стану людей, бояръ и подданныхъ его, на монастырь, на дворъ и села Буремець, Подгайцы и село Боголюбое... сребро, золото, цинь, мѣдь, кони, быдло рогатое, волю, коровни... збожье въ гумнѣ стоячее и на полѣ засѣяное, попену шмальцованого 250 лаштовъ... забралъ, бояръ и подданныхъ всѣхъ подъ послушенство свое подбилъ, и колько десять коней поганцовъ татаръ своихъ у монастыри Св. Микола и въ дворѣ жидичинскомъ и вездѣ слугъ, бояръ и подданныхъ своихъ почти немзле оставилъ...“ Все это—изъ-за того, чтобы ввести во владѣніе монастыремъ Теофана Грека, владыку мекглинскаго, которому тотъ же князь Острожскій исходатайствовалъ у короля духовный хлѣбъ на Руси.

шихся тогда въ Рѣчи-Посполитой ¹⁾. Онъ же, притомъ, былъ человѣкъ европейской учености, одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ между панами, и бесѣда съ Іеремією, человѣкомъ тоже ученымъ, была для него интересна. Провѣдавъ о расположенности патріарха къ Терлецкому, Гедеонъ Болобанъ явился въ домъ Замойскаго и доносилъ патріарху на лущаго епископа, что въ народѣ обвиняютъ его въ наѣздахъ, буйствѣ, развратѣ, дѣланіи фальшивой монеты. Патріархъ свелъ его съ глазу на глазъ съ Терлецкимъ, и Гедеонъ тутъ же сталъ увѣрять, что всѣ толки о немъ въ народѣ—клевета, сталъ восхвалять святую жизнь Кирилла Терлецкаго и выражать ему братское дружелюбіе. Патріархъ отпустилъ Кирилла милостиво, а Гедеонъ, зная, что патріархъ не умѣетъ читать и писать поруски и попольски, подсунулъ ему къ подписи бумагу, содержащую въ себѣ обвиненіе Кирилла. Патріархъ, свѣдавъ потомъ, что его обманули, выдалъ Кириллу оправдательную грамоту, объявляя въ ней, что онъ обманутъ, и назначилъ его своимъ экзархомъ или намѣстникомъ на предстоящій съѣздъ русскаго духовенства. Это еще не все. По жалобѣ львовскаго братства, патріархъ оставилъ Гедеона подъ запрещеніемъ до покаянія. Тогда Гедеонъ обратился къ львовскому католическому епископу Судиковскому,—тому самому, который устроилъ трагическую сцену въ навечеріе Рождества Христова, и на котораго онъ жаловался королю,—кланялся ему, объяснялъ, что патріархъ притѣсняетъ владыкъ, желая съ нихъ что-нибудь сорвать, совѣтовался о средствахъ избавить русское духовенство отъ цареградской не-

¹⁾ Этому вельможѣ, проводившему православію на Брестскомъ соборѣ 1596 года, посвящена была обличавшая дѣйствія собора книга „Апокрисисъ“. Знатные паны представляли, въ борьбѣ двухъ вѣръ и обществъ, какъ-бы не сознающія этой борьбы стѣны или башни, изъ-за которыхъ воители метали одни въ другихъ боевые снаряды. Въ посвященіи къ „Апокрисису“ сказано: „...вѣдаючи и то, же предкове в. м. нѣколи греческой релѣги были. Въ которую надѣю тежъ подъ заслоною зацного имени в. м. моего милостивого пана, яко за нѣякимъ щитомъ, межн люде здадомися пустити тую книжечку“.

воли и высказалъ мысль, что хорошо было бы подчинить русскую церковь папѣ. Но и тутъ не конецъ характеристикѣ. На соборѣ въ Брестѣ Гедеонъ подписалъ, вмѣстѣ съ другими архіереями, актъ соединенія церквей, а когда унія не была принята знатными панами, онъ перебѣжалъ въ ихъ лагерь и увѣрялъ, будтобы подписалъ бланкъ, на которомъ ничего еще не было написано. И благочестивые паны приняли его въ свою среду; они повѣрили, или сдѣлали видъ, что повѣрили, его оправданію, и заставили его подать это оправданіе во владимирскомъ замковомъ, такъ называемомъ грѣдскомъ судѣ, въ видѣ протестаціи, чтобы увѣрить и другихъ въ честности человѣка, заковывающаго въ кандалы братскихъ типографовъ и вырывающаго бороды братскимъ учителямъ.

Чтобы понять, какъ это было возможно въ панской средѣ тогдашней, надобно вспомнить, что польское высшее общество, высватавъ за Сигизмунда I-го итальянскую принцессу изъ дома Сфорца, знаменитую въ Польшѣ королеву Бону, вмѣстѣ съ нею пересадило на савроматскую почву продукты придворной культуры итальянской. Королева Бона пропагондировала въ Польшѣ весьма усердно тѣ пороки и злодѣянія, за обличеніе которыхъ ея земляки и родственники сожгли Савонаролу. Итальянскій нравственный развратъ XVI вѣка, въ видѣ готовыхъ продуктовъ высшей цивилизаціи, быстро охватилъ умы и сердца польскихъ савроматовъ, и отъ нихъ свободно переходилъ въ Червоную Русь, путемъ колонизаціи. Остальная литовская Русь была ограждена отъ него въ нѣкоторой степени тѣмъ, что ляхи не имѣли права селиться въ предѣлахъ Литовско-русскаго княжества; но съ 1569 года, со времени политической уніи, состоящейся на Люблинскомъ сеймѣ, исчезла и эта преграда. Главнымъ виновникомъ этого сліянія гражданскихъ обществъ, несоединимыхъ по своей формаціи, былъ прославляемый нашими историками князь Константинъ-Василій Острожскій. Онъ былъ виновенъ панскою пассивностію, недостаткомъ сознанія русской природы и неуваже-

ніемъ къ правамъ своего *народа*, въ обширномъ смыслѣ слова. Еслибы онъ не подписалъ люблинскаго акта политической уніи, не осмѣлились бы польскіе паны употребить надъ прочими депутатами тѣхъ насильственныхъ мѣръ, которыя потомъ провозглашены, какъ это часто бываетъ въ исторіи, „соединеніемъ свободныхъ со свободными и равныхъ съ равными“. Домъ Острожскихъ, такъ точно какъ и домъ Вишневецкихъ, былъ широкими вратами, ведущими въ погибель русскую вѣру и народность; но эхо панегиристовъ XVI вѣка до сихъ поръ оглушаетъ нашихъ историковъ: они князя Константина-Василія Острожскаго ставятъ едва не наравнѣ съ Владимиромъ Равноапостольнымъ. Я подтверждаю ниже справедливость моего протеста; а теперь скажу, что вообще высшее русское общество находилось тогда въ положеніи ни мало не благопріятномъ для такихъ прекрасныхъ исключеній, какимъ представляють у насъ эту убогую дарами природы личность. Тогдашній русскій міръ похожъ былъ на Іудею и Самарію во времена босоногихъ апостоловъ. Къ Іудеѣ, съ ея книжниками и фарисеями, тупо державшимися буквы закона и обрядности, подходила близко Русь московская; на Самарію, готовую увѣрять, что „истинные поклонницы“ не нуждаются въ Іерусалимѣ, была похожа наша отрожденная Русь. Высшія сферы, выкованныя на сѣверѣ Іоаннами да Годуновыми, доказали на Максимѣ Грекѣ, на попѣ Сильвестрѣ и на многихъ подобныхъ имъ герояхъ нравственности, свое тождество съ обвинителями челоуѣка, назвавшего себя гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. На юго-западѣ, то есть въ польско-литовской Руси, самъ Курбскій, реакціонеръ Іоанновщины, развратился въ общеніи съ князьями Острожскими, Сангушками и другими. На сѣверѣ, при сильномъ преобладаніи буквоученія, погубившаго Никона даже при „тишайшемъ“ изъ государей, не было мѣста разумной пропагандѣ нравственныхъ началъ съ низу вверхъ; а на верху даже и тотъ, кто могъ взять все подъ прикрытіемъ законной формальности, боролся съ соблазномъ кра-

жи безъ приглашенія закона въ соучастники. (См. „Ист. Россіи“ С. М. Соловьева, т. X, стр. 210). На юго-западѣ, политическое развращеніе умовъ обуяло всѣхъ до того, что не различали предателей вѣры, народности и равноправности отъ ея героевъ. Здѣсь прежде всего и послѣ всего нужно было принадлежать къ знатному дому, чтобы сподобиться, какъ чести на землѣ, такъ и святости на небесахъ. Такова была пропаганда культуры, принадлежавшая сперва баронамъ пограничныхъ марокъ нѣмецкихъ, потомъ нѣмецкому духовенству, воспитанному феодализмомъ, наконецъ просвѣтителямъ Италіи, папамъ и кардиналамъ, не позволявшимъ двигаться землѣ въ небесной сферѣ и человѣческому сердцу — въ сферѣ чистыхъ, безкорыстныхъ стремленій. Задолго до уніи, эта пропаганда сдѣлала свое дѣло надъ высшимъ классомъ общества; но низшее, въ формѣ братствъ, заявило претензію на гуманизмъ, почерпаемый не изъ классической литературы, а изъ общедоступнаго и вездѣсущаго источника. Претензія была опасная, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ умныхъ проповѣдниковъ папскаго абсолютизма могла она казаться таковою, и эти умные проповѣдники приготовились заглушить ее церковною унією.

ГЛАВА IX.

Съѣзды православныхъ іерарховъ въ Брестѣ Литовскомъ и соглашеніе устроить церковную унію.—Іезуитская инструкція кievскому митрополиту.—Пассивная натура русскихъ пановъ и расчетъ на нее іезуитской партіи.—Объявленіе церковной уніи и пустой взрывъ негодованія со стороны пановъ.—Характеристика русскаго магната въ лицѣ богатѣйшаго изъ нихъ.—Неоправдавшіяся надежды сочинителей уніи.

Все было подготовлено къ церковной уніи: люди, интересы, страсти. Это былъ результатъ сложной работы іезуитскаго ордена и многихъ сознательныхъ и безсознательныхъ орудій его. Оставалось только сдѣлать послѣдній шагъ. И вотъ, въ 1590 году, въ томъ самомъ году, когда козаки подверглись первому, самому тяжкому стѣсненію, собрался въ литовскомъ городѣ Брестѣ соборъ изъ православныхъ духовныхъ лицъ и русской шляхты, съ цѣлью установить церковное благочестіе на прочныхъ основаніяхъ. Соборъ этотъ былъ назначенъ патріархомъ Іереміею; онъ самъ желалъ на немъ присутствовать; но митрополитъ Рогоза медлилъ конвокаціею до тѣхъ поръ, пока патріархъ не удалился. Его мѣсто занялъ теперь человекъ, лучше котораго не возможно было и желать для предположенной іезуитами цѣли.

Еще въ 1577 году, краснорѣчивый проповѣдникъ, и публичный ораторъ, іезуитъ Петръ Скарга, издалъ, на польскомъ, тогда общедоступномъ языкѣ, сочиненіе: „О Единствѣ Церкви Божіей и объ Отступленіи Грековъ отъ Единства, съ Предостереженіемъ и

Наставленіемъ Народамъ Русскимъ“. Книга эта предназначалася программю для совращенія православныхъ въ унию, а черезъ посредство униі — въ латинство. Въ ней прежде всего указаны причины, по которымъ въ русской церкви никогда не можетъ быть порядка. *Первая причина* — семейная жизнь священниковъ, которые, вслѣдствіе этого, заботятся только о мірскомъ, оставляя безъ всякаго пастырскаго попеченія свою паству. Семейная жизнь священниковъ служитъ причиною того, что на Руси вся наука упала и попы омужичились (zchłopieeli). *Вторая причина* — славянскій языкъ. Греки, говоритъ Скарга, обманули русскихъ и съ умысломъ не дали имъ своего языка, оставивъ у нихъ языкъ славянскій: грекамъ хотѣлось, чтобы русскій народъ никогда не достигъ до настоящаго разумѣнія истины и науки: потому что только при помощи латинскаго и греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и вѣрѣ. На всемъ свѣтѣ еще никогда не было и никогда не будетъ ни академіи, ни коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки могли преподаваться и быть понимаемы на иномъ языкѣ. При славянскомъ языкѣ никогда никто ученымъ не можетъ быть: онъ никогда не имѣлъ правилъ и грамматики. У васъ, русскихъ, и не слышно о такихъ людяхъ, которые бы знали греческій языкъ, старый и новый; а у насъ по всему свѣту господствуетъ одна вѣра и одинъ языкъ (разумѣется, латинскій); христіанинъ въ Индіи можетъ говорить съ полякомъ о Богѣ. *Третья причина*, не позволяющая быть порядку въ русской церкви, это — униженіе духовнаго сословія и вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла.

Показавъ несостоятельность церкви православной, какъ со стороны догматической, такъ и со стороны нравственной, Скарга указываетъ средства выйти изъ этого безвыходнаго положенія. 1-е, чтобы кіевскій митрополитъ принималъ благословеніе не отъ константинопольскаго патріарха, но отъ папы; 2-е, каждый русскій долженъ быть согласенъ съ римскою церковью во всѣхъ

артикулахъ вѣры; 3-е, русскіе должны признавать верховную власть столицы римской; что же касается церковныхъ обрядовъ, то они могутъ оставаться по прежнему неприкосновенными. Эта же самая книга, съ нѣкоторыми прибавленіями, подъ заглавіемъ: „O Rządzie i Jedności Kościoła Bożego“, напечатана была, въ 1590 году, вторымъ изданіемъ, съ посвященіемъ Сигизмунду III. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что книга эта многимъ принесла пользу и многимъ раскрыла глаза: ясное свидѣтельство, что іезуиты, еще до открытаго введенія уніи, работали надъ приготовленіемъ къ ней общества.

Съ польской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія латинскаго духовенства, послѣ такихъ послѣдовательныхъ и искусно направленныхъ приготовленій, омужиченные русскіе попы, съ ихъ невѣжественною и лишенною гражданскихъ правъ паствою (паны не входили въ расчетъ клерикально-польской политики: они были уже въ ея сѣтяхъ), представляли римской куріи вѣрную добычу. Не такъ вышло на дѣлѣ.

Исторія церковной уніи заслуживаетъ быть разработанною въ отдѣльномъ сочиненіи. Въ ней много интереснаго для богослова, юриста, политико-эконома и поэта. Въ моей книгѣ я даю ей мѣста лишь столько, сколько необходимо для освѣщенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которымъ имя, замѣчу кстати, должно быть—легіонъ. Каждый изъ насъ сознаетъ въ собственной индивидуальности подчиненность безчисленнымъ влияніямъ, и потому не слѣдуетъ смотрѣть на исторію, какъ на собраніе біографій. За каждою выступившею на передній планъ фигурою непременно скрываются цѣлыя толпы фигуръ, которыя сдѣлали дѣло прежде, чѣмъ она совершила передъ нами представительство свое. Тѣмъ собственно и интересна для насъ каждая вступающая впередъ личность, что она служитъ органомъ заднихъ, остающихся для насъ въ полусвѣтѣ и полутѣнѣ, но могущественно на нее влияющихъ... Поэтому-то церковная уніа, гдѣ замѣшано столько

римскихъ, польскихъ и русскихъ интересовъ, гдѣ на сцену выходить столько лицъ и учреждений, можетъ быть предметомъ обширнаго историческаго труда, и поэтому же я долженъ, не вдаваясь въ подробную характеристику уніи, ограничиваться лишь эскизомъ этого религіозно-политическаго явленія.

На первомъ же съѣздѣ русскіе іерархи выполнили главную для нихъ часть программы, напечатанной къ этому времени вторымъ изданіемъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣйствій, они заключили съ панами весьма значительное условіе — не позволять простымъ людямъ держать монастыри. Это значило — лишить магдебургскія, цеховыя и братскія общины патроната надъ монастырями, которые епископы и архимандриты обращали въ экономическія заведенія, оставляя церкви безъ оконъ, безъ книгъ, безъ утвари и богослуженія, а не то — держа ихъ запортыми. На второмъ съѣздѣ, 1591 года, рѣшено было избавиться уніею отъ вмѣшательства свѣтскихъ людей вообще въ церковныя дѣла. Но мысль эта выразилась открыто только въ протестаціяхъ противъ королевскихъ урядниковъ и помѣщиковъ за то, что они вступаются въ дѣла духовенства, судятъ священниковъ, разводятъ браки; а тайно отъ большинства присутствовавшихъ на соборѣ составленъ четыремъ архіереямъ актъ признанія папы главою церкви. Эти архіереи были: Кирилль луцкій, Гедeonъ львовскій, Леонтій пинскій и Діонисій холмскій. Митрополитъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, и заставлялъ іезуитовъ тайно убѣждать себя (просто-напросто — дѣло шло о возвышеніи, въ глазахъ короля, цѣны отступничеству).

Здѣсь приведу извлеченіе изъ письма ловкихъ агентовъ короля къ Михаилу Рогозѣ, которое и подтвердитъ, и дополнитъ сказанное мною объ отношеніяхъ іезуитскаго ордена къ разнымъ слоямъ польскаго и русскаго общества. Іезуиты писали къ Рогозѣ:

„Мы бы желали, чтобы ваша милость благоволила видѣть въ

нашихъ совѣтахъ и adhortasyach такую же преданность къ вашей особѣ, какъ и къ общему благу католической церкви. Конечно долгъ и профессія наша велятъ намъ имѣть въ виду прежде всего увеличеніе вселенской церкви подѣ послушаніемъ единого пастыря, но та же самая ревность къ общему благу тѣмъ больше влечетъ насъ къ benevolensуі вашей милости, чѣмъ больше усматриваемъ въ особѣ вашей милости заслуги и задатки дальнѣйшей пропенсуі благочестивой ревности къ той же церкви. Велика будетъ радость всѣхъ католиковъ, когда они, благодаря мудрымъ стараніямъ столь великаго архипастыря, увидятъ осуществленіе давно желаннаго соединенія; но не менѣе блистательное украшеніе будетъ и для вашей милости, когда, будучи въ нашихъ краяхъ примасомъ восточной церкви, возсядете вы въ сенатѣ рядомъ съ короннымъ примасомъ. А это не возможно, доколѣ вы будете оставаться въ какой-либо зависимости отъ патріарха, находящагося подѣ поганскою властью, или имѣть съ нимъ какія бы то ни было сношенія. Доволѣ этотъ узелъ не будетъ разрубленъ, доколѣ и у самого короля его милости и у коронныхъ чиновъ не развяжутся руки. Скажите, почему коронныя провинціи, принимающія обряды западной церкви, должны считаться хуже московскихъ, имѣющихъ собственныхъ патріарховъ? Ваша милость уже сломали первый ледъ счастливо, и, какъ, вступая на свой высокій постъ, вы не искали благословенія цареградскаго патріарха, по причинѣ суетвѣрія, котораго набрались греки въ бусурманской средѣ, живя вдали отъ центра истиннаго ученія, такъ можете обойтись безъ него и впослѣдствіи. Да не устрашаютъ вашу милость разныя препятствія и impedimenta. Большею частью они уже устранены; остальные могутъ быть устранены мудрымъ совѣтомъ и постоянствомъ въ задуманномъ предпріятіи. Развѣ маловажное преодолѣно препятствіе благимъ нашимъ намѣреніямъ тѣмъ, что выборъ іерарховъ начинаетъ ускользать изъ рукъ у русской шляхты? Она почуяла здѣсь нашу

твердость въ павгасапіи народа русскаго; она могла бы и впоследствии почувать эту рѣшимость. Потому-то надобно бояться, чтобы на ту должность, которую занимаете нынѣ вы, не поставились такіе люди, которые бы могли разрушать основанія этого труда и начатаго вашею милостию зданія. Не безъ Божіей воли это случилось, что они, не избирая вашей милости на это *fastigium*, не могутъ, однакожь, до сихъ поръ столкнуть и низвести съ него вашей милости. Имѣете бо ваша милость королевскую привилегію; есть у васъ въ Коронѣ и Литвѣ тайныя связи, родство, пріятели и могущественная факція; за васъ стоятъ и публично вся католическая церковь, которая, въ случаѣ надобности, поддержитъ васъ могущественно. Кто же отъ вашей милости *tronus heroscet*, когда вы, *in spem et casum successionis* [по примѣру западныхъ прелатовъ], подберете себѣ коадьютора? А для него при дворѣ его королевской милости привилегія будетъ готова, только бы онъ, съ своей стороны, былъ готовъ слѣдовать по стопамъ вашей милости. Наконецъ, не смотрите на ваше духовенство, ни на ничтожные бунты безумной черни. Чтò касается духовенства, то ваша милость всего удобнѣе можете держать его въ послушаніи слѣдующимъ способомъ. Замѣщайте всѣ вакансіи не знатными людьми, чтобъ не брыкались, а простыми, убогими и такими, которые бы вполне зависѣли отъ вашей милости. А если бы на духовныхъ прелатурахъ оказались строптивые, тогда, подъ предлогомъ надобности въ ревностныхъ наставникахъ и порядочныхъ игуменахъ, смѣщайте противящихся и непослушныхъ вамъ прелатовъ, а на ихъ бенефиціи возвышайте преданныхъ вамъ, оставивши, однакожь, себѣ на каждой изъ нихъ юргельты; а чтобъ и эти не разжирѣли, отправляйте подозрѣваемыхъ на иныя мѣста и, по указанію обстоятельствъ, перемѣщайте. Не мѣшаетъ иныхъ охлаждать (*wyiskrzać*), *per speciem honoris*, почетнѣйшими поѣздками и посольствами, которыя бы они совершали на собственный счетъ. Протопоповъ которые попроче, бе-

рите съ собой въ дорогу и заблаговременно приучайте при себѣ, и направляйте къ тому, чтобъ они усвоивали вашъ способъ дѣйствія. На поповъ накладывайте подати для общаго блага святой церкви, и всего больше наблюдайте за тѣмъ, чтобъ они, безъ вашей милости, яко своего пастыря, не отправляли синодовъ и всяческихъ сходокъ, а кто бы изъ нихъ осмѣлился преступить строгое запрещеніе, тѣхъ *ad carcere*. Чтò касается свѣтскихъ, а особливо черни, то, какъ донинѣ ваша милость поступали *grudentissime*, такъ и на будущее время, по мѣрѣ возможности, вы будете осмотрительны, чтобъ не подать имъ никакого повода къ уразумѣнію замысловъ и намѣреній вашей милости. Потому, если бы надобно было опасаться войны съ ними, то мы не совѣтуемъ наступать на нихъ явно. Гораздо лучше въ мирное время передовыя между ними головы различными способами уловлять и обзывать, то чрезъ посредство своихъ агентовъ, то какими-либо иными дѣйствіями и награжденіями. Церемоній не вносить въ церковь разомъ: онѣ могутъ быть измѣнены мало-помалу. Диспутовъ и споровъ съ западною церковію *in specie* не оставляйте, равно какъ и другихъ подобныхъ способовъ для уничтоженія слѣда своего предпріятія, чѣмъ можно замылить глаза не только шляхтѣ, но и черни. Для молодежи ихъ открывайте особыя школы, лишь бы имъ не запрещали посѣщать католическія востелы и доканчивать образованіе въ школахъ нашихъ отцовъ (иезуитовъ). Слово *унія* должно быть изгнано: не трудно придумать другое, которое бы не такъ было противно для слуха народа. Кто ходитъ около слоновъ, тѣ берегутся носить красное платье. — Чтò касается, въ особенности, до сословія шляхетскаго, то ему больше всего внушайте, дѣйствуя на совѣсть, чтобъ не имѣли общенія съ еретиками въ Коронѣ и Литвѣ, а напротивъ, помогали бы искренно католикамъ къ ихъ искорененію. Отъ этого предостереженія, по нашему мнѣнію, такъ много зависитъ, что, доколѣ еретики не будутъ истреблены въ Рѣчи-Посполитой, до

тѣхъ поръ нельзя надѣяться совершеннаго согласія уніи греческихъ церквей въ отечествѣ съ костеломъ католическимъ. Ибо, какимъ образомъ могли бы послѣдователи восточной церкви обратиться вполнѣ подѣ послушаніе св. отца, доколѣ въ Польшѣ будутъ отказываться ему въ послушаніи тѣ, которые нѣкогда были членами западной церкви? Остальное возложимъ на Господа Бога, а потомъ на доброе сердце его королевской милости, у котораго въ рукахъ находится раздача *beneficiorum spiritualium*, и на ревность коронныхъ чиновъ, которые, имѣя въ своихъ владѣніяхъ *jus patronatus*, стануть допускать къ отправленію богослуженія однихъ только унитовъ. Будемъ надѣяться, что нашъ богобоязненный, благочестивый государь и столь горячая, при его покровительствѣ, къ католическому обряду королевская рада, не перестануть притѣснять, то на сеймахъ, то въ судахъ, отступниковъ отъ св. католической вѣры, а этимъ потянуть и упорныхъ въ русскомъ народѣ схизматиковъ: волею-неволею принуждены они будутъ поддаться подѣ послушаніе св. отца. А мы всѣ члены ордена (*zakonnicy*) не оставимъ содѣйствовать съ нашей стороны не только молитвами, но и работою въ вертоградѣ Господнемъ“.

Это письмо вмѣстѣ съ тѣмъ очеркомъ современнаго гражданскаго общества, который представленъ мною выше, показываетъ, что агенты короля и приверженцы римской куріи въ Польшѣ считали православную русь не только вѣрною, но и легкою добычею латинской церкви. Общество было разрознено въ экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ; связи между различными его частями — или порвались сами собою, или были порваны; соперничество и недовѣріе господствовали тамъ, гдѣ бы слѣдовало царствовать согласію; просвѣщеніе въ высшемъ классѣ было только кажущееся; мракъ, свойственный народной массѣ, едва мѣстами начиналъ уступать случайнымъ проблемамъ знанія. Но практика показала, что добыча была не такъ

легка, и что необразованныхъ русскихъ поповъ, съ ихъ безграмотною паствою, гораздо труднѣе папѣосіс, нежели просвѣщенныхъ въ заграничныхъ университетахъ членовъ дома князей Острожскихъ и другихъ такъ называемыхъ патроновъ православія. Что касается собственно до козаковъ, какъ военной корпораціи, то церковная уніа коснулась ихъ лишь воскриліемъ лицемерной ризы своей, а потому, минуя многія событія и обстоятельства этого въ высшей степени интереснаго времени, займемся перечнемъ лишь самаго необходимаго для ясности предстоящаго намъ повѣтствованія.

Придворные патеры Сигизмунда III работали дѣятельно посредствомъ своихъ агентовъ на Руси. Православныхъ пановъ они, что называется, обернули вокругъ пальца, дѣлая ихъ сознательными и бессознательными орудіями такихъ важныхъ дѣяній, какъ возведеніе іезуита на fastigium русской церкви, въ глазахъ издателя славянской Библии и многочисленныхъ приверженцевъ его. Мѣщанъ имѣли они больше всего въ виду, но меньше всего боялись на поприщѣ интриги, такъ какъ мѣщане лишены были голоса на сеймѣ; а шляхетнымъ ихъ представителямъ, этимъ „старшимъ братчикамъ“ мѣщанскимъ, іезуиты всегда готовы были давать полную свободу проявлять силу свою въ словоизверженіи. Они хорошо знали натуру пассивныхъ людей вообще и русскихъ пановъ въ особенности: они знали, что, чѣмъ больше пассивный человекъ говоритъ, тѣмъ меньше дѣлается онъ способенъ дѣйствовать. Притомъ іезуиты разочли ариеметически, что паны, охладѣвъ къ реформаціи, охладѣютъ и къ православію. Только задоръ однихъ пановъ къ новаторству, въ противодѣйствіе королю и его католической радѣ, подстрекалъ другихъ къ упорству въ древнемъ благочестіи, на зло той же самой придворной лигѣ. Знали очень хорошо іезуиты — и для этого не нужно было особенной прозорливости, — что православные паны всѣ очутятся въ одной церкви съ королемъ и сенаторами, но никакъ не съ торгашами

и хлопамы, никакъ не съ этими чоботарями, воскобойниками и кушнірями, которымъ они давали свои охранныя грамоты, въ качествѣ старшихъ братчиковъ. А безъ привилегированныхъ, непригношенныхъ для самого короля, членовъ братства, какая религіозная корпорація въ низшихъ сферахъ могла устоять противъ шляхетскаго полноправства?

О козабахъ іезуиты вовсе не думали въ началѣ: начали они думать о козакахъ только тогда, когда мѣщане и ихъ духовенство ухватились за эту послѣднюю защиту противъ допускаемыхъ закономъ насилій; но это, какъ мы увидимъ, случилось вовсе не такъ скоро, какъ увѣряютъ бездоказательно, наши историки — и друзья, и враги козачества.

Итакъ іезуиты дѣйствовали смѣло, быстро, настойчиво. Безъ вѣдома такихъ тузовъ православія, какъ Острожскій, Скуминъ-Тишкевичъ и другіе, которыхъ дома развѣ имъ самимъ казались прибѣжищемъ древняго русскаго благочестія, а въ глазахъ іезуитовъ были наилучшими очагами католичества, составленъ былъ актъ отреченія отъ православія; помимо ихъ согласія, отправлена была, осенью 1595 года, депутація въ Римъ, съ выраженіемъ готовности грекорусской церкви признать своимъ главою, вмѣсто Христа, папу. Послами были извѣстный уже намъ Кирилль Терлецкій и новый владимирскій епископъ Ипатій Потій, возведенный въ этотъ санъ изъ брестскихъ каштеляновъ, по смерти Мелетія Хребтовича-Богуринскаго, въ 1593 году. Потій принадлежалъ къ панамъ аристократамъ. Папскій нунцій Коммендони обратилъ его изъ православія въ католичество; но іезуиты настаивали его обратиться снова въ православіе, чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать въ пользу латинской церкви, въ званіи унитскаго архіерея. „Замыливая глаза“ православнымъ согласно іезуитской практикѣ, Потій заложилъ самъ православное братство въ Брестѣ, на подобіе Львовскаго. Немногіе и въ наше время понимаютъ разницу между инициативою общества, указанномъ

вѣдомой многимъ жизни, и инициативою одного лица, да еще не связаннаго органически съ обществомъ. Братство Брестское было похоже на Львовское только именемъ, но не духомъ. Не понимали этого мѣщанскіе „старшіе братчики“, и въ ихъ числѣ Острожскій. Онъ, глубокой уже старикъ, уважалъ Потія за хорошую нравственность, ученость и благочестіе; онъ не противился возведенію въ архіерейскій санъ этого человѣка, котораго имѣлъ полную возможность знать хорошо, и который, передъ его глазами, въ мартѣ мѣсяцѣ носилъ еще военную одежду по должности каштеляна, а въ апрѣлѣ облачился въ одежду святительскую. Читатель мой помнитъ, что князь Острожскій не противился ни Люблинской уніи, ни сеймовому закону о козакахъ, ни возведенію вѣдомаго орудія іезуитовъ на вершину церковной власти въ польской Руси. Его никогда не было тамъ, гдѣ бы онъ могъ положить на вѣсы принадлежавшіе ему сто городовъ и 1.300 сельсъ ихъ населеніемъ, готовымъ поддержать его, какъ русскаго князя, потомка Кіевскаго Владиміра, сына знаменитаго полководца и короннаго гетмана, который спасалъ Русь и отъ татарскихъ, и отъ литовскихъ, и отъ московскихъ вторженій. Этотъ-то новый православный архипастырь, вмѣстѣ съ старымъ другомъ дома Острожскихъ, Терлецкимъ, явился въ Римъ искать благословенія своему дѣлу у того первосвященника, въ интересахъ котораго сожигали десятки тысячъ христіанъ на всемъ пространствѣ отъ Кадикса до Данцига. Святой отецъ благословилъ ихъ доброе начинаніе, что называется, обѣими руками. Отступники вернулись изъ Рима съ торжествомъ; торжественно встрѣтилъ ихъ Сигизмундъ III съ своимъ сенатомъ; унія признана была фактомъ совершившимся и утверждена королевскимъ правительствомъ.

Но сила вещей тотчасъ же показала свою независимость отъ придворной политики. Два православные епископа, львовскій и перемышльскій, протестовали противъ уніи, которую готовы были принять, еслибы приняли ее русскіе паны; а русскіе паны вовсе

не были расположены уступать папскому королю даромъ свои освященныя обычаемъ права на участіе въ дѣлахъ церкви. Лезуиты знали, что они потребовали бы за свою уступку слишкомъ много, а папскій король и безъ того былъ на столько ограниченъ въ Польшѣ, что не могъ даже запугать ересь кострами. Они разочли почти безошибочно, что панская пассивность не устоитъ противъ силы совершившагося факта, но ошиблись въ томъ, что воображали шляхту *народомъ*, ошиблись по польски. Шляхта называла себя, но *не была* народомъ: она была только узурпаторомъ общенародныхъ правъ, и ей рано или поздно предстояло сводить сче-ты съ такъ называемымъ мотлохомъ (motłoch).

Ничто подобное никому не снилось въ Рѣчи-Посполитой, даже и между протестантами, которые, по принципу своей вѣры, защищали низшіе классы общества и тѣмъ вредили себѣ въ высшихъ. Эти самые люди, религіозные защитники простого народа, всё-таки до того съ высока смотрѣли на низшіе классы, что находили естественнымъ карать смертью мѣщанъ и освобождать отъ всякой кары шляхтичей, пойманныхъ на святотатствѣ, грабежѣ и разбоѣ; какъ объ этомъ, на примѣръ, рассказываетъ евангелическій панъ Оржельскій въ драгоцѣнныхъ своихъ запискахъ о безкорольви по смерти Стефана Баторія ¹⁾.

---

¹⁾ Это весьма важная для уразумѣнія Польши страница польской исторіи. Приводимъ ее въ польскомъ переводѣ В. В. Спасовича съ латинской рукописи, принадлежащей Императорскій Публичной Библиотекѣ.

„Тym czasem w Polsce, oprócz rozruchow i zabójstw w różnych miejscach pomiędzy prywatnemi osobami wydarzonych, wybuchło nowego rodzaju zaburzenie. Jacyś negodziwce, chcąc na wzór francuzski gwałt zadać religii chreścianskiej, utworzyli pewną sektę łotrowską, tak że, popierając pozornie sprawę Biskupów i duchowienstwa, zamierzylі zбогacіc się łupiestwem i grabieżą. Podczas niebytności w Krakowie Wojewody, Starosty, Burgrabiów zamku, 10 pazdziernika (1579) sprawili burdę i tumult, które potem w zupełny бунт się przerodziły. Nasłali kilku swoich spółników na świątynię ewangelicką *Brogiem* zwaną na rynku Świątojańskim, złajali publicznie żelzywemi wyrazami predykanta, potem z dobytą bronią wszyscy wspólnemi siłami opadli świątynię pięknie zbudowaną, wyłamali drzwi i ramy okien, a gdy predykant uciekł, rozrżócili dach i zostawili голе tylko

Итакъ вотъ въ чомъ состояла ошибка великой католической идеи—превратить нашу живую Славянщину въ религіозную окаменѣлость. Но, покажѣсть, іезуиты не сознавали еще своей ошибки, и все свое вниманіе обращали на то сословіе, за предѣлами котораго для нихъ не было *народа*. Въ этомъ сословіи объявленіе во всеобщее свѣдѣніе о совершившемся соединеніи церковей произвело бурю; только іезуиты знали, или должны были знать, что это будетъ буря словъ, шляхетская буря. Впрочемъ они, какъ пришельцы, какъ члены государства римскаго и какъ традиціонные поджигатели международной и между-сословной вражды, были не прочь и отъ кровавой бури, какъ это видно изъ ихъ письма къ Михаилу Рогозѣ. Во всякомъ случаѣ, со стороны іезуитовъ сдѣланъ былъ геройскій шагъ, напоминающій планъ Торквемады, устроенный на погибель

ściany; następnie wdarli się do sklepów i złupili wielkie summy srebra i pieniędzy, złożonych w tém pewném i bezpieczném miejscu przez szlachtę i knpców, a wynoszących do 60.000 złotych, przyczém poraniono zostało mnóstwo osób brojących świątyni. Podwojewodzi Zygmunt Palczowski, chcący gwałt ten powściągnąć, zmuszony był uciekać z wielkiém dla się niebezpieczeństwem. Bunt ten trwał trzy dni. Magistrat miejski bardziej mu się dziwował, niż go uśmierzał. — O ten wypadek jedni winili Biskupa i duchowieństwo, drudzy Wojewodę Sieradzkiego, którego słudzy mieli, jak powiadano, udział w rabunku, inni zaś znowu żaków Akademii Krakowskiej. Przyjechał Woiewoda, Senatorowie i Magistrat, robili w Ratuszu inkwizycja tego bezprawia, lecz znaczna część winowajców składała się z szlachty, sług Wojewody Sieradzkiego i duchowieństwa, a choć ich przekonano o czyn, jednak, ponieważ okazali się szlachtą, wolnemi ludźmi i równemi z rodu pierwszym osobom Pzplitéj, puszczono ich wolno, zaś gardłem ukarano tylko pięć osób z pomiędzy motłochu, którzy ledwie rcsztkami łupu się pożywili. Taki był koniec tego bezprawia. Biskup Krakowski ofiarował się wprawdzie wypłacić ze swej kieszeni kilka tysięcy złotych na poprawienie Brogu, lecz nie przyjęto tego wynagrodzenia, nie odpowiednego ani ogromowi straty, ani wielkości wyrządzonej krzywdy, a Brog wyrestawrowany został kosztem ewangelików“.

Судъ надъ шляхтою и нешляхтою, въ приведенномъ случаѣ, до того былъ въ правахъ „братьевъ шляхты“, что почтенный авторъ записокъ не отнесся къ потомству ни съ малѣйшимъ протестомъ противъ амнистіи. Чего же не возможно было дѣлать шляхтѣ? И чего не могли дѣлать чрезъ посредство шляхты іезуиты? И чего не могли они дѣлать съ нею самою, при отсутствіи въ ней идеи гражданскаго долга?

Друзей Свѣта въ Испаніи. Перетрусили тогда многіе при дворѣ Сигизмунда III, и, по всей вѣроятности, Сигизмундъ-Католикъ больше всѣхъ, потому что его громкій универсалъ о состоявшейся уніи отдался столь же громкимъ эхомъ негодованія со стороны русскихъ пановъ. Острожскіе, Корибуты-Вишневецкіе, Сангушки, Сапеги, Огинскіе, Ходкевичи, Пацы, Хребтовичи, Воловичи, Корсаки и пр. и пр., этотъ великій контингентъ католичества, вознепщевали о православіи, возшумѣли объ уніи, взревѣли, аки древніе буй-туры русскіе, противъ короля, сената и римской курии. Въ то время объ этихъ такъ называемыхъ просвѣщенныхъ, мнимо патріотическихъ и мнимо преданныхъ отеческой вѣрѣ панскихъ домахъ во всей Европѣ имѣли то преувеличенное понятіе, которое какимъ-то чудомъ отражается и въ современной намъ мыслящей средѣ. Вездѣ ждали страшнаго потрясенія Польской республики по случаю уніи и соображали веденіе дѣлъ своихъ съ этимъ ожиданіемъ. Такъ, на примѣръ, посолъ императора Рудольфа II потому, между прочимъ, старался „задобрить“ низовыхъ козаковъ, что, по его убѣжденію, „въ Польшѣ скоро должно наступить *grosse mutation*“. Дворянство, мѣщанство и козачество, по видимому, соединились тогда, то есть могли бы соединиться, общими всѣмъ имъ экономическими и духовными интересами; государственный переворотъ казался неизбежнымъ. Но Польша, по словамъ одного изъ папскихъ нунціевъ, не была ни монархія, ни республика. Въ настоящемъ случаѣ, она оказалась собраніемъ монархій и республикъ, изъ которыхъ каждая преслѣдовала отдѣльныя цѣли; именно: каждое воеводство смотрѣло на себя и дѣйствовало, какъ самостоятельное политическое тѣло; каждый повѣтъ въ воеводствѣ, представляемый обыкновенно какимъ-нибудь могущественнымъ паномъ, въ свою очередь, старался играть подобную же роль; каждый панскій домъ, какъ на примѣръ домъ князей Острожскихъ, былъ, безъ преувеличенія, государствомъ въ государствѣ; каждый городъ, пользовавшійся маг-

дебургскимъ правомъ, желалъ быть и называлъ себя отдѣльною республикою („рѣчь - посполитая мѣстская“); а козаковъ, даже въ памфлетахъ, распространяемыхъ между сеймующими панями, именовали козацкою республикою. Политическая безурядица, обыкновенно губящая государства, спасла на этотъ разъ Рѣчь-Посполиту отъ опаснаго потрясенія. Но всего больше помогла королю и его іезуитской радѣ пассивность русскихъ пановъ. Это не были уже древніе „буй-туры“ русскіе, которыхъ „золоченные шеломы по крови плавали“, которыхъ храбрая дружина „рыкала аки туры, раненные калеными стрѣлами на полѣ незнаемѣ“. Не имъ было „вступать въ золотое стремя за обиду своего времени“. „Храбрая мысль не устремляла ихъ ума на дѣло“; они ужъ и не понимали, что значило „высоко плавати на дѣло въ буети, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся“. Не туры и даже не зубри были русскіе паны наши въ ту эпоху, а быки необъязженные. Ихъ уже начали объѣзжать іезуиты, и прежде всего принялись за такіе дома, какъ знаменитый домъ князей Острожскихъ.

Представителемъ этого дома былъ на то время сынъ того Константина Ивановича князя Острожскаго, о которомъ гласила молва, что онъ одержалъ тридцать побѣдъ на вѣку своемъ. Онъ носилъ два имени— Константинъ и Василій, данныя ему, по латинскому обычаю, при крещеніи. Мы такъ и будемъ называть его, чтобы читатель не смѣшивалъ этого Константина Острожскаго съ его отцемъ Константиномъ, великимъ гетманомъ Сигизмунда I-го, который потому, вѣроятно, и оставилъ на Руси „солодкую память“, что главный представитель Руси, князь Острожскій, умѣлъ внушить ему болѣе вѣрное понятіе о своей родинѣ, нежели какое былъ способенъ внушить сынъ его Сигизмунду-Августу, Стефану Баторію и Сигизмунду III-му. Константинъ-Василій князь Острожскій былъ уже почти 90-лѣтній старикъ въ эпоху церковной уніи. Молодость его достигала первыхъ временъ украинскаго козачества. Когда „славный русскій воинъ Полюсъ“

побилъ на Руси татарскіе загоны одновременно съ его отцемъ, онъ могъ уже слышать, въ колыбели, народныя пѣсни, складываемыя въ старину послѣ каждаго подобнаго событія. Когда хмельницкій староста Предиславъ Лянцкоронскій догналъ и разбилъ орду у Овидова озера, Константинъ-Василій могъ, играя на колыбняхъ у возвратившагося съ похода воина, разспрашивать о подробностяхъ этого славнаго на всю Русь подвига. Во время похоронъ Лянцкоронскаго онъ былъ уже юношею, какъ говорилось тогда, съ наусіемъ. Сохранилось преданіе, что онъ хаживалъ въ козаки вмѣстѣ съ барскимъ старостою Претвичемъ и другими пограничными старостами; слѣдовательно козачество зарождалось и росло вмѣстѣ съ нимъ. Въ годъ кончины Евстафія Дашковича ему было не менѣе 35 лѣтъ. Во время основанія запорожской Січи онъ могъ уже поддерживать планъ князя Дмитрія Вишневецкаго въ королевской радѣ. Но никакихъ доблестныхъ или патріотическихъ дѣлъ изъ его молодости не записано даже и папегиристами. Больше ли Константинъ-Василій любилъ козакованье, или придворную политику, или же панское домонтарство, — ничего не извѣстно; а извѣстенъ уже изъ позднѣйшей его эпохи, когда онъ былъ далеко за поворотомъ лѣтъ, слѣдующій характеристическій фактъ, рассказанный подробно современнымъ королевскимъ дворяниномъ, Лукашемъ Горницкимъ, который закончилъ хронику свою 1572 годомъ, слѣдовательно за 24 года до объявленія церковной уніи ¹⁾.

У отца Константина-Василія Острожскаго былъ братъ Илья, которому, въ числѣ прочихъ наслѣдственныхъ имѣній, принадлежалъ и знаменитый городъ Острогъ. Онъ умеръ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола, поручивъ опеку короля Сигизмунда-Августа вдову свою и дочь, очень богатую невѣсту. Еще до своего совершеннолѣтія, она имѣла множество искателей руки ея, но намъ

¹⁾ Это необходимо имѣть въ виду, чтобы не объяснять сказанія этого современника религіознымъ антагонизмомъ.

извѣстенъ только самый рѣшительный, въ періодъ полнаго ея развитія, князь Димитрій Сангушко. Вольшой охотникъ до козакованья, онъ водилъ дружбу съ низовцами, и въ то же самое время былъ очень друженъ съ Константиномъ-Василіемъ княземъ Острожскимъ, хотя одинъ изъ нихъ былъ еще молодой чело-вѣкъ, а другой — уже почти старикъ. Острожскій могъ имѣть свой расчетъ въ дружбѣ съ Сангушкомъ, если въ человѣческихъ дѣлахъ прежде всего надо искать тайной работы ума, власти и си-лы. Ему было тогда уже подъ пятьдесятъ лѣтъ: вдова брата вла-дѣла роднымъ гнѣздомъ его; король могъ выдать молодую княж-ну Острожскую за чело-вѣка, непріятнаго роду Острожскихъ, по-жалуй даже вреднаго: вѣдь мать Сигизмунда-Августа внушила не только сыну, но и Сигизмунду I-му, выкованное въ Италіи правило: *divide et impera*. Какъ бы оно тамъ ни было, только вдовствующей княгинѣ Острожской доложили однажды, что къ замку приближается какое-то войско. Это ѣхалъ къ ней въ гости искатель руки ея дочери. Сангушко писалъ уже къ княжнѣ о сво-ихъ чувствахъ къ ней, но та отговаривалась опекуномъ. Сангуш-ко просилъ позволенія объясниться лично и назначалъ день сво-его посѣщенія. Ему отвѣчали, что будутъ рады видѣть его, какъ сосѣда. Свита знатнаго пана изъ пятидесяти или даже изъ сотни чело-вѣкъ не озадачивала въ то время никого; но впереди конна-го отряда, скакавшаго къ замку весьма быстро, замковая стража различила фигуру князя Василия, какъ называли Константина Кон-стантиновича Острожскаго. ¹⁾ Княгиня, видно, знала, съ какимъ умысломъ жалуетъ къ ней кievскій воевода, маршалъ волынской

¹⁾ Подъ именемъ князя *Василія* онъ былъ извѣстенъ и въ Турецкіхъ. Коро-левскій посоль Писочинскій записалъ въ своемъ дневникѣ, 1602 года 17 мая, какъ въ Бѣлгородѣ пришли къ нему отъ санджака турки и доказывали, что ко-роль могъ бы обуздать козаковъ, еслибъ только захотѣлъ, „poniewaz to wszystko ludzie z jego panstwa i tez z dobr kniazia Wasyliowych, kniazia Zbaraskiego i innych panow, poddanych jego.“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. отд. IV, № 71, л. 107).

земли etc. etc. Она велѣла запереть ворота; но не такъ безопасно для замчанъ было повиноваться ей, какъ, можетъ быть, она думала. Гости вломились въ „броню“ бурно.

Мы заимствуемъ подробности этого событія изъ обвинительной рѣчи, произнесенной адвокатомъ вдовы Острожской передъ королемъ. Авторъ хроники, подражая Фукидиду, высказалъ всѣ обстоятельства дѣла и собственные мысли чужими рѣчами. Онъ, очевидно, раздѣлялъ убѣжденія повтореннаго имъ, якобы по памяти, оратора. Это былъ и деликатный, и безопасный способъ высказаться вполне о такой крупной фигурѣ, какою былъ въ Рѣчи-Посполитой князь Василій. Ораторъ-обвинитель, Станиславъ Чарновскій, говорилъ въ переданной Горницкимъ рѣчи, будто-бы нѣсколько человѣкъ убито при вторженіи въ замокъ. Онъ прибавилъ даже, будто-бы натискъ на замчанъ былъ таковъ, какъ бываетъ въ то время, когда кто-нибудь возьметъ замокъ третьимъ или четвертымъ штурмомъ, съ тѣмъ чтобы помститься въ немъ *ser-dzistym sersem* за кровь брата, товарища, друга своего и оказать этимъ послѣднюю услугу помершей душѣ. Но противная сторона возразила, что съ князьями было только около сотни всадниковъ, тогда какъ въ Острожскомъ замкѣ, кромѣ людей, которые постоянно „живутъ на Острогѣ“, кромѣ урядниковъ, домовниковъ, пѣшихъ и самого двора княгини, насчитывается болѣе тысячи коней. Князь Василій потребовалъ ключи отъ замковыхъ воротъ и отъ всѣхъ строеній; а потомъ, будто-бы, предалъ замокъ грабежу и буйству своихъ спутниковъ. Всѣ эти дѣйствія не представляютъ достаточныхъ основаній необходимости своей, на сколько намъ извѣстно положеніе одной и другой стороны; а потому мы принимаемъ ихъ за цвѣты ораторскаго краснорѣчія; дѣло, навѣрное, не выходило изъ предѣловъ козацкой попойки. Интересны только слова о козакованѣ, которыми Горницкій, вѣроятно, противникъ козачества, хотѣлъ уколоть обоихъ князей: „*A nie dziw: albowiem iaka wstrzymałość, iaka miara w tych ludziech bydzi mogła; ktorzy*

dla rozhelzanej woli swojej, dla chciwości, dla rozputy w kozactwo się udali“ ? ¹⁾ Но потомъ слѣдуютъ такія обвиненія, которыхъ никто бы не осмѣлился импровизировать въ присутствіи королевскаго ареопага, да и самая баниця князя Сангущка, а вслѣдствіе баниці смерть, показываютъ, что они были не голословныя ²⁾.

Мы сохранимъ послѣдовательность этого сказанія. Явясъ съ женихомъ къ дамамъ, князь Василій произнесъ длинную рѣчь, что было во вкусѣ польскаго общества ³⁾ и согласуется съ писаніями Острожскаго. Онъ распространился о природной опека своей надъ племянницею, выставлялъ доброжелательство свое къ ея дому, объяснялъ, что воля его въ настоящемъ случаѣ идетъ отъ самого Господа Бога, что онъ обѣщаль руку княжны своему молодому пріятелю, далъ ему слово и пріѣхаль для того, чтобъ

---

¹⁾ И не удивительно: ибо какая сдержанность, какая умѣренность могла быть у людей, которые, ради необузданнаго своевольства, ради жадности, ради разврата, вдались въ козачество?

²⁾ Судебныя рѣчи, про и contra, приведенныя Горницкимъ, весьма интересны, какъ произведенія замѣчательнаго ораторскаго искусства и какъ характеристика вѣка и общества. Для насъ, изучающихъ старину свою по юридическимъ бумагамъ, онѣ драгоценны, какъ живой голосъ среди нѣмого архива. Авторъ „Русской Исторіи въ Жизнеописаніяхъ“ отозвался о князѣ Константиинѣ Константиновичѣ Острожскомъ слѣдующими словами: „Въ молодости своей, какъ *разсказываютъ*, онъ заявлялъ себя въ домашней жизни не совсѣмъ благовиднымъ образомъ: такъ, между прочимъ, онъ помогъ князю Димитрію Сангущкѣ увести насильно свою племянницу Острожскую“. — Слова: „какъ *разсказываютъ*“, можно такъ понять: что это, пожалуй, и выдумка. Скептицизмъ бываетъ иногда полезенъ въ историческихъ изысканіяхъ; но, кто въ третьемъ, исправленномъ изданіи книги своей, ссылается на малорусскія лѣтописи въ томъ, что *перые* запорожцы, при вступленіи въ Січъ, обѣщали ходить въ церковь (см. выше примѣчаніе на стр. 67), тому никакъ ужъ не приходится заподозривать свидѣтельство современника о томъ, что происходило въ его сферѣ, и что онъ имѣлъ полную возможность видѣть и слышать.

³⁾ Папскій нунцій Гонорать Висконти разсказываетъ, что поляки отличаются охотою говорить рѣчи, и что даже въ домашнихъ бесѣдахъ, когда одинъ говорилъ, другіе весьма внимательно слушали его; потомъ произносилъ рѣчь другой собесѣдникъ, и такъ проходило у нихъ все время въ произнесеніи другъ передъ другомъ рѣчей.

дѣло сдѣлалось такъ, а не иначе. Женихъ, съ своей стороны, представилъ права на вниманіе высокорожденной невѣсты, упомянулъ о своихъ заслугахъ Рѣчи-Посполитой въ качествѣ пограничнаго воина, выставилъ свое богатство, силу, пріятелей своихъ, рыцарскую фигуру, мужество, лѣта ¹⁾ и, подобно своему свату, заключилъ рѣчь увѣренностью, что иначе, какъ согласіемъ, это дѣло не кончится. — „Какъ?“ отвѣчала оскорбленная княжна: „неужели этимъ способомъ обращаются къ друзьямъ или ищутъ дружбы?“ Отъ горя и предчувствія самаго ужаснаго, что должно было слѣдовать за такимъ приступомъ, она впала въ обморокъ. Ее привели въ чувство; она продолжала высказывать свое негодованіе; она не хотѣла слышать о бракѣ; она защищалась волею короля, единственнаго опекуна своего. — „Мы тебя и просить не станемъ“, сказалъ наконецъ дядя и, подойдя ближе, взялъ ее за руку. Княгиня Острожская ухватила дочь за другую руку, но онъ оттолкнулъ ее довольно безцеремонно и, передавая невѣсту жениху, сказалъ: „Возьми ее отъ меня; моя тутъ власть: я дядя“. Если вѣрить всему разказу, княгиня упала отъ толчка на полъ; потомъ обратилась къ своимъ слугамъ съ упреками и угрозами, требуя защиты правъ своихъ. Но, видно, князь Василій въ домѣ предковъ своихъ былъ сильнѣе огорченной невѣстки. Онъ заперъ ее въ боковой комнатѣ и велѣлъ позвать священника, чтобы тутъ же и обвинчать молодую чету. Священникъ осмѣлился просить отсрочки до утра, въ виду того, что и княгиня можетъ спокойнѣе обсудить сдѣланное предложеніе, и сама невѣста придетъ, можетъ быть, къ болѣе благосклоннымъ чувствамъ. Но князь Василій загремѣлъ на него: „Не на совѣтъ пригласили тебя, попе! Если не хочешь дѣлать, что тебѣ велятъ, такъ эта булава принудитъ“. Подъ вѣнцемъ, княжна Острожская громко протестовала, обращаясь къ служилой шляхтѣ, и не хотѣла отвѣчать на вопросы

¹⁾ Напомнимъ читателю подобную рѣчь любезнаго всѣмъ балагура, пана Паска (Pamiętniki Chrystostoma Paska), передъ своею невѣстою.

священника. Дядя отвѣчалъ за племянницу, какъ дѣлають при крещеніи дѣтей.

Потомъ обвинитель Острожскаго разсказалъ королю и сенаторамъ, какъ два пріятеля совершили застольный пиръ, точно все обстояло благополучно, точно невѣста не рвалась за столомъ, какъ татарская плѣнница, а послѣ пиршества, съ средневѣковою грубостью нравовъ, фактическій бракъ. ¹⁾ Еслибы то, что сообщаетъ Горницкій, не было произнесено Чарновскимъ передъ королемъ и панами рады, онъ не осмѣлился бы написать подобнаго скандала въ хроникѣ, изъ уваженія въ шляхетской чести князя Острожскаго и князя Сангушка, которая для поляка того времени составляла святыню святынь. Еслибы подобное „дѣланіе непочестныхъ речей съ бѣлами головами“ не было въ духѣ времени, въ характерѣ обвиняемыхъ лицъ и въ соотвѣтствіи съ показаніями свидѣтелей, то самая чудовищность обвиненія заподозрила бы жалобу

¹⁾ Привожу текстъ обвиненія: „Gdy księżna miasto pokarmow Izami się karmiła, bojąc się tak stryji, iako i ten nowy gwałtowny małżonek, żeby nie zamieszkali, kazali pacholkom wynieść z komnaty, za ktoremi ostatni stryji wyszedł. Co gdy się stało, uboga księżna, iako przed kapłanem, tak i tu broniąc poczciwości swoiey, była tak silna księzdu Dymitrowi, iż sług na ratunek zawołać musiał: przy oczu ktorych iako się pastwił nad księżną poddaną W. K. Mci, uboga sierotą, wnuczką onego sławnego hetmana Konstantego, corką cnotliwego Iliego, uszy święte W. K. Mci nie dopuszczą mi wypowiedzieć. Nie tylko z poczciwą żoną żaden cnotliwy małżonek tak się nie obchodził, ale ani z ową, która wstyd zaprzedała.... Ehey księże Wasylu, gdziekolwiek iest, ku tobie mowię: i mogliżes ty przewieść na sobie, abys to czynił nad synowicą twoią, czego by żaden poczciwy nad niewolnicą swą uczynić nie chciał? I mogliżes zdrowym okiem na to patrzeć, gdy synowica twoja tak wele łez wylewała? mogliżes to wycierpieć a nie wezdrnąć się, gdyś słyższal wrzask iey w komnacie, a wiedziales, iż nie sam tylko Dymitr był z nią w łóżnicy? Czyś tego nie wiedział, iż iako stryji synowicy iest drugim oicem, tak stryjiowi synowica iest drugą corką? I także u ciebie był wielki Dymitr, także u ciebie był miły, iż dla wypełnienia pochoci iego cielesnych, dla wywyższenia domu iego, dla zbogacenia iego osoby, miałes zhańbić dom twoy, synowicę ku pośmiechu, siebie w niebezpieczeństwo czci i żywota wprawić? Nie bardzoś tego ganię, iżes tu na sąd nie stanął, wiedząc iż przy boku Paskim ci siedzieć mieli, którzy są przyziaciółmi cnoce, uczciwości, wstydy, a okrutni nieprzyjaciele morderzom, gwałtownikom, bezbożnikom...“

предъ лицомъ королевской рады, и она не была бы уважена. Но, видно, убѣдительно были представленны доказательства: королевская рада не согласилась даже на отсрочку суда, просимую адвокатомъ противной стороны, и тутъ же король произнесъ приговоръ, лишившій князя Сангушка чести и защиты закона.

Послѣ этого фамильнаго дѣла, водворившаго князя Василія въ знаменитомъ городѣ Острогѣ, мы встрѣчаемъ имя его въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависѣла вся будущность Польши и Руси, — въ сѣздѣ на Люблинскій сеймъ 1569 года. Здѣсь польскіе паны сватали нашу отроженную Русь такъ точно, какъ двое друзей — князю Острожскую. При посредствѣ короля, они настояли на „добровольномъ“ соединеніи несоединимаго, нужды нѣтъ, что пришлось „свободныхъ къ свободнымъ, а равныхъ къ равнымъ“ присоединять замыканьемъ городскихъ бронь, лишеніемъ должностей, королевскою немилостью и наконецъ силою оружія. „O wolności polska“! восклицалъ ораторъ передъ королевскимъ ареною по дѣлу Сангушка и Острожскаго: „i tąż się więc przed obcemi narody chlubiemy? Nędzna nasza wolność w Polsce, w której iest tak wiele swywoли“! ¹⁾ Эти самыя слова повторялись русинами въ запертомъ Люблинѣ. Но князь Острожскій не подаль голоса противъ знаменитаго присоединенія, которое, по словамъ поляковъ, распространило благодѣянія польской свободы на всю Литву и Русь, а по суду исторіи, водворило въ Литвѣ и Руси на мѣсто русскаго, польское право, которое пролило рѣки польско-русской крови и до нашего времени сохраняетъ вредное для общества вліяніе свое. Князь Острожскій одинъ могъ бы отстоять Русь отъ польскаго права, при своемъ политическомъ значеніи въ литовско-русскомъ обществѣ; но онъ и не подумалъ отстаивать.

¹⁾ О польская свобода! и этой свободой мы величаемся передъ чужими народами? Ахъ, какъ бѣдна свобода наша въ Польшѣ, гдѣ такъ много самоуправства!

Вслѣдъ за тѣмъ наступили сеймовыя совѣщанія о козакахъ, которыхъ положеніе, которыхъ воинскія дѣла, которыхъ значеніе для пограничной колонизаціи князю Острожскому были извѣстнѣе, нежели кому-либо изъ магнатовъ. Но мы не видимъ и тутъ слѣда его *русской* дѣятельности: онъ понималъ козачество польски; идея равноправности была чужда ему. вмѣсто того, чтобы радоваться этому сильному органу русской автономіи, изнемогавшей въ борьбѣ съ польскою, князь Острожскій заключаетъ съ татарскимъ ханомъ договоръ о поголовномъ истребленіи козацкой колоніи на днѣпровскомъ Низу.

И развѣ это все? Нѣтъ! Въ угоду Баторію, князь Константинъ - Василій широко опустошалъ единовѣрную ему страну за Днѣпромъ до Стародуба и Почепа; опустошалъ единовѣрную страну въ то самое время, когда у него въ Острогѣ печаталась Библия (а ему приписываютъ чувство древняго русскаго благочестія, сознание русской народности, покровительство православію!). Онъ дѣйствовалъ тутъ, какъ полякъ. Какъ полякъ, онъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Замоискимъ и противъ партіи Зборовскихъ, которая хотѣла отмстить за смерть Самуила Зборовскаго, запорожскаго гетмана, воспѣваемаго еще и нынѣ въ кобзарской думѣ. Какъ полякъ, отнесся онъ и къ сеймовому закону 1590 года.

Не забыли всего этого козаки, и готовили представить бывшему участнику своихъ походовъ многолѣтній счетъ къ уплатѣ. Сохранилось письменное преданіе, что именно съ 1590 года, когда состоялось грозное, хоть и безсильное, противъ нихъ постановленіе, козаки задумали отмщеніе князю Острожскому, которое осуществилось, наконецъ, подъ предводительствомъ Косинскаго. Если принять за несомнѣнное, что возстаніе козаковъ при Косинскомъ было такимъ началомъ открытой завязки козацкой противъ пановъ, которое неизбежно, даже противъ желанія Косинскаго, должно было имѣть продолженіе, то имя князя Острожскаго на скрижаляхъ польско-русской исторіи обозначится

передъ нами кровавыми буквами. Онъ могъ бы предупредить — и не предупредилъ — столѣтнюю рѣзню между шляхтою и козаками.

Къ чертамъ крупнымъ прибавимъ еще мелкую, но такую, о которой можно сказать, что она очерчиваетъ всего человѣка. Князь Острожскій владѣлъ цѣлою сотнею городовъ и замковъ, болѣе чѣмъ 1.300 деревнями и получалъ чистаго годового дохода 1.200.000 злотыхъ, которые въ то время, на коммерческомъ рынкѣ, равнялись нынѣшнимъ рублямъ, а по другимъ извѣстіямъ— до милліона червонныхъ злотыхъ; но при всемъ этомъ онъ оставлялъ замки принадлежащихъ ему королевщинъ въ полуразрушенномъ видѣ. На конвокаціонномъ сеймѣ 1575 года онъ просилъ у Рѣчи-Посполитой пособія на починку кievскаго замка и, чтобы склонить сеймъ къ выдачѣ денегъ, доносилъ сеймующимъ панамъ, чрезъ своего сына, отступника Януша, будтобы московскій царь идетъ на Кіевъ съ огромными силами, которыя сосредоточены уже въ Черниговѣ. Съ какимъ презрѣніемъ отвергнуто мизерное ходатайство богатѣйшаго изъ магнатовъ, можно судить по отзыву Святослава Оржельскаго въ его благородныхъ запискахъ. ¹⁾ Но князь Константинъ-Василій ни мало не былъ сконфуженъ отказомъ. Въ 1592 году онъ выпросилъ у сейма свидѣтельство въ томъ, что не по его волѣ Рѣчь-Посполитая не предпринимала починки полуразрушенныхъ укрѣпленій въ Кіевѣ и Бѣлой-Церкви, что на это нуженъ большой коштъ, и что онъ, Острожскій, не въ состояніи и не обязанъ произвести эту починку. Кому покажется страннымъ, какъ могъ Острожскій получить подобный документъ

¹⁾ Оржельскій: „Godna zastanowienia podłość dzierzawców królewskich, po większej części magnatów, posunięta do takiego stopnia, że niechcieli nawet do skarbu wnosić z powinności należnej i prawami przepisanej części dochodów, oraz zamki opatrywać. Tak Wojewoda Kijowski, posiadający z górą 1.300 wiosek, 100 miast i zamków, ani myślał o naprawie zamku Kijowskiego, tamującego drogę Moskwie i Tatarom i leżącego w najobronniejszej pozycji, owszem bezczelnie żebrał o pomoc u Rzplitej.“

отъ собранія государственныхъ чиновъ, тому совѣтуемъ заглянуть въ англійскій парламентъ передъ закрытіемъ засѣданій; а Польша, въ отношеніи правильности гражданскихъ отправленій, была пониже, даже и во мнѣніи своего потомства, нынѣшней Англии. Напрасно король добивался послѣ этого, очевидно не зная о существованіи документа въ рукахъ Острожскаго, чтобъ онъ исправилъ пограничныя замки: ихъ исправили сами мѣщане, по собственному почину, когда наконецъ умеръ престарѣлый кievскій воевода. Точно такъ не могъ вытребовать король отъ Острожскаго и подымнаго, котораго за много лѣтъ накопилось на немъ до 4.000 копъ грошей литовскихъ. Между тѣмъ князь Константинъ-Василій платилъ громадное жалованье одному каштеляну за то только, чтобъ онъ два раза въ годъ постоялъ у него за столомъ во время обѣда. Домъ его былъ вѣчно полонъ гостей, а въ числѣ придворныхъ онъ содержалъ обжору, который изумлялъ всѣхъ количествомъ пищи, пожираемой за панскимъ столомъ.

Въ толпѣ гостей, постоянно обрѣжавшихъ магната, не преобладалъ никакой элементъ: ни русскій, ни польскій, ни православный, ни католическій; ни древнее русское благочестіе, ни новыя вѣроученія германской реформаціи. Это былъ рынокъ, на которомъ предлагались всевозможные товары; это былъ *porto franco*, куда ввозили безъ осмотра все, что желали пустить въ ходъ. На письменномъ столѣ патрона православія лежали письма Посевина или другихъ ему подобныхъ вмѣстѣ съ письмами православнаго князя Курбскаго и посланіями аскета съ Аѳонской горы.¹⁾ Иезуитъ Мотовило былъ любимымъ его собесѣдникомъ. Духовникъ Сигизмунда Католика, Скарга, находилъ у него дружескую помощь въ распространеніи своихъ писаній. Тутъ промелькнула и

¹⁾ Въ сочиненіи своемъ „Оборона Церкви Восточной“, Захарія Копистенскій говоритъ о князѣ Василіи: „Монаховъ святогорцевъ религи греческою почестно приймавалъ и, прикладомъ отца своего, ямужу давалъ“. (Рукопись варш. библ. гр. Красинскихъ.)

зловѣщая личность названнаго Димитрія, едва не погубившаго до конца русскую землю. ¹⁾ Сюда стѣзжались для диспутовъ и пріятельскихъ бесѣдъ представители лютеранства, кальвинства и аріанства. На сколько каждая партія извлекала пользы изъ доступности князя Острожскаго, изъ неопредѣленности его характера, — это ихъ дѣло. Мы только скажемъ, что имя князя Острожскаго столь же громко отзывалось въ Римѣ, какъ въ Москвѣ, въ Цареградѣ и на Афонѣ, потому что вокругъ него увивались представители всѣхъ вѣроученій, точно вокругъ Кіевскаго Владимира. Отъ этого-то берешь теперь съ библіотечной полки одну книгу, положимъ русскую, и находишь въ ней, что князь Острожскій — „главный дѣятель защиты православія противъ католичества“, „глава православнаго движенія“, и тому подобное, а развернешь латинскую, польскую, или даже нѣмецкую книгу — тотъ же князь Острожскій является приверженцемъ лютеранства, кальвинства, деизма, а современный ему папскій пунцій Маласпина называетъ его прямо атеистомъ. Каждый видѣлъ въ немъ то, что желалъ видѣть, и всѣ, въ данный моментъ и въ извѣстномъ отношеніи, были болѣе или менѣе правы.

Такъ, были правы люди, превозносившіе князя Острожскаго за его пожертваніе на основаніе греко-славянскаго училища въ городѣ Острогѣ, на заведеніе типографіи и печатаніе богослужебныхъ и другихъ книгъ. Это были, конечно, пожертванія не-

---

¹⁾ Между свазаніями объ этомъ современниковъ, сохранилось прелестное изображеніе престарѣлаго князя, нарисованное какою-то наивною личностью оныхъ дней, разумѣется, столь же далекое отъ дѣйствительности, какъ и современная намъ иконографія князя Острожскаго. Лѣтописецъ, воображал, что названнй Димитрій былъ Отрепьевъ, говорить о немъ и о его товарищахъ слѣдующее: „И придоша въ Острогъ, и повѣдаша объ нихъ князю Константину Константиновичу, и повелѣ имъ вйти въ полаты своя, и внидоша и поклонившася ему, и видѣху благовѣрнаго князя, сѣдѣща на мѣстѣ своемъ, возрасту мала суща, браду имѣя до земли, на колѣняхъ же его посланъ бысть платъ, на немже лежаше брада его“. („Свазаніе и Повѣсть еже содѣяся въ царствующемъ Градѣ Москвѣ и о Ростригѣ Гришѣ Отрепьевѣ и о Похожденіи его“).

маловажныя. Свидѣтели щедротъ богатаго патрона имѣли полное основаніе славословить его. Но другіе, съ такою же основательностью, могли бы восхвалять — и восхваляли — его за то, что мы готовы назвать пустою спесью, магнатскимъ чванствомъ и отсутствіемъ душевнаго благородства. Сумма, которую князь Острожскій платилъ готовому къ услугамъ каштеляну, была, можетъ быть, гораздо значительнѣе той, какая шла на училище, типографію и проч. Въ заведеніи училища, въ распространеніи по Руси богослужебныхъ и другихъ книгъ, естественно, слѣдуетъ предполагать намъ вліяніе на него людей, заинтересованныхъ въ этомъ хорошемъ дѣлѣ: онъ только сълонялся на разумныя просьбы. Но въ наймѣ вельможнаго каштеляна для лакейской должности мы видимъ самого князя Константина-Василія, съ его сотнею городовъ и замковъ, съ его милліономъ червонцевъ годового дохода, — того самого князя Василія, который дорожилъ титуломъ опекуна родныхъ своихъ такъ точно, какъ и князь Іеремія Вишневецкій.

Еще превозносятъ князя Острожскаго за его протесты, за окружныя посланія, за участіе или даже починъ въ шумныхъ и грозныхъ сѣздахъ для защиты православія. Но мы не знаемъ, самъ ли князь Острожскій писалъ, или только подписывалъ сочиненные для него попами бумаги; а хотябы и самъ, то слова словами, а дѣла дѣлами. Когда нужно было вломиться въ замокъ Острогъ и выдать насильно племянницу замужъ, князь Константинъ-Василій не посмотрѣлъ на гнѣвъ короля и на приговоръ его рады, столь грозно поразившій маленькаго магната, князя Сунгушка. Но въ православномъ движеніи онъ ограничился угрозами, что соберетъ 15.000 или даже 20.000 войска, и не собралъ ни одной тысячи. Отноительно православія онъ былъ такой же панъ, какъ и тѣ, которые пошумѣли на варшавскомъ 'сеймѣ въ 1585 году, — не выше и не ниже ихъ. Онъ выслушивалъ просьбы и жалобы благочестивыхъ мѣщанъ, вслѣдъ за тѣмъ бесѣдовалъ съ послѣдователями аріанскаго ученія, или съ іезуитами, а потомъ

любовался обжорою, который поражалъ его застольниковъ чудовищнымъ аппетитомъ своимъ, и все это у него одно съ другимъ какъ-то ладилось. Съ одной стороны, молва трубила о его благородной щедрости, а съ другой — лежать передъ нами письменныя свидѣтельства о его безстыдной сваредности. О чомъ его просили, услаждая, конечно, панскій слухъ подобающею лестью, то онъ дѣлалъ охотно: ¹⁾ онъ даже подчинялся дружескимъ укоризнамъ и совѣтамъ такихъ людей, какъ знаменитый князь Курбскій, — почти въ такой, однакожъ, мѣрѣ, какъ и внушеніямъ іезуита Скарги; но гдѣ дѣло само о себѣ воіцало, такъ князь Острожскій былъ обыкновеннымъ польско-русскимъ паномъ. Такимъ вопіющимъ дѣломъ былъ, между прочимъ, Кіевъ, столица его воеводства, колыбель православія, собраніе священныхъ для русскаго человѣка памятниковъ. Острожскій оставлялъ его въ совершенномъ запустѣніи съ его древними церквами, не смотря на важное значеніе его и въ стратегическомъ отношеніи; онъ спокойно выслушивалъ упреки въ этомъ еще отъ Сигизмунда Августа, потомъ отъ Сигизмунда III; онъ смотрѣлъ равнодушно на городъ, о которомъ даже иновѣрцы отзывались въ его время, какъ о музеѣ драгонѣнныхъ древностей.

Соединеніе всѣхъ приведенныхъ здѣсь обстоятельствъ даетъ понять, что, если у князя Константина Константиновича или Константина-Василія Острожскаго былъ интересъ, характеризующій

¹⁾ Въ коротенькой лѣтописи, написанной по смерти Богдана Хмѣльницкаго, такая роль Острожскаго проглядываетъ даже сквозь воображеніе нескѣдущаго въ дѣлахъ міра сего писателя. Онъ говоритъ: „Въ то время въ городѣ Острогѣ великій князь Константинъ Ивановичъ (лѣтописецъ не зналъ, что такъ звали князь-Васильева отца) Острожскій, — неисчетнаго богатства [и добродѣтели мужъ, благочестивъ-же и многомилостивъ. Тогда въ хоромахъ своихъ на Пещанкѣ въ уединеніи, работой королевской и вѣрой прилежно занимался. И явились къ нему бояре и князи кіевскіе, и говорили князю Константину, же треба искусителямъ языкъ отсѣщи и оружіе отнять. Здѣсь и сеймъ совершили, и нарядъ нарядили во всю Украину, въ города и села, како противостати оскорбителямъ православныя вѣры и всего народа русскаго“

его съ особенною выразительностію, то этотъ интересъ былъ во-все не борьба съ латинствомъ или униєю за православіе, и что, если у него былъ какой-нибудь характеръ, то во-все не такой, который бы помогаль ему играть роль, желательную для его біографовъ. Біографы этого жалкаго старика, надѣлавшаго безсознательно очень много вреда русскому дѣлу, простираютъ нѣжность къ нему до смѣшного. На примѣръ, они рассказываютъ, какъ Острожскій пригласилъ знаменитаго ученаго, бывшаго ректора падуанскаго университета, грека Никифора, присутствовать на брестскомъ соборѣ 1596 года, въ качествѣ намѣстника цареградскаго патріарха. Партія Замойскаго, который на ту пору былъ въ ссорѣ съ Острожскимъ, обвинила Никифора въ самозванствѣ, въ шпионствѣ, даже въ чернокнижіи. Князь Острожскій защищаль его передъ королемъ и сенаторами, но вышолъ изъ терпѣнія, наговорилъ королю грубостей и удалился изъ собранія, оставивши своего гостя въ рукахъ враговъ его. Король, изъ политическаго разчета, послалъ вслѣдъ за взбалмошнымъ старикомъ зятя его Радзивила; тотъ убѣждалъ его успокоиться и говорилъ, что король обѣщаль освободить Никифора. „Нехай вінъ ёго зьість!“ отвѣчаль Острожскій, и не вернулся въ залу суда. Никифора посадили въ Маріенбургскую крѣпость, гдѣ онъ и скончался, а князь Острожскій помирился съ Замойскимъ. Ни одинъ изъ нашихъ историковъ не указаль на этотъ фактъ, какъ на предосудительный. „Заступнику православія“ все у нихъ позволительно.

Прибавлю еще одну черту нашей исторіографіи по отношенію къ Острожскому. Князя Василія обвиняли въ подстрекательствѣ козацкихъ купъ на грабежъ имѣній тѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ пановъ, которые содѣйствовали церковной униі. Не извѣстно, до какой степени онъ участвовалъ, конечно, чрезъ своихъ кліентовъ, въ подстрекательствѣ; но историческій судъ въ его пользу опирается у насъ на слѣдующемъ аргументѣ: „Острожскій, въ своихъ письмахъ къ зятю Радзивилу, жаловался, что на него

клеветаютъ, и свидѣтельствовался Богомъ въ своей невинности. . . Въ самомъ дѣлѣ (замѣчаетъ съ катехизическою наивностью историкъ) нѣтъ основанія утверждать, чтобъ старикъ преклонныхъ лѣтъ рѣшился такъ нагло лгать, употребляя въ дѣло такія средства“. Достопочтенный трудолюбецъ могъ бы прослѣдить по книгамъ пороки лжи въ историческихъ личностяхъ и удостовѣриться, что онъ гораздо свойственнѣе преклонной старости, нежели цвѣтущимъ лѣтамъ юности или мужества. Украинскій народъ глубже вглядѣлся въ жизнь, складывая пословицу свою: *старому брехати, а багатому крѣсти*, хотя онъ не имѣлъ понятія ни о Сикстѣ V, ни о нашемъ землякѣ Мазепѣ со стороны притворства, ни о множествѣ такихъ личностей, какъ Меттернихъ и Талейранъ, которые отнюдь не дѣлались чистосердечнѣе, по мѣрѣ того какъ старились и дряхлѣли. По свойству своей природы, по своему политическому и соціальному положенію, князь Острожскій долженъ былъ играть различныя роли передъ различными людьми. Развѣ это рѣдко встрѣчается въ исторіи? Что княземъ Острожскимъ пугали враговъ православія, что съ нимъ вездѣ носились и преувеличивали тѣ или другія стороны его дѣятельности, это такъ естественно въ тогдашнемъ положеніи русской церкви и русскаго общества; но принимать молву XVI и XVII вѣка въ буквальный смыслѣ, при нынѣшнемъ развитіи исторіографіи, значить—возвращаться въ лѣтописный періодъ науки. Сами хвалители князя Острожскаго и подобныхъ ему дѣятелей, въ концѣ концовъ, должны согласиться съ авторомъ этой написанной по просту книги, что православіе напрасно устремляло на нихъ „исполненныя ожиданія очи“: ничего не дождалось оно отъ тѣхъ людей, которые до сихъ поръ, по старой памяти, слывуть передовиками религіознаго движенія въ XVI и XVII вѣкѣ, и всѣхъ меньше дождалось оно отъ князя Острожскаго. Онъ съ двадцати тысячъ войска съѣхалъ подъ конецъ жизни на то, что благочестиво совѣтовалъ Львовскому братству терпѣть, терпѣть и терпѣть.

Но за то и унія далеко не имѣла такихъ успѣховъ, на какіе рассчитывали католики, и какіе приписываются ей въ наше время. Интимныя сношенія папскихъ легатовъ, или нунціевъ, съ римскою курією, сдѣлавшіяся нынѣ явными, показываютъ, что захватъ церковныхъ имуществъ, подъ эгидою фанатизма короля, былъ скорѣе предметомъ страха, нежели радости, для сторонниковъ Рима въ отрожденной Руси. Въ инструкціи, данной нунцію Ланчелотти, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ его предшественниками, говорится, что, по объявленіи уніи, къ ней „пристало мало духовенства, а еще меньше народу“. Въ двадцатипятилѣтіе, истекшее съ того времени, получены римскою курією прискорбные для нея результаты религіозной дѣятельности короля, сената и католической шляхты, не смотря на то, что въ это двадцатипятилѣтіе уже лилась кровь изъ-за уніи, и что унія имѣла знатнаго мученика въ лицѣ Грековича, намѣстника унитскаго митрополита. Онъ былъ утопленъ въ проруби на Днѣпрѣ запорожскими козаками, противъ Видубицкаго монастыря, подъ Кіевомъ. Козаки раздѣли его донага и, бросая въ воду, примолвили съ трагическимъ сарказмомъ: „Благай папу, нехай тебѣ рятѹе“. Несчастный силится выбраться изъ проруби, хватаясь за окраны, но козаки обрубилъ ему руки. Прискорбіе римской куріи о безуспѣшности уніи выражено въ конфиденціальномъ документѣ слѣдующими словами: „Пожалуй, есть (на Руси) и епископы, и пастыри унитскіе, но почти безъ паствы, а къ тому пребываютъ они въ большемъ страхѣ, чтобъ не прогнали ихъ и не отняли церквей, отобранныхъ у дизунитовъ. Умнѣйшіе изъ епископовъ (въ Римѣ) предвидятъ много злого отъ уніи и думаютъ, что было бы лучше, когдабъ ея вовсе не было. Всего больше печалить унитскихъ архіереевъ опасеніе, какъ бы имъ не остаться одинокими, когда ихъ покинутъ немногіе изъ ихъ послѣдователей, а новые сдѣлаются тогда еще упорнѣе (въ старой своей вѣрѣ) и къ нимъ не пристанутъ“. По свидѣтельству нунція Торреса, въ 1620 году,

въ нашей отрожденной Руси было два архіепископства и шесть епископствъ унитскихъ. Въ этихъ епархіяхъ насчитываетъ онъ 13 монастырей, въ которыхъ находилось всего только до 200 монаховъ, „не болѣе 200“.— „Много и другихъ монастырей въ этихъ епархіяхъ“, прибавляетъ онъ, „но они заперты по неимѣнію монаховъ, тогда какъ у дизунитовъ только въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей до 800 монаховъ“. Въ 1621 году насчиталъ Торресъ унитскихъ церквей въ польской-литовской Руси 2.169, а дизунитскихъ, то есть православныхъ, только 1.089; но, судя по тому, что пастыри унитскіе оставались безъ паствы, надобно думать, что отобранныя у православныхъ церкви стояли пусты, и что, слѣдовательно, дѣло уніи ограничивалось только захватомъ имущества, приписанныхъ къ церквамъ и монастырямъ. „Не возможно выразить“, говоритъ тотъ же нунцій, „какъ русскій народъ ненавидитъ латинцевъ. Увидавъ ксенза, плюютъ на землю съ досады и омерзѣнія. Оттого немногіе переходятъ въ унію, и труднѣе отклонить ихъ отъ ихъ вѣры, нежели лютеранъ и кальвинистовъ“.

Кто же останавливалъ успѣхи уніи? кто ей такъ сильно противодѣйствовалъ?

ГЛАВА X.

Заслуга польской конституціи передъ просвѣщеніемъ Руси. — Аскетическое начало въ поддержаніи падающей церкви. — Защита церковнославянскаго языка. — Монашество, какъ связь между народомъ и церковію. — Изображеніе панскаго элемента передъ народомъ, съ монастырской точки зрѣнія. — Правственная поддержка мѣщанства въ качествѣ церковныхъ отцовъ. — Защита монашества отъ ослѣвній и хулы. — Значеніе Афонской горы въ исторіи русской церкви. — Обличеніе унитскихъ іерарховъ. — Оправданіе распоряженій царградскаго патріарха. — Сопоставленіе закона съ православіемъ.

Главная цѣль уніи со стороны католическаго духовенства состояла въ томъ, чтобы захватить въ свои руки церковныя имущества, посредствомъ которыхъ оно могло бы править умами и совѣстью русскаго дворянства, слѣдовательно — какъ оно думало — и народа. Главное побужденіе къ уніи со стороны русской іерархіи заключалось въ желаніи освободиться отъ власти мірянъ, отъ ихъ надзора и вмѣшательства въ церковныя дѣла. Главная причина противодѣйствія уніи со стороны мѣщанъ и ихъ убогаго, гонимаго духовенства таилась въ надеждѣ сохранить предковскую вѣру, спасти отеческія преданія, отразить вторженія въ свои святыни пришельцевъ и отступниковъ. Два лагеря вооружились противъ одного рѣшимостью одолѣть непослушныхъ, браздами и уздою востыгнуть противящихся тому, что для папистовъ было болѣе нежели свято. Предоставляю судить моему читателю, на чьей сторонѣ было больше естественныхъ правъ, этого основанія всякаго могущества, и больше духовности стремленій, слѣдовательно и

энтузіазма, который въ дѣлѣ религіи и общественной самостоятельности значить все, и безъ котораго въ этой области жизни не выигрывался еще ни одинъ призъ.

Русскіе паны, Ходкевичъ и Острожскій, сдѣлали великое дѣло, давъ у себя пріютъ бѣжавшему изъ Москвы типографскому искусству, которое вслѣдъ за ними поддержали и распространили церковныя братства. Въ то время типографіи не были простою фабрикаціею книгъ, какъ нынѣ: это были сборища энтузіастовъ которые, какъ-бы предчувствуя, къ чему искусство ихъ приведетъ человѣчество, работали изо всѣхъ силъ и достигали высшаго умственнаго развитія, какое только было возможно въ ихъ убогой средѣ. Они, силою энтузіазма, сопровождающаго всякое новое дѣло жизни, увлекали за собой и преданныхъ множеству пріятныхъ занятій аристократовъ, и подавленныхъ множествомъ тяжелыхъ мѣщанъ. Тотъ сильно ошибется, кто типографское движеніе станетъ приписывать патронамъ: это было такое же дѣло кліентовъ, какъ и алхимія, которая, послуживъ во времена оны приманкою магнатскому корыстолюбію, выработала для мозольныхъ рукъ нашего времени безцѣнную науку. Типографія лестила гордости панской, давала широкій ходъ во всѣ стороны панегерикамъ, которые въ тѣ времена казались почти такою же вѣрною славою, какою въ наше время считается (съ одинаковою наивностью) слава литературная. Паны вмѣняли себѣ въ униженіе домогаться ученыхъ степеней наравнѣ съ людьми низшими, но принимали охотно славу, которую ковали для нихъ многоученые и хитроумные труженники. Они величались осуществленіемъ чужой мысли, какъ величается каждый изъ насъ образованностью, которая въ сущности есть не что иное, какъ присвоеніе себѣ чужой умственной работы, чужого умственнаго капитала. Но и за то спасибо имъ, что не поступили они съ бѣглыми типографами по-московски. Въ этомъ случаѣ наша современность должна ударить челомъ передъ польскою конституціею,

которая, хлопоча въ пользу своекорыстнаго вельможества, работала для Польши, Литвы и отрожденной Руси благородное начало терпимости. Подъ ея широкимъ кровомъ, дававшимъ больше простора наглому эгоизму шляхетской массы, нежели самоотверженности скромныхъ кліентовъ этой массы, наполь себѣ приютъ русскій гуманизмъ, на сколько могъ онъ проявиться въ русскомъ обществѣ. Заблудово, Острогъ, Львовъ, Вильно, а потомъ Кіевъ и много другихъ мѣстъ, пришли къ единству русскаго самосознанія посредствомъ типографовъ. Какъ въ старину монастырскіе иноки не дали русской землѣ впасть въ областную замкнутость и исключительность, такъ эти апостолы „дѣмой проповѣди“, сообщаясь и лично, и посредствомъ работъ своихъ другъ съ другомъ, сблизили Литву съ Червоною Русью, а Украину съ ними объими. Никакія преслѣдованія со стороны законной власти, дѣйствовавшей, гдѣ можно, беззаконно, не унимали жару, которую они предавались своему дѣлу. Они поступали по заповѣди божественнаго Учителя: „Когда васъ будутъ гнать въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой“. Они тѣсно связали дѣло свое съ людьми науки и религіознаго движенія. Спасаясь изъ заключенія черезъ дымовыя трубы, ихъ партизаны являлись внѣ городовъ, среди охранительной толпы народа, и возвѣщали пришествіе въ свѣтъ лучшихъ людей, лучшихъ учителей церкви, лучшихъ правителей общества. Почти воѣ имена этихъ людей забыты; но каковы они были и какъ дѣйствовали, историкъ видитъ по сравненію слѣдующаго поколѣнія съ предыдущимъ.

Наши философы, выросшіе на всемъ готовомъ, отзываются съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ о тогдашнихъ писателяхъ, называютъ авторовъ прочитанныхъ ими словъ свои очки тогдашнихъ „нижекъ“, литературными защитниками православія въ козацкомъ духѣ; но въ ихъ-то неловкихъ, засоренныхъ всякимъ наносомъ и неизбѣжно заносчивыхъ писаніяхъ скрывался тотъ огонь, который согрѣлъ охладѣвшую кровь русскаго организма и

далъ ей новое обращеніе. Въ красотѣ русскаго слова, въ достоинствѣ русскаго литературнаго вкуса, въ независимости русскаго духа они играли ту темную, но зиждательную роль, какую въ чело-вѣческой красотѣ, граціи и силѣ играетъ незримый аппаратъ, варящій и переваривающій разнообразныя вещества еще грубѣе, чѣмъ по-ковацки, для того, чтобы выработать чело-вѣку цвѣтущее здоровье.

Не мое дѣло перечислять произведенія тогдашнихъ перьевъ и типографскихъ станковъ, и не въ такой, какъ предлагаемая мною книга, можетъ имѣть мѣсто подробное разсмотрѣніе ихъ внутренняго смысла, ихъ взаимной связи, ихъ дѣйствія на современное общество и, посредствомъ нисходящихъ поколѣній, на наше отдаленное время. Но произведенія одного пустынножителя тогдашняго, уцѣлѣвшія игрою случая изъ многого множества подобныхъ, которыя погибли невозвратно, имѣютъ столь тѣсную связь съ изображаемыми мною событіями, что оставить ихъ въ сторонѣ значило бы — отвернуться отъ современной живописи нравовъ, обычаевъ, страстей и злодѣяній. Я ужъ упомянулъ объ аскетическомъ началѣ въ строеніи русской церкви со временъ древнѣйшихъ. Оно было явленіемъ естественнымъ и необходимымъ. Заповѣдь: „не любите міра, ни яже въ мірѣ“, громко зывала къ сердцамъ, которыя, по кроткой натурѣ своей, не могли предаваться роскоши полюдыя, пиршествамъ среди примитивныхъ гру-быхъ обрядовъ брака, оргіямъ на полуязыческихъ тризнахъ. Это были сердца поэтическія, въ лучшемъ значеніи слова. Они повиновались тому движенію, которое выражено въ стихѣ великаго поэта, выхваченнаго польскимъ элементомъ изъ нашей русской среды:

Kochać świat, sprzyjać światu daleko od światu.

Эти отшельники изнуряли себя постами, бдѣніемъ, тяжелыми трудами и лишеніями; они, можно сказать, хоронили себя живо, въ порывѣ отрицанія прелестей міра сего, ненавистныхъ имъ

въ томъ видѣ, въ какомъ представлялся имъ княжеско-дружинный міръ, полный грабежа, рѣзни, увѣченья; но, силою жажды лучшаго, оказали русской землѣ услугу незабвенную. Правда, что они своею нетерпимостью наготовили даже и нашему времени много страданій; но та же ревнивая и неприступная ни для кого посторонняго нетерпимость сохранила здоровую, дѣвственную чистоту церкви православной, какъ опору великаго русскаго міра, какъ охрану его нравственности въ грядущемъ времени. Правда и то, что эти благочестивые пустынножители оставили послѣ себя тунеядное монашество; но въ сонмахъ тунеядцевъ передали они потомству и дѣйствительныхъ послѣдователей благотворительной, самоотверженной, мудрствующей горня жизни своей. Малочисленны были ихъ послѣдователи, но тѣмъ неменѣе служили они свѣточами русскому міру среди обнимавшей его со всѣхъ сторонъ тьмы. Таковы были въ сѣверной Руси преподобный Сергій, новгородскій архіепископъ Геннадій, преподобный Нилъ Сорскій, благородный пришлецъ Мавсимъ Грекъ и великій патріархъ Никонъ. Что значить тунеядство Варлаамовъ и Мисаиловъ, какъ мало значить оно сравнительно съ той неоцѣнимой пользой, которую принесли дѣлу русской жизни немногіе представители иноческихъ добродѣтелей! Нигдѣ нѣтъ большаго тунеядства, какъ въ Академіи Наукъ. Если сравнить суммы, ею поглощенныя и поглощаемыя со временъ Елизаветы, съ достоинствомъ такъ называемыхъ ученыхъ работъ большей части академикомъ, съ этимъ переливаньемъ изъ пустого въ порожнее; то можно придти въ ужасъ и негодованіе; но трудами такихъ людей, какъ Ломоносовъ и немногіе изъ его нетунеядныхъ преемниковъ, мы „движемся“ въ міръ науки и „есмы“ въ собраніи самостоятельныхъ націй.

Отроженная Русь очутилась въ рукахъ чужеземныхъ монарховъ, и это имѣло такое дѣйствіе на ея монастыри, что люди, желавшіе посвятить себя безупречному богомыслию, удалялись на Аѳонскую гору. Тамъ, среди агарянскаго владычества, они нахо-

дили больше отрады своему пламенному духу, нежели въ отечествѣ преподобнаго Феодосія Печерскаго. Они были правы въ своемъ выборѣ: они тамъ сохранили жертвенный огонь въ чистотѣ, чтобы, во времена лучшія, перенести его въ Кіевъ и ввѣрить охранѣ новой іерархіи, вышедшей изъ болѣе здоровой народной среды. Въ числѣ такихъ добровольныхъ изгнанниковъ былъ нѣкто Іоаннъ изъ Вишни. Мы уже замѣтили гдѣ-то, что Червоная Русь поставляла для Польши лучшихъ воиновъ, что всѣ коронные гетманы польскіе были родомъ русины. Она дала ковакамъ первыхъ предводителей. Она дала церкви первыхъ защитниковъ. Авторъ „Апокрисиса“, этого кодекса церковно-соціальной догматики русской, который, по всей справедливости, можно бы озаглавить „Камнемъ Вѣры“, былъ землякъ Яна Замойскаго. Сагайдачный и Іовъ Борецкій, сдѣлавшіе великій поворотъ русской церкви къ самодѣятельности, были уроженцы червонорускіе. Іоаннъ Вишенскій происходилъ оттуда же. Не устояли храбрые Русичи на Поросіи, на Посуліи, на Посеміи; не удержали за собой и Поднѣпрія. Когда „возстогна Кіевъ тугою, а Черниговъ напастями, и тоска разліяся по русской землѣ“, народная сила наша отступила къ горамъ „галицкаго осмомысла Ярослава“, которыя онъ въ свое время „подпиралъ желѣзными полками“; но уже не „звонила она въ дѣдовскую славу“, не „побѣждала полковъ кликомъ, безъ щитовъ, съ одними засапожниками“. И однакожь тамъ, въ этомъ подгорьѣ, держалось дружинное начало варяго-русское, спустя много лѣтъ послѣ татарскаго погрома, и сила русскаго движенія въ періодѣ новомъ началась оттуда. Карпаты и Нева — вотъ два устоя русскаго міра противъ иноземщины. Съ одного конца, со временъ Александра Невскаго, не переставала Русь выработывать единоедержавіе, съ другого, со временъ „безупречныхъ Геркулесовъ“ русскихъ, — равноправность на судѣ: два великія начала, при сліянніи которыхъ, при которыхъ естественномъ взаимодействіи, всѣ ошибки и грѣ-

хи отдѣльныхъ личностей исчезаютъ безслѣдно, путемъ великодушнаго вабвенія.

Вотъ съ этого-то южнаго конца Руси, изъ ея подгорья, удался на Аеонъ человекъ, котораго можно назвать предтечею великихъ личностей, возстановившихъ русскую іерархію въ виду Сигизмунда Католика, въ виду его ультра-католической рады и гремящаго надъ ними ватиканскимъ громомъ папы. До него дошолъ слухъ о зловѣщемъ событіи 1596 года. Ему сообщали паломники о безобразіи представителей русской іерархіи, о смятеніи православнаго міра среди умственнаго и тѣлеснаго разврата, о борьбѣ немногихъ за весь этотъ міръ съ грозною силою соперниковъ и о послѣднемъ упованіи, которое они возлагаютъ на щедрого, великодушнаго, могущественнаго „патрона русской церкви“. Добровольный мученикъ нищеты и аскетическихъ лишеній исполнился духа апостольской ревности, и написалъ первое свое посланіе, обращаясь къ другу Скарги, Курбскаго, аріантъ и кальвиновъ, котораго не могъ разсмотрѣть ясно изъ своего подоблачнаго далека, но вмѣстѣ съ тѣмъ обратился и ко „всімъ православнымъ христіянамъ Малой Россіи, такъ духовнымъ, яко и свѣцкимъ одъ вышшаго стану и до конечнаго“. Онъ писалъ тѣмъ языкомъ, въ которомъ, для знающаго простонародный южно-русскій, древнеболгарскій и польскій, такъ очевидна борьба аборигена съ элементами пришлыми. Красоты въ сліяніи трехъ разнородныхъ элементовъ, подъ перомъ Іоанна Вишенскаго, нѣтъ и, по его скудной образованности, быть не могло, но это перо исполнено силы, природнаго краснорѣчія и малорусскаго язвительнаго сарказма. Съ этой стороны письма его съ Аеонской горы не лишены и для нашего времени увлекательности, а въ свою эпоху они должны были производить вліяніе могущественное и плодотворное ¹⁾).

¹⁾ Весьма жаль, что мы не знаемъ, гдѣ первоначально найдена рукопись Іоанна изъ Вишнѣ, и какими путями пришла она въ Императорскую Публичную Библіотеку.

На примѣръ, въ тѣ времена подъ славянскій языкъ подкапывались латинцы, утверждая, что латынь имѣетъ будущность, а славянская рѣчь не имѣетъ. Полемику такого рода вели люди, славные своею ученостью и краснорѣчіемъ, каковъ былъ, въ числѣ множества другихъ, іезуитъ Петръ Скарга. Русская молодежь, представлявшая, въ мірѣ интеллигенціи, панскіе наши дома, эта обманчивая *sres magna futuri*, никла челомъ передъ великими авторитетами, и въ обществѣ распространялось предубѣжденіе противъ библейскаго нашего языка, подобное тому, какое, во времена Фридриха Великаго, существовало въ Германіи противъ нѣмецкаго, во времена Костюшки, въ Польшѣ, — противъ польскаго, а въ наше время, въ Украинѣ, — противъ украинскаго. Предубѣжденіе проникало и въ среду церковныхъ братчиковъ. Они не сознавали въ себѣ столько силы, чтобы постоять за достоинство любезнаго ихъ сердцу языка и заградить уста авторитетамъ, которымъ была доступна сфера всего образованнаго свѣта. Одни только греки и латины, казалось имъ, были способны объяснить „всѣхъ вещей дѣйства и причины“. Если наканунѣ открытія Америки мудро было вообразить Америку, то за полтора столѣтія до Ломоносова еще труднѣе было найти органическую связь русскаго слова съ церковнославянскимъ, нужды нѣтъ, что дѣло происходило на почвѣ связующаго два элемента языка южно-русскаго, — на почвѣ этой украинской рѣчи, которая и въ наше еще время встрѣчаетъ обскурантизмъ среди учености. Даже польскому языку отдавали тогдашніе русскіе грамотѣи наши предпочтеніе передъ славянскимъ, — тому языку, который не кто другой какъ ихъ же предки вызвали изъ ничтожества, перейдя первые къ нему отъ латинской рѣчи въ исторической литературѣ (Бильскій). Часто писали они книги въ защиту славянскаго языка и православія попольски. И дѣйствительно, церковнославянскій

Это указаніе было бы драгоцѣнно для историка, еслибъ оно было сдѣлано Археологическою Коммиссіею при напечатаніи посланій аѳонскаго отшельника.

языкъ былъ труденъ для писателей и невсюду ясенъ для публики; но у нихъ, независимо отъ этого языка, была своя живая рѣчь, непротивная языку церковному, много ему обязанная своимъ складомъ и способная, подъ перомъ человѣка талантливаго, сочетаться съ церковнославянщиною въ полнозвучную гармонію. Нѣтъ, они эту рѣчь подтянули къ польщизнѣ, одѣли ее въ польское лохмотье, въ недоноски польской грамотности, и естественно — или робѣли выступать съ этимъ языкомъ на литературное состязаніе съ учеными антагонистами, или выступали съ дерзновеніемъ оборвыша, который ободряетъ себя сочувствіемъ такой же, какъ и самъ онъ малограмотной публики. Все таки не умѣла эта несчастная бурсацкая литература сказать мѣткое и убѣдительное для всѣхъ и каждаго слово въ пользу того языка, на которомъ совершалось грекорусское богослуженіе. У нея, покамѣсть, не было авторитетовъ. Авторитетами для осиротѣлой паствы русской, для изолированныхъ братчиковъ, поддерживаемыхъ только съ виду панами, которыхъ дома уже разѣдало латинство, авторитетами безпастырной паствы явились аеонскіе подвижники, и прежде всѣхъ галичанинъ Іоаннъ изъ Вишни. Мѣшая свой мѣстный говоръ съ языкомъ библейскимъ и врожденный сарказмъ съ важностію рѣчи инока, онъ, можно сказать, пророчески высказался не обинуясь, о взаимныхъ отношеніяхъ трехъ языковъ, боровшихся тогда между собою въ живомъ обществѣ братскомъ. ¹⁾

¹⁾ Противъ подлиннаго правописанія Іоанна сдѣлалъ я фонетическія поправки въ тѣхъ словахъ, которыя онъ произносилъ не такъ, какъ стали бы читать его писаніе въ наше время образовавшіеся на литературѣ общерусской и несвѣдущіе въ украинскомъ и галиційскомъ говорѣ. Кто хочетъ удостовѣриться въ вѣрности моихъ поправокъ, тому укажу на церковное чтеніе и проповѣди галицко-русскихъ священниковъ нашего времени, не только тѣхъ, которые принялись идею украинскаго самосохраненія въ словѣ (этихъ, покамѣсть, очень мало), но и тѣхъ, которые или вовсе ничего не вѣдаютъ объ украинской литературѣ (этихъ больше всего), и даже тѣхъ, которые изо всѣхъ силъ стараются снискать расположенность противниковъ теоріи Макса-Миллера о непреодолимой для человѣческихъ средствъ формациі языковъ.

„Евангелія и Апостола въ церкві на литургии прѣстымъ языкомъ не выворачайте, по литургии же, для вырозуміння людского, по просту толкуйте и выкладайте. Книги церковныі всі и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте: сказую бо вамъ тайну великую, яко дияволь толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ одъ гніва; радъ бы его до щеты погубилъ и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзеть и въ огиду и ненависть привести; и што нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулять и не любятъ, да знаешь певно, яко того майстра дѣйствомъ и рыганиемъ, духа его поднявши, творять. А тр для того дияволь на словенскій языкъ борбу тую маеть, занеже есть плодоноснійшій одъ всіхъ языковъ и Богу любимійшій: понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматиць, риторикъ, диалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, диявола вмѣстныхъ, прѣстымъ прилїжнымъ читаннемъ, безъ всякого ухищрения, къ Богу приводитъ, простоту и смиренне будуетъ и Духа святого подъемлетъ... Чи не ліпше тобі изучити часловець, псалтирь, октоихъ, апостоль и евангеліе, зъ иншими церкві свойственными, и быти прѣстымъ богоугодникомъ и жизнь вічную получитьи, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геену одѣйти? Розсуди! Ліпше есть ані аза не знати, только бы до Христа ся дотиснути, который блаженную простоту любитъ и въ ней обитель собі чинить и тамъ ся упокоеваеть.“

Не надъ однимъ церковнославянскимъ языкомъ насмѣхались приверженцы латинства, но и надъ охранителями его. Архіереевъ нашей отрозенной Руси они прибрали къ рукамъ давно; паны сознательно и безсознательно творили волю ихъ; городскихъ поповъ надѣялись они одолѣть съ одолѣніемъ братствъ, а братствамъ предстоялъ вѣрный конецъ съ окончательнымъ, такъ сказать, фактическимъ и юридическимъ переходомъ русскаго дворянства въ католичество; о сельскихъ попахъ они вовсе не думали:

тѣхъ обратить въ унию, а потомъ и въ латинство, воля пана или нагайка его дозорцы. Но вотъ гдѣ была неопредолимая для нихъ преграда—въ монастыряхъ! Одна кievская Лавра считала до тысячи монаховъ, и эти монахи собирали медовую и всякую дань въ пользу Кіево-Печерской обители не только въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой, но и по ту сторону московскаго рубежа. Сила экономическая всегда значила много: безъ нея сила нравственная—что душа безъ тѣла. Собираніе дани въ пользу монастырей было, пожалуй, своего рода полюдьемъ, но оно значило много въ противодѣйствіи польскому праву, польскому элементу и притязаніямъ латинской церкви. Въ человѣческомъ низкомъ, для ума пронизательнаго, часто таится великое, равно какъ и въ человѣческомъ великомъ изощренный взглядъ часто открываетъ пошлое. Старинные акты свидѣтельствуютъ, что монахи пользовались на своемъ полюдьи, такъ же какъ и исчезнувшіе ихъ друзья, варягоруссы, правомъ, коротко выраженнымъ въ уставныхъ грамотахъ словами: *a nochъ пити*. Много, конечно, было и безобразія въ ходеніи честной братіи изъ села въ село, изъ пасіки въ пасіку, но, безъ сомнѣнія, гораздо больше было того, для чего учреждались монастыри и для чего народъ, во всей своей совокупности, постоянно ихъ поддерживалъ. Важность русскихъ монастырей не была невѣдомою представителемъ того учрежденія, которое еще съ 1231 года начало назначать въ Русь епископовъ *in partibus infidelium*. Они прибѣгали къ самому вѣрному средству: подкопать эти устои древняго благочестія русскаго — къ дискредитованію и осмѣянію монаховъ между людьми благочестивыми. Іоаннъ изъ Вишни отражалъ метамею ими стрѣлы съ достоинствомъ аскета и съ неподражаемымъ сарказмомъ русина. Онъ зналъ, чѣмъ взять во мнѣніи своей публики; онъ сознавалъ это силою таланта, а талантъ, это органъ самой публики.

„Чому ся ты, римлянине, смієши зъ духовного иноческаго чина? (писалъ онъ.) Ты же ми, відаю, отповіси, ижъ катуръ или

страшило на голові нѣсать, што мы зовемо клобукъ, и зась сміюся, ижъ волосье довге нѣсать; што не кшталтовне, яко въ міхъ, оболокся, и зась проясиче нѣкчемное скураное, или ременное черевичиче, нѣмашъ на што погледѣти, или чоботища невытертіи, ажъ гадѣться погледѣвши на нихъ; а до тѣго — хлопъ прѣстѣй; не знаетъ и поговорити съ чоловікомъ, коли ёго о што запытаешъ... Тебе жъ, смѣшнику зъ иноческоі некшталтовноі одежи вопрошу: Чтѣ ти ползуеть красная и кшталтовная одежда, коли темница вѣчная ты зъ нею покрываетъ? Чтѣ ты ползуеть зотоглавая делѣя, коли адъ ты зъ нею пожреть? Чтѣ ты ползуеть алтембасовый копенякъ, коли геенна въ нѣдра своя ты зъ нимъ приметъ?.. Или не відаешъ, смѣшнику, яко на врожденныхъ женами бѣльшомъ тая мѣхомъ шитая и некшталтовная одежда изображена есть? Облеченъ бо былъ, рече, Іоаннъ въ одежду отъ власъ велблюдъ. То видишь, ижъ не мовить: убранъ, яко идолъ, але просто: облеченъ, яко покаянїю проповѣдникъ... Если бо царїе, Давидъ и инші, пецломъ головы свої посыповали и веретищемъ ся одѣвали, и на землі голої ся пометали, и пѣстомъ внутреннюю свою мертвили, и кости свои сушили, каючися передъ Богомъ, яко да получать милость отъ него: а ты што розумѣешь о собѣ, выбрытвивши потылицю, магерку верхъ рога головного повѣсивши, косичку или пѣрце верхъ магерки устроивши и делѣю на собѣ перецѣвши, плече одно вышше одъ другого накокорѣчивши, яко полетѣти хотячи? Тобѣ ли покаянїя не треба? Віру ми ими, еще больше отъ другихъ потреба, зане дворское злое житїе всѣ граници прирѣженїя и цнѣты гвалтуеть. Досить теды о одежі некшталтовной ся рекло... Уже ступимъ до невытертыхъ черевиковъ или чоботъ. Тыє для тѣго такъ иногъ носить, да тебе мирянина одъ сѣбе отженеть и миренъ будетъ: бо еслибы красного што на собѣ носилъ, ты бы на него миленько поглядывалъ, и говорити зъ нимъ прагнулъ, и порожніми бѣсїдами зачепалъ; а въ томъ бы еси ему перешкоду и забаву, мысли отторгаючи отъ памяти Божїя, чинилъ. А коли видишь, ижъ болото

маеть на черевичіхъ, и твої очи не звикли того смотріти неохендѣзства, тогда бігаешъ одъ него, мерзючи тымъ неоздобнымъ строемъ; чѣму онъ и радъ, яко да свободно Богу ся молитъ... Але стой ты, кривоногий бачмажниче изъ своею кривоножною бачмагою! Чи можешъ нѣю такъ попрали силу вражю, яко тотъ невытертый черевичище? Мнїмаю, што ты омїлить тая надїя. А то чѣмъ? Для того, ижъ сила вражя внутри и въ долині пята твоя бачмаги сидить, и она тотъ строй вымислила и съ тебе ся всегда явне смїеть. А трафить ти ся передъ паномъ стояти, але подтыкаеть ты, да переплетаешъ ногами, то тую, то сюю напередъ поставляючи и на пята зась выворочаючи; а то сила вражя, куды хочеть, ногами твоїми поворочаеть для того, ижъ власть въ ногахъ твоїхъ маеть и сама подъ пятаю сидить. А черевичище невытертое иногово не такъ; але яко стало на одномъ мїсцю одъ вечора предъ Богомъ на молитву, тогда, яко камень неподвижный, доколь ажъ день освїтитъ, стойть и біси одъ тої коморки, где ся мѣлїть, далеко отганяеть... А ты для чѣго, брате, посмїваешъ иноба?... Или не відаешъ, ижъ житие се плача и подвига есть, а не смїху и утїхи? Всї бо, рече, святї плачуще изъ мира сего изыйдѣша... Или не відаешъ, яко въ томъ житїи, ради которого ты живеши, еще нї въ снї тобї о томъ прїснитися можетъ? Или не відаешъ, ижъ въ тыхъ многихъ мисахъ, полмисахъ, приставкахъ чорныхъ и шарыхъ, чїрвоныхъ и білыхъ юхахъ и многихъ шеляницяхъ и келїшкохъ, и винахъ, мушкателяхъ, малвазіяхъ, алягантохъ, ревулахъ, медохъ и пивахъ розмаїтыхъ тотъ смыслъ еще мїста не маеть? Или не відаешъ, яко въ статутахъ, конституціяхъ, правахъ, практикахъ, сварахъ, прехитренняхъ умъ пльвѣаючи того помысла о животї вічномъ поднати и вмїстити не можетъ? Или не відаешъ, яко въ смїхахъ, руганняхъ, прожномовствахъ, многомовствахъ, кунштахъ, блазѣнствахъ, шидерствахъ розумъ блудячий того помысла о животї вічномъ видїти нїкобї ся не сподобить? Или не відаешъ, яко зе псы братство принявши,

зъ хорты, окгары, выжлы и другими кундысы и о нихъ пыльность и стирание чинячи, абы имъ бобы повны, хребты ровны и гладки были, того помысла о животі вѣчномъ видѣти не можешъ? Или не відаешъ, яко на тыхъ гордыхъ бодавіяхъ, валахахъ, дриггантахъ, ступакахъ, едноходникахъ, колыхахъ, лектикахъ, дрожкахъ, карытахъ котчихъ трупъ свой переменяючи, о животі вѣчномъ мыслити—вмістити не можетъ? Или не відаешъ, яко въ замкохъ, містахъ, селахъ, поляхъ, вгрунтахъ, границяхъ розширенняхъ мысль блудячая о царствіи Божомъ мыслити не можетъ? Или не відаешъ, яко много предстоящимъ гологлавымъ трепернымъ и многопернымъ маггероносцемъ, шлыкѣмъ, ковпакѣмъ, кучмамъ, высоконогимъ и низькосытымъ слугамъ, дворяномъ воіномъ и гайдучомъ-смертоносцемъ радующийся о царствіи Божімъ не только мыслити, но ні помечтати не можетъ?.. Нынѣ жеи князі руськїи всі поеретичїли и христіянства, истинныя віры, одступили, и еще на слїдъ Божий хулять и ропщуть, иночеськїи чинъ ругають, посмівають, злословяць, лжуть, клеветцють, судяць, мерзяць, безчестяць и до конца ненавїдять, и, учинивши тое плодоносне, еще спастися сподївають! Не надїйтеся, не надїйтеся спасенїя, если ся до тыхъ влобуковъ зъ любовїю не обратїте! Я васъ упевняю и тую тайну вамъ одкрываю: еслибы ты каптуроносці жеи васъ не были, уже бы есте давно погїбли, уже бы есте ты власти давно потратили, уже бы есте тотъ декретъ на Юдеи Христомъ реченный (се оставляется домъ вашъ пустъ), давно однесли. Але ты влобучники васъ передъ Богомъ заступають, ижъ милость Божїя терпїть безбожїю вашому, очекиваючи васъ, да ся възратїте на покаянїе и въ первый чинъ благочестїя устроите. А еслибы ты жеи вами не были иди не будутъ, розумїючи розумїйте, ижъ яко слина исчезнене и залустїете.“

Здѣсь остановимся и вставимъ свое слово. Хотя посланїе обращено къ „благочестивому господарю князяті Василю Острозскому“, но въ немъ не находимъ ни малѣйшей похвалы его

благочестію, никакого упоминанія о его дѣлахъ по вопросу о древней русской вѣрѣ; напротивъ, изобразивъ свѣтскаго на-смѣшника надъ иноческою одеждою и просторѣчіемъ, оно прямо переходитъ къ богачу, точно какъ-будто о самомъ князѣ Василии, а не о комъ другомъ была рѣчь, и возбуждаетъ евангельскій вопросъ: кто можетъ спасенъ быти? и не всѣ ли власти и царіе бывшіе и будущіе погибли и погибнуть? На этотъ вопросъ оно отвѣчаетъ, что, за исключеніемъ немногихъ, которые извѣстны намъ счетомъ, всѣ прочіе цари и богачи прежнихъ временъ погибли и оставили по себѣ память своихъ дѣлъ на хулу и вѣчное поруганіе. Потомъ предлагаетъ средство спасенія для властелина. Это средство заключается въ уразумѣніи, что гордиться ему нечѣмъ: напротивъ, надобно бояться отвѣта за распоряженіе ввѣреннѣмъ ему на время богатствомъ; что „хоть онъ и высоко сидитъ и выше всѣхъ глядитъ“, но, какъ земля и прахъ, онъ равенъ съ низшими; что смѣшно тѣмъ величаться, что скоро измѣняется и исчезаетъ; что долженъ онъ всѣмъ отворять утробу свою къ милосердію; и что надобно хранить почитаніе, боязнь и стыдъ передъ Богомъ и святыми. Этими чертами дѣятельнаго благочестія анахоретъ какъ-будто хочетъ выразить противоположныя черты, свойственныя личности, къ которой онъ обратился, и даже явно намекаетъ, что, безъ содѣйствія святыхъ, „не можетъ онъ обрѣсти милости Божіей, за забавою власти и распоряженія міромъ“. „Этимъ способомъ“, продолжаетъ онъ, „можетъ властелинъ король или князь спастись, надѣясь, однакожь, не на свою добродѣтель мірскую, а на этихъ бѣдняковъ, которые ходятъ въ хвостатыхъ каптурахъ, клобукахъ и мѣшковатой одеждѣ, въ ремennomъ поясицѣ и невычищенныхъ черевичищахъ“. Тутъ онъ обращается мыслью ко временамъ преподобнаго Θεодосія Печерскаго и рисуеть его спасительное общеніе съ предками князя Острожскаго: „Такъ и первыя благочестивыя царіе христіянскіе [въ церковныхъ исторіяхъ находимо] пішо въ пустыню драбантова-

ли и тамъ о Христѣ забавляющихся (проживающихъ) на помочь или о причину (о ходатайствѣ) къ Богу своею покорою собі еднали, и сухого хлѣба зъ ними ся причащали, и еще похвалу тому гощенню и чествованню тымъ обычаемъ чинили, мовячи: ніколиже, рече, царская многосмышленная трапеза такъ мя не усолодила и въ любовный насытокъ не пришла, якоже твой сухой хлѣбъ и тое зслѣце, честный отче“. „А нынѣ“, говоритъ онъ вслѣдъ за симъ, „русскіе князья *ош* оеретичились между ляхами и отступили отъ христіанства, отъ истинной вѣры“. Не выгораживаетъ прямодушный инокъ ни одного, всѣхъ обвиняетъ въ отпаденіи отъ православія, точно какъ - будто зналъ онъ, что *de facto* не было уже православія и въ домѣ самого Острожскаго. Потомъ насъ поражаетъ въ его строгой рѣчи глубокое уразумѣніе силы, таящейся въ пренебреженномъ богатыми и знатными людьми иночествѣ. „Увѣряю васъ и открываю вамъ великую тайну: если бы не было между васъ этихъ каптуроносцевъ, то давно бы вы уже погибли, давно бы утратили свои высокія мѣста, давно бы совершился надъ вами приговоръ: се оставляется домъ вашъ пусть“. ¹⁾

Іоаннъ изъ Вишни поучалъ разумѣнію истины своеобразно; его премудрость была убѣдительна для „чадъ премудрости“, въ какомъ бы низкомъ званіи они ни прибывали. Самый выборъ престонароднаго языка, попорченнаго, какъ и въ наше время въ

---

¹⁾ За этимъ потокомъ грозящаго краснорѣчія, перечисляетъ онъ счастливецъ міра сего, отвергшихъ „русскую простоту“, и въ числѣ ихъ именуетъ князя Константина Острожскаго, „который отвергъ простоту христіанскую и ухватился за мірскую хитрость палской вѣры, точно за привлекательную падеу. Но долго ли такъ пожилъ? исчезъ и пропалъ! А почему плода послѣ себя не оставилъ? Потому, что христіанство погубилъ“. Послѣднія слова представляются несообразными. Пишетъ чловѣкъ къ Острожскому и говоритъ о немъ, какъ о мертвомъ! До болѣе удовлетворительнаго объясненія этого мѣста въ иноческомъ посланіи, я такъ себѣ толкую его. Іоаннъ получалъ разновременно и отъ разныхъ людей о князѣ Острожскомъ извѣстія словесныя и письменныя. Въ однихъ Острожскаго называли Василиемъ, въ другихъ Копстантиномъ; въ однихъ его

Галиціи, польщизною и приправленнаго языкомъ церковнымъ, показываетъ, что писалъ онъ не для высшаго класса. Іоаннъ вызывалъ смѣло на бой „прегордую Латину“: онъ чувствовалъ за весь народъ. „Съ нами Богъ восточными!“ восклицалъ онъ, „разумѣйте, языці и ты, прегордая Латина, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“ Эти слова звучатъ въ нашемъ слухѣ совершенно иначе, нежели звучали изъ устъ аеонскаго инока въ слухѣ тѣхъ, для кого предназначались. Каждое время имѣетъ свой кличъ, отъ котораго трепещетъ предчувствіемъ или восторгомъ торжества стойкое въ борьбѣ сердце. Для своего времени кличъ Іоанна изъ Вишни былъ спасителенъ. Безъ потрясеній, которыя производилъ въ сердцахъ голосъ, такихъ отшельниковъ, каковъ былъ Іоаннъ Вишенскій, голосъ, пожалуй, дикій, пустынно-производительный, но тѣмъ не менѣе вѣщій, безъ того трепета жизни, который возбуждалъ онъ въ обществѣ львовскихъ, виленскихъ, витебскихъ, кіевскихъ братчиковъ, мы бы не дожили до того, что видимъ наконецъ русскую семью почти всю уже собранною и готовящеюся, хоть поздно, приобщиться таинъ всемірной жизни.

Всего важнѣе было для Іоанна удержать безпастырную паству русскую въ демократическихъ понятіяхъ о ничтожествѣ панскаго превосходства. Онъ топталъ передъ ея глазами гордость богатства и роскоши запыленнымъ и грязнымъ чобочищемъ своимъ; онъ докорялъ вертлявому и пустому отступнику его мнимымъ превосходствомъ. „Чомъ ся смієшь зъ инока, ижъ онъ не умієть съ тобою говорити и трактовати? (вопрошалъ онъ)... А што жъ ты

хвалили, хоть не совсѣмъ, въ другихъ прямо причисляли къ тѣмъ, которые, по выраженію народной пѣсни, „пьють да гуляють, якожь вырубяють“. Отпаденіе въ латинство Януша Острожскаго могли смѣшати съ отпаденіемъ Константина. Но что значать слова: „плода послѣ себя не оставилъ“? Янушъ Константиновичъ или Васильевичъ дѣйствительно умеръ бездѣтнымъ, но въ 1620 году. Это уже, очевидно, позднѣйшая вставка въ посланіе Іоанна. Іоаннъ писалъ не послѣ 1620 года, а вскорѣ послѣ Брестскаго собора: ибо поводомъ къ посланію послужила присланная ему книжка, изданная противъ „Апокрисиса“.

здороваго знаешъ?... и отъ кого ты ся научилъ, да бесідуешъ доброе?... Альбо мнімаешъ, ижъ ся ты чоґо пожиточного въ замтѹзі (въ замѣѣ) научилъ? албо мнімаешъ, ижъ ты што цнотливоґо у кѹрвы (проститутки) слышалъ? албо мнімаешъ ижъ ты што богобойного отъ шинґарки навикъ? албо мнімаешъ, ижъ ты что розсудного отъ дудки и скрипки и фрюярника разобралъ? албо мнімаешъ, ижъ ты отъ трубача, сурмача, пицалника, шайманика, органисты, рекґалисты и инструментисты и бубенисты што о дусі и духовныхъ річахъ коли слышалъ? албо мнімаешъ, ижъ ты отъ всіхъ пастыревъ, мисливцовъ или возовозовъ, возницъ или скачемудрецъ, кухароґъ или пироґохитрцевъ-пекаровъ што о богослові навикъ? Чомъ ся ругаешъ, брате дворянине, зъ инока, ижъ не вміеть съ тобою говорити?... Што жъ иноґъ не уміеть говорити съ тобою, коли ты иноковы бѣсіды не приимаеши и яко песъ встеклый (бѣшеный) отъ своего пожитку и спасения біґаеши? Если засъ ты што иноку сказовати хочеши, не маешъ нічоґо такового въ скарбі сердца своего, чимъ бы еси его своїми повістями и до конца отруль. Уже бо иноґъ отъ твоего смрада твоей премудрости світской свое начиння душеносное очистилъ, твой разумъ, который ты носишь, изблювалъ, извращалъ и сплювалъ, и тотъ сосудъ душевный слезами помылъ, по́стомъ, молитвою, скорбми, бідами, трудомъ и подвигомъ выжеґъ, выпікъ и выполіровалъ, и новое чистое насіння богослові посіялъ. И того ли ради, брате милый, ругаеши инока? и того ради дурнымъ зовеши и посміваеши инока?... Или не відаеши, если бы не вмілъ иноґъ съ тобою говориши,—больше его не вмілоє молчание, нежели твоя изученая философия! Не видишь ли, ижъ тотъ простиґею на пути живота вічного стоить, а ты зъ мудростию мирскою еще на пути погибельномъ стоиши!... Не ругайся, да не поруганъ будеши; не смійся, да не посміянъ будеши; не безчести, да не обезчещенъ будеши“.

Съ разныхъ сторонъ подходила польская партія ґъ иноку,

нельзя ли его низвести съ той высоты, на которой онъ стоялъ во мнѣніи своего народа. Не удавалось осмѣяніе, — старались выставить передъ народомъ сребролюбіе, обжорство и пьянство чернецовъ. Но народъ зналъ чернецовъ со времянь преподобнаго Θεодосія; видалъ онъ чернецовъ и на лавкѣ и подъ лавкою, однакожь сохранилъ убѣжденіе, что они — хранители святыни церковной и указатели пути къ духовной жизни, нужды нѣтъ, что между ними встрѣчаются грѣшники и безобразники. Развѣ изза этихъ уклонившихся отъ пути „Христовъ (говорить Іоаннъ) самый слѣдъ Христовъ и путь живота вѣчнаго уничтожился? Вовсе нѣтъ! Путь Христовъ цѣль стоитъ, а погибли только тѣ, которые съ него совратились“. Стоя между своею безпастырною паствою и врагами православія, онъ не даетъ имъ разлучить народъ съ единственнымъ безопаснымъ убѣжищемъ русской вѣры — съ монашествомъ, которое не было такъ раздроблено, какъ свѣтское, и стояло фалангами всторонѣ отъ житейскаго торжища. Онъ отвѣчаетъ искуителямъ народа побѣдительно:

„Але зась речеші, яко зло житіе мають иноки, по корчмахъ ходять и упиваються, и по гѣдахъ (балахъ) обіды чинять, и приятельство собі зъ мирскими еднають, и до того гроші збирають и на лихву дають? О, если гроші збирають и на лихву дають, а еслибы и на лихву не давали, але при собі ховали, купа до купы привязовали, грошъ до гроша для розмноження приєднавали, таковихъ сміле можешъ назвати тымъ именемъ: Іюда, рабъ и лесть, другъ и предатель, образомъ въ апостоліхъ, а діломъ въ зрадцяхъ: образомъ въ спасаемыхъ, а діломъ въ пропадаемыхъ, образомъ въ ученигахъ, а діломъ въ продаемыхъ... А о обідахъ и вапиттю, если того грошовою гріха инокъ не чинить и не имѣть нічого въ своїмъ схованню, а трафиться ему одъ того чрева и одъ того горла звытяжитися, тому ни мало не чюдуйся: и я тому вірую, што трафляется и то въ вашей земли иноку, ижъ часомъ и переночуетъ въ корчмі. Не все бо пшеница въ посі-

ванню ся знаходить, але знайдешь другуу **пиво**, которая **большей** кукую, нежели пшениці народить. Также и **межи** **иноки** въ доспіянню на звїтяжство того чрева мало іхъ есть; а **бовімъ** **подвигъ** и **борба** есть **жизнь** тая, **котороі** ты не знаешь: бо еще еси на **войну** не **выбрався**, еще еси **доматуръ**, еще еси **кровоїдъ**, **мясоїдъ**, **волоїдъ**, **скотоїдъ**, **звіроїдъ**, **свиноїдъ**, **куроїдъ**, **гускоїдъ**, **птахоїдъ**, **сытоїдъ**, **сласноїдъ**, **маслоїдъ**, **пирогоїдъ**; еще еси **периноспаль**, **подушкоспаль**; еще еси **тілу** **угодникъ**; еще еси **тілолюбитель**; еще еси **кровопрагнитель**; еще еси **перцолобець**, **кгвоздилобець**, **кминолобець**, **цукролобець** и **другихъ** **брідень** **горго** и **сладколюбецъ**; еще еси **конфагтолюбецъ**; еще еси **чревобісникъ**; еще еси **гортановстекъ** (**гортанобъснователь**); еще еси **гортанократель**; еще еси **гортаномудрецъ**; еще еси **дитина**; еще еси **младенець**; еще еси **млекопій**. Якъ же ты хочешь **бїду**-**военника**, **бьючогося** и **боручогося**, у **ціцьки** **матерное** **дома** **сидячи**, **розознати**, **розсудити**?... Не **суди** жь, **брате**, да не **осуждены** **будеши**, и **обрати** **свои** **очи**, **помысли** на **себе** **самого**, **якъ** **ся** **усправедливишь** **Богу** **въ** **того** **корчмарства**, **которое** **всігды** **во** **аді** **чрева** **своего** **носишь**, и **которое** **смачнійшее** **пиво**, **медъ** или **вино**, **коштуючи** **тое**, **горломъ** **глытаеши**, а **которое** **тобі** **не** **любо**, **тое** **подлійшимъ** **черевомъ** **возницькимъ**, **мысливскимъ** **травишь** и **давати** **повелїваеши**... **Тому** **неборакові** **въ** **місяць** **разъ** **трафїться** **напитися**, и **то** **безъ** **браку**: **што** **знайдець**, **горкое** **ли**, или **квасное**, **пиво** **альбо** **медъ**, **тое** **гложеть**, **только** **бы** **тую** **поганку** **утробу** **наситити** **могль**; а **по** **насыщенню** **засъ** **терпитъ**, **въ** **келию** **влїзши**, **доколї** **си** **ему** **дрўгий** **такий** **празникъ** **трафункомъ** **намїреть** ¹⁾. А **въ** **тѣбе**

¹⁾ Въ 3-мъ томѣ „Историческихъ Монографій Н. И. Костомарова (стр. 206) приведено мѣсто изъ Іоанна Вишенскаго о монашескомъ чоботищѣ, по сравненію его съ башмаками свѣтскаго щоголя и, между прочимъ, приписываются автору аеонскихъ посланій слѣдующія слова: „а ты, кривоногій башмачникъ, на своихъ тоненькихъ подошвахъ переваливаешься съ бока на бокъ... оттого, что у тебя въ носкахъ, зашнурты къверху, бѣсъ сидитъ“. Слова, напечатанныя здѣсь курсивомъ, принадлежать кому-то другому, но не Іоанну Вишенскому. Я перечитывалъ при-

што середа, то Рожество череву; а що пятница, то великдень весілля празновання жидівського кромі другихъ розрiшеннихъ днiй, мовлю. А предся себе видіти не хочеш, але на бiдника хулный языкъ вывернуль еси. А еслибы и такъ было, жеби отъ бiсовъ зманеного инока въ корчмі пиючого видѣль еси, однакъ, день обо два забавившись, зась на покуту и плачь въ келию бiжить и за злые два днi 40 днiй добрыхъ наміщаешь, постить, алчеть и страждеть, за долгъ грiховный покутою платить и отмщаешь. А ты всiгды въ корчмі живеш, и самъ шинкаремъ еси, корчмы запродаєши, людські сумніння опоїваєши скупостию корчемного торгу, зъ Афраимами жидовскими людское чрево оціневаєши, а предся тое поганство видіти не хочеш, и очи суда, щобъ себе не видіти, замурилъ еси. Видиши ли, въ якої пивниці содомской седиши, и руки и ноги отпилъ еси, и до конца обезумилъ еси. А то зась не видиши, ижъ за твоимъ черевомъ бочки зъ пивами, барила зъ медами, барилка зъ винами, шкатулы зъ фляшами, наполненными виномъ, малвазією, зъ горілкою горко-дорогою волочатъ, а предся тое корчмарство свое видіти не хочеш, але на бiдника зуби наостривъ еси“¹⁾.

лежно его посланiя, и не нашолъ въ нихъ также и слѣдующихъ курсивныхъ словъ, приведенныхъ въ той же книгѣ (стр. 207): „случаются и пирь и пьянство, да за то не бываетъ у насъ проклятой музыки; при томъ, если инокъ когда-нибудь напьется, то не разбираетъ и не привередничаетъ, горькое или сладкое попадется ему, пиво, или медъ, — все равно, лишь бы *жмильмо и весело было, а бываетъ это разеъ въ большіе праздники; за то въ посты проживаютъ очень воздержно, вкушаютъ капусту и рьдкку, пищу покалiя достойную*“. Этотъ курсивъ придаеть Иоанну изъ Вишни что-то общее съ Варлаамомъ и Мисаномъ въ корчмѣ на Литовской границѣ. („Борись Годуновъ“, Пушкина). Мнѣ и, надѣюсь, моему читателю онъ представляется личностью разряда инога. Кстати уже замѣтитъ, что нѣтъ въ посланiяхъ Иоанна Вишенскаго и слѣдующей болтовни: „По старосвятски собравшись въ бесѣду, поють, попить, повеселиться — это еще полюбива грѣха: жидовская простота соблюдается; человекъ не пристращается къ земному; а вотъ какъ выдумывать способы къ веселью — вотъ первый грѣхъ!“ (стр. 207).

¹⁾ Такія обширныя выписки изъ источниковъ, я знаю, не принято дѣлать. Странный, обветшалый языкъ аѳонскаго апостола сдѣлаеть чтение этихъ страницъ

Послание свое Иоаннъ Вишенскій заключилъ презрительнымъ возрѣніемъ на преимущества рожденія, которыя онъ подчиняетъ превосходству дѣла. Это былъ вызовъ на битву за самое дорогое для обѣихъ сторонъ. Онъ нагазываетъ—писаніе свое „пропустить всѣмъ до ушей“, не боясь ляха. „Тотъ бо страхъ ляховъ“, говоритъ онъ, „за безвѣріе ваше на васъ поущень, да ся познаете, если есте хрестіяне, или еретики“.

До сихъ поръ въ украинскомъ простонародьи, и особливо между горожанами, хранится благодарная память объ Аеонѣ. Они конечно упустили изъ виду нить преданій, но тѣ пожертвованія, которыя они туда посылаютъ по собственному почину (очевидно и понятно, безъ поощренія со стороны мѣстнаго духовенства), эти пожертвованія, подъ оболочкой простодушнаго вѣрованія въ аеонскую святыню, даютъ намъ видѣть преемство того чувства, которое, въ критическое время православной церкви „въ польской землѣ“, связывало безпастырную Русь съ Аеономъ. Иоаннъ дѣйствовалъ по примѣру апостола Павла: посланія свои передавалъ онъ черезъ руки близкихъ людей, соподвижниковъ своихъ, которые живымъ голосомъ дѣйствовали на сердца и утверждали братскія общества въ надеждѣ на лучшее время. Второе изъ дошедшихъ до насъ посланій принесъ на Русь проигумень аеонскій. „Дошелъ до меня слухъ изъ лядской земли, то есть Малой Русіи“,

тягостнымъ. Это я также знаю. Но, во первыхъ, предлагаемая книга, „въ глазахъ автора, есть только набросокъ того, какъ, по его мнѣнію, должна быть написана исторія его родины“,—это не болѣе, какъ подготовка къ будущей работѣ, картонъ, по которому напишется картина, подмалевокъ, мѣстами даже не проложенный. Во вторыхъ, при такомъ извращеніи характера важнѣйшихъ памятниковъ нашей южно русской старины, какому подвергся „Апокрисисъ“, названный сочиненіемъ, написаннымъ по-козацки, и Иоаннъ Вишенскій, низведенный, въ передѣлкѣ, до тривыальнаго монашескаго балагурства, необходимо было показать этого защитника беззащитной церкви русской документально. Въ третьихъ, наконецъ, авторъ имѣетъ въ виду не столько петербургскую или московскую публику, сколько ту (а она никакъ не малочисленнѣе и, по своему значенію въ вопросѣ, не маловажнѣе столпной), которая будетъ читать Иоанна Вишенскаго, вовсе не затрудняясь языкомъ.

писалъ онъ, „какъ на васъ напали злая ереси, и потому послалъ я отца нашего Саву проигумена, отъ святыхъ Павла; а вы, Христовы христiяне, прижите его съ радостью и сотворите милостыни, о чемъ васъ просимъ“. Посланiе начинается громкимъ и угрожающимъ воплемъ, точно какъ-будто снова роздался гласъ-вопiющаго въ пустынѣ:

„Тобі въ землі зовемой польской мешкающему всякого возраста, стану и предложенства народу руському, литовскому и лядскому, въ родіменныхъ селгахъ и вірахъ розжитыхъ, сей гласъ въ слухъ да достигіе.“

„Ознаймую вамъ, якъ земля, по которой ногами вашими ходите... на васъ плачеть, стогнеть и вопиеть, прослячи Сътворителя, яко да пошле серпъ смертній, серпъ казни погибильной, якоже древле на Содомляны, и всемирного потому, котрый бы васъ выгубити и искоренити могъ, иволюючи лишше пуста въ чистоті стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена... Где бо нынѣ въ лядской землі віра? где надежда? где правда и справедливость суда? где покора? где евангельскіи заповіді? где апостольская проповідь? где хранение заповідей Божіихъ? где непорочное священство? где крестоносное житіе иноческое? где прѣстое, благоговинное и благочестивое христiянство? Не все ли превратися въ паче всіхъ явкъ нечистыхъ нечестнѣйшее житіе и безвіріе?... Днесь бо въ Лядской землі священники всі, якоже древле нігда Елизавелини... жерці, чревомъ, а не духомъ, овірують, панбве зась надъ Бога богами вишшими надъ своими подручными подданными ся починили... Вмісто евангельской проповіді, апостольской науки и святыхъ закона и ограничення цноты и учтивости сумнення христiянського, нынѣ поганськiи учителя, Аристотолы, Платоны и другіи тимъ подобныи машкарники и комедіянники въ дворіхъ Христа Бога владіють, вмісто зась смиренныя простоты и нищеты — гордость, хитрость, матлярство и лихоимство владіеть... Погай-

тесея убо, всі жители тої землі, покайтеся, да не погибнете двоюкою погибелію, и вічною и дочасною, отъ скорого гніва Божия нагло!... На пановъ же вашиль русского рода, на сыны челоуіческия не надійтесея: въ нихже ність спасенія! Всі бо живого Бога и віри яже въ него отступили, прелести же еретической, любві духа тщеславного, живнолюбвию и лихоимству ся поклонили.

„Да прокляты будутъ владыки, архимандриты и игумены, котріи монастырі позапустівали и фольварки собі зъ мість святыхъ починили, и сами только зъ слуговинами и приятельми ся въ нихъ тѣлесне и скотски переходувають; на містохъ святыхъ лѣжачи, гроши збирають; съ тыхъ доходовъ, на богомольці святіи наданыхъ, дівкамъ своїмъ вино торгують, сыны одівають, жены украшають, слуги умножають, барвы справують, приятелі збогачують. кариты виждуть, возникі сытисе и единообразные спирають, роскошь свою поганельми исполняютъ. А въ монастырі рікъ и поточовъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, иноческаго чина, по закону церковному, видіти ність, и місто бдінія, пісні и молитвы и торжества духовного, пси выють, гласять и дивують... Владыки бо безбожни, вмісто правила и книжного чтенія и поученія въ законі Господні день и ноцъ, надъ статутами и лжею увесь вікъ свой упражняютъ и погубляютъ, и, вмісто богословія и вниманія настоящего житія, прелести, хитрости челоуіческия, лжи щекарства и прокураціи диявольского празнословія и угождения ся учять... Сего ради ее глаголетъ Владыка Господь Саваоѣ: О горе мощнымъ и преложонымъ (высоко поставленнымъ) въ людской землі! не престанеть бо ярость моя на противность ихъ, и судъ лукавства ихъ и противления надъ ними учиню, и наведу ругу мою на нихъ, и распалю бѣдами и искусомъ въ чистоту... и будетъ крѣпость ихъ яко паздеріе згребное и діла ихъ яко искры огнени, съжегутся беззаконниці и грѣшниці всупі, и не будутъ угашай!“!

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ пишетъ посланіе къ предателямъ православія, Ипатію Потію, Кириллу Терлецкому, Леонтію Пелчицкому, Діонисію Збируйскому и Григорку, какъ называетъ онъ Гедсона Болобана, который, до посвященія своего, носилъ имя Григорія. Становя его наравнѣ съ отступниками, Іоаннъ Вишенскій высказываетъ свою солидарность съ церковнымъ братствомъ Львовскимъ, въ глазахъ котораго онъ былъ „врагъ Божій и чужій вѣры его“. Аѳонскій инокъ въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ ту же самостоятельность сужденія о томъ, что *есть*, а не *кажется*, которая видна въ его отзывѣ о панахъ, которыхъ обвиняетъ въ отступничествѣ поголовно, нужды нѣтъ, что пѣкоторые продолжали еще пантронствовать надъ русскою церковью. Въ новомъ посланіи своемъ онъ желаетъ предателямъ-архіереямъ ниспослания свыше памяти покаянія и страха геенны. До него на Аѳонъ дошло сочиненіе ихъ: „Оборона Зроды въ Латинскимъ Костеломъ и Вѣрою *Риму* *служачею*“ (какое наивное самообличеніе)! На немъ лежала нравственная обязанность обличить неприванныхъ представителей православной церкви передъ ея членами. Онъ относится къ этимъ „бискупамъ“ саркастически. „Изумило меня“, пишетъ онъ, какъ и откуда получили вы таковой даръ блаженства и святости, что дерзнули соединить вѣру съ безвѣріемъ? Надивясь этому достаточно, сталъ я искать въ вашей жизни слѣда евангельскаго, который привелъ васъ къ высокому вашему положенію. Но ваши милости алчущихъ заставляете голодать и дѣлаете бѣдныхъ вашихъ подданныхъ жаждущими; вы обдираете тѣхъ, которые завѣщаны благочестивыми христіянами на прокормленіе сиротъ, и похищаете съ гумна стоги и оборги; вы, съ вашими слугами, пожираете ихъ трудъ и кровавый потъ; лежа и сидя, смѣясь и играя, курите перепущанныя горілки, варите тройное самое дорогое пиво и вливаете въ пропасть ненасытнаго чрева; вы и ваши гости пресыщаетесь; а церковныя сироты алчутъ и жаждутъ, а бѣдные подданные, въ своей неволѣ, не въ состояніи удовлетво-

рять годовому обыкнуду, тѣснятса съ дѣтьми своими, уменьшаютъ пицу свою со страха, что не хватитъ хлѣба до будущаго урожая... Не вы ли забираете у бѣдныхъ подданныхъ изъ обору кони, волю, овцы, тавете съ нихъ денежныя дани, дани пота и труда, обдираете ихъ до живого, обнажаете, мучите, томите, гоните лѣтомъ и зимою въ непогодное время на комати и шеуны; а сами, точно идолы, сидите на одномъ мѣстѣ, а если и случится перенести этотъ оплодотворенный трупъ на другое мѣсто, то переносите его безскорбно на колыскахъ, какъ-будто и съ мѣста не трогаея. Между тѣмъ бѣдные подданные день и ночь трудятся и мучатся для васъ, а вы; высосавъ изъ нихъ кровь, силы и плоды трудовъ ихъ, обобравъ ихъ до нитки въ оборѣ и коморѣ, сорванцовъ своихъ, которые стоятъ передъ вами, одѣваете фалюндышами, утрѣфинами и каразіями, чтобы насытить ово свое красногладствомъ этихъ прислужниковъ, тогда какъ бѣдные подданные не имѣютъ и простой сармажи доброй, чтобы покрыть наготу свою. Вы съ поту ихъ наполняете мѣшки золотыми, таларями, полгаларками, ортами, четвертаками и тройками; отводите въ шкатулахъ удобныя мѣста для почиванья поименованныхъ особъ, а у этихъ бѣдняковъ нѣтъ и шеляга на покупку соли“.

Потомъ онъ доказываетъ, что единственно корысть іерарховъ была побужденіемъ ихъ къ уни и наградою за нее. „Теперь вы“, говоритъ онъ, „тучнитесь, кормитесь, питаетесь, насыщаете чрево роскошными снѣдми, услаждаете, смакуете, мажете, собі угодаете, волю похотнѣю во всемъ исполняете... Теперь вы слугъ личбою двояко и тройко, нежели перво есте мѣли, умножаете; славою вѣка сего корунуетея, въ достаткахъ безпечальныхъ и роскошныхъ, якъ въ маслі пльваєте, дочки богатымъ виномъ бискупскимъ обвинуете, зятей панами пышногордѣйшими починили есте, и своихъ повинныхъ (родныхъ) церковнымъ сирѣтскимъ убозскимъ... добромъ обогатили есте, титулы имъ славнѣйшіе у евіта сего починили есте, отъ войскихъ на подкоморихъ, отъ под-

коморихъ на судій, отъ судей на кашталяны, отъ кашталяновъ на старосты, отъ старостъ на воеводы переворочаете... Не ваши милости ли большеї ныні маєте, нежели перво есте иміли, и богатшими и пышнійшими есте, нежели перво есте были? А если не правду мовлю, отвалімъ тотъ надгробній камень и узримъ явно все житіе ваше першее въ мирномъ стану и ныні рекомо въ духовномъ, хто што перво былъ и што имілъ, и хто теперь есть и што имаеть. Начну жъ отъ мирславнійшихъ. Перво его милость кашталянъ Потій, если и кашталянства титулъ догонилъ, але только по четьре слуговины и въ одежді, яка барва вміститися могла, за собою волочилъ, а ныні, коли бискупомъ зосталъ, перебіжить лічба и десятковая, и барва суто дорожшая и славнійшая. Также и его милость арцибискупъ, коли простымъ Рогозиною былъ, не знаю, если и два слуговины переховати на службу свою могль, а ныні лічбою переважить и десятокъ, барвою ровно съ перцимъ. Также и Кирило, коли попомъ простымъ былъ, только дачка за собою волочилъ, которому германскими пирожными за плату чинилъ; а ныні, коли бискупомъ зосталъ, догонить слугами и барвою первыхъ. Также Холмскій, коли въ Луцку жилъ, „Сексономъ,, („Саксонское Зерцало“, собраніе законовъ) и „Майдебургскимъ Правомъ“ свое череве кормилъ, а ныні, коли бискупомъ осталъ, мусить быти, и слуговины собі набылъ. Также и Григорко, коли дворяниномъ Рогозинымъ былъ, и хлопчиба не имілъ, а ныні, мусить быти, и тотъ теперь, коли бискупомъ зосталъ, въ череві ширший, въ горлі сластолюбійший, въ помыслі высочайший, въ достатку богатший и въ слуговинахъ довольнійший. А Пинского въ первомъ житію не знаємъ, але по нынѣшнемъ побазується, што и тотъ, якъ другі; также единою, бо вижу, якъ не вслїдъ Христа, но вслїдъ свїта сего пильгримацію всі випреченые трудять... Не днесъ ли кашталяны, дворяны, жовнірми, воїны, кровопролийцями, купцями, медвідниками, а утро нопами, а по утру

бискупами, а по утру утрешнімъ арцибискупами починилися есте“?

Еще нужно было аеонскому апостолу поддержать на Руси значеніе цареградскаго патріарха, который далъ спасительную силу братствамъ среди падающей въ развалины грекорусской церкви, и отъ котораго надобно было ожидать въ недалекомъ будущемъ воцаренія этихъ дорогихъ развалинъ. Сочиненія Скврти и многихъ другихъ папистовъ, распространяемыя по нашей отрожденной Руси, наполнены доказательствами, что патріархъ унижалъ русскую церковь своимъ первосвященствомъ, яко рабъ турецкаго султана, и оскорблялъ ея достоинство поощреніемъ свѣтскихъ лицъ ко вмѣшательству въ церковныя дѣла. Іоаннъ изъ Вишни во всѣхъ четырехъ посланіяхъ своихъ игнорировалъ такъ называвшихся старшихъ братчиковъ церкви, какъ людей отпѣтыхъ, и говорилъ только о младшихъ. Тѣ были у него почетные, номинальные, а эти дѣйствительные члены общества вѣрующихъ. Онъ приводитъ слѣдующее заглавіе одного отдѣла опровергаемаго имъ сочиненія о согласіи съ латинскимъ костеломъ.

„Яко дурный, неславный и непожиточный былъ приѣздъ Іере-
„мея патріарха, а тымъ, ижъ хлѣпцовъ, простыхъ шевцовъ, и сі-
„дельниковъ и кожемяковъ надъ епископовъ преложилъ и увесь по-
„рядобъ церковный, отъ духовенства отнявши, свѣтскимъ людямъ
„въ мощь подалъ, въ чомъ великое уближеніе власти епископскоі
„учинилъ“.

„Якъ же вы ся духовными... и вірными звати можете“, пи-
шетъ Іоаннъ, „коли брата своего подлїйшимъ одъ сѣбе чините,
уничжаєте и ни за што быти вмїняете, хлопаєте, кожемякаете,
сідельникаете, шевцами на поруганіе прозываете?... Повїждъ ми
и свидѣцтво дай,—не гордую хулу и дмєніе, але божественного
гласа писаниємъ покажи... А коли ты показати то не можєши,
яко ты лїпшии надъ хлѣпа, а самъ ся гордостію чиниши,—якъ

же ты духовнымъ или наветъ и христіанномъ прѣстымъ зватися можеші?... Што жъ чинити (патриархъ)? Созываетъ стадо словесное овца Христовы, будь кожемаки, сидельники, шевці, всякого стану, чина и возраста православныхъ христіанъ. Съзвавши сихъ, мовитъ къ нимъ тыми словы: „Скасайтесь, братія моя, самі, а пастирми спастися не можете.... Спасайтесь, братія моя возлюбленная, вірное стадо Христове, руський благочестивий народе, самі; спасайтесь вірою, спасайтесь заповідьми евангельскими, спасайтесь закономъ отеческимъ, спасайтесь честнымъ и ціломудреннымъ житиемъ“... Повідте жъ ми тое, о влєветниці! того ли ради патриаршинъ неславный и непожиточный приїздъ быти сказоваете, яко овца своя союзомъ любви, закона, віры и единомыслия едностію связалъ, совокушилъ, утвердилъ и угрунтовалъ? То ли и Христа дурнымъ и непожиточне до Іерусалима пришедшого наречетѣ, который, видівше архиерее и пастирі безплодны, мѣста церковны въ широкихъ реверендахъ позасіданыи, обїдовъ и вечерей торжественныхъ пильнуючи, по торжищахъ славно ходящїи, вскрылиа реверендъ за собою волочащїи, зъ оныхъ духовенство духовное церковного строенїа и раду зодравши, на прѣстыхъ сїтоткательей рыболововъ вложилъ, послѣдїе же и кожемакъ въ тое достоинство увлєвлъ? То ли и Христось для того одъ васъ будетъ дурнымъ и непожиточнымъ названъ, якъ и патриарха?... Поступїмъ зась, для чого патриарха рядъ церковный на хлопы, кожемаки, сидельники и люди свѣтскїе вложилъ, а бискупы въ томъ достоинствї пренебрегалъ и голыми чести быти показалъ и обєлєженїемъ власти ихъ коначной учинилъ? Пытаю васъ, бискупы, скажіте ми тое. Христось Владыка-Богъ, коли спасение проповѣдати вселенїи послати хотїлъ, архиерее ли іерусалимскїи на тое достоинство избралъ? Анну и Кайафу ли тою годностію почтїмъ, и оныхъ ли на тую службу оную воззвалъ?... Але когда добрый Владыка на проповїдъ выбралъ прѣстыхъ хлоповъ, смиренныхъ нищихъ, безлюбивыхъ рыболововъ, кожемакъ,

и тымъ церковь свою поручилъ въ шафунюкъ, спасение человѣческое, досвідчивши ихъ быти вірными, злецилъ (ввѣрилъ); такъ же власне и патриарха, слѣда Христова держачися, учинилъ: тымъ, которыхъ быти не еретиками, не отщепенцами, не развратниками благочестия досвідчивши, церковь Христову и своего паствырства моць строения злецилъ, и якъ еі хранити отъ ереси антихристового учения научилъ; и Анны и Кайафы оставилъ, архирее широкореверендныи и на лѣтникахъ колышучиися пренебрегль, а бискупы сами по Римі гонячии ни за что быти и ровумітися осудилъ.... Але вы, бискупы, по тому вашому обличенню што учините? вержешеся, вімъ васъ, до того надымання, мовячи: „Ты хлоппы прѣстны въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидятъ, а мы предся на столахъ епископскихъ лежимо; ты хлоппы зъ одной мысочки полливеу або борщигъ хлебчють, а мы предся по колько-десять полмисковъ розмантыми смагами уфарбованихъ пожираемъ; ты хлоппы бітцымъ або муравскимъ вгермачкомъ ся покрывають, а мы предся въ гатласі, ядамашку и соболіхъ шубахъ ходимо; ты хлоппы самі и панѣ и слуги собі суть, а мы предся предстоящихъ барвяноходцевъ по колько-десять маемо; передъ тыми хлоппы нікто славный шапки не здойметъ, а передъ нами и воеводы здымають и нивько кланяються““. На тоє ковошення, панѣ бискупы, вамъ отповімъ такъ:... Вы, панѣ бискупы, сидитѣ на містахъ епископскихъ, але на достоинстві и учтливости не сидитѣ; селами владіете, але вашими душами дияволь владіетъ; паствырами ся зоветѣ, але есте вовѣ;... епископами ся именуете, але есте мучителі; духовными ся быти розуміете, але есте поганці и язычники... Духъ ли Святый васъ поставилъ епископы пасти церковь Господа и Бога, или духъ антихристовъ пасти чрево и множити несътоє лихоимство?... Чимъ же ся вы надъ поповъ православныхъ вышшими въ спасеніи душевномъ чините? Вімъ, яко вышшии есте, и я вамъ признати мушу, але чревомъ роскошнійшимъ, и горломъ сластолюбнійшимъ, и помысломъ пишнійшимъ, и лихоимствомъ

нескѣтнѣйшимъ. Тымъ есте вышшиі одъ поповъ православныхъ, а не спасеніемъ душевнымъ; а спасеніемъ душевнымъ не только одъ поповъ, але и одъ прѣстныхъ свѣтскихъ православныхъ таеъ далеко меншими и послѣднѣйшими есте, яко изъ Іерусалима до Рима и далі... Таеъ відайте: не только очи здоровые оба гнилого усмотріти и осудити мѣгутъ и власть имають, але и само тіло церковное, то есть прѣстие христіяне, по Христову гласу, сверноначальнина изверечи, осудити и прокляти власть имають, ¹⁾ да не въ тымъ блазненнымъ окомъ, или пастыремъ, въ геенную внидуть; а священниці православної віры, поборниці благочестія, въ своемъ степені неподбренныа, такову силу, власть и началство имають правду евангельскую боронити и о ней ся до крове заставляти, яко же самъ Христосъ и прочіі апостоли“.

Въ слѣдующихъ строгахъ отщельникъ Іоаннъ ивобразилъ исторію упадка духовенства подъ вліяніемъ патроната, который

¹⁾ Одинъ изъ нашихъ историковъ говоритъ: „Не мудрено, если православію явились и литературные защитники такъ сказать въ козацкомъ духѣ, какимъ былъ Христофоръ Бронскій, написавшій знаменитую въ свое время книгу „Апокрисисъ“ (это, конечно, опечатка), гдѣ, вопреки строгому подчиненію духовнымъ властямъ въ дѣлахъ віры, чего требовала издавна православная церковь, дозволялъ равное и свободное участіе мысли свѣтскимъ людямъ наравнѣ съ духовными“ и т. д. Написавшій глубоко обдуманная строки сіи долженъ послѣдовательно распространить *козацкій духъ* и на Іоанна Вишенскаго, который такъ согласенъ во взглядъ на современную церковь по отношенію къ мірянамъ съ авторомъ „Апокрисиса“, какъ-будто оба они принадлежали къ одной и той же монашеской общинѣ. (Въ предисловіи къ почтенному труду Кіевской Духовной Академіи, изданію „Апокрисиса“ въ переводѣ на нынѣшній литературный языкъ, есть указаніе, что авторъ этого достопамятнаго творенія дѣйствительно принадлежалъ къ святогорцамъ). Никогда такіе люди, какъ Іоаннъ Вишенскій и Христофоръ Бронскій, не прогѣдывали правилъ, не согласныхъ съ требованіями православной церкви, въ то время, когда православная церковь имѣла законную іерархію, служащую ей органомъ. Но то было время предательства, въ которое, соблюденіе указаннаго нашимъ историкомъ правила какъ разъ привело бы ее туда, куда желали привести ее іезуиты. Называя такіе подвиги благочестія, какъ сочиненіе „Апокрисиса“, литературнымъ козацескомъ, историкъ полагаетъ, что понимаетъ тогдашнюю полемику церковную не лучше тѣхъ, противъ кого она вооружилась. Скарга похвалилъ бы его за его сужденіе. „Oto mi człowiek!“ сказалъ бы онъ.

легко уступать мѣсто поддугу, какъ учрежденіе только по виду охранительное для русской церкви, при искорченности самихъ патроновъ.

„Покажите ми, о бискупы, кто давалъ за вами свидѣтельство отъ внѣшнихъ, якъ есте на той степень достойні и якъ есть житиемъ добрымъ исполнили всі тыі добродѣтели, Павломъ реченыи? Подобаеть бо, рече, ему и свидѣтельство имѣти отъ внѣшнихъ, да не въ поношение впадетъ и въ сѣть неприязнену. Кто жъ давалъ за вами свидѣтельство отъ православныхъ, скажите ми? А если показати не можете, тогда я вамъ показати хочу, хто давалъ за вами свидѣтельство. Первое, вамъ посвідчили румянці, то есть червонные золотые зъ білыми великими тядры, полталярками, орты, четвертаки и потройники. Ато якъ? Ото такъ, што славнѣйшимъ секретаромъ и рефендаромъ похлѣбцемъ и тайнымъ лгаромъ его королевскоі милости, абы ся причынили и свѣдчили, якъ годный человекъ на панствованія бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и свовольного и вшетечного мешканія на тыхъ имѣніяхъ и селахъ, бискупу належачихъ, за которую причину тому особі, завивши въ папірець сто, или якъ ся трафить, чирвоныхъ золотыхъ, въ руку тыць! другому зась тыхъ же шафранцовъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыць! Одправивши же румянолюбцовъ, потомъ ступімо до понеславнѣйшихъ особъ: тымъ зась вброчки понаповнявши, овымъ великихъ білыхъ талеровъ, овымъ зась полталярковъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыць! овому тыць! и сѣму тыць! а писаредрачі южь не бракують, и потройники зъ грошами берутъ и деруть. Тыі ходатаі, панбве бискупи, за вами свѣдчили, якъ есте годні на свовольное житие сель епископскихъ; свѣдчилъ зась поклонъ, нікоторая тысяча чирвоныхъ въ кишеню королевскую; а до того свѣдчили вамъ ваше злое сумніня, ижъ есте обѣщали віры отверцися и антихристу поклонитися, што и skutкомъ есте постигли и желаемое исполнили“.

Наконецъ прямодушный апостолъ говорить и о себѣ:

„А еслибы васъ кто... на мене одъ зависти потваръ вложить хотѣлъ, мовлячи: яко доразливѣ и ущипливѣ въ томъ писаніи мовить,—на тоѣ вамъ такъ отповимъ: научимся одъ Христа истинны безъ похлбства, ложъ лжею, вовка вовкомъ, злодія злодіемъ, разбойника разбойникомъ, диявола дияволомъ звати... Нехай же тебѣ Духъ Святый ты уста затворишь и онимѣи дасть, который бы тоѣ писаніе мое завистию хулити хотѣли, который отъ источника истинного начерпавши, тотъ поточокъ малый одъ мене въ ваши предѣла пущенъ есть; але, хочъ же ся видѣти малый, однакъ, чаю на Бога, якъ алчущихъ и жаждущихъ правду видѣти достаточне напобѣть, наситити и удовлети. О семъ дбзді. Будеть васъ и тая похвалка у противныхъ—волно ти, мовлячи, тамъ заочне въ далекомъ кутѣ, хочъ же и правдою, о насъ такъ безопасно ширмовати; але колибы еси тутъ былъ, и тобѣ бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифору, затворили и прописути не дали. На тоѣ вамъ такъ отповимъ: не для далекости одъ васъ будучи, я вправду смѣле мовлю и правдою васъ постигаю, але за правду и умрети изволяю, аще Богъ даруетъ, да знаете и помолитесь Богу, да васъ сподобитъ и зраковиднѣ одъ мене реченое слышати: азъ бо желаю, но еще волѣ Божої на сие нистъ; а о собѣ наскаковати безстуднѣ песски, якоже вы, на поповство безъ волѣ Божої не хошу: научихъ бо ся благоговѣти къ благоговѣнному и одъ оногѣ повелѣнія ожидати, аще и братская любовь православныхъ христіанъ съ предѣловъ естественныхъ ми вытягаеть, яко и анаеема,—молюся за нихъ быти по Павлу, аще бы въ чесомъ на православнѣ пострадати мѣли, желая зъ ними всегда ся знаходити, и если бо аще и не шлютию, но вірою, любовію и духомъ, обаче тілеснымъ совокупленнемъ не у воля Божия быти приспѣ; будетъ же, и скоро, дасть Богъ, точию да очистять и изметуть церковь Христову, по реченому імъ. Але то чуднѣйшая, ижъ ся вы послуханнемъ правды не хвалите, але кривою и звитяже-

ствомъ правду хелпите, хвалитесь затворами темничными, бѣти-
емъ и убитиемъ, хвалитесь обелженемъ мирскимъ, яко Юдее,
мніаючи обелжити Христа.... Таковій бо намъ и ключъ къ от-
верзению царства небесного Христось оставилъ, яко да отъ по-
гибельныхъ сыновъ въ віці семъ страждемо, мовячи: „Аще Мене
изгнаша, и васъ изженуть; аще Мене обезчестиша, и васъ обез-
честятъ; аще Мене убиша, и васъ убьють, яко нисть ученигъ надъ
учителя, виже рабъ надъ владыку; довліеть бо вамъ тоє жъ стра-
дати; што и Я страдалъ““, рече.... Не холпитежъ ся (не величай-
тесь) тымъ, латинниці, антихристове племя и наслідие, якъ вы
православныхъ мучити, катовати, біду творити и безчестити си-
лу, власть и начальство отъ антихриста вамъ дарованое имате,
кгдажъ вы тымъ тиранствомъ побідити терпіння нашего не мо-
жеше, віры нашої православної одъ насъ выстрашити и насъ въ
свое поганство уволочи всеу и прожне мыслите“.

Четвертое посланіе посвящаетъ Іоаннъ догматамъ вѣры, въ
навиданіе русской безпастырной паствѣ, но подъ конецъ изобра-
жаетъ положеніе церковныхъ братствъ, трудное положеніе, въ ко-
торомъ, однакожъ, они отстояли незвисимость родной церкви.

„Якоже прежде, во время идолопоклонства, отъ нечестивыхъ
царей християне понуждаеми были, глаголюще: „Пожри Ваалу,
Аполону или другому моему идолу, богу поганскому““? Аще не
хощуть, то имите ихъ и мучте, иміния разграбите; аще же ни тако
предложитися не хощуть, и до конца убийте““; сице и ныні Латина
християномъ православнымъ творять, обновляюще прежде бывшее
идолопоклонство и гонение, глаголюще: „Поблонися папі, прими
его самоемышленный законъ, календаръ новоутворенный и почи-
тай, ветхий же одступи и всю прелесть нашає віри честно почти,
на насъ истины ничтоже не глаголи, лжи и прелести нашої не
худи; аще же не хощете, то имите ихъ и мучте досадами и бі-
дами. Вѣ; войтове, бурмистрове, лантвойтове, власть мирская град-
ская, и повсюду не дадите руси ни едино пространство въ жизни

ихъ; въ судѣхъ по руси не поборайте, паче же и кривдіте; въ сусідстві любви не показуйте, ніжé зъ ними ся общіте, паче же ихъ ненавидіте; въ куплахъ, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папешникомъ волности единой да не иматъ; въ цехахъ ремесницькихъ русину быти не достоитъ, доколѣ ся не попанежить; на власти войтовства и бурмистранства и прочихъ строительствъ отъ русьского народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у панежа не увѣруютъ. Аще же симъ руси не досадитѣ и своєї христіанскої віри отступити и папі идолоповлонитися не хочуть, набоженство имъ рovorіте, на праздники старόго календаря звонити не дадіте, новий же святити и праздновати зъ силою понудіте и виною запретіте; аще же и еще не послушаютъ, сакраментъ Христовъ обезчестіте, на землю пролійте и ногами поцеріте и потопчіте, церквы запечатуйте и одъ всіхъ странъ бідно творіте и досаждаете, да поне сими бѣдами и досадами повинуться поклонитися папі и костелові римському; аще же ни и сими досадами имъ не одоліете, въ темницяхъ затворайте и безъ винъ вины на нихъ налагайте, бийте, безчестіте и убийте въ имя найсвятшого папы: прощенье и разрѣшение отъ него примете и въ чистцю за то и за вся беззаконія посмерти очиститесь““. Видите ли, погібели сынове, за што ради таковий прелестный и поганский чистецъ собі по смерти соградили, яко да погански житие сего віка суетно поживши, по смерти въ чистецъ входятъ, изъ чистця зась въ царство небесное выскакують?... Видиши ли, православный христіанине, латинскої правды плоды — поганское безвірие, мучительский идолоповлонный нравъ? Видиши ли, яко ты истинный пургаториумъ въ жизни сей отъ досадъ латинськихъ пльвени, да очищенъ скорбми и бѣдами достоинъ въ царство небесное внийти будеши, Латина же, досаждаяще и заповѣди Христовы діломъ разоряюще, по смерти въ геенні вічній чиститися изволяютъ; но они убо своєї прелести да послѣдуютъ и на чистецъ по смерти уповаютъ; ты же, православниче, въ жизни сей чистецъ изволи проплыти, илже и

твой Законоположникъ проплыль самъ и Ему послѣдующіи учениці, въ которомъ чистцу, доколѣ есмо въ плоті сей, и насъ понуждаютъ и учать, абысмо ся пуреговали и чистили, ибо подвигъ велий настоить...“

Да, великій настояль подвигъ единственнымъ представителемъ воюющей церкви, мѣщанамъ съ ихъ убогимъ духовенствомъ безъ пастырей! Что отъ пановъ нечего было ждать поддержки, это сознавалъ ясно ихъ путеводитель и засвидѣтельствовалъ поголовнымъ обличеніемъ всѣхъ, стоявшихъ на высотѣ знатности власти и богатства; а что сельскіе хлѣборобы были не помощники мѣщанамъ въ ихъ трудномъ подвигѣ, это видно изъ его молчанія. Даже о гоненіяхъ на поселянъ за вѣру не сказалъ защитникъ православія ни слова. Они, какъ трава подъ вѣтромъ, какъ низкорослыя заросли подъ налетѣвшею бурей, какъ безпомощныя стада овецъ подъ убійственнымъ градомъ, склонялись и гнулись къ землѣ; они потупясь ожидали пассивно и безнадежно конца жизни, но не конца напасти. вмѣстѣ съ ними безотвѣтно, беззащитно, безнадежно терпѣли и ихъ загнанные, угнетенные донельзя, подневольные наравнѣ съ ними пастыри. Оставались одни козаки. Но о козакахъ будетъ рѣчь впереди; а теперь оглянемся на зловѣщую картину, нарисованную передъ нами могучимъ перомъ аеонскаго апостола. Въ своихъ посланіяхъ онъ изобразилъ то житейское море, воздвигаемое бурями напастей, о которомъ такъ поэтически поетъ утреннюющая церковь. Онъ, глядѣвшій на житейское море и его напасти съ подоблачной горы своей, изобразилъ его такъ выразительно, что перу историка не осталось ничего дѣлать съ его рукописью. Среди бури напастей, въ бушующемъ житейскомъ морѣ, только его пустынный голосъ, голосъ отошедшей на гору церкви Христовой, покрывалъ стихійныя начала жизни, въ ихъ беспорядочномъ бореніи между собою. Всѣ голоса, молящіе, грозящіе, всѣ вопли жертвъ и крики притѣснителей; призывы къ отпору и переключка между раскиданными ча-

стями братскаго воинства, все пробивается неясно сквозь грозный ревъ и гудъ, точно крики потерявшихъ дорогу среди степной мители. Его голосъ былъ явственно слышенъ; онъ давалъ сбившимся съ дороги направленіе; онъ ободрялъ, онъ пророчествовалъ, и такъ дѣйствительно стало, какъ онъ пророчествовалъ среди 'бури.

Вотъ кто останавливалъ успѣхи униі! Останавливали ихъ послѣдователи тѣхъ пустынножителей, которые одни „хранили себя неоскверненными отъ міра,“ — тѣ немногія, во всѣ времена немногія, личности, которыхъ великій Учитель называетъ солью земли. Онѣ скрываются не въ одной толпѣ черноризцевъ; онѣ возможны даже и между мытарями, возможны и въ средѣ ученыхъ мудрецовъ и въ темной массѣ народа; но ихъ всегда бываетъ мало, хотя свѣтъ держится ими.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ПЕРВОМУ ТОМУ

ИСТОРИИ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

УКРАИНСКІЯ НАРОДНЫЯ ДУМЫ,

ПОДЪ ТЪМИ ЗАГЛАВІЯМИ, КАКІЯ ДАЛИ ИМЪ НАРОДНЫЕ
ПѢВЦЫ — КОВЗАРИ.

НЕВОЛЬНИЦКІЙ ПЛАЧ.

I.

Два міра, мусульманскій и христiянскій, стоя другъ противъ друга, ограждались форпостами, которые называются въ думѣ городами. Подъ именемъ *городоо* слѣдуетъ разумѣть здѣсь всякій поселокъ: ни одинъ изъ нихъ (ни даже хуторъ или пасіка) не могъ стоять безъ рѣи и вала, безъ палисада или какого-либо тына. Ежегодно ожидали въ старину татарскаго набѣга, имѣвшаго цѣлю, прежде всего, полонить людей, которые, въ качествѣ невольниковъ, служили бы въ Турецкіи работниками. Въ думахъ воспѣвается преимущественно неволя и каторга турецкая, хотя народъ полонили татары. (Турки только направляли татаръ и помогали имъ, иногда предводительствовали ими, въ качествѣ гетмановъ походныхъ.) Это потому, что сами татары мало нуждались въ рабочихъ, будучи по преимуществу номадами, и предпочитали продавать плѣнниковъ своихъ туркамъ. Упоминаемый въ этой думѣ городъ Козловъ (Евпаторія) былъ главнымъ рынкомъ торговли невольниками.

Не ясний сокіл квилить-проквиляє,
Як син до батька-до матері з тяжкої неволі в городі християнські
поклон посилає,

Сокола ясненького рідним братом називає:

„Соколе ясний,

„Брате мій рідний!

„Ти високо літаєш,

„Ти далеко видаєш, —

- „Чому в мого батька-у матері ніколи в гостях не буваєш?
 „Полинь ти, соколе ясний,
 „Брате мій рідний,
 „У городі християнській,
 „Сядь-пади
 „У мого батька й матері перед ворітьми,
 „Жалобненько проквили,
 „Об моєї пригоді козацької припом'яни.
 „Нехай отець і матуся
 „Мою пригоду козацькою знають,
 „Статки, маєтки збувають,
 „Великі скарби собирають,—
 „Головоньку козацькою з тяжкої неволі визволяють!
 „Бо як стане Чорне море согравати,
 „То не знатиме отець, либонь матір
 „У которі каторзі шукати:
 „Чи у пристані Козловської
 „Чи у городі Царьграді на базарі.
 • „Будуть ушваляі, турки яничари набігати,
 „За Червоне море у Орабську землю запродати,
 „Будуть за них срібло-злато, не лічачи,
 „Сукна дорогі поставами, не мірячи,
 „За них брати.“

II.

Плѣнникамъ назначалась цѣна соотвѣтственно полу, возрасту, красотѣ, или богатству. Людей богатыхъ, за которыхъ надѣялись взять хорошій выкупъ, не употребляли на работы въ полѣ, саду, въ домахъ и уличахъ, опасаясь бѣгства, которое совершалось безпрестанно. Ихъ держали взаперти, въ темницѣ, какъ представляеть патетическая народная муза, и эти больше всего тосковали о родинѣ, неразвлекаемые ничѣмъ въ беззадежной тоскѣ своей. Родные, и, разумѣется, чаще всего отцы, странствовали по Турецинѣ, купивши себѣ фирманъ, и искали своихъ сыновей и дочерей, какъ объ этомъ говорится въ думѣ. То-то было пилигримство!...

То брат-товариш тее зачуває,

До брата-товариша промовляє:

„Товарише, брате мій рідний!“

„Та не треба нам в городі християнські поклону посилати,

„Своєму батьку й матці більшого жалю завдавати:

„Бо хоча наш батько й мати будуть добре дбати, :

„Грунті, великі мастки збувати,

„Сварбі збирати, —

„Та не знатимуть, де, в якій тяжкій неволі турецькій синів своїх
шукати:

„Що сюди ніхто не захожає,

„І люд хрещений не заїжає,

„Тільки соколи ясненькі літають,

„На темниці сідають,

„Жалібненько квилять-проквеляють,

„Нас всіх бідних невольників у тяжкій неволі турецькій

„Добрим здоров'єм навіщають.“

III.

Тіх невольників, которые отличались физическою силою, но не представляли надежды на выкупъ, отправляли на галеры, въ качествѣ гребцовъ. Они были постоянно прикованы къ своимъ мѣстамъ, постоянно работали, какъ въ наше время безсознательная сила пара въ машинахъ, и всего ужаснѣе было для нихъ то, что праздничные дни не отличались отъ будничныхъ. Но, хотя, по словамъ думы руки и ноги у нихъ были проѣдены до костей желѣзомъ или сыромятнымъ ремнемъ, которымъ обезпечивали ихъ турки отъ побѣга, но на морѣ могли ежеминутно показаться козацкія чайки. Это была самая поэтическая надежда на освобожденіе, и какъ же было народу не идеализировать козака въ своихъ пѣсняхъ до того, что каждый герой романа называется въ нихъ *козакъ*, или съ нѣжностью любви—*козаченко*?

Тогді далася бідному невольнику

Тяжка неволя добре знати:

Кайдани руки-ноги поз'їдали,

Сирая сириця до жовтої кости

Тіло козацьке проїдала.

То бідні невольники, на кров, на тіло поглядали,

Об вірі Християнській гадали,

Землю Турецьку, віру бусурманську проклинали: by Google

- „Ти, земле Турецькая, віро бусурменська!
 „Ти єсь наповнена срібломъ-златом
 „І дорогими напитками;
 „Тільки, же бідному невольнику на світі не вільно:
 „Що бідний невольники у тобі пробувають,
 „Празника Рожества, будь-ли Воскресення не знають,
 „Все у неволі проклятої, на каторзі турецької
 „На Чорнім морі пробувають,
 „Землю Турецькую, віру бусурменську проклинають:
 „Ти, земле Турецька, ти, віро бусурманська,
 „Ти, розлуко християнська!
 „Уже бо ти разлучила не єдиного за сім літ войною
 Мужа з жоною, брата з сестрою,
 „Діток маленських з отцем и матею!
 „Визволь, Боже, бідного невольника
 „На святоруській берег,
 „На край веселий,
 „Між народ хрещений“!

НЕВОЛЬНИЦЬКИЙ ПЛАЧ.

I.

Этотъ варіантъ невольницькаго плача представляєть одночасно и рынокъ невольницькій, и каторгу на галерахъ. Стихъ: „У потребі царській“, означаєть, что дѣло идєть о военноплѣнныхъ, съ которыми обращались еще жесточе, чѣмъ съ такъ называемымъ асыромъ, на который смотрѣли только безжалостно, какъ смотрятъ, на примѣръ, въ куриномъ ряду на несчастныхъ птицъ, опрокинутыхъ внизъ головою, или какъ смотрятъ въ столицѣ мясники на телегу, наваленную живыми телятами. Слово *царській* относится къ „царю переконскому“, какъ обыкновенно назывался во времена оны крымскій Ханъ. Если онъ лично предводительствовалъ набѣгомъ и имѣлъ съ козаками удачную „потребу“, то конечно много тамъ было военноплѣнныхъ. Ихъ передали по принадлежности Турку, у котораго татаринъ игралъ роль охотничьей собаки, и вотъ является, въ думѣ, на сцену баша съ полнымъ просторомъ для мщенія, которымъ козаки вѣчно

обмінювались съ мусульманами, смотря по тому, на чьей улиці случался празникъ.

Що на Чорному морю,
На тому білому каменю,
У потребі царській,
У громаді козацькій,

Много там війська понажено, ¹⁾
У три ряди бідних, безщасних невольників посажено,
По два та по три до-купи посковано,
По двое кайданів на ноги покладено,
Сирою сирицею назад руки повязано.

II.

Ой у святу ж то було неділю, не сизі орми заклекотали,
Як то бідні безщасні невольники у тяжкій неволі заплакали,
На коліна упадали,
У гору руки підіймали,
Кайданами забряжчали;
Господа милосердного прохали та благали:
„Подай нам, Господи, з неба дрібен дощик,
А з низу буйний вітер,
„Хочай-би чи не встала на Чорному морю бистрая хвиля;
„Хочай-би чи не повиривала яворів з турецької ваторги!
„Да вже ж ся нам турецька-бусурменська ваторга надоїла:
„Кайдани-залізо ноги повривало,
„Біле тіло козацьке молодецьке коло жовтої кості пошмугляло!“

III.

Баша турецький, бусурманський,
Недовірок християнський,
По ринку він помагає,
Він сам добре тее зачуває,

¹⁾ *Понажено* значить *обнажено*. Невольники на галерахъ были одѣти только по поясъ. Ихъ голыя спины представляли туркамъ удобство пригонять ихъ къ работѣ лозов, которую козаки называли червоною тавогою (spirea).

На слуги свої, на турки-яничари зó-зла гукає:
 „Кажу я вамъ, турки-яничари, добре ви дбайте!,
     „Із ряду до ряду захожайте,
 „По три пучки тернини і червоної таволги набірайте,
 „Бідного невольника по-тричі въ однім місці затинайте!“
 То ті слуги, турки-яничари, добре дбали,
     Із ряду до ряду захожали,
 По три пучки тернини і червоної таволги у руки набірали,
 По тричі в однім місці бідного невольника затинали,
 Тіло біле козацьке молодецьке коло жовтої кості оббивали,
     Кров християнську неповинно проливали.

IV.

Стали бідні невольники на собі кров християнську забачати,
 Стали землю турецьку, віру бусурменську влясти-провлинати:
     „Ти, земле, Турецька, віро бусурменська,
     „Ти, розлуку християнська!
     „Не одного ти розлучила мужа з жоною,
         Брата з сестрою,
     „Дітoб малéньких з отцем и маткóю!
     „Хто у тобі срібло-злато заробляє,
     „В чужі зéмлі несе, пьє-гуляє,
     „У турецькій землі одрадоги собі не має“.
 Визволь, Господи, всіх бідних невольників

З тяжкої неволі турецької,
 З ваторги бусурменської
     На тихі води,
     На ясні зорі,
     У край веселий,
     У мір хрещений,
     На святоруський берег
     В города християнські!
 Даруй, Боже, милости вашій,
 І всьому війську запорозькому
     На многая літа.

ПРО МАРУСЮ БОГУСЛАВКУ.

I.

Народный паеосъ преувеличиваетъ срокъ заключенія: и одинъ день въ неволѣ для козака могъ казаться годомъ; а если ихъ продержали мѣсяць, то у нихъ тоски набралось на 30 лѣтъ. Тутъ своего рода истина. Народные наши Гомеры заботились только о томъ, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на слушателей, и достигали своей цѣли: вопли XVI столѣтія долетѣли до насъ!

Що на Чорному морі,
 На камені біленькому,
 Там стояла темниця камяная.
 Що у тій-то темниці пробувало сім-сот козаків,
 Відних невольників.
 То вже тридцять літ у неволі пробувають,
 Божого світу, сонця праведного в вічі собі не видають.

II.

При этомъ и слѣдующемъ отдѣлахъ думы пускай вспомнить читатель, каково должны были почувствовать козаки рѣзню въ Каневѣ кругомъ церкви въ „роковій день Великдень“, устроенную имъ панами въ 1596 году. Подъ конецъ столѣтней козацко-шляхетской войны, вражда къ ляхамъ и вражда къ бусурманамъ въ козацкомъ сердцѣ поравнялись. Не въ одной тутъ религій дѣло: враги козачества расторгали связи съ семьею, вторгались въ тотъ міръ понятій и чувствъ, который собственно и былъ жизнью для козака, вѣчно выставленнаго на смерть. Отсюда такое трагическое выраженіе горя въ третьемъ отдѣлѣ этой думы. Только Данте умѣлъ такъ чувствовать: онъ падалъ отъ состраданія на землю какъ мертвый; чужая тоска будила въ его сердцѣ собственную.

То до їх дівка бранка,
 Маруся, попівна Богуславка,
 Прихождає,
 Словами промовляє:
 „Гей козаки,

„Ви, бідні невольники!
 „Угадайте, що в нашій землі християнській за день тепера?“
 Що тоді бідні невольники зачували,
 Дівку бранку,
 Марусю, попівну Богуславку
 По річах познавали
 Словами промовляли:
 „Гей дівко бранко,
 „Марусю, попівно Богуславко!
 „Почім ми можем знати,
 „Що в нашій землі християнській за день тепера?
 „Що тридцять літ у неволі пробуеєм,
 „Божого світу, сонця праведного у вічі собі не видаєм.
 „То ми не можемо знати,
 „Що в нашій землі християнській за день тепера“.
 Тоді дівка бранка,
 Маруся попівна Богуславка,
 Тее зачуває,
 До козаків словами промовляє:
 „Ой козаки,
 „Ви, бідні невольники!
 „Що сёгодні у нашій землі християнській Великбодная субота,
 „А завтра святий празник, роковий день Велик-день.“

III.

У Шекспіра́ еще жесточе поступають съ вѣстникомъ несчастья, чѣмъ поступили козаки съ Марусею Богуславкою; хто гинесть, тотъ рѣдко щадить другого. Гдѣ было мѣсто въ козацкомъ сердцѣ для пощады? Изъ нихъ сама судьба выковала такихъ ужасныхъ людей, какими они являються въ исторіи.

То тоді ті козаки тее зачували,
 Білим лицем до сирої землі припадали,
 Дівку бранку,
 Марусю, попівну Богуславку,
 Кляли-проклинали:
 „Та бодай ти, дівко бранко,

„Марусю, поївно Богуславно,
 „Щастя й долі собі не мала,
 Як ти нам святий празник, роковий день Велик-день сказала!“

IV.

Антитезъ предыдущему. Народная муза заявляетъ здѣсь, что ожесточенное сердце украинскаго народа сохранило способность къ лучшимъ человѣческимъ движеніямъ, и, что очень важно, она предоставила женскому сердцу хранить чувства, которыя были вытѣснены, на время военныхъ бурь и политическихъ страданій, изъ сердца козацкаго. Черезъ всю нашу пѣсенность проходитъ прекрасно согласованный дуэтъ. Женщины внесли въ нашу устную словесность лучшее, что въ ней есть. Самые Гомеры козацкіе, какъ видимъ, отдавали имъ справедливость: устами Маруси какой-то усачъ или сѣдовласый „дідь“ высказалъ то, что у него было самага задушевнаго.

То тоді дівка бранка,
 Маруся, поївна Богуславно,
 Теє зачувала,
 Словами промовляла:
 „Ой козаки,
 „Ви, біднії невольники!
 „Та не лайте мене, не проклиняйте:
 Бо, як буде наш пан турецький до мечеті від'їжджати,
 „То буде мині, дівці бранці,
 „Марусі, поївні Богуславно,
 „На руки ключи віддавати;
 „То буду я до темниці приходядати,
 „Темницю відмиєвати,
 „Вас всіх, бідних невольників, на волю випускати.“

V.

Въ этомъ отдѣлѣ думи черта украинскаго домоводства переносятся и въ Турцію. Въ Украинѣ домъ держится не хозяйномъ, а хозяйкою. Какъ ни деспотствуетъ „панъ господарь“ (слова щедрівки), но, въ концѣ кон-

повъ, онъ является властью исполнительною. Женщины украинскія вообще даровитѣ своихъ мужиковъ и порядочнѣ. Онѣ законодательствуютъ относительно устройства двора и хаты; онѣ исправляютъ должность кассира и казначея. Ключи отъ скрини и отъ коморы находятся у нихъ. И онѣ хранятъ вѣренныя имъ деньги со всею добросовѣстностью даже у такихъ мужевъ, какъ „турецкій панъ“ въ кобзарской думѣ, и даже у тѣхъ, на которыхъ скупость и несправедливость жалуются. Въ особенности интересно слѣдить за мѣщанскимъ и купеческимъ бытомъ: тамъ женщина рѣшительно премируетъ и исправляетъ должность головы, а мужъ служитъ больше руками и ногами. Оттого и кобзарь далъ Марусѣ Богуславкѣ у турчина положеніе вовсе не рабское. Она у него такая госпожа, что можетъ даже освободить невольниковъ, не говоря ни слова объ отвѣтственности передъ своимъ „турецкимъ паномъ.“

То на святий празник, робовий день Велик-день,
Став пан турецький до мечеті відъїжджати,

Став дівці бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки влючи віддавати.
Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Добре дбає —

До темниці прихождає,
Темницю відмикає,

Всіх козаків,
Бідних невольників,

На волю випускає,

І словами промовляє:

„Ой козаки,

„Ви, бідні невольники!

„Кажу я вам, добре дбайте,

„В городи християнські утікайте;

„Тількі прошу я вас, одного города Богуслава не минайте.

„Моєму батьку й матери знати давайте:

„Та нехай мій батько добре дбає,

„Гуртів, великих маєтків нехай не збуває,

„Великих скарбів не збирає,

„Та нехай мене, дівки бранки,

„Марусі, пошівни Богуславки,

„З неволі не викупляє:

„Бо вже я потурчилась, побусурменилась,

„Для роскоши турецької,

„Для лакомства нещастного!“

VI.

Приївв кь этой думѣ придаеть невольницькѣ думамъ характеръ молитвословія. И опять я обращаюсь кь козакамъ. Если Богъ выслушивалъ иногда невольниковъ въ ихъ „просьбахъ щирыхъ, въ ихъ несчастныхъ молитвахъ“, то кого онъ посылалъ исполнить волю свою? Посылалъ ли такого кроткаго ангела, какой отворилъ темницу Петру, или такихъ грозныхъ посланниковъ, передъ которыми „подвижесе и трепетна бысть земля“. Такими посланниками гнѣва Божія на невѣрныхъ бусурманъ, въ глазахъ народа, были козаки. Какъ же было народнои музѣ не окружить козака тою любовію, какой музы другихъ народовъ не выражаютъ кь своимъ рыцарямъ? Въ этомъ IV отдѣлѣ, послѣ изложенныхъ въ предшествующихъ отдѣлахъ обстоятельствъ, говорится: „Ой визволи, Боже, насъ всіхъ, бідныхъ невольниківъ“. Это подтверждаетъ слова Стрийковскаго, приведенныя выше въ примѣчаніи кь стр. 119, гдѣ онъ говоритъ, что „... ten zdawna sławnie wzięty obuczaj (пѣть о современныхъ событіяхъ), i dziś w Greciej, w Aziej, w Traciej... i w inszych krainach zachowuja, jakom się sam temu przypatrzył i własnymi uszami nasłuchał, iż pospolicie na każdychъ biesiadach, a w Turczachъ на ulicachъ i на bazarach, pospolitychъ rynkach, zacnychъ ludzi dzieje składnymi wierszami śpiewają, przy skrzypcach, które Serbskimi zowieми, lutniach, kobzachъ i arfach, z wielką pociechą ludu pospolitego. А u Turków o najmniejszej potrzebie i bitwie z chrześcijanу zarazъ pieśni ludzie na to z skarbu cesarskiego opatrzeni składają... При этомъ вспоминается также и древнее сказаніе о народномъ вѣснопѣніи: „Ту німци и венецици, ту греци и морави поють славу Святъ-славлю, кають князя Игоря“.

Можно полагать, что невольницькія думы складывались и пѣлись тамъ же на сценѣ невольничества, передъ отцами и братьями, отыскивавшими по невольницькѣ рынкамъ своихъ дорогихъ сердцу. Турецина была наполнена славянами, и они-то слушали такихъ кобзарей „z wielkimъ upodobaniem“, кекъ говорятъ Стрийковскій. Публика однихъ невольниковъ, не говоря о торговомъ народѣ, въ томъ числѣ и потурнаковъ, была въ Турецинѣ весьма многочислена, такъ что коренные турки относились кь нимъ, какъ пастухи кь стаду. А что мусульмане не мѣшали славянамъ

жити по-своєму, въ цьому можно убѣдиться, путешествуя въ наше время по турецкому берегу Дуная, населеному нашимъ украинскимъ народомъ, бѣжавшимъ тудя отъ панщины и другихъ невзгодъ. Тамъ я мѣстами видѣлъ и слышалъ больше украинскаго, чѣмъ въ самой Украинѣ, особенно по части украинской *старосвіщини*.

Ой, визволи, Боже, насъ всѣхъ, бѣднихъ невольників,
 Зъ тяжкої неволі,
 Зъ віри бусурменської,
 На ясні зорі,
 На тихі води,
 У край веселій,
 У мир хрещений!
 Вислухай, Боже, у прозьбахъ щирихъ,
 У нещаснихъ молитвахъ
 Насъ, бѣднихъ невольників!

PS. Столько же призначеній можно было бы присовокупить и къ другимъ думамъ; но, можетъ быть, они излишні. Авторъ сдѣлавъ пробу.

ПРО ТРѢХЪ БРАТІВЪ ОЗІВСЬКИХЪ.

I.

Ой то не пили пилили,
 Не тумані уставали,—
 Якъ ізъ землі Турецької,
 Да зъ віри бусурменської,
 Ізъ города ізъ Озіва зъ тяжкої неволі
 Три братики втікали.
 Два кіннихъ, третій піший пішениця,
 Якъ-би той чужий чужениця,
 За кіннимъ біжить-підбігає.
 На сире коріння, на біле каміння
 Ніжки свої козацькі посікає, кров'ю сліди заливає,
 До кіннихъ братівъ добігає,
 За стремена хватає,
 Словами промовляє:

„Станьте ви, братця! коней попасіте, мене подождіте,
 „Зъ собою візьміте, до городівъ християськихъ хочъ мало підвезіте“

„Нехай же я буду знати,
 „Буди в городи християнські
 „До отця до матери доходядати.“

І ті брати тее зачували,
 Словами промовляли:
 — ,Ой, братіку наш менший, милий,
 „Як голубонько сивий!
 „Ой та ми сами не втечемо
 „І тебе не ввеземо:
 „Бо із города Озіва буде погоня вставати,
 „Тебе пішого на тернах та в байраках минати,
 „А нас кінних буде доганяти,
 „Стріляти-рубати,
 „Або живих в полон завертати.
 „А як жив-здоров будеш,
 „Сам у землю християнську увійдеш.“

І тее промовляли,
 Відтіль побігали.
 А меньший брат, піша пішаниця,
 За кінними братами вганяє,
 Коні за стреме́на хватає,
 І словами промовляє,
 Слізми обливає:
 „Братіки мої ріднёнькі,
 „Голубоньки сивёнькі!
 „Коли ж мене, братця, не хочете ждати,
 „Хоч одно ж ви милосердие майте:
 „Назад коней завертайте,
 „Із піхов шаблі виймайте,
 „Міні з пліч голову зди́ймайте,
 „Тіло мое порубайте,
 „В чистім полію поховайте,
 „Звіру та птиці на поталу не дайте!“

И ті браті тее зачували, Digitized by Google

жить по-св
по турецко
бѣжавшимъ
дѣль и слы
по части у

Ой, :

PS. Столько
быть, она не:

„В землю християнську,
До батьва, до матері, до роду утікати.“

Тес промовляє,
Віттіля побігає,
Із байраків, із мелюсів вибігає.
Нема ні тернів, ни байраків,
Ніяких признаків.
І тільки поле лиліє,
На ёму трава зеленіє.

III.

То став же брат старший та середульший на полівку ізбігати
На степі високі, на великі дороги росхідніі, —

Не стало тернів та байраків рубати,
Меншому брату прикмету поглядати;

До став же брат середульший до старшого промовляти:

„Нум брате, ми з себе зелені жупані сьцдати,

„Червону та жовту китайку видирати,

„Пішому брату меншому, прикмету покладати:

„Нехай він бідний знає, куди за нами, кінними, тікати.“

До став же брат старший згорда словами промовляти:

„Чи подобенство, брате, щоб я своє добро турецьке на шматки

драв,

„Брату меншому на признаку давав?

„Як він жив-здоров буде,

„Тає сам у землі християнські, без наших признаків усяких прибуде.“

До брат середульший милосердне має,

Із свого жупана червону та жовту китайку видирає,

По шляху стеле-покладає,

Меншому брату прикмету by Google зоставляє.

То середульший брат старшому брату словами промовляє:
 „Брате мій старшій, рідненькій! прошу я тебе:
 „Тут трави зелені, води здорові, очереті удобні;
 „Станьмо хоч мало немого коні свої попасімо,
 „Свого пішого брата хоч трохи подождімо,
 „На коней возьмімо,
 „В городи християнські хоч мало надвезімо.
 „Нехай же наш найменшій брат буде знати,
 „Буди в городи християнські до отця до матки докождати.“

То старшій брат до середульшого брата словами промовляє:
 „Чи ще ж тобі катерга турецька не ввірилася,
 „Сириця у руки не вїдалася?
 „Як будемо свого брата пішого надждати,
 „То буде за нами з города Озіва велика погонь уганяти,
 „Буде нас кінних братів доганяти,
 „Буде нас на три штуки рубати,
 „Або буде нас в гіршу неволю жевцём завертати,
 „А нашого найменьшого пішого брата
 „Буде в тернах, в байраках на спочинках минати;
 „То ми свого брата пішого не ввеземó,
 „А самі з Озівської турецької неволі не втечемó.“ —

IV.

То як став пішеходець із тернів виходити,
 Став червону китайку находити:
 У руки хватає, дрібними слёзами обливає.
 „Не дурно, промовляє, червона китайка по шляху валяє:
 „Мабуть, моїх братів на світі немає!...
 „Мабуть, за ними з города Озіва погоня вставала,
 „Мене в тернах на спочиві минала,
 „Братів моїх доганяла, стреляла, рубала!
 „Колиб я мог знати,
 „Чи моїх братів пострéляно,
 „Чи їх порубано,
 „Чи їх живих у руки забрано;

„Ей, до пішов би я по тернах, по байраках блукати,
 „Тіла козацького-молодецького шукати,
 „Да тіло козацьке-молодецьке
 „У чистім полі поховати.
 „Звіру-птиці на поталу не подати.“

На шлях Муравський вибігає,
 И тільки своїх братів трошки рідних сліди забачає.
 Та побило ж меншого брата в полі

Три недолі:

Що одно — безвіде, друге — безхлібье
 Трете — буйний вітер в полі повиває,
 Бідного козака з ніг валяє....

До Осавур-могили прибуває.
 На Осавур-могилу зісхожає,
 Там собі безпечно девитого дня спочивок має,
 Девятого дня із неба води-погоди вижидає.

Мало-немного спочивав,
 Ажъ ось до ёго вівці-сірохманці нахождали,
 Орли-чорнокрильці налітали,
 В головках сідали, —
 Хотіли задалегоді живота темний похорон одправляти.

Тоді він їх забачає,
 Словами промовляє:
 „Вовці-сірохманці, орли-чорнокрильці,
 „Гості мої милі!
 „Хоть мало-немного обождіте,
 „Поки козацька душа з тілом розлучиться.
 „Тоді будете мині з лоба чорні очи висмигати,
 „Біле тіло коло жовтої кості оббірати
 „Попідъ зеленими яворами ховати
 „І вомишами веривати.“

Мало-немножко спочивав....
 От, руками не візьме,
 Ногами не піjde
 І ясно очима на небо не згляне....
 На небо взирає,

Тяжко воздихає:
 „Голово моя козацька,
 „Голово моя молодецька!
 „Бувала ти у землях Турецьких,
 „У вірах бусурменських,
 „А тепер припало на безвідді, на безхлібї погібати.
 „Девятий день хліба в устах не маю,
 „На безвідді, на безхлібї погибаю!“

Тут тее промовляв,—і не чорна хмара налітала,
 Не буйни вітри віну́ли,
 Як душа козацька-молодецька з тілом розлучалась.
 Тоді вовці-сирохманці находжали,
 Біле тіло козацькое жваковали,
 І орли-чорнокрильці налітали,
 В головках сідали,
 На чорні кучері наступали,
 Из під лоба очі висмикали,
 Тоді ще й дрібна птиця налітала,
 Коло жовтої кости тіло оббирала.
 Ще й зозулі налітали, у головах сідали,
 Як рідні сестри кукували.
 Ще й вовки сіромани находжали,
 Жовту кость по балках, по тернах разношали,
 По-під зеленими яворами ховали,
 І комишами вкривали.
 Жалобненько квиліли-проквилляли:
 Тож вони козацький похорон одправляли.

V.

А ще стали два старші брати до річки Самарки прибїгати,
 Стала їх темна нічка обїямати;
 Став брат старший до середульшого промовляти:
 „Станьмо, братіку, тута, коні спасаємо:
 „Тут могили великі,
 „Трава хороша

„І вода погожа;
 „Станьмо тутечка подождімо,
 „Поки сонце обітріє: ¹⁾
 „Чи не прибуде ік нам наш піший-піхотинець.
 „Тоді на ёго велике усердие маю,
 „Усю добич скидаю,
 „Ёго, пішого, міждо коні хватаю.“

— „Було б тоді, брате, як я казав, хватати!
 „Тепер девятий день минув,
 „Як хліб-сіль їв,
 „Воду пив,
 „Досі й на світі немає.“

Тоді вони коней пустопах попускали,
 Кульбаби під себе послали,
 Ружжя по комишах поховали,
 Безпечно спать полягади,
 Світової зорі дожджали.
 Став Божий світ світати,
 Стали вони на коні сідати,
 Через річку Самарку у християнські землі утікати, —
 Став брат старший до середульшого промовляти:
 „Як ми будем, братіку, до отця до матки прибувати,
 „Як ми їм будем повідати?
 „Будем ми, брате, по правді казати, —
 „Буде нас отець-мати проклинати;
 „А будемо ми перед отцем, перед маткою олгати,—

¹⁾ Перепечатав думу эту из моего сборника, издателя „Исторических Писем Махорусского Народа“, поправили слово *обітріє*, воображал, что в нем съдлана опечатка. Они напечатали в своем издании *обітріє*. Нѣтъ, *обітріє* значитъ *обвѣтріє*; по двѣ согласныя губныя не позволяетъ украинская фонетика произнести, и потому кобзарь Архипъ Никоненко пѣлъ такъ, какъ у меня напечатано. Я у него спросилъ: „Що вонѣ такѣ, Архипе, обітріє? Ми там по городах останній розум губимо“. (Я долженъ былъ такъ говорить, желая быть безнымъ по-народному: народъ говоритъ: у гóродь—по грóши, а въ село—по рбóзумь). Архипъ отвѣчалъ; „Се, якъ вітромъ перѣйде підъ часъ исходу сонця, отъ сонце и обітріє“.

„Так буде нас Господь милосердний і видимо, й невидимо карати.

„А хйба, брате, так іскажемо:

„Що не в одного пана пробували,

„Не одну неволю мали,

„І ночної доби з тяжкої неволі втікали,

„Так ми й до ёго забігали:

„Устань, брате, з нами, козаками, з тяжкої неволі втікати!“

„Либонь-то він так ісказав:

„Тікайте ж ви, братці,

„А я буду тут оставаться:

„Чи не буду собі луччого щастя-долі мати.“

„А буде отець-мати помірати

„І будем ґрунта-худобу на дві часті паювати,

„І третє меж нами не буде мішати.“

VI.

Тут тєє промовляли,

І не сизі орли заклекотали,

Як їх турки-яниченьки із-за могили напали, —

Постреляли, норубали,

Коні з здобиччу назад у город, у Турещину позавертали.

Полягла двох братів голова вище річки Самарки,

Третя у Осаур-могили.

А слава не вмире, не поляже

Однині до віка;

А вам на многая літа!

ПРО КІШКУ САМІЙЛА.

I.

Ой із города із Трапезонта вистунала галера,

Трєма цвітами процвітана, малєвана.

Ой первим цвітом процвітана —

Златоснініми киндяками побівана,

А другим цвітом процвітана —
 Гарматами арештована; ¹⁾
 Третім цвітом процвітана —
 Турецькою білою габбю покрівена.

То в тій галері Алван-баша,
 Трапезонськеє князя гуляє;
 Ізбранного люду собі має:
 Сімсот турків, яничар чотириста,
 Та бідного невольника шівчвартаста,
 Без старшини військової.
 Первий старший між ними пробуває
 Кішка Самійло, гетьман запорозький;
 Другий — Марко Рудій,
 Суддя військовий;
 Третій — Мусій Грач,
 Військовий трубач;
 Четвертий — лях-потурнак ²⁾,
 Ключник галерський,
 Сотник переяславський,
 Недовіров християнський,
 Що був тридцять літ у неволі,
 Двадцять-чотири як став на волі, ³⁾
 Потурчився, побусурманився,
 Для панства великого,
 Для лакомства нещастного.

II.

В тій галері од пристані далеко одпускали,
 Чорнім морем далеко гуляли:

Галицького гiстен.

Галицького потурнак пiль Бутурлак, такъ какъ это слово по-
 мичи народа. Потурнаками називались тi християне,
 якi вiддали это и переяславскiй сотникъ, ляхъ.
 и и поетическiя цифри, какъ 24, 30, 40.

Проти Кефи города приставали,
 Там собі великий та довгий опочинов мали.
 То представиться Алкану-башаті,
 Трапезонському княжаті, молодому паняті,
 Сон дивен, барзо дивен, на прочудо.
 То Алкан-баша,
 Трапезонськее князя,
 На турків-яничар, на бідних невольників побликає:
 „Турки, каже, турки-яничари,
 „І ви, біднії невольники!
 „Которий би мог турчин-яничар сей сон одгадати,
 „Мог би ёму три гради турецькії даровати;
 „А которий би мог бідний невольник одгадати,
 „Мог би ёму листи визволєні писати,
 „Щоб не мог ніхто нігде зачіпати“.

Сее турки зачували, нічого не сказали;
 Бідні невольники, хоч добре знали,
 Собі промовчали.
 Тільки обізветься між турків лях-потурнак,
 Ключник галерський,
 Сотник переяславський,
 Недовірок християнський:
 „Як же, каже, Алкане-башо, твій сон одгадати,
 „Що ти не хочеш нам повідати!“

— „Такий міні, небожята, сон приснився,
 „Бодай ніколи не явився!
 „Видиться: моя галера цвіткована, малёвана,
 „Стала вся обідрана, на пожар іспускана;
 „Видиться: мої турки-яничари
 „Стали всі в пень порубані;
 „А видиться: мої біднії невольники,
 „Которі були у неволі,
 „То всі стали по волі;
 „Видиться мене гетьман Кішка

„На три часті ростяв,
„У Чорнее море пометав...“

„То скоро тее лях-потурнак зачував,
К ёму словами промовляв:
„Алкәне-башо, трапезонський княжату,
„Молодий паняту!
„Сей тобі сон не буде ні трёхи зачіпати;
„Скажи мині получче бідного невольника доглядати,
„З ряду до ряду сажати,
„По два по три, старії кайдани і новії исправляти,
„На руки, на ноги надівати;
„Червоної таволги ¹⁾ по два дубці брати,
„По шнях затинати,
„Кров християньськую на землю проливати!“

III.

Скоро то сее зачували,
Од пристани галеру далеко одпускали;
До города до Козлова,
До дівки санджаківни на залети поспішали.
То до города Козлова прибували,—
Дівка санджаківна на зустрічу вихожає,
Алкана-башу в город Козлов зо всім війском затыгає.
Алкана-башу за білу руку брала,
У світлиці-кам'яниці зазивала,
За білу сямью сажала,
Дорогими напитками наповала;
А військо серед рингу сажала.

То Алкан-баша,
Трапезонськее князя,
Не барзо дорогії напитки уживає;

¹⁾ Spirea.

Як до галери двох турчинів на-підслухи посилає:
Щоб не мог лях-потурнає Кішка Самійла одмигати,
Упóруч себе сажати.

IV.

То скоро ся тиї два турчини до галери прибували.

То Кішка Самійло, гетьман запорзький

Словами промовляє:

„Ой ляше-потурначе, брате старéсенський!

Колись і ти був у такій неволі, як ми тепера:

„Добро нам учини,

„Хоч нас старшину одомени;

„Хай би і ми у городі побували,

„Панське весілля добре знали.“

Каже лях-потурнає:

„Ой Кішко Самійлу, гетьмане запорозький,

„Батьку козацький!

„Добро ти вчини:

„Віру християнську під носі підтопчи,

„Хрест на собі поламни.

„Аще будеш віру християнську під носі топтати,

„Будеш у нашого пана молодого за рідного брата пробувати.“

То скоро Кішка Самійло тее зачував,

Словами промовляв:

„Ой ляше-потурначе, сотнягу переяславський,

„Недовірку християнський!

„Бодай же ти того не дождав,

„Щоб я віру християнську під носі топтав!

„Хоч буду до смерти біду та неволю приймати,

„А буду в землі козацькій голову християнську покладати.

„Ваша віра погана,

„Земля проклята“.

Скоро лях-потурнак тебе зачуває,
 Кішку Самійла у щоку затинає.
 „Ой, каже, Кішко Самійлу, гетьмане запорозький!
 „Будеш ти мене в вірі християнській укоряти,
 „Буду тебе паче всіх невольників доглядати,
 „Старі і нові кайдани направляти,
 „Ланцюгами за-поперек втрое буду тебе брати.“

V.

То ти два турчини тебе зачували,
 До Алкана-баша прибували:
 „Алкане-башо, трапезонське князя!
 „Безпечно гуляй:
 „Доброго і вірного кляшника маєш:
 „Кішку Самійла в щоку затинає,
 „В турецьку віру ввертає.“

То Алкан-баша,
 Трапезонське князя
 Велику радість мало,
 Полопам дорогі напиться розділяло:
 Половину на галеру одсиляло,
 Половину з дівкою санджаківною уживало.

VI.

Став лях-потурнак дорогі напиться пити-підпивати,
 Стали умисли козацьку голову кляшника розбивати.
 „Господи! єсть у мене що испити і исходити,
 „Тільки ні-з-ким об вірі християнській поговорити...“

До Кішки Самійла прибуває,
 Пбруч себе сажає,
 Дорогого напиться метає,
 По два по три кубки в руки наливає. ed by Google

То Кішка Самійло по два по три зубки в руки брав,
 То в рукава, то в пазуху, скрізь хусту третю дододу пускав.
 Лях-потурнак по одному випивав,
 То так напився,
 Що з ніг звалився.

VII.

То Кішка Самійло тай угадав:
 Лаха-потурнака до ліжка вмiсто дітки спати вдав;
 Сам восьмдесят-чотири ключи з-під голів виймав,
 На пяти чоловік по ключу давав:
 „Козаки панове! добре дбайте,
 „Один другого одмикайте,
 „Кайдани із ніг, із рук не скидайте,
 „Полуночної години дожидайте.“

Тоді козаки один другого одмикали,
 Кайдани із рук, із ніг не скидали,
 Полуночної години дожидали.
 А Кішка Самійло чогось догадав,
 За бідного невольника ланцюгами втрое себе прийняв;
 Полуночної години дожидав.

VIII.

Стала полуночная година наступати,
 Став Алкан-баша з військом до галери прибувати.

То до галери прибував,
 Словами промовляв:
 „Ви, турки-яничари, помаленьку ячите,
 „Моєго вірного кляшницька не збудіте;
 „Сами же добре поміж рядами прохочайте,
 „Всякого чоловіка осмотрійте.

Бо тепера він підгуляв,

Щобъ кому цілығы не дав...“

То турки-яничари свічі у руки брали,
 Поміж рядів проходили,
 Всякого чоловіка осматривали...
 Бог поміг: за замок руками не приймали!

„Алкане-башо, безпечно починай:
 „Доброго і вірного кляшника маєш:
 „Він бідного невольника з ряду до ряду посажав,
 „По три, по два, старії кайдани посправляв;
 „А Кішку Самійла ланцюгами у трое прийняв.“

Тоді турки-яничари у галеру входили,
 Безпечно спати лягали;
 А которії хмельні бували, на сон знемагали,
 Коло пристані Козловської спати полягали.

IX.

Тоді Кішка Самійло полуночної години дождав,
 Сам між козаків устав,
 Кайдани із рук, із ніг у Чорне море пороняв;
 У галеру вхожає, козаків пробужає,
 Шаблі булатнії на вибір вибірає,
 До козаків промовляє:
 „Ви, панове молодці, кайданами не стучіте,
 „Ясїни не вчиніте,
 „Ні которого турчина въ галері не збудіте!...“

То козаки добре зачували:
 Самі з себе кайдани скидали,
 У Чорне море метали,
 Ясїни не вчинили,
 Ні одного турчина в галері не збудили.

Тоді Кішка Самійло до козаків промовляє:
 „Ви, козаки молодці! добре, братте, дбайте:
 „Од города Козлова забігайте,

„Турків-яничарів у пень рубайте,
 „Которих живцём у Чорнеє море метайте!“
 Тоді козаки од города Козлова забігали,
 Турків-яничар у пень рубали,
 Которих живцём у Чорнеє море метали.

А Кішка-Самойдо Алкана-башу із ліжка взяв,
 На три части ростав,
 У Чорнеє море пометав,
 До козаків промовляв:
 „Панове молодці! добре дбайте:
 „Всіх у Чорнеє море метайте,
 „Тільки ляха-потурнака не рубайте, —
 „Между військом для порядку, за яризу військового, зоставляйте.“

Тогді козаки добре мали:
 Всіх турків у Чорнеє море пометали,
 Тільки ляха-потурнака не зрубали, —
 Между військом, для порядку, за яризу військового зоставляли.
 Тоді галеру од пристані одпускали,
 Самі Чорним морем далеко гуляли.

X.

Та ще у неділю, барзо рано-пораненьку
 Не сива зозуля заковала,
 Як дівка санджаківна коло пристані похожала
 Та білі руки ламала, словами промовляла:
 „Алкане-башо, трапезонськеє княжату!
 „На що ти на мене такеє великеє пересердие маєш,
 „Що од мене сёгодні барзо рано виїжаєш?
 „Когда би була од матері
 „Сорома и наруги прийняла,
 „З тобою хоч єдину ноч переночувала!“¹⁾

¹⁾ Въ этихъ стихахъ употреблены пѣвцомъ москализмы, для того, чтобы отгѣ-
 нить панское сословіе, къ которому принадлежала дочь санджака (коменданта,
 губернатора.)

XI.

Скоро ся тоє промовляли,
Галеру од пристани одпускали,
Самі Чорним морем далеко гуляли.

А ще у неділеньку,
У полуденну годиноньку,
Лях-потурнак од сна пробуждає,

По галері поглядає, що ни єдиного турчина на галері немає.

Тогді лях-потурнак із ліжка вставає,
До Кішки Самійла прибуває, у ноги впадає:
„Ой Кішко Самійлу, гетьмане запорозький,

„Батьку козацький!

„Не будь же ти на мене,

„Як я був на останці віка моєго на тебе!

„Бог тобі допоміг неприятеля побідити,

„Та не вмітимеш у землю християнську входити!

„Добре ти вчини:

„Половину козаків у окови до опачин посади,

„А половину у турецькеє дорогее плаття наряди:

„Бо ще будемо од города Козлова до города Цареграда гуляти,

„Будуть із города Цареграда дванадцять галер вибігати,

„Будуть Алкана-башу з дівкою санджаківною

„По залетах поздравляти;

„То як будеш одвіт давати?...“

Як лях-потурнак научив,

Так Кішка Самійло, гетьман запорозький учинив:

Половину козаків до опачин у окови посадив,

А половину у турецькеє дорогее плаття нарядив.

XII.

Стали од города Козлова до города Цареграда гуляти,

Стали із Цареграда дванадцять галер вибігати

І галеру із гармати торкати,—Digitized by Google

Стали Алвана-башу з дівкою санджавівною
По залётах поздравляти.

То лях-потурнак чогось догадав:
Сам на чердак виступав,
Турецьким біленьким завивалом махав;
Разто мовить погрецьки,
У друге потурецьки;
Каже: „ви, турки-яничари, помаленьку, братте, ячіте,
Од галери одверніте:
Бо тепера він підгуляв, на упокої почиває,
На похмілле знемогає,
До вас не встане, голови не зведе.
Казав: як буду назад гуляти,
То не буду вашої молодости і по вік забувати.“

Тогді турки-яничари од галери одвертали,
До города Цареграда убігали,
Із дванадцяти штук гармат гремали,
Ясу́ воздавали.
Тогді козаки собі добре дбали:
Сім штук гармат собі арештовали,
Ясу́ воздавали,
На лиман-ріку іспадали,
К Дніпру-Славуті низенько укланяли:
„Хвалим Тя, Господи, і благодарим!
„Були п'ятдесят-чотири годи у неволі,
„А тепера чи не дасть нам Бог хоть на час по волі“!

XIII.

А у Тендрові острові Семен Скалозуб
З війском на заставі стояв,
Та на тую галеру поглядав,
До козаків словами промовляв:
„Козаки, панове молодці! що сля галера: чи блудить,

„Чи світом нудить,
 „Чи много люду царськóго має,
 „Чи за великою здóбиччю ганяє?
 „То ви добре дбайте:
 „По дві штуки гармат набивайте,
 „Тую галеру з грозної гармати привітайте,
 „Гостинця їй дайте.“
 Тогді козаки тее зачували,
 До ёго промовляли:
 „Семене Скалозубе, гетьмане запорозький,
 „Батьку козацький!
 „Десь ти сам боїсся
 „І нас козаків страмисся:
 „Єсть снй галера не блудить,
 „Ні світом нудить,
 „Ні много люду царськóго має,
 „Ні за великою здóбиччю ганяє:
 „Се, може, є давній, бідний невольник із неволі утікає...“

То Семен Скалозуб тее зачуває,
 До козаків промовляє:
 „А ви-таки віри не доймайте,
 „Хоч по дві гармати набивайте,
 „Тую галеру із грозної гармати привітайте,
 „Гостинця їй дайте.
 „Яє турки-яничари, то у пень рубайте,
 „А яє бідний невольник, то помочі дайте.“

XIV.

Тогді козаки, як діти, не гаразд починали,
 По дві штуки гармат набивали:
 Тую галеру із грозної гармати привітали,
 Три дошки у судні вибивали,
 Води вніпровóї напускали....

Тогді Кішка Самійло, гетьман запорозький,
 Чогось догадав,

Сам на чердак виступав;
Червоні, хрещаті, давні корогви́ із кишені виймав,

• Роспустив,
До води похилив;

Сам низенько уклонив:

„Козаки, панове-молодці! оця галера не блудить,

„Ні світом нудить,

„Ні много люду царськóго має,

„Ні за великою здóбиччю ганяє:

„Се есть давній, бідний невольник,

„Кішка Самійло, із неволі утікає.

„Були п'ятдесят-чотири годи у неволі,

„Тепер чи не дасть Бог хоч на час по волі“!

Тогді козаки у каюки сказали,

Тую галеру за малёвані облявки брали,

Та на пристань стягали,

Од дуба до дуба

На Семена Скалозуба

Паёвали,

Тую галеру та на пристань стягали.

XV.

Тогді: златосяні́ биндяки—на козаки,

Златоглави́—на отамани,

Турецькую білу́ю габу—на козаки на біляш; ..

А галеру на пожар спускали.

А срібро-злато на три части паёвали:

Первую́ часть брали, на церкві́ накладали:

На Святого Межагорського Спаса,

На Трехтемировський монастир,

На Святу́ю Січову́ю Покро́ву давали,

Которі давнім козацьким сварбом будовали,

Щоб за їх, вставаючи й лягаючи,

Милосердного Бога благали;

А другу́ю часть по-між собою паёнали; ¹ by Google

А третю частъ брали,
 Очертами сідали,
 Пиля та гуляли,
 Із семипадних пищалей гремали,
 Кішку Самійла поздоровляли:
 „Здоров, кажуть, здоров, Кішко Самійлу,
 „Гетьмане запорозький!
 „Не загинув esi у неволі,
 „Не загинеш із нами козаками по волі“!

Правда, панове, полягла
 Кішки Самійла голова,
 В Києво-Каневі монастирі...
 Слава не вмире, не поляже!
 Буде слава славна
 Поміж козаками,
 Поміж друзями,
 Поміж лицарями,
 Поміж добрими молодцями.
 Утверди, Боже, люду царського
 Народу християнського,
 Війська Запорозького,
 Донського,
 З усією чернью дніпровію,
 Низовію,
 На многая літа,
 До кінця віка!

ПРО КОЗАКА ГОЛОТУ.

I.

Ой на полі та й на Килиїмскім,
 На шляху битому гординськім,
 Ой там гуляв, гуляв козак Голота.
 Не боїтса ні огня, ні меча, ні третєго болота.

Правда, на козакові шати дорогі —

Три семирязі лихі:

Одна недобра, друга негожа,

А третя й на хлів незгожа.

А ще, правда, на козакові постолі вязові,

А унучи китайчані —

Щирі жіноцькі ридвяні;

Волоки шовкові —

Удвоє, жіноцькі щирі валові.

Правда, на козакові шапка бирка,

Зверху дірка,

Травою пошита,

А вітром підбита,

Куди віє, туди й провіває,

Козака молодого прохоложає.

II.

То гуляє козак Голота, погуляє,

Ні города, ні села не займає, —

На город Килию поглядає.

У городі Килиї татарин сидить бородатий;

По гірницях похочає,

До татарки словами промовляє:

„Татарко, татарко!

„Ой чи ти думаєш те, що я думаю?

„Ой чи ти бачиш те, що я бачу?“

Каже: „Татарине, ой, сідий, бородатий!

„Я тільки бачу, що ти передо мною по гірницях похочаєш,

„А не знаю, що ти думаєш да гадаєш.“

„Каже: „Татарко!

„Я те бачу: в чистім полі не орел літає:

„То козак Голота добрим конем гуляє.

„Я ёго хочу живцём у руки взяти

...„Да в город Килию запродаю,“

„Іще ж ним перед великими панами башами вихвалити,
 „За ёго много червоних не лічачи брати,
 „Дорогіі сукна не мірячи пощитати.“

III.

То тее промовляв,—дороге платте надіває,
 Чоботи обуває,
 Шлик бархотний на свою голову надівас,
 На коня сідає,
 Безпечно за козаком Голотою ганяє.

А козаченько оглядається,
 І карбачем одбивається.

То вже ж той козак Голота добре козацький звичай знає,—
 Ой на татарина скрива, як вовк, поглядає.

Каже: „Татарине, татарине!

На віщо ж ти важиш:

„Чи на свою ясненькую зброю,

„Чи на свого коня вороного,

„Чи на себе татарюгу старого?

—„Я“, каже: „важу на мою ясненькую зброю,

„А ще лучче — на мого коня вороного,

„А ще лучче — на себе татарюгу старого.

„Я тебе хочу живцём у руки взяти,

„В город Килию запродади,

„Перед великими панами башами вихвалити

„І много червоних не лічачи набрати,

„Дорогіі сукна не мірячи пощитати.“

То козак Голота добре звичай козацький знає,
 Ой на татарина скрива, як вовк, поглядає,
 „Ой“, каже, „татарине, ой сідий же ти, бородатий!
 „Либонь же ти на розум не багатий:

„Ще ти козака у руки не взяв,

„А вже козакові віри доняв,

„А вже за ёго й гроші пощитав.

„А ще ж ти між козаками не бував,
 „Козацької каші не їдав
 „І козацьких звичаїв не знаєш.“

А татарин ёго озирає,
 З ёго насміхає:

„Ой ти, каже, козаче козаче нетаго!
 „Звідкіля ти розуму набрався,
 „Що вельми одіжно убрався?
 „Ой на що ж ти уповаш?
 „Чи на свою шапку бирю,
 „Що травою пита,
 „Вітром підбита, —
 „А зверху дірка?
 „Чи на свої постолі боброві,
 „Що шовкові волокни —
 „Вв односталь з валу?
 „Чи на свою сермягу семилатную?“

— „Ой татарюго старий, бородатий,
 Що твоя одежа зможе?
 Ще побачим, кому Бог поможе.“

IV.

Ой на полі та й на Килимським,
 На шляху битім ординським,
 То не ясний сокіл літає, —
 То козак Голота, сердечний, добрим конем гуляє.
 Ой став татарин ік ёму приїзжати,
 Став тугого лука напинати,
 Сердечного козака Голоту стріляти, рубати.
 То козак Голота нагайкою стріли отбиває,
 Ой на татарина скрива як вовк поглядає.
 „Ой ти татари, старий бородатий,
 „Да на розум не багатий!
 „Ти між козаками не бував,

„І козацької ваши не їдав,
 „І козацьких жартів не знаєш...
 „Десь у мене був з вулями гаман;
 „Я ж тобі гостинця дам.“

Як став ёму гостинці посилати,
 Став татарин із коня похилати.
 „Ой ти, татарин старий бородатий,
 „Да на розум небагатий!
 „Іще ти мене не піймав,
 „Да уже в город-Килию' запродав,
 „І срібні за мене гроші побрав!
 „От-тепер твого одного коня вороного
 „Поведу до шинкарки пропивати,
 „А другим твоїм конем вороним
 „По городу Килиї гуляти, —
 „Ой, гуляти, гуляти, гуляти,
 „Да єдиного Бога споминати!“

V.

Тоді козак добре дбавъ,
 Чоботи татарські истягав,
 На свої козацькі ноги обував;
 Жупан татарський истягав,
 На свої козацькі плечі надівав;
 Бархатний шлик издіймав,
 На свою козацьку голову надівав;
 На коня татарського сідає,
 Поле килимське вихваляє:
 „Ой поле, важе, поле килимське!
 „Скільки я на тобі гуляв,
 „Да такої здобичи не здобував!
 „Бодай же ти літо й зіму зеленіно,
 „Як ти мене при нещасливій годині сподобило!

Дай же, Боже, щоб козаки пили та гуляли,
 Хороші мислі мали,
 Од мене більшу здобич брали,
 Неприятеля під ноги топтали!
 Слава не вмере, не поляже
 Од нині до віка.
 Даруй, Боже, на многі літа.

ПРО ОЛЕКСІЯ ПОПОВИЧА.

I.

Ой як на Чорному морі,
 Та на білому камені,
 Там сидить ясен совіл-білозірець,
 Смутно себе має, на Чорнеє море спильна поглядає,
 Що на Чорному морю недобре ся починає,
 Що на небі усі звізди потьмарило,
 Половину місяця в храми вступило,
 А із низу буйний вітер повіває,
 А по Чорному морю супротивна хвиля вставає,
 Якорі зриває,
 Судна козацькі на три часті розбиває.
 Одну часть узяло—в землю Огарську занесло,
 Другу часть гірло Дунайське пожерло, ¹⁾
 А третя—где ся має!—в Чорному морю потопає.

II.

При тій часті був Грицько Зборовський,
 Отаман козацькій запорозькій,

¹⁾ Вь однонь варіантѣ этотъ стихъ поется такъ:

У Дунай в гірло забило,
 что совпадаетъ съ слѣдующею формою вираженія, встрѣчаемою въ письмѣ королевскаго посла Лавріана Пісочинскаго 1601 года: „...w Kiliel, gdzie okret wiatry zapiosły i w Dunaj wbiły.“

Той по судну похожає, словами промовляє:
 „Хтось між нами, панове, великий гріх на собі має:
 „Щось дуже злая хуртовина на нас налягає.
 „Сповідайтесь, панове, милосердному Богу,
 „Чорному морю, і мені, отаману кошовому,
 „В Чорнеє море впадіте,
 „Війська козацького не губіте!“

То козак тее зачувади, усі замовчали:
 Бо в гріхах себе не знавали.
 Тільки обізвався писарь військовий, козак лейстрівий,
 Пирятинський попович Олексій:
 „Добре ви, братця, вчиніте, мене самого візьміте,
 „Мені чорною китайкою очі завяжіте,
 „До шиї білий камінь причепіте,
 „Да й у Чорнеє море зіпхніте!
 „Нехай буду один погібати,
 „Козацького війська не збавляти!“

То козак тее зачувади, до Олексія поповича промовляди:
 „Ти ж бо по трійчі письмо святеє у руки береш на день та й
 читаєш,
 „Нас, прбстих козаків, на все добре наставляєш, —
 „Чом ти гріхів більше на собі од усіх нас маєш“?

— „Хоч я й по трійчі на день письмо святеє у руки беру та й
 читаю,
 „Вас, козаків прбстих, на все добре наставляю,
 „А л все сам не гаразд починаю;
 „То ще більше гріхів од усіх вас на собі маю.
 „Яє я із города Пирятина, панове, виїжджав,
 „Опрощення з пан-отцем із пані-маткою не брав,
 „І на свого старшого брата великий гнів покладав,
 „І близьких сусідів хліба-й-соли безневинно збавляв,
 „Діти малії топтав, вдови старії стремням у груди штовхав,
 „Та ще конем добрим по улиці вигравав,
 „Против церкви, дому Вожого, проїжджав,
 „Шапки з себе не знімав, хреста на себе не клав.

„То ще я їзав селами і городами,

„І всякими чудними сторонами;

„То там жени старі стояли;

„Може, думали та й гадали против мене що добре сказати,
Да я й там за гордостью, за пишністю противним словом одказав.

„Не питався: яка в вас церква святая?

„Та питався: де в вас юрчина новая,

„І шинкаря молодая?

„Чужі козаци по церквах молебні наймали,

„А ми в шинку пьєм-гуляєм,

„Музики наймаєм,

„Танці справляєм

„От за те я, панове, великий гріх маю,

„Тепер погибаю!

„Не есть се, панове, по Чорному морю хвиля встає,

„А есть се—мене отцьєсна і материнська молитва карає!

„Колиб мене ся хуртовина злая въ морі не втопила,

„Од смерти молитва боронила,

„То знав би я отця й матір шанувати-поважати,

„Тб знав би я старшого брата за рідного отця почитати,

„І сестру ріднєньку за нєньку у себе мати“!

III.

Тогді козаци добре дбали;

Узяли ёму назад руки ізвязали,

Чорним оксамитом: очі затмили...

То ще такого козака у море пускати пощадили;

На лівій руці мизинного пальця втинали,

Ёго кровь у Чорнеє море метали.

То скоро стало Чорнеє море кров християнську заживати,

То стала злая хуртовина по Чорному морю стихати,

Судна козацькі до-гори як руками підіймала,

До Тентрова острова прибывала.

То всі тогді козаци дивом дивовали:

„Що в якому то страху ми бували, Google

„На Чорному морю, на бистрої хвилі потопали,
„А ні одного козака з-межи війська не втерали“!

От-же тогді Олексій попович із судна вихождає,
Бере святеє письмо в руки, читає,

Усіх простих козаків на все добре навчає, до козаків промовляє:

„От-тим би то, панове, треба людей поважати,

„Пая-отця й пані-матку добре шанувати:

„Бо котрій чоловік тее уробляє,

„По вік той счає собі має,

„Смертельний меч того минає:

„Отцева й матчина молитва зо дна моря виймає,

„Од гріхів смертельних душу одєупляє,

„На полі й на морі на поміч помагає!“